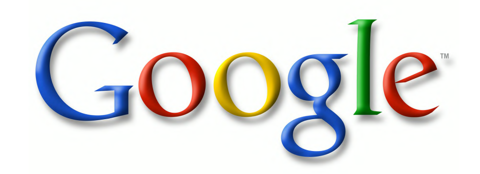

Н. Карѣевъ.

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКІЕ

И СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

Общее значеніе историческаго образованія. — Теоретическіе вопросы исторической науки. — Философія, исторія и теорія прогресса. — О субъективизмѣ въ соціологіи. — Общество и организмъ. — Экономическій матеріализмъ въ исторіи. — Свобода воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса. — Идея прогресса въ ея историческомъ развитіи.

Цѣна 1 р. 25 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ Н. Карбасникова.
С.-Петербургъ. Москва. Варшава.
1895.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

ОТЪ АВТОРА.

Подъ общимъ заглавіемъ «Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдовъ» перепечатывается нѣсколько моихъ статей, появлявшихся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ за послѣдніе полтора десятка лѣтъ. Изъ всѣхъ написанныхъ мною статей по общимъ вопросамъ теоріи общества и исторіи я выбралъ для этой перепечатки лишь немногія—тѣ именно, которыя на мой взглядъ могутъ представлять особенный интересъ для болѣе или менѣе широкой публики. Статьи эти писались въ разное время и по разнымъ поводамъ, но всѣ онѣ проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ, какъ это, конечно, будетъ видно самому читателю. Расположилъ я ихъ не въ хронологическомъ порядкѣ ихъ написанія, а въ нѣкоторой логической послѣдовательности, предпославъ имъ двѣ свои университетскія лекціи о важности историческаго образованія, которыя должны объяснить и общій смыслъ настоящаго изданія.

Чистый доходъ съ этого изданія предназначается мною въ распоряженіе Общества для пособія нуждающимся студентамъ Московскаго Университета, въ которомъ я самъ получилъ свое историческое образованіе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ автора III
Оглавленіе IV
Общее значеніе историческаго образованія 1
Теоретическіе вопросы исторической науки 42
Философія, исторія и теорія прогресса 63
О субъективизмѣ въ соціологіи 114
Общество и организмъ 135
Экономическій матеріализмъ въ исторіи 162
Свобода воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса 239
Идея прогресса въ ея историческомъ развитіи 261
Списокъ историко-философскихъ и соціологическихъ статей автора 300

Общее значеніе историческаго образованія [1]).

Лекція I.

Приступая къ чтенію общаго историческаго курса, я всегда вхожу на каѳедру съ одною мыслью, съ тою же самою именно мыслью, которая передъ этимъ руководила мною при выработкѣ программы всего курса и которой я стараюсь не забывать и потомъ, когда приходится составлять конспекты отдѣльныхъ лекцій, такъ что мыслью этою до извѣстной степени опредѣляются содержаніе и характеръ и цѣлаго курса, и всѣхъ его частей. Я могъ бы, конечно, оставить ее при себѣ, если бы нѣкоторыя соображенія не заставляли меня познакомить васъ съ нею, какъ принципомъ, коимъ я руковожусь, когда такъ, а не иначе, строю свои общіе историческіе курсы. Одно изъ обстоятельствъ, наталкивающихъ меня на это, заключается уже въ томъ, что при разговорахъ со студентами, касающихся ихъ факультетскихъ занятій вообще и въ частности занятія исторіей, мнѣ невольно приходится возвращаться къ одной и той же темѣ, повторять одну и ту же мысль, и она какъ разъ совпадаетъ съ моимъ руководящимъ принципомъ, и вотъ, вмѣсто того, чтобы развивать одно и то же нѣкоторымъ изъ васъ и притомъ каждому въ отдѣльности, я собрался сегодня сказать то же самое вамъ всѣмъ и сразу, пользуясь для этого первой же своей лекціей. Къ такому рѣшенію подвинула меня и теперешняя постановка преподаванія всеобщей исторіи на нашемъ факультетѣ. Было время, когда всѣ части этого предмета считались равно обязательными для всѣхъ студентовъ факультета, теперь же такою привилегіей пользуется только одна древняя исторія (да и то съ выключеніемъ Востока), такъ какъ средняя и новая отнесены къ числу предметовъ спеціальныхъ, которыхъ какъ бы можно и не знать и классическому филологу, и славнсту. Если я читаю однако общій для всѣхъ курсъ по новой исторіи, «рекомендуемый» вамъ факультетомъ, то исходя изъ того принципа, о коемъ и буду говорить.

---

[1]) Двѣ вступительныя лекціи въ общіе курсы новой исторіи, читанныя въ Петербургскомъ университетѣ въ 1891 и 1893 гг.

Каждый разъ, когда я вступаю на каѳедру, начиная тотъ или другой общій историческій курсъ, я всегда помню, что учеными вообще и въ частности спеціалистами по моему предмету станутъ весьма немногіе изъ моихъ слушателей, но что всѣмъ одинаково и безъ малѣйшаго изъятія можно и должно сдѣлаться образованными людьми. Дѣятельность ученаго требуетъ извѣстныхъ прирожденныхъ склонностей и способностей, встрѣчающихся вообще у меньшинства, образованіе же доступно каждому, и для того, чтобы его получить, нѣтъ надобности въ исключительныхъ природныхъ качествахъ. Однимъ словомъ, къ ученымъ и образованнымъ можно, пожалуй, примѣнить то, что было когда-то сказано о поэтахъ и ораторахъ, что одни nascuntur, а другіе fiunt. Поэтому весьма ошибочно было бы думать, чтобы единственною цѣлью преподаванія на нашемъ факультетѣ было приготовленіе ученыхъ по разнымъ спеціальностямъ, на немъ преподаваемымъ: это значило бы, во-первыхъ, или имѣть въ виду только небольшое меньшинство, посвящающее себя на всю жизнь занятію наукой, или искусственно притягивать всѣхъ къ дѣятельности, имъ несвойственной, забывая другіе ихъ интересы и потребности, а во-вторыхъ, это значило бы съузить задачу высшаго преподаванія и даже лишить будущихъ ученыхъ спеціалистовъ того общаго образованія, отсутствіе коего въ человѣкѣ не можетъ оправдываться никакою спеціальностью. Съ этою-то мыслью я и соображаю свои курсы, и ее же развиваю обыкновенно въ разговорахъ со студентами нашего факультета, когда у насъ заходитъ рѣчь о слушаніи лекцій и чтеніи книгъ, относящихся къ факультетскимъ предметамъ. Ставъ на такую точку зрѣнія, предметы, преподаваемые на нашемъ факультетѣ, можно раздѣлить на болѣе общіе, имѣющіе болѣе, нежели другіе, образовательный характеръ, и на болѣе спеціальные, т.-е. такіе, которые имѣютъ характеръ болѣе ученый; да и въ одномъ и томъ же предметѣ можно различать части и стороны болѣе общеинтересныя и общедоступныя, съ одной стороны, и спеціально-ученыя—съ другой, что, напр., въ нашей наукѣ и отражается на дѣленіи университетскихъ курсовъ на общіе и спеціальные. Такая точка зрѣнія, между прочимъ, находитъ свое выраженіе и въ теперешнемъ устройствѣ нашего факультета, дающемъ въ идеѣ сначала, т.-е. въ первые два года общее образованіе, чтобы посвятить два послѣдніе года спеціальнымъ занятіямъ. Насколько вообще послѣдовательно осуществляется эта идея въ дѣйствительности, насколько она не искажена въ своемъ примѣненіи, это другой вопросъ, который теперь разбирать не мѣсто, и здѣсь я не могу лишь не упомянуть объ отмѣченномъ уже отсутствіи средневѣковой и новой исторіи въ кругѣ общеобязательныхъ предметовъ нашего факультета, какъ о пробѣлѣ, который я и предполагаю воспол-

нить своимъ теперешнимъ курсомъ. Но отступленія отъ указаннаго принципа возможны не только въ общей организаціи факультетскаго преподаванія и не только со стороны отдѣльныхъ профессоровъ, если они думаютъ лишь о приготовленіи будущихъ спеціалистовъ, мало заботясь объ общемъ образованіи своихъ слушателей, — отступленія эти сплошь и рядомъ имѣютъ свой источникъ и въ самихъ студентахъ: вотъ это-то и заставляетъ меня такъ часто въ разговорахъ съ вами возвращаться къ темѣ сегодняшней моей лекціи.

Студенческая филологическая среда знакома мнѣ приблизительно столько же лѣтъ, сколько каждый изъ васъ живетъ на свѣтѣ. Я еще очень хорошо помню и самъ себя студентомъ филологическаго факультета, и съ той поры въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ я имѣлъ массу наблюденій сначала надъ своими товарищами, потомъ надъ своими слушателями, — наблюденій, относящихся къ разнымъ періодамъ нашего недавняго прошлаго и къ тремъ университетамъ, съ коими я непосредственно имѣлъ дѣло. Нашъ факультетъ всюду слыветъ за наиболѣе ученый. По всей вѣроятности, ни на одномъ факультетѣ не оканчиваетъ курсъ такой большой процентъ будущихъ ученыхъ, принимая въ расчетъ сравнительно небольшое число студентовъ-филологовъ, и къ намъ поступаетъ относительно много молодыхъ людей, которые думаютъ посвятить себя занятію наукой. Мнѣ даже весьма часто приходилось наблюдать тотъ довольно общій фактъ, характеризующій студентовъ-филологовъ, что вступаютъ они въ университетъ уже большею частью съ болѣе или менѣе рѣзко обозначившимся тяготѣніемъ къ какой-либо спеціальности и на первыхъ же порахъ до-нельзя съуживаютъ кругъ своихъ научныхъ интересовъ. Тѣмъ большее вниманіе я всегда обращалъ на это явленіе, что одинъ изъ частныхъ его случаевъ представляетъ собственное мое прошлое: я помню, что на первыхъ порахъ своего пребыванія на историко-филологическомъ факультетѣ въ Москвѣ, и изъ профессорскихъ лекцій я дорожилъ только тѣмъ, и изъ рекомендованныхъ книгъ читалъ только то, что имѣло отношеніе къ моей «спеціальности», каковою сначала была, однако, не исторія. Къ счастью для себя, я еще рано понялъ, насколько было ошибочно такое отношеніе къ факультетскому преподаванію, и этимъ я былъ обязанъ отчасти курсамъ нѣкоторыхъ своихъ профессоровъ, дававшихъ по старой традиціи Московскаго университета широкую, образовательную, идейную постановку читавшимся ими предметамъ. Послѣ того, что я извѣдалъ самъ съ своимъ раннимъ спеціализированіемъ, я въ каждомъ студентѣ-филологѣ, дорожащемъ исключительно какою-нибудь спеціальною областью и относящемся индифферентно къ наиболѣе общеобразовательнымъ предметамъ факультета или даже видящемъ помѣху для своихъ спеціальныхъ

занятій въ «необходимомъ злѣ» слушанія прямо къ нимъ не относящихся курсовъ, узнавалъ когда-то и у меня бывшее настроеніе, признанное мною потомъ ошибочнымъ и вреднымъ. Понятное дѣло, что встрѣча съ подобнаго рода фактами заставляетъ меня всегда въ разговорахъ со студентами обращаться къ нимъ съ совѣтомъ—избѣгать слишкомъ ранней специализаціи своихъ занятій и заботиться о пополненіи своего общаго образованія, и по той же самой причинѣ я придаю большую важность обще-образовательной постановкѣ своихъ курсовъ. Конечно, научная дѣятельность, ожидающая нѣкоторыхъ изъ васъ, профессія преподавателя, выпадающая на долю большинства бывшихъ студентовъ нашего факультета,—не говоря о другихъ занятіяхъ, какія могутъ представиться студенту-филологу,—требуютъ специализаціи, въ однихъ случаяхъ большей, въ другихъ меньшей, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы тѣмъ было лучше, чѣмъ раньше и чѣмъ исключительнѣе человѣкъ сталъ бы специализироваться. Крайняя специализація, оторванная отъ почвы общеобразовательныхъ элементовъ науки, вообще можетъ быть только хилымъ и искривленнымъ растеніемъ, дающимъ плоды довольно сомнительнаго достоинства: это сказывается не только тогда, когда въ каждой наукѣ изслѣдуется что-либо частное безъ всякаго отношенія къ тому общему, какое представляетъ собою наука, но даже и въ томъ случаѣ, если и цѣлая наука отгораживается китайской стѣной отъ другихъ наукъ. Чтобы сознательно относиться къ своей наукѣ, необходимо понимать ея мѣсто и значеніе среди другихъ наукъ, представлять себѣ ясно, что̀ она имъ можетъ дать и что̀ онѣ ей могутъ дать, особенно же видѣть постоянно ту связь, какая существуетъ между нею и науками, ей близкими и родственными: на юридическихъ факультетахъ есть даже особый предметъ преподаванія, касающійся всего этого по отношенію къ факультетскимъ предметамъ, и скажу мимоходомъ, что въ соотвѣтствіе такой юридической энциклопедіи не мѣшало бы создать и у насъ своего рода историко-филологическую пропедевтику [1]). Говоря вообще, весьма часто приходится отмѣчать печальныя слѣдствія слишкомъ ранней специализаціи, которая особенно вредна именно въ силу своей преждевременности, т.-е. до завершенія общаго образованія въ кругѣ извѣстныхъ наукъ и въ годы, имѣющіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ рѣшающее значеніе для всей послѣдующей дѣятельности человѣка.

Если въ молодыхъ людяхъ, вступающихъ въ число студентовъ-филологовъ, я нерѣдко встрѣчался съ нѣкоторою склонностью къ ранней

---

[1]) Въ виду этого, напр., съ 1891 г. я читаю курсы по исторической энциклопедіи, имѣющій отчасти и пропедевтическій характеръ.

спеціализаціи, не находившей иногда достаточнаго противовѣса со стороны университетскаго преподаванія, а въ иныхъ случаяхъ даже прямо или косвенно поощрявшеюся, то рядомъ съ этимъ я наблюдалъ и иного рода явленіе, которое также не могъ оставлять безъ вниманія. Лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ и при особыхъ условіяхъ ранняя наклонность къ спеціализаціи, замыкающейся въ самоѣ себя, одерживаетъ побѣду надъ другимъ, гораздо чаще встрѣчающимся вообще и болѣе свойственнымъ юношескому возрасту стремленіемъ. Возрастъ этотъ охватываетъ собою, говоря вообще, особенно тѣ годы, которые молодой человѣкъ интеллигентнаго общества проводитъ въ старшихъ классахъ гимназіи и на младшихъ курсахъ университета,—ту пору жизни, когда передъ пробуждающимися высшими формами самосознанія открываются у личности новыя стороны собственнаго *я* и съ новыхъ сторонъ открывается для нея окружающій міръ, и на почвѣ этого особаго психическаго состоянія у человѣка явлются новые умственные запросы, доходящіе на высшихъ своихъ ступеняхъ до жажды знанія, столь отличной отъ самой сильной ребяческой любознательности, и рядомъ съ ними обнаруживается столь характерный юношескій идеализмъ, развивается стремленіе къ самостоятельному рѣшенію властно требующихъ отвѣта вопросовъ нравственности и общежитія. Никогда человѣкъ не бываетъ такъ жаденъ къ общимъ идеямъ, такъ воспріимчивъ къ идейному знанію,—а идейное знаніе и составляетъ суть общаго образованія въ отличіе отъ спеціальной учености, въ которой главное—значеніе фактическое,—и значило бы отталкивать отъ науки большую часть молодежи, лишая ее такого преподаванія, которое соотвѣтствовало бы именно указаннымъ потребностямъ и стремленіямъ этой поры жизни [1]). Нужно особое предрасположеніе для того, чтобы заинтересоваться только однимъ фактическимъ содержаніемъ той или другой спеціальной науки, но достаточно лишь неиспорченныхъ ума и сердца, чтобы не испытывать глубокаго равнодушія передъ идейнымъ содержаніемъ каждой науки, сколько-нибудь освѣщающей намъ человѣческое существо съ его многообразными отношеніями къ природѣ и къ себѣ подобнымъ, его духовный міръ и общественныя отношенія. Каждый человѣкъ, мало-мальски способный къ чисто ученой работѣ, всегда найдетъ на широкомъ полѣ знанія такой уголокъ, кропотливая работа надъ которымъ будетъ наиболѣе соотвѣтствовать его складу ума, интересамъ и вкусамъ, но далеко не всѣ приходятъ въ университетъ, чтобы отыскать себѣ такой уголокъ, да и тѣ, которые уже его себѣ

---

[1]) Объ этомъ подробнѣе смотри въ моей статьѣ «Что такое общее образованіе?» *Русская Школа*, 1891, окт.

отмежевали, не всегда зарываются въ немъ съ самаго начала, забывая весь остальной міръ: университетское преподаваніе должно удовлетворять тѣмъ потребностямъ, которыя естественно и необходимо развиваются въ юношескомъ возрастѣ при нормальныхъ условіяхъ воспитанія, должно поддерживать и развивать стремленіе къ самообразованію и съ своей стороны помогать ему наиболѣе широкимъ развитіемъ общихъ курсовъ съ идейнымъ содержаніемъ, отличающимися общеинтересностью и общедоступностью, не ставя во главу угла зданія того, что должно быть предлагаемо послѣ, когда наступаетъ пора спеціализироваться и когда молодой человѣкъ уже вполнѣ сознательно можетъ относиться къ предмету своихъ излюбленныхъ занятій. Не давать молодымъ людямъ той идейной пищи, которой они просятъ, значитъ—по отношенію къ однимъ поселять въ нихъ равнодушіе къ наукѣ, разъ ея идейная сторона, такъ сказать, остается скрытою за фактической ученостью, по отношенію къ другимъ—поощрять въ нихъ склонность къ узкой спеціализаціи, не подозрѣвающей въ своей погонѣ за фактами, что у науки должна быть идейная сторона, и въ то же время не гарантирующей знатока громадной массы фактовъ изъ одной области отъ печальнаго невѣжества во всемъ остальномъ.

Конечно, не всѣ науки, преподаваемыя въ университетѣ, способны вообще или въ одинаковой степени играть роль общеобразовательныхъ предметовъ. Я считаю себя счастливымъ, что наука, избранная мною, какъ спеціальность, принадлежитъ къ числу наиболѣе общеобразовательныхъ, разъ мы не будемъ отождествлять интереса историческаго съ интересомъ антикварнымъ или археологическимъ. Дѣлая послѣднюю оговорку, я вовсе не думаю отграничивать одинъ интересъ отъ другого хронологически: съ чисто исторической точки зрѣнія можно изучать самыя отдаленныя времена, какъ можно съ запросами и пріемами антикварія или археолога подходить къ событіямъ и явленіямъ чуть не вчерашняго дня: все дѣло именно въ точкѣ зрѣнія, и, конечно, лишь при извѣстной точкѣ зрѣнія исторія получаетъ тотъ смыслъ, о которомъ я говорю. Смотря на своихъ слушателей не какъ на будущихъ ученыхъ, а какъ на людей, ищущихъ общаго образованія въ предѣлахъ извѣстнаго круга наукъ, я именно нахожу, что одною изъ наиболѣе подходящихъ въ этомъ отношеніи наукъ является исторія, конечно, въ извѣстномъ пониманіи, потому что, повторяю, есть исторія и исторія. Исторія—и съ нею только одна философія изъ наукъ нашего факультета,—прежде всего, выводитъ насъ внѣ все-таки тѣсныхъ границъ наукъ филологическихъ, изучающихъ проявленія одной только духовной стороны человѣка въ языкахъ, религіяхъ, литературахъ, художествахъ разныхъ народовъ, и вводитъ насъ въ область явленій со-

ціальныхъ, т.-е. политическихъ, юридическихъ и экономическихъ, изслѣдуемыхъ науками другого, наиболѣе родственнаго нашему, факультета. Можно сказать, что эти два факультета подѣлили между собою изученіе человѣческаго міра, взявъ на себя одинъ—духовную его сторону, другой—сторону общественную, и что потому исторія, разсматривающая человѣка, и какъ существо духовное, и какъ существо общественное, должна была бы принадлежать обоимъ факультетамъ, а не одному только нашему. Болѣе тѣсное соединеніе исторіи съ филологіей имѣетъ свое историческое объясненіе, но историческое объясненіе никогда не можетъ претендовать на значеніе раціональнаго оправданія. Дѣло въ томъ, что историческая наука новаго времени зародилась, такъ сказать, въ лонѣ филологіи, до сихъ поръ иногда претендующей на главенство надъ нею и даже бывающей не прочь держать ее въ черномъ тѣлѣ, когда она стремится эманципироваться изъ-подъ старой опеки: было, дѣйствительно, время, когда историкъ долженъ былъ быть прежде всего филологомъ, да и теперь еще нѣкоторые отдѣлы нашей науки—отчасти по традиціи, отчасти по существу дѣла—находятся въ сильной зависимости отъ филологіи. Въ общемъ, однако, исторія въ настоящее время вполнѣ самостоятельная наука, и новѣйшія ея направленія имѣютъ теперь даже гораздо больше точекъ соприкосновенія съ науками юридическаго факультета, чѣмъ съ филологіей. Съ тѣхъ поръ, какъ юристы и экономисты стали исторически изучать явленія права и народнаго хозяйства, а историки, въ свою очередь, включили эти явленія, столь чуждыя интересамъ чистой филологіи, въ число предметовъ своего изученія, историческая наука уже не можетъ оставаться принадлежностью одного нашего факультета, и историкъ не можетъ болѣе опираться на одно филологическое образованіе. Исторія сближаетъ оба факультета и, можно сказать, возвышается надъ односторонностью каждаго, раздробляясь въ то же время на частныя исторіи языка, литературы, искусства, философіи и церкви на одномъ факультетѣ и исторіи государственныхъ учрежденій, права, хозяйственныхъ отношеній, общественныхъ теорій на другомъ. Что общая исторія не преподается юристамъ, какъ преподается она филологамъ, есть простая непослѣдовательность, еще очень недавно (до 1884 г.) устранявшаяся, однако, практикою отдѣльныхъ университетовъ. Наприм., въ Московскомъ университетѣ, гдѣ я учился, общіе курсы всеобщей и русской исторіи читались совмѣстно филологамъ и юристамъ, и то же до сихъ поръ дѣлается въ Варшавскомъ университетѣ, въ которомъ и я нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ читалъ такіе курсы для студентовъ двухъ факультетовъ [1]). Съ

---

[1]) См. объ этомъ статью мою «Двѣ замѣтки объ историческомъ образованіи» (I. Постановка дѣла въ университетахъ). *Устои*. 1882, № 5.

другой стороны, отъ ищущихъ на историко-филологическомъ факультетѣ степени магистра исторіи требуется на экзаменѣ политическая экономія, читаемая только на юридическомъ факультетѣ, и весьма часто историческія диссертаціи на ученыя степени нашего факультета бываютъ болѣе понятны профессорамъ-юристамъ, чѣмъ профессорамъ-филологамъ. Въ самыхъ историческихъ курсахъ, читаемыхъ на этомъ факультетѣ, все болѣе и болѣе отводится мѣста изложенію явленій политическихъ, юридическихъ и экономическихъ, такъ что студенты-филологи именно на историческихъ лекціяхъ выходятъ изъ того сравнительно тѣснаго круга явленій исторической жизни народовъ, коими занимаются другіе предметы факультета.

Являясь связующимъ звеномъ между двумя факультетами и тѣмъ самымъ особенно заслуживая названіе предмета общеобразовательнаго, исторія играетъ такую же роль по отношенію ко многимъ отдѣльнымъ дисциплинамъ нашего факультета: въ ней наиболѣе сосредоточено то общее, частныя стороны и проявленія котораго изучаются болѣе спеціальными исторіями церкви, философіи, литературы, искусства. Въ теоріи никто не рѣшится отрицать, что отдѣльное изученіе прошлаго религіи, философіи, литературы, искусства немыслимо въ совершенной оторванности отъ общей исторіи, которая, въ свою очередь, должна быть синтезомъ этихъ частныхъ изученій, безъ чего они были бы только disjecta membra dei. Историческій процессъ складывается изъ нѣсколькихъ параллельныхъ, такъ сказать, переплетающихся между собою и находящихся во взаимодѣйствіи процессовъ, обобщаемыхъ нами подъ названіями исторій государства и соціальнаго строя, права и экономическихъ отношеній, религіи и церкви, философіи, науки, литературы и искусства, и при изученіи каждаго такого процесса имѣется свой фактическій матеріалъ, имѣются свои точки зрѣнія, имѣются особые научные пріемы, но только тогда изслѣдователь, напр., права или литературы вполнѣ и всесторонне пойметъ свою область и оцѣнитъ отдѣльныя, встрѣчающіяся въ ней, явленія, когда пріобрѣтетъ способность мыслить изучаемую имъ категорію фактовъ въ связи съ другими категоріями и въ цѣломъ народной жизни, охватить которое и должно быть идеальною цѣлью общей исторіи. Общее факультетское образованіе поэтому должно класть въ свою основу исторію, какъ идейный центръ, въ коемъ сходятся радіусы отдѣльныхъ изученій, все болѣе и болѣе разобщающихся между собою по мѣрѣ приближенія къ периферіи съ господствующимъ на ней спеціализмомъ. Такимъ образомъ исторія, взятая, какъ изученіе историческаго процесса въ его нераздѣльной цѣльности, является однимъ изъ наиболѣе обобщенныхъ предметовъ факультета, и съ этой стороны онъ вмѣстѣ съ философіей является наиболѣе

пригоднымъ для цѣлей общаго образованія, какъ подготовки къ спеціальнымъ занятіямъ, не говоря уже о томъ значеніи, какое исторія имѣетъ для моральнаго и соціальнаго воспитанія, составляющаго не менѣе, если не болѣе важную задачу общаго образованія.

Мало того: являясь по существу дѣла центральнымъ предметомъ на нашемъ факультетѣ и служа связью между нимъ и факультетомъ юридическимъ, исторія должна была бы играть важную роль и вообще въ университетскомъ образованіи. Идеалъ университета есть universitas omnium litterarum, но въ дѣйствительности ни у насъ, ни за границей не существуетъ общаго университетскаго образованія, такъ какъ самый университетъ, какъ universitas omnium litterarum, есть только идеалъ, коему въ дѣйствительности соотвѣтствуетъ соединеніе нѣсколькихъ факультетовъ, дающихъ каждый совершенно различное образованіе, спеціальное въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ должно было быть образованіе универсальное, и могущее называться все-таки общимъ лишь по отношенію къ отдѣльнымъ научнымъ спеціальностямъ. Тѣмъ не менѣе соединеніе въ одномъ учрежденіи разныхъ факультетовъ, являющихся каждый въ отдѣльности какъ бы особою спеціальной школой, имѣетъ весьма важное значеніе, сближая между собою отдѣльныя науки и тѣмъ внося въ нихъ нѣкоторый элементъ универсальности. Университетскіе факультеты въ этомъ отношеніи имѣютъ большое преимущество передъ соотвѣтственными имъ высшими спеціальными школами: студентъ одного факультета можетъ слушать лекціи другого, и иногда прямо существуютъ совмѣстные для студентовъ двухъ факультетовъ курсы; онъ вступаетъ въ товарищескія отношенія не съ одними ближайшими своими коллегами, но и съ принадлежащими къ слушателямъ иныхъ спеціальностей, и научается отъ нихъ новому; онъ пріучается смотрѣть на науки своего факультета, какъ на часть одного великаго цѣлаго—университетской науки, и это расширяетъ его умственный горизонтъ. Въ томъ же положеніи находятся и представители самой университетской науки, которые поставлены въ возможность обмѣниваться между собою знаніями, идеями, точками зрѣнія, вырабатывающимися въ далекихъ одна отъ другой спеціальностяхъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отдѣльные факультеты находятся, кромѣ того, въ болѣе тѣсной связи между собою, имѣя много частныхъ точекъ соприкосновенія и много общихъ, сближающихъ ихъ между собою, интересовъ: таковы, какъ мы видѣли, факультеты историко-филологическій и юридическій, оба изучающіе человѣка и міръ его отношеній, и становясь на точку зрѣнія даже только спеціальныхъ интересовъ обоихъ факультетовъ, можно вообразить себѣ нѣкоторое такое общее образованіе, которое, будучи одинаково необходимо и пригодно, какъ для филолога,

такъ и для юриста, сливало бы оба эти факультета въ одинъ факультетъ гуманныхъ и соціальныхъ наукъ съ разными спеціальными отдѣленіями: историко-филологическія знанія, нужныя для юриста, и юридическія знанія, нужныя для филолога, и составляли бы изъ себя то, что должно было бы лечь въ основу общаго гуманно-соціальнаго образованія. Это, думаю я, должны были бы быть, кромѣ философіи, общія теоріи государства, права и народнаго хозяйства, взятыя съ факультета юридическаго, и общія теоріи человѣческаго духа и его проявленій въ мышленіи, языкѣ, нравственности, религіозномъ, философскомъ, литературномъ и художественномъ творчествѣ, извлеченныя изъ наукъ филологическихъ,—а рядомъ съ этими общими теоріями, изучающими разныя стороны человѣчности, исторія человѣчества, и, пожалуй, послѣдняя, какъ наука, по идеѣ своей долженствующая разсматривать жизнь человѣчества во всѣхъ главныхъ ея проявленіяхъ, играла бы и тутъ вмѣстѣ съ философіей роль предмета, объединяющаго въ себѣ то, что всѣ эти теоріи разсматриваютъ каждая въ отдѣльности. Если при той размежевкѣ, которую въ знаніяхъ о человѣкѣ произвели между собою историко-филологическій и юридическій факультеты, и можно говорить о какомъ-либо преимуществѣ одного передъ другимъ въ смыслѣ большаго приближенія къ идеалу универсальности, то только принимая въ расчетъ чисто традиціонное, но въ настоящее время лишенное принципіальныхъ основаній пріуроченіе общеисторическаго преподаванія къ одному историко-филологическому факультету, хотя въ смыслѣ постановки общихъ теорій преимущество принадлежитъ факультету юридическому.

Исторія отстояла бы свое право на роль важнѣйшаго образовательнаго предмета въ общемъ университетскомъ образованіи и въ томъ случаѣ, если бы послѣднее вполнѣ соотвѣтствовало идеалу universitatis omnium litterarum. Общее образованіе въ области гуманныхъ и соціальныхъ наукъ не можетъ считаться достигшимъ совершенной универсальности, пока съ нимъ не соединено то общее образованіе, какое дается двумя факультетами, изучающими природу и человѣка съ его физической стороны, физико-математическимъ и медицинскимъ, находящимися также въ ближайшемъ другъ къ другу отношеніи. Въ нашей литературѣ [1]) не разъ уже высказывалась мысль о такой коренной реформѣ университетскаго образованія, при которой факультеты превратились бы прямо въ высшія спеціальныя школы, хотя бы и соединенныя въ

[1]) См., напр., статью проф. Н. Н. Вагнера, напечатанную въ *Новомъ Времени* (№ 2656, отъ 22 іюля 1883 г.), а также упомянутую выше статью мою въ окт. кн. *Русской Школы* за 1891 г.

одно цѣлое, но такъ, чтобы имъ предшествовало общее университетское, т.-е. высшее универсальное образованіе, соединяющее въ себѣ главнѣйшія, существеннѣйшія, самыя общія знанія о природѣ и человѣкѣ, такъ сказать, философію наукъ естественныхъ, гуманныхъ и соціальныхъ. Можно быть того или другого мнѣнія о такой реформѣ съ точки зрѣнія ея осуществимости и практичности, можно спорить о томъ, что должно преобладать въ такомъ универсальномъ образованіи—естествознаніе или гуманизмъ, но нельзя отрицать, что подобная организація высшаго образованія наиболѣе соотвѣтствовала бы идеалу universitatis omnium litterarum и идеѣ образованія общаго. Но и при такомъ расширеніи круга наукъ, входящихъ въ общеобразовательный курсъ, когда для того, чтобы найти мѣсто для болѣе важнаго, менѣе важному приходится сокращаться или прямо стушевываться, никто не рѣшается посягнуть на достоинство исторіи, какъ одного изъ наиболѣе важныхъ предметовъ въ этомъ кругѣ.

Само собою разумѣется, что въ послѣднемъ случаѣ разумѣется исторія не одного какого-либо народа, а то, что называется всемірной исторіей—и не въ смыслѣ суммы множества частныхъ исторій, а въ смыслѣ единой исторіи всего человѣчества и его цивилизаціи, преимущественно развивавшейся передовыми націями и оказывавшей свое вліяніе на народы, которые не принимали непосредственнаго участія въ этой работѣ. Конечно, у каждаго народа на первомъ планѣ должно стоять изученіе его собственной исторіи, представляющей изъ себя, какъ говорили еще не въ очень отдаленную старину, народное самосознаніе, и съ этой стороны я совершенно не буду касаться отечественной исторіи, для которой у насъ и въ гимназическомъ курсѣ, и въ университетскомъ преподаваніи отводится особое положеніе, но это и есть единственная частная исторія, заслуживающая того, чтобы быть выдѣленной въ особый и притомъ общій предметъ преподаванія, говорю: общій, ибо какъ спеціальный, предназначаемый только для немногихъ предметъ, можетъ читаться частная исторія какой-угодно страны, какъ это и дѣлается, напр., у насъ на восточномъ факультетѣ, гдѣ можно прослушать курсъ по исторіи такихъ народовъ, которые совершенно игнорируются въ курсахъ всеобщей исторіи на нашемъ факультетѣ. Рядомъ съ отечественною исторіей нашъ гимназическій курсъ [1]) ста-

[1]) Ср. стр. 147—148 статьи В. Н. Беркута во II т. Истор. Обозрѣнія. Впрочемъ, и въ гимназическомъ курсѣ средняя и новая исторія уступаютъ первенство исторіи классическихъ народовъ, и по этимъ двумъ частямъ предмета гимназисты получаютъ гораздо худшую подготовку, чѣмъ по древней исторіи,—лишній аргументъ въ пользу необходимости общихъ курсовъ по средней и новой исторіи для всѣхъ студентовъ ист.-фил. факультета.

вить, а еще недавно ставила и организація факультетскаго преподаванія—исторію всеобщую въ ея трехъ главныхъ отдѣлахъ—древней, средней и новой. Такъ какъ этому предмету издавна приписывается общеобразовательное значеніе, то въ практикѣ средняго и тѣмъ болѣе высшаго преподаванія онъ является не простою суммою всевозможныхъ частныхъ исторій, какъ равноцѣнныхъ частей нѣкотораго сложнаго цѣлаго, а доведеннымъ до нѣкотораго единства изображеніемъ исторіи человѣчества въ его передовыхъ представителяхъ, каковыми были главнымъ образомъ народы европейскіе, греки и римляне во времена до-христіанскія, и западные народы за послѣднія полторы тысячи лѣтъ. Расчлененіе этой общей европейской исторіи на двѣ части, изъ коихъ только одна получаетъ особое, привилегированное положеніе, объясняется, конечно, соображеніями, исходный пунктъ коихъ не имѣетъ ничего общаго съ научнымъ представленіемъ общей европейской исторіи, какъ единаго цѣлаго: преслѣдуя чисто практическія цѣли, оно само по себѣ не наноситъ никакого ущерба теоретическому единству того, что мы называемъ всеобщей исторіей, и въ такомъ пониманіи послѣдняя заслуживаетъ съ наибольшимъ правомъ названія гуманной науки, такъ какъ содержитъ въ себѣ наибольшее количество общечеловѣческаго матеріала, будучи въ самой идеѣ своей исторіей передового, прогрессирующаго человѣчества,—науки, безъ коей гуманное образованіе немыслимо [1]).

Доказывать значеніе изученія наслѣдія классическихъ народовъ въ цѣляхъ такого гуманнаго образованія,—конечно, если это изученіе не сводится къ грамматическому или антикварному толкованію,—я нахожу совершенно излишнимъ: ужъ столько объ этомъ было говорено и притомъ съ такими преувеличеніями, что я и не съумѣлъ бы обойтись здѣсь безъ избитыхъ общихъ мѣстъ. Тѣ и безъ меня вамъ извѣстные аргументы, однако, коими доказывается общечеловѣческій характеръ и образовательное значеніе классической цивилизаціи, mutatis mutandis, съ удобствомъ могутъ быть примѣнены и къ доказательству важности изученія исторіи цивилизаціи западно-европейской. Хотя и это—такая истина, доказывать которую не стоитъ труда, настаивать на ней я считаю необходимымъ, ради того, чтобы умолчаніе о ней не было принято за знакъ согласія съ отождествленіемъ «гуманнаго» и

---

[1]) Выдѣленіе классической исторіи изъ всеобщей, какъ нѣчто отъ нея независимое и даже ей противоположное,—къ чему весьма склонны классики,—было уже однажды предметомъ спеціальнаго разсмотрѣнія извѣстнымъ англійскимъ историкомъ Фриманомъ: я говорю о его лекціи «Единство исторіи», которую особенно и рекомендую прочесть. Ея переводъ приложенъ къ переводу «Сравнительной политики» Фримана. Спб. 1880.

«классическаго»: гуманное историческое образованіе, конечно, не можетъ ограничиться однимъ классическимъ міромъ, совершенно такъ же, какъ образованіе философское, литературное или художественное, политическое или юридическое не можетъ быть сведено къ знанію только того, что было написано греческими или латинскими авторами, создано художниками тѣхъ же двухъ народовъ.

Считая съ этой стороны вопросъ о значеніи всеобщей исторіи въ факультетскомъ курсѣ достаточно выясненнымъ, я поставлю его теперь на иную почву. Я готовъ даже сдѣлать временную уступку тому мнѣнію, по которому и общее образованіе на нашемъ факультетѣ имѣетъ цѣну только какъ необходимая ступень, какъ подготовка къ усвоенію спеціальныхъ знаній и методовъ спеціальнаго изслѣдованія. Съ этой, конечно, уже болѣе узкой точки зрѣнія, смыслъ слова «общее образованіе» значительно измѣняется, но даже усвоивъ это воззрѣніе, легко доказать, что безъ знанія западно-европейской исторіи многія спеціальности факультета не могутъ существовать, какъ слѣдуетъ. Для тѣхъ изъ васъ, у кого сильно стремленіе къ общему развитію, указывать на то, какія для него элементы заключаются въ средневѣковой и особенно новой исторіи европейскаго Запада, я нахожу излишнимъ, но я могу предположить, что среди васъ легко встрѣтить и ту мѣрку, которая прикидывается къ каждой наукѣ по ея значенію для будущей спеціальности каждаго. Пусть будетъ даже такъ, что передо мною въ настоящее время только будущіе спеціалисты, способные оцѣнить читаемый мною предметъ лишь въ качествѣ предмета чисто вспомогательнаго: я готовъ встать и на эту точку зрѣнія, такъ какъ безусловно ея вовсе не отвергаю.

Прежде всего я буду говорить съ будущими классиками. Вамъ, господа, предстоитъ изученіе міра, цивилизація котораго была родоначальницей нашей современной цивилизаціи. Я не представляю себѣ, какъ можно изучать этотъ міръ,—именно понимая его цивилизацію, а не довольствуясь внѣшнимъ знаніемъ такихъ-то и такихъ-то фактовъ изъ исторіи этого міра, — разъ не будетъ понята его роль и оцѣнено его значеніе въ цѣломъ всемірно-историческаго процесса. Классикъ, думающій, что ему, какъ классику, можно и не знать того, что дѣлалось въ передовой части человѣчества, положимъ, послѣ 476 г. по Р. Х., не подозрѣваетъ цѣлой стороны, открываемой у этого міра съ точки зрѣнія всеобщей исторіи, того вліянія, которое міръ этотъ продолжалъ оказывать и послѣ паденія своей цивилизаціи на исторію европейскихъ народовъ, не говоря уже о томъ, что непосредственно было унаслѣдовано новыми народами отъ древнихъ: вспомнимъ хотя бы такіе крупные культурные факты изъ исторіи Запада, каковы рецепція римскаго

права, классическая сторона Ренессанса, ложный классицизмъ въ литературѣ, увлеченіе античными политическими идеями въ XVIII в. Не стремиться узнать въ интересахъ своей науки, что было самаго важнаго и существеннаго въ Европѣ послѣ 476 г., позволительно только такому классику, который не думаетъ объ историческомъ значеніи классическаго міра и вслѣдствіе этого вовсе не задаетъ себѣ вопроса о той роли, какая φύσει, а не θέσει принадлежитъ классицизму въ современной жизни.—Если знаніе средней и новой исторіи нужно филологу, изучающему языки и словесность грековъ и римлянъ, то еще менѣе было бы простительно разсуждать такимъ образомъ историку, спеціализирующемуся на античномъ мірѣ, будто знаніемъ этого послѣдняго онъ можетъ и ограничиться: онъ не только долженъ понимать, подобно всякому другому частному историку, значеніе своей части въ цѣломъ всемірно-историческаго процесса,—вслѣдствіе чего ему необходимо знать и «то, что было послѣ 476 г.»,—но ему нужно имѣть и вообще историческое образованіе, которое не можетъ быть получено путемъ изученія исторіи одного народа. Историческая жизнь—явленіе весьма сложное, и всѣ его главныя стороны никогда не встрѣчаются съ одинаковою полнотою и рельефностью въ жизни каждаго отдѣльнаго народа, въ силу чего только путемъ сравненія и сопоставленія историческихъ явленій у одного народа съ аналогичными или противоположными явленіями въ жизни другихъ оказывается возможнымъ понять тотъ или другой единичный фактъ, то или другое общее явленіе. Историкъ, далѣе, не можетъ обходиться безъ нѣкоторыхъ общихъ понятій, которымъ соотвѣтствуютъ извѣстныя реальныя отношенія исторической жизни, и лишь наблюдая однородныя отношенія у разныхъ народовъ, историкъ будетъ въ состояніи не смѣшивать мѣстнаго и временного въ изучаемыхъ имъ отношеніяхъ съ существеннымъ и постояннымъ или не приписывать исключительно національнымъ свойствамъ такую особенность, которая характеризуетъ каждый народъ на извѣстной ступени развитія или при извѣстныхъ условіяхъ. И историческая литература, наконецъ, весьма обширна, но въ ней есть нѣкоторыя классическія сочиненія, сочиненія великихъ мастеровъ исторической науки, касающіяся весьма различныхъ народовъ, эпохъ и явленій, сочиненія, которыя должны быть извѣстны каждому образованному историку, а между тѣмъ, ни одна литература по какой-либо частной исторіи не можетъ заключать въ себѣ всего самаго цѣннаго и важнаго, что только характеризуетъ современное состояніе исторической науки. Въ послѣднемъ отношеніи несомнѣнное первенство принадлежитъ трудамъ западно-европейскихъ историковъ и особенно по исторіи народовъ, эпохъ и явленій средневѣковыхъ и новыхъ.

Тѣ же общія соображенія можно примѣнить и къ двумъ историческимъ спеціальностямъ, особо поставленнымъ въ нашемъ факультетскомъ преподаваніи: я говорю объ исторіи славянскихъ народовъ и объ исторіи Россіи, занятіе коими по той же причинѣ, какъ и занятіе историка-классика, необходимо требуетъ общаго историческаго образованія. Я не стану распространяться о славянскихъ народахъ, тѣсная связь исторіи коихъ (хотя и не всѣхъ, правда) съ западно-европейскимъ міромъ, связь политическая, церковная и культурная, обусловливаетъ необходимость особаго знакомства занимающагося ихъ исторіей съ исторіей западныхъ европейскихъ народовъ. Послѣднее можно примѣнить и къ новой исторіи Россіи, такъ какъ съ XVIII в. Россія все болѣе и болѣе играетъ роль въ общеевропейскихъ политическихъ дѣлахъ и сама все болѣе и болѣе подчиняется западному культурному вліянію, оцѣнка котораго немыслима безъ знанія самой западно-европейской исторіи за послѣднія столѣтія. На этомъ еще, однако, нельзя остановиться, разъ зашла рѣчь о томъ, въ какихъ отношеніяхъ важно для русскаго историка знаніе западно-европейской исторіи.

Двумя основными фактами нашей исторіи, въ ея отношеніи къ исторіи всемірной, можно признавать, во-первыхъ, то, что передъ нашимъ вступленіемъ въ исторію европейскій міръ уже успѣлъ раздѣлиться на два особые міра—на міръ греко-славянскій и романо-германскій, и что мы примкнули къ первому изъ нихъ, а во-вторыхъ, то, что подходитъ къ концу уже второе столѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ мы все тѣснѣе и тѣснѣе примыкаемъ ко второму. Эти два факта въ свое время нашли, какъ извѣстно, діаметрально-противоположную оцѣнку въ школахъ такъ называемыхъ славянофиловъ и западниковъ, споръ между коими продолжается въ измѣненной формѣ и по сей день. Русскій историкъ не можетъ оставаться индифферентно-нейтральнымъ въ этомъ спорѣ или не выработать третьяго мнѣнія, но разъ онъ вступаетъ на эту почву, передъ нимъ возникаетъ историческій вопросъ о томъ, что же такое этотъ романо-германскій міръ, столь противоположный міру греко-славянскому, отъ коего мы заимствовали свою первоначальную культуру, и тѣмъ не менѣе сдѣлавшійся впослѣдствіи нашимъ цивилизаторомъ,—вопросъ, рѣшеніе коего можетъ быть дано только научнымъ, историческимъ пониманіемъ этого міра. Начиная съ XVIII в., русскій историкъ, а вмѣстѣ съ нимъ и историкъ русской литературы постоянно имѣетъ дѣло съ западнымъ вліяніемъ, и ему постоянно приходится обращаться къ Западу, когда онъ встрѣчается съ явленіями, на которыхъ сказывается это вліяніе; но и раньше, въ виду того, что ожидало Россію вслѣдствіе предстоявшей ей европеизаціи, мысль его по временамъ обращается къ Западу, гдѣ вырабатывались образцы для

сознательнаго или невольнаго подражанія. Еще ранѣе, для пониманія многихъ фактовъ русской исторіи, ему волей-неволей приходится сравнивать первоначальныя условія нашей исторической жизни съ условіями, при какихъ вступали на историческое поприще народы романскіе и германскіе.

Въ послѣднее время подъ вліяніемъ оживленія нѣкоторыхъ славянофильскихъ взглядовъ, принявшихъ форму новѣйшаго націонализма, нерѣдко среди студентовъ, болѣе интересующихся русской исторіей и литературой, встрѣчается, какъ говорятъ, мнѣніе, будто бы для того, чтобы успѣшно заниматься русской исторіей, всеобщая исторія не только не нужна, но даже и можетъ быть помѣхой. Выставляются на видъ особые пути, по коимъ шло наше историческое развитіе: въ нихъ де нѣтъ ничего общаго съ путями историческаго развитія на Западѣ, а потому знаніе послѣднихъ нисколько не поможетъ намъ понять первое, и, пожалуй, даже лучше ихъ совсѣмъ не знать, чтобы избѣжать перенесенія чуждыхъ намъ точекъ зрѣнія на свое родное прошлое, столь своеобразное, что его можно мѣрить только своею собственною мѣрою, совсѣмъ не похожею на всякія другія мѣрки. Если дѣйствительно встрѣчается такое мнѣніе, я хотѣлъ бы думать, что оно не особенно распространено и объясняется только, какъ временное увлеченіе «Россіей и Европой» Данилевскаго, довольно много читавшейся за послѣднее время и среди студентовъ нашего факультета [1]). Нельзя, конечно, сразу не обнаружить наивности такого мнѣнія посредствомъ редукціи его ad absurdum: вѣдь въ сущности тутъ проповѣдуется та мысль, что самымъ лучшимъ спеціалистомъ по русской исторіи можетъ быть только тотъ, кто совсѣмъ лишенъ общаго историческаго образованія. Это все равно, что сказать, что самымъ лучшимъ знатокомъ римскаго права можетъ быть только знающій латинистъ, совершенно лишенный юридическаго образованія, такъ какъ новыя юридическія идеи и теоріи помѣшали бы ему проникнуть въ самый духъ римскаго права и понять его формы.

Односторонній спеціализмъ и узкій націонализмъ обнаруживаются и въ другомъ мнѣніи объ отношеніяхъ, въ какихъ должны стоять между собою русская и всеобщая исторія въ университетскомъ курсѣ. Ссылаясь на взаимоотношенія между исторіей Россіи и другихъ народовъ, какъ на причину, заставляющую русскаго историка обращаться къ всеобщей исторіи, я приводилъ только одинъ изъ доводовъ въ пользу

---

[1]) О томъ, что книга Данилевскаго, дѣйствительно, можетъ внушить мысли такого рода, см. статью мою «Теорія культурно-историческихъ типовъ». *Рус. Мысль* 1889, окт., стр. 2 и слѣд.

своей общей мысли и притомъ доводъ, которому приписываю лишь второстепенное значеніе. Случалось мнѣ, однако, слышать этотъ же самый аргументъ, но какъ главный и единственный: существованіе у насъ курса всеобщей исторіи оправдывается съ этой точки зрѣнія тѣмъ соображеніемъ, что для историка Россіи нужно быть знакомымъ съ исторіей ея ближайшихъ сосѣдей, такъ или иначе вліявшихъ на ея внѣшнія и внутреннія дѣла,—и только. Не отрицая важности этого соображенія, я рѣшительно отказываюсь класть его въ основу дѣла: логическій отсюда выводъ, дѣлаемый самими сторонниками такого мнѣнія, заключается въ томъ, что всю европейскую исторію до XVIII в. нужно съ русской точки зрѣнія свести въ университетскомъ курсѣ главнымъ образомъ къ исторіи Швеціи, Ливоніи (позднѣе Пруссіи), Польши, Венгріи (позднѣе Австріи), Византіи и Турціи; Франція, Англія, Италія и Германія, тѣ европейскія страны, въ коихъ съ наибольшею силою и въ наибольшей полнотѣ совершалось историческое движеніе, отступаютъ на задній планъ или даже совсѣмъ вычеркиваются изъ исторіи важныхъ для насъ европейскихъ народовъ. Кромѣ узкаго національзма, проявляющагося въ оцѣнкѣ важности чужой исторіи не съ общечеловѣческой точки зрѣнія, не съ точки зрѣнія всемірно-историческаго процесса, а по отношенію только къ одной частной исторіи, здѣсь проглядываетъ и слишкомъ узкій взглядъ на научную спеціальность русской исторіи: разъ сосѣдскія отношенія къ другимъ народамъ принимаются за главное, чѣмъ русскій историкъ можетъ интересоваться въ чужой исторіи, ему не нужно будетъ проникать во внутреннюю ея сущность, такъ какъ все дѣло сведется для него къ отношеніямъ войны, дипломатіи и, пожалуй, внѣшней торговли за весьма, сравнительно, немногими случаями культурныхъ заимствованій. Конечно, и тутъ былъ бы для него нѣкоторый выигрышъ, ибо всякое знаніе есть въ концѣ-концовъ выигрышъ, но при такой замѣнѣ общей цѣли преподаванія европейской исторіи задачею крайне спеціальною въ проигрышѣ было бы общее историческое образованіе и въ частности пониманіе настоящей европейской исторіи съ ея внутренними отношеніями. Послѣдовательно проводя принципъ сосѣдскаго интереса, мы должны были бы включить въ число важныхъ для насъ странъ, исторію коихъ намъ нужнѣе всего знать, и Персію, и среднеазіатскія ханства, и Китай. При изученіи всеобщей исторіи, какъ таковой, возможна и обязательна только всемірно-историческая точка зрѣнія. Какъ спеціалистъ, я могу отмежевать въ свое особое вѣдѣніе исторію той или другой страны, но какъ профессоръ всеобщей исторіи, я долженъ стоять именно на всемірно-исторической точкѣ зрѣнія, которая прежде всего есть точка зрѣнія, противоположная оцѣнкѣ важности чужихъ

исторій по ихъ отношенію къ нашей: ни географическій принципъ сосѣдства Россіи съ такими-то и такими-то странами, ни расовой принципъ родства русскаго народа съ другими славянами, руководствуясь коимъ тоже вѣдь можно было бы съузить понятіе общей исторіи, не могутъ играть роли тамъ, гдѣ все должно опредѣляться принципомъ культурной важности отдѣльнаго народа въ исторіи человѣчества. Разсуждая такимъ образомъ, мы въ исторіи Европы, какъ передовой части человѣчества, и выдвигаемъ послѣ гибели античной цивилизаціи на первый планъ четыре страны—Францію, Англію, Германію и Италію, составляющія изъ себя романо-германскій міръ.

Кромѣ историческаго отдѣленія, на коемъ изучается исторія и классическихъ народовъ, и русская съ славянской, и западно-европейская, романо-германская, на нашемъ факультетѣ существуютъ еще спеціальныя отдѣленія для филологическаго изученія этихъ же трехъ міровъ—греко-римскаго, славяно-русскаго и романо-германскаго. Поступая на спеціальныя отдѣленія, вы должны имѣть уже требуемую каждымъ отдѣленіемъ подготовку, каковая и дается въ первые четыре семестра обязательными курсами по классическимъ и русско-славянскимъ изученіямъ: ознакомленіе съ міромъ романо-германскимъ отсутствуетъ въ этой организаціи, какъ предметъ общеобязательный, такъ что будущіе классики и будущіе слависты непремѣнно уже выносятъ изъ первыхъ двухъ лѣтъ своего пребыванія въ университетѣ извѣстную подготовку по предметамъ своей будущей спеціальности, и то же самое должно быть дано и будущимъ историкамъ, отъ коихъ требуются и спеціальныя занятія по средней и новой исторіи, и будущимъ романистамъ и германистамъ, которымъ предстояло бы изучать «филологію» націй, знакомыхъ имъ только по полузабытому гимназическому учебнику, если бы они фактически лишены были общаго курса по западно-европейской исторіи на младшихъ семестрахъ. Обращаюсь теперь къ будущимъ спеціалистамъ этихъ двухъ отдѣленій, въ особенности къ будущимъ историкамъ. Въ послѣдніе два года вашего пребыванія въ университетѣ отъ васъ потребуются самостоятельныя занятія въ области западныхъ народовъ, которыя, конечно, не могутъ не быть спеціальными, а такія занятія ни въ коемъ случаѣ не пойдутъ плодотворно и успѣшно безъ общей подготовки въ данномъ предметѣ: слушать общіе курсы, знакомиться съ элементами науки, по моему мнѣнію, уже поздно, когда предстоитъ работать самому. Я не отрицаю возможности спеціально работать и безъ общей подготовки, тѣмъ болѣе, что, къ сожалѣнію, это нерѣдко и бываетъ, но вѣдь и работа работѣ рознь. Начинать, конечно, всегда нужно съ маленькихъ вопросовъ, которые только и могутъ быть подстать на первыхъ порахъ самостоятельныхъ занятій, но

между ними есть вопросы и вопросы: они такъ и остаются маленькими вопросами, хотя бы на нихъ потрачена была масса труда и даже учености, потому что они не связаны ни съ какими крупными вопросами науки, а стоятъ сами по себѣ, особнякомъ среди массы другихъ такихъ же мелкихъ вопросиковъ, между собою не связанныхъ; другіе, наоборотъ, стоятъ въ извѣстномъ, опредѣленномъ отношеніи къ очень крупнымъ задачамъ науки и сами потому выростаютъ въ своемъ значеніи по мѣрѣ своего разрѣшенія. Разработка вопросовъ второй категоріи требуетъ необходимо общихъ знаній въ извѣстной области, безъ которыхъ къ каждому, повидимому, мелкому вопросу и приступить нельзя или онъ тотчасъ же лишается своего значенія, превращается въ вопросъ первой категоріи и требуетъ для своей разработки только извѣстной технической сноровки. Сводить неизвѣстное въ наукѣ, т.-е. то, что ждетъ своего изслѣдователя, къ суммѣ всѣхъ нерѣшенныхъ вопросовъ безъ всякаго разбора ихъ важности или неважности, конечно, очень удобно, потому что для этого требуются знанія, пріобрѣтаемыя одною памятью; но для того, чтобы умѣть выбирать вопросы и къ каждому изъ нихъ подходить съ надлежащей стороны, нужны идеи, дающіеся только общей подготовкой. Лишь тогда, когда не цѣнятъ въ наукѣ идейнаго начала,—что, опять-таки, указываетъ на недостатокъ общаго образованія, — и можно оставаться глубоко равнодушнымъ къ тому, *что* изслѣдуется, думая, что важно лишь, *какъ* производится изслѣдованіе: и о гоголевскомъ Петрушкѣ можно сказать, что онъ умѣлъ читать, хотя его занимало не содержаніе читаемаго, а то, какъ изъ буквъ получаются слоги, а изъ слоговъ слова. Для тѣхъ изъ васъ, которые впослѣдствіи стали бы ученымъ образомъ заниматься исторіей западныхъ народовъ, общая подготовка—первое дѣло. Кромѣ практическихъ занятій, вамъ предстоятъ еще спеціальные курсы по средней и новой исторіи: предметъ такихъ курсовъ по необходимости бываетъ частный—исторія одного народа, да и то въ небольшой періодъ, какая-нибудь отдѣльная эпоха, извѣстное историческое явленіе, даже лишь одинъ важный историческій источникъ или постановка какого-либо вопроса въ исторической литературѣ,—но судите сами, кому можетъ принести больше пользы курсъ съ такимъ содержаніемъ, тому-ли, у кого уже есть общее научное понятіе о предметѣ курса и болѣе или менѣе ясное представленіе о положеніи этого предмета въ цѣломъ науки или, по крайней мѣрѣ, о томъ цѣломъ, часть или сторону коего онъ составляетъ, или тому, кому все это неизвѣстно и кто первый разъ слышитъ обо всѣхъ этихъ вещахъ. Вотъ почему я такъ и настаиваю на важности общихъ курсовъ и для будущихъ спеціалистовъ и на томъ, чтобы эти курсы предшествовали спеціальнымъ курсамъ и самостоятельнымъ занятіямъ.

Не забывайте, наконецъ, что многіе изъ васъ будутъ преподавателями въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Школьное преподаваніе исторіи—дѣло весьма трудное, и быть можетъ, нѣтъ учебнаго предмета, который отъ преподавателя требовалъ бы общаго образованія въ такой степени, какъ исторія,—общаго образованія въ смыслѣ широкаго и всесторонняго пониманія исторической жизни, дающагося только изученіемъ всемірной исторіи.

Я, кажется, исчерпалъ всѣ главные аргументы въ пользу того, что вы и въ качествѣ учащейся молодежи вообще, и въ качествѣ будущихъ слушателей разныхъ спеціальныхъ отдѣленій нашего факультета, и въ качествѣ будущихъ дѣятелей науки и преподаванія, не должны пренебрегать общимъ образованіемъ, и что къ числу наиболѣе образовательныхъ предметовъ относится всеобщая исторія. Повторяю, что я не сталъ бы распространяться объ этомъ, если бы, съ одной стороны, не замѣчалъ среди студентовъ-филологовъ довольно частой наклонности къ ранней спеціализаціи, всегда обращающейся въ ущербъ общему образованію, и если бы, съ другой стороны, читаемый мною предметъ имѣлъ одинаковую оффиціальную постановку съ другими предметами, предназначаемыми для студентовъ первыхъ четырехъ семестровъ. Хочу надѣяться, что послѣднее обстоятельство есть явленіе временное, возникновеніе коего объясняется переходной порой нашего факультета отъ недавней его организаціи, какъ по преимуществу спеціально-классической школы, къ его прежнему устройству съ общими историко-филологическими курсами въ первые два года и съ раздѣленіемъ остальныхъ двухъ лѣтъ между разными спеціальностями. Когда всеобщая исторія во всемъ своемъ составѣ займетъ старое свое мѣсто въ факультетскомъ преподаваніи, разговоры на одну изъ моихъ темъ сдѣлаются излишними, но другая тема—необходимость запасаться общимъ образованіемъ, избѣгать слишкомъ ранней спеціализаціи — вытекаетъ уже изъ явленій и отношеній непреходящихъ.

Итакъ, гг., я смотрю на васъ преимущественно, какъ на юношей, ищущихъ общаго образованія, не забывая при этомъ видѣть въ васъ въ извѣстномъ смыслѣ и спеціалистовъ, и стоя на этой точкѣ зрѣнія, я буду знакомить васъ въ общемъ курсѣ съ избраннымъ мною на этотъ годъ отдѣломъ всеобщей исторіи. Съ нѣкоторыми изъ васъ мнѣ придется имѣть дѣло впослѣдствіи, какъ съ спеціалистами, но и тогда я буду искать въ васъ общаго образованія, безъ котораго нѣтъ и не можетъ быть «духа жива» въ наукѣ. Одно—живая наука, другое—мертвая ученость: оживляетъ послѣднюю, превращаетъ ее въ живую науку только идейность, дающаяся однимъ широкимъ общимъ образованіемъ. Этого образованія и совѣтую я вамъ искать въ университетѣ, не за-

мыкаясь въ рамки того, что вамъ полагается по вашей спеціальности, и не обходя того, что предоставляется вашей собственной любознательности, которую я хотѣлъ бы видѣть въ васъ поднятой на степень истинной жажды настоящаго знанія. Отсюда еще одинъ совѣтъ—читайте, какъ можно больше читайте, но въ выборѣ книгъ прежде всего руководствуйтесь мыслью о томъ, что общее образованіе не должно быть приносимо въ жертву учености.

Лекція II.

Я буду сегодня говорить вамъ объ общемъ значеніи историческаго образованія. У меня давно вошло въ обычай посвящать первую лекцію, читаемую мною студентамъ, только-что вступившимъ въ университетъ, какому-либо общему вопросу изъ нашей науки: я и на этотъ разъ не думаю отступать отъ своего обычая. Въ подобныхъ вступительныхъ лекціяхъ я никогда не перестану повторять нѣкоторыхъ положеній, которыя и теперь желалъ бы запечатлѣть въ вашей памяти. Во-первыхъ, не забывайте, что учеными изъ университета выходятъ лишь немногіе, но что образованными должны выходить изъ него всѣ; разъ вы проникнетесь этою мыслью, вы, конечно, будете заботиться о своемъ общемъ образованіи. Не упускайте, далѣе, изъ виду, что и тѣ изъ васъ, которымъ суждено стать впослѣдствіи учеными спеціалистами, не избавлены отъ обязанности имѣть широкое общее образованіе: отсюда мой совѣтъ—избѣгать слишкомъ ранней и крайней спеціализаціи, которая могла бы только повредить вашему общему образованію. Помните также всегда, что однимъ изъ наиболѣе общихъ образовательныхъ предметовъ является исторія, что на нашемъ факультетѣ, называемомъ историко-филологическимъ, изучаются науки, предполагающія вообще хорошее знаніе исторіи и даже сами составляющія лишь отдѣльныя части исторической науки, каковы исторіи языка, литературы, искусства, философіи и религіи, что въ общей исторіи поэтому всѣ перечисленные предметы, такъ сказать, находятъ свой естественный центръ и что вмѣстѣ съ тѣмъ, наконецъ, исторія представляетъ для нашего факультета общую почву съ факультетомъ юридическимъ, гдѣ преподаются исторія права, исторія политическихъ учрежденій и ученій, исторія экономическихъ отношеній и теорій, т.-е. все такія науки, съ основными понятіями коихъ студенты-филологи знакомятся главнымъ образомъ только на лекціяхъ общей исторіи. Ко всему этому я прибавлю, что, какъ предметъ общеобразовательный, сама исторія должна разсматриваться съ извѣстной точки зрѣнія. Именно, скажу

коротко, она должна быть исторіей самого общества, т.-е. охватывать и культуру народа, и его соціальныя формы и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть въ виду по возможности жизнь всего человѣчества: это то, что я буду называть культурно соціальной исторіей и всемірно-исторической точкой зрѣнія. Въ концѣ всего, я хотѣлъ бы еще внушить вамъ ту мысль, что такое изученіе исторіи обогащаетъ умъ культурными и общественными идеями, заключающими въ себѣ принципы, коими жили и живутъ историческіе народы, и что лишь ища въ исторіи философскаго смысла, мы можемъ сдѣлать изъ ея изученія одно изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ для полученія отвѣтовъ на тѣ моральные и общественные вопросы, которые въ вашемъ возрастѣ имѣютъ особую притягательную силу. Non scholae, sed vitae discimus, и именно изученіе исторіи можетъ имѣть особенно важное значеніе для жизни какъ отдѣльнаго лица, такъ и цѣлаго общества. Вотъ эти-то положенія я никогда не перестану повторять въ своихъ вступительныхъ лекціяхъ, развивая одинъ разъ одно изъ нихъ, другой разъ—другое. Все, что было мною сейчасъ сказано, было уже прежде мною изложено въ общей связи въ одной напечатанной лекціи, которую желающіе изъ васъ могутъ прочесть [1]), если вы хотите знать, каково должно быть съ указанныхъ точекъ зрѣнія историческое преподаваніе и какое мѣсто должно принадлежать нашей наукѣ среди другихъ предметовъ факультетскаго обученія. Сегодня именно этихъ-то вопросовъ я и не буду касаться, чтобы имѣть время затронуть другую, болѣе широкую тему.

У каждаго человѣка непремѣнно есть извѣстное міросозерцаніе. Оригинальнымъ оно бываетъ весьма рѣдко, ибо въ громадномъ большинствѣ случаевъ отдѣльная личность раздѣляетъ міросозерцаніе своего народа или того культурнаго слоя общества, того соціальнаго класса, къ которому она принадлежитъ, или даже міросозерцаніе лишь извѣстнаго поколѣнія. Въ исторіи духовной жизни мы поэтому всегда встрѣчаемся съ нѣкоторыми общими идеями, съ нѣкоторыми господствующими направленіями, опредѣляющими собою внутренній міръ огромнаго большинства людей. Въ средніе вѣка, напр., преобладающею точкою зрѣнія была точка зрѣнія теологическая и теократическая: философія считалась служанкой богословія (philosophia est ancilla theologiae); вся этика вытекала изъ аскетическаго взгляда на жизнь; государство должно было подчиняться церкви,—и въ связи со всѣмъ этимъ лишь одно занятіе божественными предметами (divina studia) считалось пригоднымъ для человѣка. Къ концу среднихъ вѣковъ міросозерцаніе, характеризующееся господствомъ богословія вмѣстѣ съ аскетическими и теократиче-

---

[1]) См. предыдущую лекцію.

скими стремленіями, стало уступать мѣсто новому міросозерцанію, когда на первый планъ сталъ выдвигаться интересъ ко всему чисто человѣческому (humana studia), столь характерный для эпохи такъ называемаго Возрожденія, когда новое культурное направленіе, получившее имя гуманизма, стало искать опоры для своихъ умственныхъ, нравственныхъ и общественныхъ стремленій въ изученіи классической древности съ ея чисто свѣтской цивилизаціей. Вы знаете, что за эпохой Возрожденія слѣдовала эпоха религіозной реформаціи—новый фазисъ въ общей исторіи міросозерцаній: это было опять время господства теологическихъ идей, но уже иныхъ въ сравненіи съ тѣми, которыя составляютъ содержаніе средневѣкового католицизма, и Библія сдѣлалась такою же опорою для реформаторовъ XVI вѣка, какою была для гуманистовъ XIV и XV столѣтій классическая древность. Если міросозерцанія какъ среднихъ вѣковъ, такъ и реформаціоннаго періода были богословскими по основнымъ своимъ точкамъ зрѣнія, то, наоборотъ, возобновленіемъ чисто свѣтскаго направленія культуры, которое зародилось въ гуманизмѣ, было такъ называемое «просвѣщеніе» XVIII вѣка, когда господство надъ умами въ передовой части общества перешло къ идеямъ чисто философскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, не даромъ же мы обозначаемъ совокупность культурныхъ идей прошлаго столѣтія именемъ «философіи XVIII вѣка» и самый вѣкъ этотъ называемъ вѣкомъ философскимъ: это былъ героическій періодъ раціонализма, эпоха наибольшей вѣры въ непогрѣшимость и творческія силы человѣческаго разума, когда думали, что въ одной чистой дѣятельности разума заключается возможность все объяснить и найти практическія указанія для всѣхъ сферъ человѣческой жизни, когда отвергалось все, что не оправдывалось съ точки зрѣнія отвлеченныхъ идей разума, и когда ничто не принималось на вѣру, если не считать исходнаго положенія всего міросозерцанія, т.-е. только-что указанной вѣры въ разумъ.

Такъ мѣнялись основы міросозерцаній, кладущихъ свою печать на цѣлыя эпохи въ исторіи человѣчества. Наше время въ этомъ отношеніи также имѣетъ свои особенности, заслуживающія величайшаго вниманія. Цивилизація XIX вѣка въ общемъ представляетъ изъ себя естественное продолженіе свѣтскихъ культурныхъ движеній гуманизма и «просвѣщенія» XVIII столѣтія, и тѣмъ не менѣе міросозерцаніе современнаго человѣка отличается и отъ гуманистическаго съ его классической опорой, и отъ просвѣтительнаго съ его чисто раціоналистической основой. Я не буду говорить здѣсь о томъ, какія пріобрѣтенія сдѣлала передовая мысль съ эпохи Возрожденія по настоящій день, коими и опредѣляются всѣ черты различія, существующія между гуманизмомъ XIV—XV вѣковъ и господствующимъ теперь общимъ куль-

турнымъ направленіемъ, но для нашей темы именно важно выяснить, чѣмъ отличается въ своемъ міросозерцаніи XIX столѣтіе отъ «философскаго вѣка» съ характеризующею его вѣрою въ могущество человѣческаго разума.

Вы знаете, что разумъ не есть единственный источникъ познанія, вы знаете, что въ этомъ дѣлѣ громадное значеніе принадлежитъ опыту и наблюденію. Вотъ ими-то, этими опытомъ и наблюденіемъ, и пренебрегалъ или совсѣмъ не умѣлъ пользоваться философскій вѣкъ, имѣющій тѣмъ не менѣе весьма важное значеніе въ исторіи человѣческой мысли, и если многія основныя черты этого вѣка составляли прямо его силу, то именно самую слабую сторону его мы и должны видѣть въ отличающемъ его отсутствіи научнаго метода. Раціонализмъ прошлаго столѣтія не считался съ условіями дѣйствительности, и это было главнымъ источникомъ какъ ошибокъ, сдѣланныхъ людьми XVIII вѣка въ области мысли, такъ и тѣхъ разочарованій, которыя должны были рано или поздно постигнуть людей, слишкомъ мало придававшихъ значенія опыту и наблюденію. Въ частности этотъ основной недостатокъ «философіи XVIII в.» проявлялся особенно въ маломъ знаніи исторіи. Можно сказать, что въ прошломъ столѣтіи почти не существовало исторической науки, сдѣлавшей вообще всѣ свои успѣхи, коими она можетъ теперь гордиться, лишь въ XIX вѣкѣ: фактовъ тогда извѣстно было сравнительно мало, методы были крайне несовершенны, а самое главное—не существовало такихъ общихъ идей, которыя вырабатываются только путемъ историческаго изученія и историческаго мышленія. Раціоналистическая философія XVIII в. даже прямо имѣла характеръ антиисторическій: всему существующему и наблюдаемому въ дѣйствительности, т.-е. всему исторически сложившемуся и заключающему въ себѣ массу пережитаго опыта она противополагала свои отвлеченныя идеи и построенія, добытыя чистою дѣятельностью разума, и мало того—однѣ свои отвлеченности принимала за разумное, отождествляя вдобавокъ разумное съ естественнымъ, какъ это было въ случаяхъ «естественной» религіи, «естественнаго» права, «естественнаго» (экономическаго) порядка и т. п., которые противополагались исторически-сложившимся культурнымъ и соціальнымъ формамъ. Въ этихъ формахъ было много, даже черезчуръ, пожалуй, много дурного, однако развитіе философскихъ идей прошлаго вѣка въ практическомъ отношеніи имѣло весьма благотворныя послѣдствія, ибо въ нихъ содержались высокіе, нравственные и общественные идеалы, ибо ими намѣчались новыя цѣли для исторической дѣятельности правительствъ и народовъ, ибо, наконецъ, подъ ихъ вліяніемъ совершились многія реформы, сдѣлавшія соціальный и политическій строй передовыхъ націй болѣе совершеннымъ и справед-

ливымъ, хотя при всемъ этомъ въ отношеніи раціонализма прошлаго вѣка къ дѣйствительности было и много ошибочнаго, оказавшагося впослѣдствіи прямо вреднымъ. Недостаточно предъявить жизни извѣстные идеалы, нужно еще знать условія, при которыхъ ихъ приходится осуществлять; недостаточно также поставить тѣ или другія цѣли, нужно сверхъ того имѣть вѣрный взглядъ на средства, ведущія къ ихъ осуществленію, а потому практическое дѣло реформъ нуждается всегда въ теоретическомъ изученіи данныхъ опыта, въ умѣніи наблюдать дѣйствительность, въ постоянномъ обращеніи къ указаніямъ исторіи. Правда, и тутъ бываетъ своего рода опасность, если, напр., уваженіе къ даннымъ опыта и наблюденія превращаются въ рабство передъ существующимъ фактомъ, а исключительное вниманіе къ тому, что выработано исторіей, влечетъ за собою консерватизмъ, не идущій ни на какія сдѣлки ни съ требованіями современности, ни еще болѣе съ тѣмъ, чего требуютъ принципы истины и справедливости и чаянія лучшаго будущаго; но не нужно забывать, что рядомъ съ фактомъ всегда будетъ существовать идея, которая никогда не дастъ факту сдѣлаться единственнымъ господиномъ мысли, и что уваженіе къ прошлому никогда не будетъ въ состояніи задержать прогрессивнаго движенія общества, вытекающаго изъ новыхъ потребностей и новыхъ идей, которыя сами суть только порожденіе исторіи. Заслуга XIX вѣка въ томъ и заключается, что, выросши на основѣ общихъ стремленій предшествующаго столѣтія, онъ внесъ именно историческое пониманіе въ область вопросовъ, которые въ XVIII вѣкѣ рѣшались исключительно съ раціоналистической точки зрѣнія. То, чѣмъ были классики для гуманистовъ, чѣмъ стала Библія для религіозныхъ реформаторовъ, или что представляла собою дѣятельность разума для просвѣтителей XVIII в.,—все это для мыслителей нашего времени дается исторической наукой. XIX вѣкъ сдѣлался, можно сказать, вѣкомъ исторіи, какъ XVIII былъ вѣкомъ философскимъ, ибо никогда раньше вообще не существовало такого сильнаго историческаго интереса, какъ въ послѣднія сто лѣтъ. Никогда, въ самомъ дѣлѣ, не было столь большого интереса къ прошлому: объ этомъ свидѣтельствуютъ одна масса отысканнаго и накопленнаго фактическаго матеріала и множество историческихъ работъ, благодаря коимъ мы знаемъ прошлое родной страны, всей Европы и цѣлаго человѣчества лучше, чѣмъ когда бы то ни было и гдѣ бы то ни было знали это прошлое. Никогда, далѣе, до такой степени историческая точка зрѣнія не проникала въ изученіе разныхъ сферъ культурной и соціальной жизни, какъ опять-таки въ наше время: въ XVIII в., напр., языкъ, литература, искусство, право, народное хозяйство, изучались, какъ своего рода неизмѣнныя системы выраженія мысли, поэ-

тическаго и художественнаго творчества, юридическихъ нормъ и экономическихъ отношеній, и только XIX столѣтіе создало исторію языка, создало исторію литературы, исторію искусства, исторію права, исторію народнаго хозяйства. Вмѣстѣ съ этимъ въ XIX же вѣкѣ расширилось самое понятіе исторіи, благодаря тому, что содержаніе науки стали составлять и такія категоріи жизненныхъ явленій, которыя раньше никогда не составляли прямого предмета историческихъ занятій. Съ другой стороны, въ истекающемъ столѣтіи успѣшно совершалась выработка методовъ исторической науки: укажу въ частности на критическое отношеніе къ историческимъ источникамъ, являющееся въ настоящее время самымъ элементарнымъ требованіемъ научности; вообще же укажу на научный духъ, коимъ стали проникаться историческія работы, благодаря чему исторія все менѣе и менѣе играетъ роль простой служанки публицистики, какою она была большею частью еще въ XVIII в. Ограничиваюсь этими двумя указаніями, да и то безъ дальнѣйшихъ развитій, чтобы не уклоняться отъ главной своей темы.

Да, этотъ интересъ къ прошлому, эта историческая точка зрѣнія въ изученіи разныхъ сферъ культурной и соціальной жизни, это внесеніе научнаго духа въ историческія изслѣдованія, на самомъ дѣлѣ представляетъ собою важныя пріобрѣтенія XIX в., сильно вліяющія и на общій характеръ современнаго міросозерцанія. Было бы, конечно, слишкомъ долго выяснять, благодаря какимъ условіямъ антиисторическій раціонализмъ XVIII в. уступилъ мѣсто исторической точкѣ зрѣнія, установившейся въ XIX в., но нельзя не упомянуть, что въ этомъ процессѣ извѣстная доля вліянія принадлежитъ успѣхамъ естествознанія, которыя побуждали многихъ вносить научный духъ, получившій полное господство въ этой области, и въ ту область, гдѣ раньше иногда господствовала одна публицистика. Въ этомъ стремленіи приблизить исторію къ естественнымъ наукамъ было, правда, много увлеченій, не оправдавшихъ надеждъ, какія возлагались на новые взгляды; но увлеченія эти отпали, осталось же самое важное, осталось—стремленіе къ научности, остался научный духъ. Между прочимъ, вліяніе успѣховъ, сдѣланныхъ естествознаніемъ, сказалось въ попыткахъ создать соціальную физику, т.-е. такую науку объ обществѣ и его исторіи, которая имѣла бы весь обликъ чисто положительной науки. Такая наука—соціологія—мало-по-малу и создается, причемъ широко пользуется данными опыта и наблюденія, захватывая не одинъ историческій, но и этнографическій матеріалъ—до быта дикарей включительно—и примѣняя къ его научной обработкѣ сравнительный методъ.

Историческому отношенію къ міру мысли и жизни, которое отличаетъ новѣйшую философію и науку, соотвѣтствуетъ и новая основная

идея, характеризующая всѣ частныя міросозерцанія современной эпохи. Жизнь общества, изучаемая историческою наукою, не представляетъ изъ себя простой смѣны явленій, при которой нѣтъ ничего новаго подъ луною: въ этой жизни наблюдается, напротивъ того, извѣстное движеніе впередъ, наблюдается прогрессъ, наблюдается развитіе, и вотъ эта-то идея развитія—въ смыслѣ-ли безразличной эволюціи все новыхъ и новыхъ формъ или въ смыслѣ усовершенствованія человѣческой жизни—сдѣлалась одною изъ главныхъ философскихъ идей XIX в., хотя начало ея и нужно относить къ срединѣ XVIII столѣтія. Въ сущности раціонализмъ прошлаго вѣка стоялъ на точкѣ зрѣнія неизмѣнныхъ идей и неподвижнаго бытія, и то естественное, которое принималось имъ и за разумное, представлялось съ этой точки зрѣнія, какъ нѣчто такое, что существуетъ внѣ условій мѣста и времени, и только въ XIX в. міръ былъ понятъ, какъ вѣчное измѣненіе, вѣчное движеніе впередъ къ новымъ формамъ, вѣчное развитіе, что особенно рельефно отразилось на общемъ характерѣ философіи нашего вѣка. Платонъ, различавшій міръ явленій (феноменовъ) и міръ сущностей (нуменовъ) и полагавшій, что первыя суть лишь несовершенныя копіи послѣднихъ, ихъ прототиповъ, или идей, представлялъ себѣ свой міръ истинно сущаго, какъ неподвижное и неизмѣнное бытіе, а философія XIX в., наоборотъ, поняла вселенную, какъ нѣчто движущееся, измѣняющееся, развивающееся, возьмемъ-ли мы идеалистическую концепцію міра Гегеля, или реалистическую—Спенсера. Эта общая идея, могущая быть выраженной самыми различными способами, получила въ XIX вѣкѣ немало и частныхъ примѣненій. Самое видное изъ нихъ то, которое переноситъ на исторію понятіе органическаго развитія. Уже въ началѣ истекающаго столѣтія явились теоріи, по которымъ языкъ, право, государство развиваются въ своей исторіи, совершенно такъ же, какъ организмы, а не остаются неизмѣнными системами, обязанными своимъ происхожденіемъ извѣстнымъ творческимъ актамъ, и хотя отсюда нерѣдко дѣлались невѣрные выводы, особенно выводы частнаго характера, общее заключеніе остается глубоко вѣрнымъ: общество есть нѣчто развивающееся, а потому исторія общества есть исторія его развитія. Мало того: идея развитія въ XIX в. была приложена и къ міру физическому. Говоря это, я въ особенности имѣю въ виду біологическое ученіе, по которому современные животные и растительные виды не сразу явились такими, какими мы ихъ наблюдаемъ, а были результатомъ долгаго развитія высшихъ органическихъ формъ изъ низшихъ. Такимъ образомъ одна и та же идея, которая стала примѣняться одинаково и къ міру исторіи, и къ міру природы (вспомнимъ еще старую канто-лапласовскую теорію постепеннаго образованія сол-

нечной системы), стала въ XIX в. господствовать и въ общей философіи, понявшей міръ, какъ одно развивающееся цѣлое, и въ частныхъ наукахъ, начавшихъ относиться къ своимъ объектамъ не какъ къ неподвижнымъ сущностямъ, а какъ къ развивающимся формамъ неорганическаго и органическаго, духовнаго и общественнаго бытія; но это значитъ лишь то, что историческая точка зрѣнія проникла въ настоящее время во всѣ сферы мысли, ибо идея развитія есть по преимуществу идея историческая: развитіе и исторія—синонимы.

Я по необходимости долженъ былъ сократить изложеніе, цѣлью котораго было представить вамъ важность исторической точки зрѣнія въ наукѣ и философіи XIX в. Будь въ моемъ распоряженіи больше времени, я могъ бы дополнить это изложеніе еще нѣкоторыми указаніями на то, что въ наше время и вопросы самой жизни, особенно вопросы общественные, все болѣе и болѣе рѣшаются путемъ историческаго изученія соотвѣтственныхъ явленій. Если бы моей главной темой было выясненіе важности—въ теоретическомъ и практическомъ отношеніяхъ—исторической точки зрѣнія, я остановился бы подробнѣе на всѣхъ намѣченныхъ мною пунктахъ, но и сказаннаго, полагаю, довольно будетъ для того, чтобы вы увидѣли, какое важное значеніе въ общемъ образованіи,—посредствомъ коего только и можно овладѣть современнымъ міросозерцаніемъ,—должно принадлежать историческому знанію, разъ историческая точка зрѣнія въ настоящее время играетъ такую важную роль и въ философіи, и во всѣхъ наукахъ, изучающихъ міръ дѣйствительности въ разныхъ его областяхъ и проявленіяхъ. Попробуемъ же теперь опредѣлить содержаніе общаго историческаго образованія.

Когда мы говоримъ объ историческомъ образованіи, мы прежде всего имѣемъ въ виду извѣстнаго рода *фактическія знанія*. Сами по себѣ факты еще не образуютъ науки: они составляютъ лишь ея матеріалъ, который наукою классифицируется, комбинируется, объясняется и т. д., въ результатѣ чего получаются общія понятія и идеи, отдѣльныя формулы и цѣлыя системы. У исторіи, какъ и у всякой другой науки, кромѣ фактическаго матеріала, есть еще свои собственные пріемы обработки этого матеріала, т.-е. свои *научные методы* и есть равнымъ образомъ свои *общія идеи*. Обладаніе извѣстнымъ фактическимъ и идейнымъ содержаніемъ и пользованіе извѣстными пріемами мысли и составляютъ общее историческое образованіе. Чѣмъ болѣе фактовъ знаетъ человѣкъ, тѣмъ онъ ученѣе, но есть нѣкоторый запасъ фактическихъ знаній, который долженъ имѣть каждый образованный человѣкъ. Ученые историки сами могутъ спеціализироваться въ разныхъ отдѣлахъ науки, выбирая предметомъ своихъ занятій тотъ

или другой народъ, ту или другую эпоху, ту или другую сторону культурной и соціальной жизни, но и они должны имѣть всѣ нѣкоторую общую основу, составляющую, такъ сказать, только высшую степень общаго историческаго образованія. Вотъ намъ и нужно, главнымъ образомъ, опредѣлить теперь, какого рода фактическія знанія прежде всего требуются самой идеей общаго историческаго образованія. Не слѣдуетъ, далѣе, думать, будто пріемами историческаго мышленія должны обладать исключительно одни ученые: научное мышленіе вообще можетъ примѣняться не только въ дѣлѣ ученаго изслѣдованія или построенія, но и во всѣхъ случаяхъ сужденія объ явленіяхъ жизни, т.-е. всякій разъ, когда только приходится вообще такъ или иначе относиться къ фактамъ, представляемымъ окружающею дѣйствительностью. Чтобы правильно поступать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, нужно правильно о немъ судить, правильное же сужденіе вообще развивается посредствомъ упражненія въ научныхъ пріемахъ мысли, воспитывающихъ и дисциплинирующихъ нашъ умъ. То прошлое, которое изучается исторической наукой, и то настоящее о которомъ намъ всѣмъ постоянно приходится составлять себѣ извѣстнаго рода мнѣнія, относятся вѣдь къ одной и той же категоріи явленій, а потому человѣкъ, привыкшій пользоваться пріемами научнаго историческаго мышленія, и о фактахъ современной жизни будетъ судить правильнѣе, чѣмъ человѣкъ, не получившій необходимой дисциплины ума, сообщаемой историческимъ образованіемъ. Я затрогиваю здѣсь, впрочемъ, вопросъ, о которомъ, къ сожалѣнію, не могу теперь распространяться по его сложности: коснувшись его, я хотѣлъ только подчеркнуть то общее положеніе, что историческое образованіе заключается не въ одномъ усвоеніи извѣстнаго запаса фактическихъ знаній, но и въ пріобрѣтеніи извѣстныхъ навыковъ мысли, въ пріобрѣтеніи умѣнія относиться къ окружающей жизни научнымъ образомъ. Мы видѣли, наконецъ, что историческое образованіе предполагаетъ, кромѣ обладанія извѣстнымъ фактическимъ содержаніемъ и нѣкоторыми пріемами мышленія, еще обладаніе и извѣстными идеями. Вообще можно сказать, что чѣмъ больше, чѣмъ шире и чѣмъ богаче содержаніемъ тотъ кругъ идей, который человѣкъ способенъ охватить и понять, тѣмъ болѣе человѣкъ этотъ имѣетъ правъ на названіе человѣка образованнаго. Ученость, состоящая преимущественно въ большомъ фактическомъ знаніи, и образованность, заключающаяся именно въ способности понимать большое количество идей, могутъ иногда находиться между собою въ отношеніи обратномъ: много знающій можетъ оказаться мало понимающимъ и, наоборотъ, способный много понимать весьма часто уступаетъ въ знаніяхъ лицамъ, меньше его понимающимъ. Если историческое обра-

зованіе прежде всего, какъ было сказано, предполагаетъ извѣстный запасъ фактическихъ знаній, а съ другой стороны, если всякое образованіе вообще состоитъ въ усвоеніи извѣстнаго идейнаго содержанія, нетрудно сдѣлать отсюда тотъ выводъ, что въ дѣлѣ историческаго образованія—въ его отличіи отъ исторической учености—особую важность имѣютъ фактическія данныя, которыя наиболѣе тѣснымъ образомъ связаны съ идеями, входящими въ содержаніе исторической науки.

Исторія слишкомъ обширна для того, чтобы можно было одному человѣку знать всѣ ея факты. Сами ученые дѣлятъ всю эту громадную область знанія на сравнительно небольшіе уголки, въ которыхъ и специализируются, стремясь по возможности вдоль и поперекъ изслѣдовать каждый уголокъ, игнорируя другіе, иногда даже наиболѣе близкіе уголки. Тѣмъ болѣе приходится дѣлать выборъ среди неизмѣримаго запаса историческихъ фактовъ для цѣлей общаго образованія. Каждая эпоха производила этотъ выборъ по-своему въ связи съ общими господствующими интересами и въ связи съ пониманіемъ существеннаго содержанія самой исторической науки. Было время, когда почти все вниманіе историковъ сосредоточивалось на разнаго рода громкихъ событіяхъ, особенно на международной политикѣ и въ частности на войнахъ («histoire-bataille»), вообще же говоря, на томъ, что у грековъ называлось τά πράγματα, у римлянъ—res gestae, у насъ въ старину «дѣяніями», какъ и до сихъ поръ у поляковъ и чеховъ исторія обозначается словами «dzieje» и «dějiny». Исторіи, имѣвшей такой исключительно прагматическій характеръ, понятой, какъ исторія внѣшняя, впослѣдствіи стала противополагаться исторія внутренняя, культурная и соціальная, имѣющая своимъ содержаніемъ не событія, а бытъ, т.-е. матеріальную и духовную жизнь народа, его политическія, юридическія и экономическія отношенія. Отдѣльныя стороны этого быта разрабатываются спеціальными науками въ родѣ исторіи литературы или исторіи права, но рядомъ съ ними, конечно, должна существовать и общая культурно-соціальная исторія и притомъ не какъ сумма спеціальныхъ исторій религіи, литературы, искусства, права, народнаго хозяйства и т. п., а какъ единая и цѣльная наука, имѣющая своимъ предметомъ особое конкретное бытіе—общество во всѣхъ сторонахъ его быта. Такая общая культурно-соціальная исторія сводится главнымъ образомъ къ исторіи идей и учрежденій, характеризующихъ каждое данное общество въ отдѣльности (относя къ категоріи идей его религію, философію, этику, политическія воззрѣнія и науку съ ихъ отраженіемъ въ литературѣ и искусствѣ и разумѣя подъ общимъ понятіемъ учрежденій политическія, юридическія и экономическія отношенія общества, т.-е.

всѣ стороны быта, изученіе коихъ въ нашихъ университетахъ подѣлено между историко-филологическимъ и юридическимъ факультетами). Само собою разумѣется, что изъ всѣхъ фактическихъ данныхъ исторической науки наиболѣе общеобразовательный характеръ—въ смыслѣ сдѣланнаго выше указанія—имѣютъ идеи, проявляющіяся въ религіи, философіи, наукѣ, литературѣ, искусствѣ разныхъ народовъ, а вмѣстѣ съ ними учрежденія, или вообще разныя соціальныя отношенія, т.-е. формы государственнаго, правового и хозяйственнаго быта народовъ, существующія не только, какъ извѣстные объективные порядки, но и какъ принципы въ сознаніи самихъ народовъ, и приводящіеся опять-таки къ идеямъ въ мыслящемъ умѣ посторонняго наблюдателя. Вотъ почему съ точки зрѣнія требованій общаго образованія, не касаясь другихъ сторонъ дѣла, мы должны отдать предпочтеніе культурно-соціальной исторіи передъ прагматическою, которая сама получаетъ весь свой интересъ — опять-же съ указанной точки зрѣнія — лишь въ связи съ исторіей культурно-соціальной. Если отвлечься отъ того драматическаго интереса, который присущъ великому множеству историческихъ событій, интереса часто болѣе художественнаго, чѣмъ научнаго, болѣе психологическаго, чѣмъ историческаго,—событія лишь тогда способны привлекать къ себѣ наше вниманіе, когда оказываютъ вліяніе на культурную и соціальную жизнь общества, на движеніе его идей, на измѣненіе его учрежденій и постольку являются не простыми фактами, лишенными внутренняго, духовнаго содержанія, но именно такими событіями, которыя соприкасаются съ тѣмъ, что мы можемъ назвать идейною, т.-е. наиболѣе общеобразовательною стороною исторической науки. Обыкновенно такія событія для своего объясненія сами нуждаются въ анализѣ вызвавшихъ ихъ стремленій и отношеній, въ пониманіи культурныхъ идей и соціальныхъ учрежденій, лежавшихъ въ основѣ этихъ стремленій и отношеній. При указанной точкѣ зрѣнія, которую мы можемъ назвать соціологическою, изученіе исторіи пріучаетъ нашъ умъ при всѣхъ сужденіяхъ и о современныхъ намъ событіяхъ или объ окружающихъ насъ культурно-соціальныхъ формахъ имѣть въ виду все общество, схватывать взаимоотношенія совершающихся въ немъ фактовъ и характеризующихъ его явленій и понимать способъ происхожденія всѣхъ этихъ фактовъ и явленій. Особенно же цѣли общаго образованія требуютъ, чтобы такая исторія какъ можно болѣе имѣла въ виду живущаго въ обществѣ человѣка, въ которомъ и чрезъ котораго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для котораго — существуютъ разныя стороны культурнаго и соціальнаго быта, характеризующаго отдѣльные народы. Исторія, какъ наука общеобразовательная, должна именно стремиться къ тому, чтобы не только не терять изъ виду самого об-

щества за отдѣльными сторонами его быта, но и не забывать того, что само общество складывается изъ отдѣльныхъ личностей, которыя однѣ только и являются въ исторіи существами мыслящими, чувствующими, желающими, стремящимися и дѣйствующими, въ которыхъ и при посредствѣ которыхъ только и могутъ имѣть реальное бытіе изучаемыя нами культурныя и соціальныя формы, опредѣляющія собою притомъ благополучіе и неблагополучіе этихъ существъ. Все, что имѣетъ ближайшее отношеніе къ внутреннему міру человѣческой личности и къ ея внѣшнему положенію въ обществѣ, должно поэтому особенно выдвигаться на первый планъ въ исторіи, какъ предметѣ общеобразовательномъ, ибо бо́льшая часть тѣхъ общихъ идей, которыя сближаютъ ее съ жизнью отдѣльнаго лица и цѣлаго общества, касается именно внутренняго, духовнаго міра и внѣшняго, общественнаго положенія человѣческой личности. Если соціологическая точка зрѣнія, опредѣленіе коей было сдѣлано выше, есть точка зрѣнія, многими принимаемая за научную по преимуществу, то во всякомъ случаѣ, особенно-же когда рѣчь заходитъ объ общемъ образованіи, она не можетъ не быть вмѣстѣ съ тѣмъ и точкой зрѣнія гуманной, общечеловѣческой, а разъ это такъ, то и всемірно-историческою. Дѣло въ томъ, что интересъ къ человѣческой личности, какъ къ таковой, заставляетъ насъ слѣдить за ея историческими судьбами въ жизни всего человѣчества, поскольку эти судьбы были различны у разныхъ народовъ, въ разныя эпохи, на разныхъ ступеняхъ развитія, въ то самое время, какъ, кромѣ того, взаимодѣйствія между отдѣльными обществами и культурная преемственность народовъ образуютъ изъ суммы отдѣльныхъ частныхъ исторій единую и общую исторію человѣчества.

Вотъ именно-то внесеніемъ въ нашу науку соціологической, гуманитарной и всемірно-исторической точекъ зрѣнія, съ одной стороны, наиболѣе придается ей характеръ общеобразовательнаго предмета знанія, а съ другой—опредѣляется содержаніе того фактическаго матеріала и тѣхъ идей, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ самой сущности общаго историческаго образованія. Такъ дѣло представляется теоретически вообще, но рядомъ съ этимъ существуютъ еще извѣстныя жизненныя требованія, вносящія нѣкоторыя дополненія къ высказанному взгляду. Съ соціологической, гуманитарной и универсальной точекъ зрѣнія не всѣ стороны культурной и соціальной жизни, не всѣ эпохи и не всѣ народы, разумѣется, имѣютъ одинаковое значеніе, но то же самое можно сказать и относительно жизненныхъ требованій отъ общаго образованія. Внутренній міръ личности опредѣляется, напр., болѣе содержаніемъ ея мысли, чѣмъ формою ея рѣчи, а внѣшнее положеніе личности въ обществѣ—болѣе ея принадлежностью къ извѣстному

соціальному классу, чѣмъ ея внутреннимъ міромъ, или, напр., исторія грековъ имѣетъ болѣе важное значеніе, чѣмъ исторія лидійцевъ или фригійцевъ, и все это, конечно, съ той или другой теоретической точки зрѣнія, но разъ общее историческое образованіе, какъ и вообще всякое образованіе, должно служить еще цѣлямъ и потребностямъ жизни, нельзя упускать изъ виду и того, что и для послѣдней также не всѣ историческія знанія одинаково бываютъ цѣнны. Мы не будемъ далеки отъ истины, если скажемъ, что близость къ намъ исторіи тѣхъ или другихъ народовъ и эпохъ тоже опредѣляетъ количество общеобразовательныхъ элементовъ въ фактическомъ и идейномъ содержаніи науки. Понятно, что съ такой точки зрѣнія, напр., отечественная исторія важнѣе иностранной, европейская важнѣе азіатской или африканской, новая и новѣйшая важнѣе средневѣковой и древней—важнѣе именно для образованныхъ читателей, наблюдателей, дѣятелей данной страны и даннаго времени, а не для просвѣщенныхъ людей вообще, которыми не должны переставать быть гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было всѣ образованные читатели, наблюдатели и дѣятели. Какъ бы то ни было, весьма естественно, что въ общемъ историческомъ преподаваніи нашихъ университетовъ изученію родного прошлаго отводится почетное мѣсто, но нельзя не пожалѣть, что новѣйшая исторія, т.-е. исторія столѣтія, подходящаго нынѣ къ концу, находится у насъ въ пренебреженіи, хотя именно она-то и можетъ особенно имѣть общеобразовательный характеръ и по соціологическому, гуманитарному и универсальному своему значенію, не подлежащему, конечно, ни малѣйшему сомнѣнію, и по своей хронологической къ намъ близости, какъ наименѣе далекое прошлое, наиболѣе поэтому объясняющее современность и тѣмъ самымъ одно только могущее дать намъ ея правильное пониманіе. Пусть новѣйшая исторія въ настоящее время не можетъ еще быть предметомъ научнаго изслѣдованія въ такой же мѣрѣ, какъ болѣе отдаленные и, какъ говорится, уже завершившіеся, законченные періоды исторіи, но не въ этомъ заключается препятствіе къ тому, чтобы сужденіе о ближайшемъ прошломъ совершалось въ научномъ духѣ, т.-е. на основаніи правильныхъ пріемовъ историческаго мышленія, выработанныхъ на изученіи болѣе отдаленныхъ эпохъ: если одна изъ задачъ историческаго образованія состоитъ въ сообщеніи лицу привычки извѣстнымъ образомъ относиться къ современной дѣйствительности, то наилучшимъ образомъ можно этого достигнуть лишь при такомъ условіи, чтобы между изученіемъ прошлаго и сужденіемъ о настоящемъ не было того разрыва, который существуетъ, благодаря недостаточному знанію новѣйшей исторіи. Извиняюсь за это небольшое отступленіе, вызванное вопросомъ объ общеобразовательномъ значеніи исторіи новѣйшаго вре-

мени, но это отчасти относится къ затронутой выше темѣ о значеніи историческаго образованія для выработки научнаго отношенія къ современности. Въ самомъ дѣлѣ, современность, во-первыхъ, не должна быть оторвана отъ прошлаго, что необходимо происходитъ, разъ изученіе послѣдняго останавливается на историческомъ моментѣ, не особенно уже къ намъ близкомъ, въ родѣ, напр., французской революціи или вѣнскаго конгресса, а во-вторыхъ, лишь изучая новѣйшую исторію съ тѣми научными пріемами, которые выработаны при изслѣдованіи болѣе отдаленныхъ событій и эпохъ, мы могли бы особенно хорошо подготовить себя къ тому, чтобы—въ смыслѣ примѣненія научнаго метода, который въ данномъ случаѣ есть методъ историческій—не дѣлать никакого различія между фактами далекаго и близкаго прошлаго, между фактами прошлаго вообще и фактами настоящаго, сохраняя, разумѣется, за собою право оцѣнивать ихъ съ точки зрѣнія морали, политики и историческаго прогресса и ставить своей дѣятельности тѣ или другія общія цѣли. Чѣмъ болѣе будетъ развиваться и совершенствоваться историческое образованіе, тѣмъ болѣе научный духъ вообще и въ частности историческій методъ будутъ руководить нами при составленіи сужденій о ближайшемъ прошломъ, и чѣмъ болѣе это ближайшее прошлое будетъ изучаться нами при помощи пріемовъ, характеризующихъ историческое изслѣдованіе, тѣмъ болѣе мы будемъ научаться вносить тотъ же научный духъ и тѣ же пріемы мысли въ наше субъективное отношеніе къ современной дѣйствительности.

Вернемся, однако, къ нашей главной темѣ. Я уже сказалъ, что всякое общее образованіе по самому существу своему должно быть идейно. Содержаніемъ идей могутъ быть общіе вопросы о бытіи и знаніи, объ окружающей насъ внѣшней природѣ, о человѣкѣ, его внутреннемъ мірѣ и его общественности, но главныя идеи, касающіяся именно человѣка съ его культурными и соціальными отношеніями, тверже всего основываются именно на историческомъ знаніи и лучше всего усваиваются именно путемъ историческаго изученія. Въ прошломъ столѣтіи моральныя и политическія идеи разрабатывались и воспринимались совершенно отвлеченно, какъ нѣчто существующее внѣ времени и пространства, но XIX вѣкъ сталъ понимать ихъ въ ихъ историческомъ развитіи и познавать ихъ въ ихъ историческомъ происхожденіи. Въ настоящее время этимъ дѣломъ занимаются спеціальныя дисциплины, имѣющія своею цѣлью представить эволюцію идей религіозныхъ и философскихъ, моральныхъ и соціальныхъ и т. п. Замѣчу между прочимъ, что отдѣльные предметы, преподаваемые на нашемъ факультетѣ,—кромѣ тѣхъ, конечно, которые имѣютъ въ виду не то или другое духовное содержаніе, а извѣстныя внѣшнія формы,—являются въ сущности спеціальными исто-

рическими дисциплинами, между коими подѣлено изученіе духовной культуры и образующихъ ее идей. Общая исторія у насъ должна была бы быть поэтому центромъ всѣхъ этихъ дисциплинъ, восполняя вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ существенный недостатокъ преподаванія на нашемъ факультетѣ: такъ какъ у насъ не преподаются ни общая теорія права, ни общая политика, ни политическая экономія, студентамъ нашего факультета приходится знакомиться съ юридическими, политическими и экономическими понятіями только изъ исторіи. Но вѣдь и у юристовъ, коимъ преподаются названные предметы, главныя идеи соотвѣтственныхъ категорій равнымъ образомъ получаютъ историческое освѣщеніе. Въ сущности это лишь два разныхъ, хотя и одинаково историческихъ способа разработки и усвоенія культурныхъ и соціальныхъ идей. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ преимуществѣ исторической точки зрѣнія передъ совершенно отвлеченной. Идеи, каково бы ни было ихъ содержаніе, не имѣютъ самостоятельнаго бытія внѣ человѣческаго сознанія, послѣднее же подлежитъ нашему наблюденію въ данныхъ исторической науки, которая свидѣтельствуетъ намъ лишь о томъ, что всѣ идеи, двигавшія исторію, сами порождались тою же исторической жизнью: понять всесторонне такую или иную идею значитъ, между прочимъ, постигнуть ея историческое происхожденіе, какъ слѣдствія извѣстныхъ культурныхъ и соціальныхъ причинъ, и оцѣнить ея историческую роль, какъ фактора, участвовавшаго въ созданіи тѣхъ или другихъ перемѣнъ въ духовной или общественной жизни народовъ. Идеи нельзя вообще отрывать отъ породившей ихъ жизни ни въ смыслѣ полнаго игнорированія ихъ историческаго происхожденія и значенія, ни въ смыслѣ совершеннаго разобщенія ихъ между собою, какъ составныхъ частей цѣлыхъ міросозерцаній. Я далекъ отъ того, чтобы утверждать, будто рядомъ съ историческимъ изученіемъ не должно вовсе существовать и другого, чисто теоретическаго или принципіальнаго къ нимъ отношенія, ибо одна историческая точка зрѣнія сама по себѣ была бы большою односторонностью, и совершенно такъ же я далекъ отъ той мысли, чтобы ни подъ какимъ видомъ не допускать изученія отдѣльныхъ идей (или ихъ категорій) помимо той связи, въ какой онѣ находятся съ другими идеями. Если даже, однако, всякое болѣе глубокое изученіе требуетъ выдѣленія извѣстнаго явленія или понятія, обособленія ихъ отъ всѣхъ смежныхъ или родственныхъ явленій и понятій, то бо́льшая широта взгляда достигается именно только тогда, когда мы схватываемъ взаимоотношеніе, существующее въ дѣйствительности между отдѣльными идеями и ихъ различными категоріями. То же можно сказать и относительно изученія учрежденій въ широкомъ смыслѣ этого слова: потребность въ углубленіи знаній создала отдѣльныя политиче-

скія, юридическія и экономическія дисциплины, но широта общаго взгляда на общество достижима лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы были постигнуты взаимныя отношенія государства, права и народнаго хозяйства. Еще бóльшая широта взгляда на общество должна получиться тогда, когда понято будетъ не только взаимное отношеніе между государствомъ, правомъ и народнымъ хозяйствомъ, не только взаимное отношеніе между политическими, юридическими и экономическими формами и идеями соотвѣтственныхъ категорій, но и то отношеніе, въ какомъ находятся между собою сами соціальныя формы и соціальныя идеи къ идеямъ культурнымъ, т.-е. къ религіи, философіи, морали. Замѣчу вскользь, что однимъ изъ недостатковъ существующаго преподаванія на нашихъ юридическихъ факультетахъ и является отсутствіе въ ихъ программѣ общихъ курсовъ исторіи, въ которыхъ культурное содержаніе могло бы получить большее или меньшее развитіе: если студента-филолога только исторія знакомитъ съ соціальною стороной жизни человѣчества, съ государствомъ, правомъ, народнымъ хозяйствомъ, то студентовъ-юристовъ опять-таки лишь она могла бы знакомить съ культурною стороною этой жизни—съ религіей, философіей, моралью, литературой, искусствомъ.

Становясь на историческую точку зрѣнія при изученіи культурныхъ идей, равно какъ и тѣхъ принциповъ, которые лежатъ въ основѣ соціальныхъ формъ, весьма легко впасть въ узкій націонализмъ, если эта точка зрѣнія не будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ соціологической, гуманитарной и универсальной. Отвлеченная философія XVIII вѣка имѣла и свои сильныя стороны, и между ними для насъ важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что она возвышалась до общихъ идей общества, человѣческой личности и всего человѣчества. Въ эпоху наиболѣе сильной реакціи противъ идей и методовъ XVIII в. историческая точка зрѣнія получала характеръ нерѣдко націоналистическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ консервативнаго направленія, не особенно благосклоннаго къ тому, что XVIII вѣкъ провозгласилъ, какъ права человѣка и гражданина, т.-е. къ требованіямъ развитой человѣческой личности. Не нужно, однако, думать, что сама по себѣ историческая точка зрѣнія должна приводить къ такому результату: по существу дѣла она есть лишь извѣстный методъ, отнюдь еще не обусловливающій субъективнаго отношенія нашего къ общественнымъ вопросамъ, къ правамъ и интересамъ личности, къ національнымъ различіямъ, существующимъ въ человѣчествѣ. Если раціонализмъ XVIII в. пренебрегалъ всѣмъ исторически-сложившимся лишь потому, что оно было именно такого происхожденія, и если это было дурно, то не менѣе заслуживаетъ порицанія и обратное отношеніе къ прошлому, т.-е. безусловное уваженіе къ тому, что

создано исторіей, и именно на томъ лишь основаніи, что оно было создано исторіей. Прошлому столѣтію, далѣе, ставятъ въ упрекъ его отвлеченное отношеніе къ человѣчеству, въ силу котораго «философія» тогдашняго времени не принимала въ расчетъ національныхъ различій и національныхъ условій существованія отдѣльныхъ частей человѣческаго рода; въ этой области мыслители XVIII в., дѣйствительно, сильно ошибались, но ихъ такъ называемый космополитизмъ въ нѣкоторомъ смыслѣ былъ только высшей, всемірно-исторической точкой зрѣнія, которую напрасно стали потомъ отвергать во имя узкаго національзма, будто бы оправдываемаго исторіей, наоборотъ, свидѣтельствующей о томъ, что между отдѣльными націями совершается постоянное культурное взаимодѣйствіе и всегда существуетъ извѣстная преемственность, такъ какъ это не позволяетъ видѣть въ отдѣльныхъ народностяхъ самобытные, обособленные, только для себя существующіе культурные типы. Наконецъ, во имя исторической точки зрѣнія,—что ею вовсе опять-таки и не требуется,—мы вовсе не должны лишать себя заявленнаго XVIII вѣкомъ права человѣческой мысли оцѣнивать дѣйствительность и предъявлять къ ней свои требованія, имѣя въ виду стремленія индивидуальнаго развитія. Мало того, исторія оправдываетъ въ концѣ-концовъ такое отношеніе къ дѣйствительности, ибо въ послѣднемъ анализѣ сама исторія существуетъ только въ личностяхъ, чрезъ личности и для личностей, а потому и не можетъ быть понимаема съ достаточною глубиною и широтою, если не будетъ оцѣниваться съ точки зрѣнія стремленій, интересовъ и правъ отдѣльныхъ личностей. Историческое отношеніе къ дѣйствительности нерѣдко упрекали въ томъ, будто оно само по себѣ естественно и необходимо должно вести и къ упорному консерватизму, какъ къ результату чрезмѣрнаго почитанія историческихъ традицій, и къ узкому національзму, весьма понятному при обращеніи особаго вниманія на то, что создано въ исторической жизни условіями существованія данной народности, и, наконецъ, къ пренебреженію правами, интересами и стремленіями личности, разъ послѣднія расходятся съ исторически сложившимся порядкомъ вещей. Если, дѣйствительно, подобныя явленія и наблюдаются въ исторіи философіи, науки и публицистики XIX в., то прямую ихъ причину никакъ не нужно искать въ примѣненіи исторической точки зрѣнія къ разработкѣ разныхъ культурныхъ и соціальныхъ идей. Раціонализмъ XVIII в. и историзмъ XIX столѣтія, повторяю, имѣютъ значеніе лишь методовъ, оказывающихъ большое вліяніе на общій характеръ моральнаго и соціальнаго міросозерцанія, отнюдь, однако, не значеніе исходныхъ пунктовъ, коими опредѣлялось бы самое содержаніе нашихъ нравственныхъ и общественныхъ принциповъ и стремленій.

Какъ ни различны раціоналистическая и историческая точки зрѣнія на дѣйствительность, обѣ онѣ могутъ ложиться одинаково въ основу аргументовъ, защищающихъ діаметрально-противуположныя воззрѣнія, хотя, конечно, сила послѣднихъ будетъ зависѣть не отъ той точки зрѣнія, которая послужитъ основаніемъ всѣхъ аргументовъ, а отъ того, насколько чистое умозрѣніе и выводы изъ наблюденій будутъ соотвѣтствовать подлинной исторической дѣйствительности и тѣмъ стремленіямъ къ истинѣ и справедливости, которыя проявляются во всемірно-историческомъ прогрессѣ. Однимъ словомъ, историческое пониманіе идей и учрежденій, историческое отношеніе къ вопросамъ культурной и соціальной жизни не должно быть непремѣнно враждебнымъ историческому прогрессу, международной солидарности и стремленіямъ личности, какъ это можетъ казаться запоздалымъ сторонникамъ раціоналистическихъ воззрѣній и какъ это выходитъ нерѣдко у писателей, пользующихся историческою точкой зрѣнія для обоснованія своихъ болѣе или менѣе отсталыхъ стремленій.

Относясь къ культурнымъ идеямъ и соціальнымъ формамъ съ исторической точки зрѣнія и внося въ общее пониманіе всякой исторіи научный духъ, вы не въ правѣ будете не признать, что историческая жизнь заключается въ постоянныхъ постановкахъ и рѣшеніяхъ нравственныхъ и общественныхъ вопросовъ, будетъ ли то совершаться въ области идей, т.-е. лишь теоретически, или же и въ сферѣ соціальныхъ отношеній, т.-е. практически, будетъ ли то дѣлаться съ бо́льшимъ или меньшимъ сознаніемъ цѣлей и средствъ, съ бо́льшимъ или меньшимъ пониманіемъ того, какой вопросъ стоитъ на очереди, при какихъ условіяхъ его приходится рѣшать, въ какомъ направленіи, наконецъ, онъ можетъ быть рѣшенъ при данныхъ обстоятельствахъ и т. п. Практическое рѣшеніе вопросовъ, ставимыхъ жизнью, часто совершающееся вполнѣ безсознательно, безъ достаточнаго пониманія, именно по тому самому и бываетъ въ большинствѣ случаевъ ошибочнымъ, но и сама теорія постоянно заблуждается, если сознаніе не считается съ фактами дѣйствительности, если пониманіе того, что необходимо и что возможно, не основывается на данныхъ опыта и наблюденія. И тутъ недостаточно еще знать среду, въ которой приходится дѣйствовать, недостаточно поэтому ограничивать свое знакомство съ исторіей лишь прошлаго и настоящаго родной страны: нужно имѣть еще въ виду и чужой опытъ, поскольку онъ можетъ чему-либо научить или, по крайней мѣрѣ, уяснить кое-что въ родной дѣйствительности, нужно имѣть въ виду также и идеи, вырабатываемыя общечеловѣческимъ сознаніемъ, какъ высшія цѣли всемірной исторіи. Въ послѣднемъ отношеніи, т.-е. и въ смыслѣ указаній чужого опыта, и въ смыслѣ зна-

нія итоговъ культурно-соціальнаго прогресса, совершившагося до сего времени, особенно важное значеніе имѣетъ знакомство съ новой и новѣйшей исторіей Запада, поскольку, съ одной стороны, во многихъ отношеніяхъ мы лишь позднѣе идемъ по тѣмъ же самымъ историческимъ путямъ, по которымъ прежде уже прошли опередившія насъ европейскія націи, и поскольку, съ другой стороны, современная европейская цивилизація, обязанная своими успѣхами романскимъ и германскимъ народамъ, можетъ разсматриваться, какъ главное наслѣдіе всемірной исторіи, заключающее въ себѣ наибольшее количество задатковъ и указаній для будущаго. Но и вообще въ наше время никакая общественная дѣятельность немыслима безъ историческаго образованія, которое одно способно сообщить не только необходимыя знанія и необходимое умѣніе оріентироваться среди запутанныхъ отношеній дѣйствительности, но и ту широту взгляда, и то пониманіе историческаго процесса, отсутствіе коихъ всегда будетъ дѣлать безплодными всѣ наши усилія влiять на рѣшеніе историческою жизнью ставимыхъ ею вопросовъ. Міръ явленій, подлежащій нашему познаванію и воздѣйствію, состоитъ изъ великаго множества процессовъ и каждая ихъ категорія совершается по присущимъ ей законамъ: кто хочетъ оказывать вліяніе на происходящія вокругъ него событія, долженъ знать, какъ эти событія вообще совершаются. Всѣ члены общества, конечно, въ разной степени участвуютъ въ рѣшеніи жизненныхъ вопросовъ, ставимыхъ ходомъ исторіи, и правильная, цѣлесообразная и успѣшная дѣятельность въ этой области возможна лишь не только при знаніи условій мѣста и времени, равно какъ данныхъ чужого опыта и главнѣйшихъ нравственныхъ и общественныхъ идей, развивающихся въ всемірно-историческомъ процессѣ, но и при вѣрномъ пониманіи того, какъ вообще совершается этотъ историческій процессъ. Только изученіе исторіи можетъ привести къ такому пониманію, хотя, нужно сознаться, общая теорія историческаго процесса, которая могла бы заявить притязаніе на полную научность, есть еще дѣло далекаго будущаго. Концепціи XVIII в., для коего историческія перемѣны были лишь результатами личнаго творчества, притомъ творчества вполнѣ сознательнаго и произвольнаго, XIX вѣкъ главнымъ образомъ противопоставилъ идею эволюціи, т.-е. саморазвитія культурныхъ и соціальныхъ явленій какъ бы безъ всякаго участія въ немъ мысли и воли людей, но изученіе исторіи должно рано или поздно окончательно обнаружить односторонность обоихъ этихъ взглядовъ, указавъ надлежащимъ образомъ на относительное значеніе личныхъ усилій и общихъ условій въ происхожденіи историческихъ перемѣнъ. Исторія именно постоянно будетъ свидѣтельствовать, что сами по себѣ личныя усилія, не сообразующіяся съ

условіями мѣста и времени, всегда будутъ безплодны, но что, съ другой стороны, и эти условія производятъ что-либо лишь при участіи личныхъ усилій, могущихъ, въ свою очередь, быть сознательными въ большей или меньшей степени и находиться въ разныхъ отношеніяхъ къ правильному пониманію того, что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ. Только подъ условіемъ знанія, какъ совершается исторія, возможно и сколько-нибудь вѣрное пониманіе одной идеи, въ образованіи коей участвовали и раціонализмъ XVIII в. съ его надеждою на лучшее будущее для всѣхъ народовъ, и историческое изученіе съ своимъ взглядомъ на прошлое, какъ на постепенное культурно-соціальное развитіе человѣчества. Я говорю именно объ идеѣ прогресса. XVIII вѣкъ съ его вѣрой въ человѣческій разумъ и въ силу сознательнаго творчества въ общемъ былъ настроенъ самымъ оптимистическимъ образомъ, и однимъ изъ наслѣдій, оставленныхъ имъ нашему столѣтію—и, нужно надѣяться, будущимъ временамъ—является идея прогресса, впервые понятаго въ прошломъ вѣкѣ, какъ совершенствованіе человѣчества въ умственномъ, нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ. Философскій вѣкъ намѣтилъ и примѣненіе этой идеи къ разсмотрѣнію исторической жизни человѣчества, создавъ такъ называемую философію исторіи и завѣщавъ будущему выработать теорію прогресса не на основаніи однихъ чаяній разума, но и на основаніи знанія условій историческаго существованія человѣчества. По всей вѣроятности, до сихъ поръ мы еще не были въ состояніи оцѣнить все то значеніе, какое можетъ имѣть эта идея прогресса, идея одновременно и философская, и историческая—для нашей умственной, нравственной и общественной жизни. Въ XIX вѣкѣ, создавшемъ историческое отношеніе къ дѣйствительности, идея прогресса и родственная ей, хотя и нѣсколько отъ нея отличная идея развитія сдѣлалась одною изъ руководящихъ идей въ пониманіи исторіи, какъ исторія совершалась до сихъ поръ и что представляетъ она изъ себя по существу: точка зрѣнія развитія, или эволюціонизмъ, какъ мы видѣли, характеризуетъ вообще основныя философскія и научныя концепціи XIX в., а идея прогресса есть лишь субъективное выраженіе понятія эволюціи, такъ какъ подъ прогрессомъ разумѣется ничто иное, какъ развитіе въ человѣчествѣ всего того, что дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, возвышая его надъ міромъ животныхъ. Оптимизмъ прошлаго вѣка подвергся сильному испытанію, значительно его поколебавшему, когда дѣйствительность разбила многія изъ его надеждъ и ожиданій, и въ XIX столѣтіи, какъ извѣстно, получили большое развитіе пессимистическія ученія, возникшія и нашедшія для своего распространенія удобную среду, благодаря соотвѣтственному настроенію въ обществѣ, но нужно думать, что наилучшимъ средствомъ

въ борьбѣ съ отравляющимъ жизнь пессимизмомъ особенно можетъ служить идея прогресса, идея улучшенія условій и формъ человѣческаго существованія. Оптимистическій раціонализмъ прошлаго вѣка, не считавшійся съ данными исторіи, своими преувеличеніями дискредитировалъ заявленныя имъ прогрессивныя чаянія, но суровый жизненный опытъ, породившій пессимистическое настроеніе, лишь тогда могъ бы имѣть вполнѣ рѣшающее значеніе, если бы историческая наука не свидѣтельствовала, что все прошлое человѣчество было постепеннымъ развитіемъ культурныхъ и соціальныхъ формъ, отражавшимся на улучшеніи человѣческой жизни и дающимъ основаніе ожидать того же и въ будущемъ. Въ такомъ пониманіи, т.-е. противопоставляемая пессимизму, разъѣдающему нравственное сознаніе множества нашихъ современниковъ, историческая идея прогресса, въ которой мы можемъ утверждаться лишь путемъ ознакомленія съ прошлыми судьбами человѣчества, получаетъ значеніе идеи этической, и въ этомъ значеніи, быть можетъ, ей еще впереди суждено съиграть свою настоящую роль въ культурной и соціальной исторіи человѣчества, въ культурной—какъ идеѣ, способной дать извѣстную окраску цѣлымъ міросозерцаніямъ, въ соціальной—какъ практическому принципу, приглашающему работать надъ осуществленіемъ въ общественной жизни тѣхъ идеаловъ, которые постепенно уяснялись въ сознаніи человѣчества, жившаго историческою жизнью, и мало-по-малу уже воплощались въ этой жизни, благодаря развитію личнаго самосознанія и усиліямъ личности улучшить общія условія своего существованія. Лишь широкое историческое образованіе можетъ вообще дать понятіе о содержаніи этихъ идеаловъ, о значеніи этого самосознанія, о роли этихъ усилій и воспитать въ человѣкѣ настоящую гуманность, интересъ и уваженіе къ человѣческой личности, къ какой бы расѣ и національности, къ какому бы вѣроисповѣданію и государству, къ какому бы культурному слою и соціальному классу она ни принадлежала. И я думаю поэтому, что историческому образованію должно принадлежать по полному праву и воспитательное значеніе, котораго это образованіе и не можетъ лишиться, если только мы будемъ изучать прошлое человѣчества съ гуманитарной и универсальной точекъ зрѣнія, развивая въ себѣ интересъ къ человѣческой личности и къ человѣчеству и тѣмъ самымъ подготовляя себя къ пониманію и служенію идеѣ историческаго прогресса.

Теоретическіе вопросы исторической науки *).

Позвольте мнѣ начать изложеніе своихъ мыслей о теоретическихъ вопросахъ исторической науки съ краткаго обзора того, какъ ставились до сихъ поръ эти вопросы въ научной и философской литературѣ. Литература эта достигаетъ громадныхъ размѣровъ и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивается [1]): въ ней, конечно, прежде всего, нужно разобраться, опредѣливъ, что ею уже сдѣлано, и отмѣтивъ, чѣмъ она до сихъ поръ пренебрегала, дабы тѣмъ самымъ установить, въ чемъ же, главнымъ образомъ, должна заключаться дальнѣйшая разработка теоретическихъ вопросовъ исторической науки. Замѣчу напередъ, что изъ послѣднихъ я выдѣляю теперь для нашего разсмотрѣнія одну только категорію, а именно вопросы, касающіеся самого историческаго процесса, какъ предмета науки, оставляя въ сторонѣ вопросы о томъ, какъ слѣдуетъ писать [2]) или изучать [3]) исторію, и вопросы, относящіеся къ теоріи исторической критики [4]) или къ исторической методологіи [5]). Міръ явленій, къ которому принадлежитъ и исторія, представляетъ изъ себя совокупность весьма разнообразныхъ процессовъ, изъ коихъ каждый, отличаясь отъ другихъ особенными, ему только свойственными чертами, долженъ имѣть свою теорію, и вотъ въ этомъ-то смыслѣ я буду говорить въ настоящемъ своемъ рефератѣ о теоріи исторіи, о теоріи историческаго процесса.

Впервые съ идеей теоріи историческаго процесса мы встрѣчаемся у писателей XVIII вѣка и ранѣе всѣхъ у Вико, автора прославившейся только въ нашемъ столѣтіи *Новой науки*, которая вышла въ свѣтъ въ 1726 г. [6]) Съ легкой руки первыхъ переводчиковъ и популяризаторовъ этой книги (въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка) [7]), значеніе итальянскаго мыслителя, остававшагося совершенно одинокимъ въ свое время, было нѣсколько преувеличено, хотя и несомнѣнно, что онъ былъ первый, кто поставилъ наукѣ новую задачу—изслѣдовать то, что впослѣдствіи стали называть историческими законами. Въ исторіи отдѣльныхъ народовъ Вико подмѣтилъ нѣкоторое единообразіе, которое и объ-

---

*) Рефератъ, читанный въ засѣданіи Историческаго Общества при Петербургскомъ университетѣ 24 января 1890 г.

яснилъ себѣ, какъ результатъ ихъ общей природы и вытекающаго отсюда единства въ способѣ ихъ развитія: передъ его воображеніемъ даже носилась нѣкоторая «идеальная и вѣчная», какъ самъ онъ выражается, исторія всѣхъ народовъ, ибо онъ думалъ, что дѣла человѣческія повторяются, когда націи возобновляются, и что потому вполнѣ возможно установить «единообразный ходъ націй». На его воззрѣніяхъ, какъ слѣдуетъ думать, сказалось вліяніе древней философіи: съ одной стороны, идеализмъ Платона внушилъ ему мысль о вѣчной исторіи, повторяемой всѣми народами, какъ объ «идеѣ» исторіи; съ другой—у Аристотеля онъ заимствовалъ принципъ, что наука должна говорить лишь о вѣчномъ и общемъ. Вико не оказалъ никакого вліянія на современниковъ, и первую оцѣнку его мысли нашли только черезъ сто лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ его *Новой науки*. Въ томъ же XVIII вѣкѣ, только нѣсколько позднѣе, идея о томъ, что исторія должна имѣть свою теорію, стала встрѣчаться у французскихъ и нѣмецкихъ писателей, положившихъ начало цѣлой историко-философской литературѣ, но исходный пунктъ у нихъ былъ уже иной, чѣмъ у Вико: интересовало ихъ не то, какъ совершается исторія у каждаго народа, т.-е. не сущность историческаго процесса, отвлеченно взятаго, а то, что представляетъ изъ себя дѣйствительная исторія всѣхъ народовъ, образующихъ человѣчество, или философія всемірной исторіи. Если писатели эти и касались вопросовъ, входящихъ въ составъ теоріи историческаго процесса въ его отвлеченной сущности, то вовсе не сознавая возможности положить этимъ начало особой теоретической наукѣ; ихъ занимала, главнымъ образомъ, идея прогресса въ приложеніи ко всему теченію всемірной исторіи, взятой въ цѣломъ, и именно съ этой точки зрѣнія писали свои извѣстные труды Тюрго и Кондорсэ во Франціи, Гердеръ въ Германіи [8]. Въ эту эпоху, собственно говоря, и началось сознательное приложеніе философіи къ исторіи, и оно приняло, главнымъ образомъ, какъ разъ такое направленіе. Конечно, изъ общаго правила были исключенія, но они остались безъ замѣтнаго вліянія на дальнѣйшее развитіе историко-философской литературы: въ ней на первомъ планѣ стояло не изслѣдованіе того, что такое историческій процессъ вообще и какъ онъ совершается, а обработка всемірной исторіи съ точки зрѣнія идеи прогресса.

Изъ философовъ такую именно задачу ставилъ Кантъ въ своей книжкѣ 1784 г. *Идея о всемірной исторіи съ космополитической точки зрѣнія* [9]: онъ прямо говоритъ тутъ о необходимости и возможности въ настоящее время философской попытки представить всемірную исторію по плану природы, имѣющему цѣлью совершенное гражданское общество. Это была плодотворная мысль, но она заключала въ себѣ и вредную

сторону: хотя великій философъ и оговаривался, что рекомендуетъ свою точку зрѣнія, какъ руководящую идею, однако, этимъ онъ не гарантировалъ предложеннаго имъ метода отъ возможныхъ злоупотребленій, отъ примѣненія его не къ философіи исторіи, а къ самой исторіи, къ конструированію послѣдней не такъ, какъ она была, а какъ того требовалъ упомянутый планъ. Двѣ наиболѣе крупныя попытки философіи исторіи, сдѣланныя въ XIX в., представляютъ собою ничто иное, какъ осуществленіе идеи Канта: и Гегель [10]), и Огюстъ Контъ [11]) дали въ своихъ знаменитыхъ историко-философскихъ трудахъ обзоры всемірной исторіи, въ коихъ прошлое человѣчества конструируется по апріорному плану, такъ что къ нему, въ сущности, чисто-искусственнымъ образомъ и подгоняется дѣйствительная исторія. Отъ книжки Канта объ идеѣ исторіи и отъ современныхъ ей *Идей о философіи исторіи человѣчества* Гердера, *Очерка успѣховъ человѣческаго ума* Кондорсэ и вызванныхъ идеей Канта *Основныхъ очертаній прагматической исторіи міра, какъ попытки свести ее къ одному принципу* Пелитца [12]) до нашихъ дней не прекращаются такія попытки философскихъ обзоровъ всемірной исторіи [13]) и, вѣроятно, не прекратятся до тѣхъ поръ, пока люди не перестанутъ интересоваться вопросомъ, откуда и куда идетъ человѣчество въ своемъ историческомъ развитіи. Философію исторіи мы считаемъ поэтому вполнѣ законнымъ явленіемъ въ литературѣ, лишь бы занимающіеся такимъ дѣломъ не нарушали главнѣйшихъ требованій научности [14]), но философія исторіи, по нашему мнѣнію, не можетъ замѣнить того, что мы называемъ теоріей историческаго процесса.

Задача философіи исторіи есть задача синтетическая, тогда какъ теорія историческаго процесса можетъ быть результатомъ анализа. Одна представляетъ намъ то, что было одинъ разъ въ извѣстной послѣдовательности, другая должна заниматься тѣмъ, что бываетъ всегда и вездѣ, гдѣ только совершается историческая жизнь. Одна немыслима безъ внесенія нѣкоторыхъ субъективныхъ элементовъ [15]), заключающихся въ идеѣ прогресса, въ оцѣнкѣ исторіи съ точки зрѣнія нашего идеала, въ нашихъ нравственныхъ и общественныхъ взглядахъ, другая, какъ и всякая вообще теорія, стремящаяся понять, какъ происходятъ тѣ или другія явленія, должна не сходить съ почвы строго-научнаго объективизма.

Говоря о такой теоріи, мы обязаны, прежде всего, поставить вопросъ, возможна ли она? Въ XVIII в. или вѣрили въ ея возможность безъ доказательства, какъ, напр., Вико, или совсѣмъ не поднимали этого вопроса. Послѣдній, по моему мнѣнію, сводится вотъ къ чему: могутъ ли вообще факты, изучаемые исторіей, быть предметомъ теоріи? Нѣмецкія философіи конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, впервые

поставившія такой вопросъ, разрѣшили его въ неблагопріятномъ для историческихъ фактовъ смыслѣ. Особенно рѣзко по этому предмету высказался Шеллингъ[16]): ставя вопросъ о самой возможности философскаго отношенія къ исторіи (ist eine Philosophie der Geschichte möglich?), онъ вырываетъ цѣлую пропасть между философіей и исторіей. «Что можно опредѣлить (berechnen) à priori,—говоритъ онъ,—что совершается по необходимымъ законамъ, не есть предметъ исторіи, и наоборотъ, то, что составляетъ предметъ исторіи, не можетъ опредѣляться à priori». Противъ такого утвержденія въ общей его формѣ мы не можемъ ничего возразить, но философъ дѣлаетъ отсюда тотъ выводъ, что между философіей и исторіей нѣтъ и быть не можетъ никакихъ точекъ соприкосновенія: «для того, для чего возможна апріорная теорія, невозможна исторія, и наоборотъ, только то имѣетъ исторію, что не имѣетъ апріорной теоріи». «Theorie und Geschichte sind völlig Entgegengesetzte»,—заявляетъ онъ еще. Съ высоты своей философіи Шеллингъ съ такимъ пренебреженіемъ смотрѣлъ на занятіе исторіей, что предаваться послѣднему могли, по его мнѣнію, только самыя тупыя головы (die geistlosesten Köpfe), Самъ онъ допускалъ лишь философское конструированіе всемірной исторіи, и его послѣдователями сдѣлано было нѣсколько попытокъ въ этомъ направленіи[17]). Съ аналогической точки зрѣнія отрицалъ научность исторіи и Шопенгауэръ[18]). По его словамъ, исторія есть нѣчто, прямо противоположное и противное философіи, а потому существуетъ рѣзкая разница между философскими и историческими головами. Исходя изъ того принципа, что философъ долженъ заниматься только общимъ (φιλοκαθόλου γὰρ ὁ φιλόσοφος), онъ думаетъ, что философское (=теоретическое) знаніе прямо немыслимо для историка. Исторія не можетъ войти въ рядъ наукъ, ибо ея матеріалъ неспособенъ къ субординаціи, а только къ координаціи: «поэтому нѣтъ системы исторіи, какъ всякой другой науки. Науки, будучи системами понятій, всегда говорятъ о родахъ, исторія всегда — объ индивидуумахъ, первая—о томъ, что бываетъ всегда, вторая—о случившемся однажды и болѣе не существующемъ». Взглядъ Шеллинга мы привели какъ образецъ крайне неблагопріятнаго отношенія къ исторіи со стороны нѣмецкихъ матафизиковъ начала XIX в.: отрицая возможность теоріи исторіи, такъ какъ всякая теорія казалась имъ по существу дѣла необходимо апріорною, они не затруднялись, однако, проповѣдывать апріорное конструированіе всемірной исторіи, дискредитировавъ на долгое время самую идею философіи исторіи. Другое дѣло — Шопенгауэръ: онъ отрицалъ научное значеніе исторіи потому, что она не есть наука теоретическая, подобная наукамъ естественнымъ, и думая, что самый матеріалъ исторіи неспособенъ къ теоретической обработкѣ. Послѣдняго

онъ, однако, не доказалъ; изъ того, что исторія не похожа на естественныя науки теоретическаго характера, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы матеріалъ ея не могъ быть предметомъ теоріи. Самъ же Шопенгауэръ высказалъ ту мысль, что «главы исторіи народовъ различны, въ сущности, только по именамъ и цифрамъ годовъ», ибо «настоящее, существенное содержаніе вездѣ одно и то же»: вотъ это-то содержаніе, повторяющееся во всякой исторіи, и должно сдѣлаться предметомъ теоріи историческаго процесса.

Мысль о возможности и необходимости такой теоріи нужно считать прочно обоснованною впервые только въ позитивной философіи Конта. Во-первыхъ, онъ показалъ, что все, подлежащее нашему знанію, можетъ быть изучаемо двоякимъ образомъ, а именно или абстрактно, или конкретно. «Однѣ науки,—говоритъ онъ,—абстрактныя, общія, имѣющія предметомъ открытіе законовъ, которые управляютъ разными родами явленій; другія—конкретныя, особенныя, описательныя, состоятъ въ примѣненіи этихъ законовъ къ дѣйствительной исторіи различныхъ существующихъ предметовъ». Мы можемъ назвать абстрактныя науки номологическими, конкретныя—феноменологическими и сопоставить съ этимъ дѣленіемъ наукъ то, что Шопенгауэръ говоритъ объ исторіи въ сравненіи съ другими науками: ошибка нѣмецкаго философа состояла въ томъ, что онъ требовалъ отъ исторіи, науки феноменологической, конкретной—качествъ наукъ номологическихъ, абстрактныхъ. Во-вторыхъ, Контъ положилъ начало и для номологической науки объ обществѣ, которую назвалъ соціологіей, и—что особенно для насъ важно—раздѣлилъ эту науку на соціальную статику, изучающую общественныя явленія въ состояніи спокойствія (законы одновременныхъ явленій), и на соціальную динамику, изучающую тѣ же явленія въ состояніи движенія (законы послѣдовательныхъ явленій): динамическая часть соціологіи и должна была бы изучать in abstracto то, чѣмъ въ конкретныхъ проявленіяхъ занимается исторія. Къ сожалѣнію, Контъ отступилъ отъ собственной идеи, когда задумалъ дать соціальную динамику въ своемъ *Курсѣ положительной философіи*: вмѣсто теоретическаго представленія о томъ, какъ происходитъ всякая исторія, онъ далъ философскій обзоръ всемірной исторіи съ точки зрѣнія своего ученія о трехъ фазисахъ міросозерцанія, т.-е. далъ науку, по его же опредѣленію, конкретную, такъ какъ только примѣнялъ въ ней соціологическій законъ трехъ фазисовъ къ дѣйствительной исторіи человѣчества.

На то, что соціальная динамика въ идеѣ и соціальная динамика въ осуществленіи вышли у основателя позитивизма совершенно разными, никто до сихъ поръ не обращалъ вниманія, а, между тѣмъ, въ указанномъ обстоятельствѣ заключается одна изъ самыхъ слабыхъ сторонъ

соціологіи Конта: невѣроятное исполненіе было принято послѣдователями позитивизма за нѣчто совершенное, и ихъ мысль не направлялась поэтому на дѣйствительную теорію историческаго процесса, отвлеченно взятаго. И въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, бывшихъ вообще послѣ зарожденія историко-философской литературы и въ частности послѣ извѣстной намъ книжки Канта, философскій обзоръ всемірной исторіи принимался за единственно-возможную и нужную историческую теорію. Впервые вполнѣ сознательно отнеслись къ такому смѣшенію задачъ основатели такъ называемой *Völkerpsychologie*, Лацарусъ и Штейнталь[20]), которые изложили свои мысли объ этомъ новомъ направленіи психологіи въ первомъ же выпускѣ своего журнала (*Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft*) и, между прочимъ, указали на то, что «психологія народовъ» должна сдѣлаться своего рода теоріей исторіи: «не думайте,—писали они здѣсь,—что задача эта разрѣшена философіей исторіи или что оттуда слѣдуетъ ждать ея разрѣшенія», ибо, «вмѣсто того, чтобы открывать законы развитія народовъ, философія исторіи давала только квинтъ-эссенцію исторіи». Лацарусъ и Штейнталь, правда, вовсе не имѣли въ виду соціальной динамики Конта, когда это писали, но ихъ слова вполнѣ къ ней примѣнимы.

На нашъ взглядъ, такое смѣшеніе задачъ исторіи, науки феноменологической, и соціальной динамики, науки номологической, весьма вредило обѣимъ: первую весьма часто принижали за то, что она не похожа на науки теоретическія, т.-е. за то, что она не даетъ системы общихъ понятій и не открываетъ законовъ; вторую отождествляли съ философіей исторіи, которая становилась на мѣсто теоріи историческаго процесса in abstracto. Въ такомъ смѣшеніи можно обвинить и Бокля. Въ одномъ мѣстѣ своей *Исторіи цивилизаціи въ Англіи*[21]) онъ жалуется на отсталость исторической науки, формулируя свою мысль слѣдующимъ образомъ: «Несчастная особенность исторіи человѣка состоитъ въ томъ, что хотя искусно изслѣдованы ея отдѣльныя части, все же почти никто не пробовалъ слить ихъ въ одно цѣлое и объяснить ихъ взаимную связь. Во всѣхъ другихъ сферахъ вѣдѣнія,—продолжаетъ Бокль, — необходимость обобщенія признана всѣми и сдѣланы благородныя попытки возвыситься надъ отдѣльными фактами и открыть законы, управляющіе этими фактами. Но историки такъ далеки отъ подобнаго взгляда, что между ними преобладаетъ мысль, будто все дѣло ихъ—разсказывать событія, оживляя по временамъ этотъ разсказъ нравственными и политическими соображеніями, которыя могутъ показаться имъ полезными». Не касаясь вопроса о томъ, насколько вѣрно представляетъ Бокль современное ему состояніе исторической науки и насколько основательнымъ

можно назвать его утвержденіе, будто почти никто не пытался слить отдѣльныя части исторіи въ одно цѣлое и объяснить ихъ взаимную связь, нельзя не остановиться, приводя эти слова, именно на томъ смѣшеніи понятій, которое проявилъ англійскій мыслитель, формулируя свои требованія отъ исторической науки. Дѣло въ томъ, что «слить части исторіи въ одно цѣлое и объяснить ихъ взаимную связь» далеко не одно и то же, что «возвыситься надъ отдѣльными фактами и открыть законы, ими управляющіе»: мы можемъ соединить частныя исторіи отдѣльныхъ народовъ и цивилизацій въ исторію всеобщую, или всемірную, изслѣдовавъ при этомъ преемственность, между ними существовавшую, но это само по себѣ не даетъ намъ еще знанія сущности историческаго процесса, отвлеченно взятаго, силъ, его создающихъ, психологическихъ и соціологическихъ законовъ, въ немъ проявляющихся. Въ своей *Соціальной динамикѣ* Контъ какъ разъ, вѣдь, сливалъ въ одно цѣлое отдѣльныя части исторіи, а это-то, какъ мы осмѣливаемся утверждать, и отклонило его отъ настоящей задачи динамической части соціологіи, какъ науки абстрактной (номологической), отъ изслѣдованія того, что такое историческій процессъ самъ по себѣ, гдѣ бы и когда бы онъ ни совершался.

Идея о необходимости понять сущность этого процесса in abstracto не затеривалась, однако, и у тѣхъ писателей, которые, главнымъ образомъ, интересовались не столько этимъ предметомъ, сколько составленіемъ цѣльнаго взгляда на прошлыя судьбы человѣчества: само составленіе такого взгляда требовало отъ нихъ выработки нѣкоторыхъ теоретическихъ основъ. Такъ, наприм., Гегель дѣлаетъ введеніе въ свою *Философію исторіи*, чтобы установить, объяснить и оправдать свою теоретическую точку зрѣнія. Равнымъ образомъ и Огюстъ Контъ стремился найти, какъ самъ онъ выразился, «основную теорію исторической эволюціи», которая могла бы «стоять во главѣ построенія философіи исторіи». Гегель и Контъ не представляютъ собою исключеній: почти всѣ авторы философій исторіи высказывались въ томъ же смыслѣ [22]). Къ сожалѣнію, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, теорія историческаго процесса у писателей этой категоріи играла роль подчиненную, служебную: она должна была служить именно цѣлямъ составленія общаго философскаго взгляда на историческія судьбы человѣчества. До извѣстной степени и самъ я, принимаясь за изслѣдованіе основныхъ вопросовъ философіи исторіи, понималъ сначала не иначе задачу теоріи историческаго процесса, пока пристальное, въ теченіе многихъ лѣтъ, занятіе теоретическими вопросами исторической науки не привело меня къ болѣе ясному пониманію самостоятельной важности этихъ вопросовъ. Какъ бы мы ни смотрѣли на философію всемірной исторіи, несомнѣн-

нымъ должно быть для всѣхъ, что лишь очень незначительный процентъ историковъ можетъ по своимъ склонностямъ, да и долженъ въ интересахъ самой исторической науки предаваться занятію философіей исторіи: громадное большинство историковъ будетъ всегда работать въ области исторіи одного какого-либо народа, одной эпохи, одного явленія. Самые замѣчательные и самые вліятельные историки XIX в. были именно историками отдѣльныхъ націй, отдѣльныхъ періодовъ, отдѣльныхъ событій и движеній: за философскія построенія прошлыхъ судебъ человѣчества брались большею частью философы, бывшіе только диллетантами въ исторической наукѣ. Но если послѣдніе не могли сдѣлать ни одного шага безъ нѣкоторыхъ теоретическихъ воззрѣній, — все равно, были-ли эти воззрѣнія истинны или ложны, развивались ли они подробно, или только вкратцѣ формулировались, — не могли безъ нихъ обходиться и крупные представители исторической науки XIX в., являющіеся иногда основателями цѣлыхъ школъ и направленій. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, почти даже всегда, постигнуть сущность ихъ теоретическихъ воззрѣній оказывается возможнымъ, только изучая ихъ историческіе труды: сами они пренебрегали изложеніемъ своихъ теорій, лишь изрѣдка, при случаѣ давая какое-либо общее разсужденіе, напр., о роли великихъ людей въ исторіи, и, очень можетъ быть, даже не отдавали себѣ яснаго отчета въ принципахъ собственнаго своего пониманія исторической жизни. Къ сожалѣнію, за немногими исключеніями, и труды крупнѣйшихъ историковъ нашего вѣка не изслѣдовались ихъ біографами и критиками съ точки зрѣнія задачи опредѣлить, какое пониманіе сущности историческаго процесса лежитъ въ основѣ научной работы того или другого историка. Едва ли, однако, возможно, чтобы и впредь такъ было: съ середины текущаго столѣтія такъ часто и съ столь разнообразныхъ точекъ зрѣнія оспаривалось право исторіи называться наукой, предлагались столь многія и непохожія одна на другую «реформы» исторіи; возникли въ ней такія новыя направленія и даны такіе новые отвѣты на старые вопросы, что историкъ, желающій сознательно относиться къ своей работѣ, долженъ такъ или иначе разобраться въ этомъ, подчасъ настоящемъ хаосѣ мнѣній. Дѣло уже не идетъ теперь о томъ, «какъ слѣдуетъ *писать* исторію»: эта тема, поднимавшаяся еще древними (Πῶς δεῖ τὴν ἱστορίαν συγγράφειν—Лукіана Самосатскаго во II в. по Р. Х.), тема историческаго искусства (artis historicae) давно уже уступила мѣсто темѣ историческаго изслѣдованія, т.-е. вопросамъ исторической критики и историческаго метода. Но не идетъ точно также дѣло и объ одномъ томъ, какъ слѣдуетъ *изучать* исторію, тѣмъ болѣе, что главныя основанія исторической методологіи (беря это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ)

можно считать установленными прочно, по крайней мѣрѣ, практикой научныхъ изслѣдованій, если не ихъ теоріей [23]: дѣло идетъ о томъ, какъ слѣдуетъ *понимать* исторію. Наука наша достигла уже той ступени развитія, на которой чувствуется потребность въ теоріи: исключительныя точки зрѣнія «искусства» и «метода», на мой взглядъ, ею пережиты, и доказательство этого можно видѣть и въ томъ, что самая жизнь все шире и шире начинаетъ пониматься въ современныхъ историческихъ трудахъ, и въ томъ, что замѣчается стремленіе къ теоретическому обоснованію такого пониманія. Я думаю, что историкамъ самимъ въ скоромъ времени предстоитъ заняться тѣмъ дѣломъ, за которое прежде брались большею частью философы, именно den concreten Mechanismus der Geschichte in allgemeine (abstracte) Untersuchungen blosszulegen und zu erläutern, говоря словами автора одной изъ неудачныхъ, правда, попытокъ создать теорію исторіи [24]).

Теорія историческаго процесса, мысль о которой зародилась еще у Вико, или соціальная динамика, какъ назвалъ ее Контъ, въ рукахъ философовъ и философствующихъ историковъ-дилеттантовъ не могла представлять изъ себя ничего болѣе, какъ идею науки, еще не осуществленную, нѣчто вродѣ формы безъ содержанія. Историки, коимъ, главнымъ образомъ, слѣдовало бы превратить эту идею въ дѣйствительность, наполнить содержаніемъ эту форму, долго не чувствовали потребности въ такой теоріи, да и теперь многимъ кажется, что она — нѣчто, пожалуй, и лишнее. Тѣмъ не менѣе, было бы ошибочно думать, что научнымъ движеніемъ XIX в. не создано никакого содержанія для теоріи историческаго процесса, для соціальной динамики, кому больше нравиться терминъ Конта, или исторіологіи, какъ недавно было передано въ одной исторической статьѣ то же понятіе [25]): если не историки въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то представители другихъ наукъ о человѣкѣ, какъ существѣ духовномъ и общественномъ, уже приготовили весьма большой матеріалъ для будущей постройки теоріи историческаго процесса, если не по плану, то, по крайней мѣрѣ, по идеѣ философовъ и соціологовъ, указавшихъ на изученіе законовъ исторической жизни, какъ на новую задачу для науки о человѣкѣ.

Въ дальнѣйшемъ я позволю себѣ сдѣлать краткій очеркъ исторіи разработки отдѣльныхъ, конечно, наиболѣе важныхъ теоретическихъ вопросовъ исторической науки: вы увидите, какіе вопросы уже поднимались и такъ или иначе рѣшались и какіе почти еще совсѣмъ до сихъ поръ не затрогивались.

Теоретическіе вопросы, о коихъ будетъ идти рѣчь, могутъ быть распредѣлены на нѣсколько категорій. Довольно значительная ихъ часть, прежде всего, приводитъ нашу науку въ соприкосновеніе съ

естествознаніемъ. Еще въ прошломъ столѣтіи Монтескье[26]) затронулъ интересную тему о вліяніи природы страны на культуру и соціальную организацію ея обитателей, а за нимъ и Гердеръ широко поставилъ вопросъ о значеніи для исторіи тѣхъ естественныхъ условій, при которыхъ она совершается. *Идеи о философіи исторіи человѣчества* были, какъ извѣстно, первымъ трудомъ, утвердившимъ мысль о необходимости для историковъ обращаться къ естествознанію, причемъ Гердеръ отчасти уже намѣчалъ задачу антропологіи, этой, по позднѣйшему опредѣленію Вайца[27]), посредницы между естественно-исторической и исторической отраслями нашего знанія о человѣкѣ, имѣющей выяснять естественно-историческія основы исторіи. Въ XIX в. мысль Монтескье и Гердера сдѣлалась весьма популярной, перешедши даже въ учебники. Главнымъ ея представителемъ, сводившимъ къ климатическимъ и инымъ естественнымъ вліяніямъ объясненіе главнѣйшихъ культурныхъ и соціальныхъ фактовъ, былъ, конечно, Бокль, но, и помимо него, ее раздѣляли многіе историки[28]), хотя теоріи этой была противупоставлена другая теорія, которую, въ отличіе отъ «теоріи климата», называютъ «теоріей расы»[29]). Хотя уже Гердеръ обратилъ вниманіе на различія въ организаціи народовъ, но только XIX вѣку суждено было, съ одной стороны, выдвинуть въ исторической наукѣ вопросъ объ этнографическихъ условіяхъ исторіи, съ другой — создать цѣлую новую отрасль знанія о человѣкѣ, антропологію въ современномъ значеніи этого слова. Возникло даже столкновеніе между взглядомъ, пріучавшимъ преувеличивать вліяніе факторовъ внѣшней природы на исторію, и взглядомъ, не безъ преувеличенія также ставившимъ исторію народа въ исключительную зависимость отъ его происхожденія или этнографическаго состава. Во всякомъ, однако, случаѣ, историки некомпетентны въ рѣшеніи весьма многихъ теоретическихъ вопросовъ, возникающихъ на почвѣ разсмотрѣнія исторической жизни въ ея зависимости отъ естественно-историческихъ условій, именно, поскольку дѣло касается вліянія внѣшней природы и происхожденія на самого человѣка, а не на его привычки и нравы, на его вѣрованія и идеи, на его занятія и общественныя отношенія.

Въ XIX вѣкѣ естествознанію пришлось оказать и иного рода вліянія на развитіе исторіологическихъ ученій. Не говоря уже о томъ, что, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ успѣховъ естествознанія основная задача теоріи историческаго процесса была опредѣлена, какъ задача — открыть для исторіи такіе же непреложные законы, какіе открыты науками, изучающими природу, два естественно-историческихъ ученія особенно считались пригодными (положимъ, не среди самихъ историковъ) для выясненія самой сущности исторической жизни. Одно изъ

этихъ ученій—біологическая теорія Дарвина, другое—новое воззрѣніе на индивидуальный организмъ, какъ на своего рода «общество» болѣе элементарныхъ живыхъ существъ. Дарвинизмъ оказалъ, несомнѣнно, громадное вліяніе на всѣ почти крупные отдѣлы человѣческаго знанія и, между прочимъ, сдѣлано было нѣсколько попытокъ свести главнѣйшія явленія исторической жизни къ «борьбѣ за существованіе», «естественному подбору», «наслѣдственности», т.-е. понять историческій процессъ, какъ повтореніе—въ новыхъ формахъ—процесса природы въ творчествѣ видовъ растительнаго и животнаго царства [30]). Многія изъ такихъ попытокъ были крайне грубы, перенося цѣликомъ въ объясненіе человѣческой исторіи понятія, обобщавшія только явленія чисто-матеріальной жизни, но между писателями, усвоившими новую точку зрѣнія, были такіе, которые отнеслись къ своей задачѣ критически, поставивъ вопросъ о томъ, что и какъ можетъ быть взято изъ дарвинизма для объясненія исторіи, принимая въ расчетъ различіе между человѣкомъ и животными, между соціологіей и біологіей [31]). Рядомъ съ попытками приложенія дарвинизма къ теоріи историческаго процесса развивалось другое направленіе въ соціологіи, которое, отождествляя «общественный организмъ» съ организмомъ индивидуальнымъ, въ исторіи, разсматриваемой, какъ жизненный процессъ общественнаго организма, усмотрѣло простое повтореніе жизненнаго процесса организма индивидуальнаго. Всѣмъ извѣстно, что главнымъ представителемъ этой идеи является Герберть Спенсеръ [32]): онъ теоретически понимаетъ исторію, именно какъ органическую эволюцію, какъ безличный процессъ развитія соціальнаго организма. Эта точка зрѣнія также нашла многочисленныхъ критиковъ даже среди лицъ, принявшихъ основную мысль о нѣкоторой аналогіи между организмомъ и обществомъ: цѣлью критиковъ было, между прочимъ, выяснить различіе, существующее между процессомъ историческимъ и развитіемъ индивидуальнаго организма [33]). Это направленіе соціологіи имѣетъ тѣмъ бóльшее право на вниманіе со стороны историковъ, что мысль объ органичности культурнаго и общественнаго развитія высказывалась еще задолго до примѣненія къ соціологіи новѣйшихъ біологическихъ воззрѣній на организмъ, а историкамъ вторили и лингвисты, видѣвшіе въ языкахъ тоже своего рода организмы [34]), и юристы, примѣнявшіе къ праву идею органическаго развитія (такъ называемая историческая школа) [35]), и представители государствовѣдѣнія (die organische Staatslerhe) [36]). Конечно, кому, какъ не историку, судить о сущности историческаго прогресса, и историки не безъ основанія могутъ жаловаться на то, что въ сферу ихъ вѣдѣнія вторгаются натуралисты, сторонники біологическихъ аналогій, рѣшающіе безъ спеціальной подготовки вопросъ о сущности

историческаго прогресса, но это-то и обязываетъ историковъ самихъ заняться установленіемъ основъ правильной исторической теоріи и критикой попытокъ ея построенія, идущихъ со стороны некомпетентныхъ людей.

Біологическія аналогіи въ соціологіи грѣшатъ забвеніемъ того, что общественныя явленія выростаютъ на почвѣ духовной жизни человѣка и что потому «общественный организмъ» не можетъ быть разсматриваемъ, какъ нѣчто подходящее подъ одну категорію съ организмами растительными и животными: между біологіей и соціологіей должна помѣститься психологія, которая и есть истинная основа второй изъ названныхъ наукъ. Попытки рѣшенія вопроса о сущности историческаго процесса дѣлались въ XIX в. и на почвѣ «науки о духѣ». Я уже упоминалъ выше о *Völkerpsychologie* Лацаруса и Штейнталя, поставившихъ своей наукѣ, между прочимъ, задачу открывать законы развитія народовъ, и совершенно съ тѣмъ же характеромъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ основанія журнала для «психологіи народовъ» явилась попытка основанія «психологіи общества», сдѣланная Линдперомъ въ книжкѣ *Ideen zur Psychologie der Gesellschaft* [37]): Лацарусъ, Штейнталь и Линднеръ прилагали къ дѣлу въ своихъ ученіяхъ взглядъ общаго своего учителя Гербарта, говорившаго, что психологія будетъ всегда оставаться наукою односторонней, пока будетъ разсматривать человѣка, взятаго особнякомъ. Не касаясь вопроса о томъ, что́ дали для научной теоріи исторіи труды названныхъ лицъ и ихъ послѣдователей, отмѣчу здѣсь важность самой идеи о коллективной психологіи: историческій процессъ совершается при помощи психологическихъ вліяній, оказываемыхъ одними людьми на другихъ, и вся историческая жизнь сводится въ послѣднемъ анализѣ къ психическому взаимодѣйствію между индивидуумами и національностями. Къ сожалѣнію, эта сторона коллективной психологіи— психическое дѣйствіе человѣка на человѣка, единицы на массу и массы на единицу—совсѣмъ не разработана, и никто не могъ бы быть компетентнѣе историка въ рѣшеніи общихъ и частныхъ вопросовъ, касающихся этого предмета. Говоря о необходимости внесенія психологическихъ вопросовъ въ теорію историческаго процесса, нельзя не упомянуть о счастливомъ сочетаніи психологическихъ и историческихъ знаній, какое представляетъ намъ одинъ изъ вліятельнѣйшихъ современныхъ историковъ, Ипполитъ Тэнъ [38]), прямо и заявляющій, что теорія исторіи цѣликомъ заключается въ психологіи, хотя мы не находимъ у него понятія психологіи коллективной: тѣмъ, что есть вѣрнаго въ тэновскомъ пониманіи историческаго процесса, онъ обязанъ своей, главнымъ образомъ, психологической подготовкѣ. но зато многіе недостатки этого пониманія объясняются, на мой взглядъ, тѣмъ, что Тэнъ

упускаетъ изъ вида другую, именно соціологическую сторону исторической жизни, вопросы политики, права, народнаго хозяйства.

Соціальныя науки въ современномъ своемъ состояніи также не могутъ считаться не имѣющими никакого значенія въ выработкѣ понятій и обобщеній для теоріи историческаго процесса. Сама соціологія, какъ наука объ обществѣ, по сущности своей должна заниматься, между прочимъ, и этою теоріей, ибо исторія и есть жизнь общества во времени, въ послѣдовательной смѣнѣ поколѣній и эпохъ. Развитію соціальной динамики весьма много вредили ошибочное отождествленіе ея задачи съ философіей исторіи, внесеніе въ нее біологическихъ аналогій и нерѣдко пренебреженіе къ исторической наукѣ (наприм., у Спенсера). Съ другой стороны, науки политическія, юридическія и экономическія уже тѣмъ самымъ подготовляютъ матеріалъ для теоріи исторіи, что все болѣе и болѣе ставятъ свои вопросы на почву историческаго изученія и поднимаютъ, кромѣ спеціальныхъ вопросовъ, вопросы общіе. За послѣднее время особаго вниманія заслуживаетъ та точка зрѣнія, съ которой главнѣйшія историческія явленія имѣютъ свою основную подкладку въ экономическихъ отношеніяхъ общественнаго тѣла, причемъ иногда отрицается всякое значеніе той стороны исторіи, къ которой, наоборотъ, послѣдняя цѣликомъ сводится у Тэна. Не отрицая возможности одностороннихъ взглядовъ на сущность историческаго процесса при выработкѣ его теоріи съ спеціальныхъ {точекъ зрѣнія, государствовѣдѣнія, юриспруденціи и политической экономіи, мы должны признать, что никто, какъ представители названныхъ спеціальностей, не можетъ считаться призваннымъ освѣщать соціологическую сторону исторіи: общій историкъ на то и долженъ существовать, чтобы производить синтезъ между спеціальными взглядами политиковъ, юристовъ и экономистовъ. Нечего говорить, что въ томъ же отношеніи онъ долженъ стоять къ историкамъ отдѣльныхъ элементовъ духовной культуры, каковы: религія, философія, литература, художества, и что представители такихъ исторій, равнымъ образомъ, создаютъ матеріалъ для теоріи историческаго процесса вообще, если только въ какой бы то ни было мѣрѣ заботятся о сведеніи результатовъ своей работы къ высшимъ теоретическимъ обобщеніямъ.

Особенно важными въ теоретическомъ отношеніи нужно признать тѣ историческія работы въ только что указанныхъ областяхъ, которыя имѣютъ и общій, такъ сказать, философскій характеръ. Укажу для примѣра изслѣдованіе Фюстель де-Куланжа о государственной жизни грековъ и римлянъ; воззрѣнія Іеринга на силы, дѣйствующія въ исторіи права, взглядъ Маркса на процессъ первоначальнаго накопленія капитала [39]) и т. д. Такой характеръ пріобрѣтаютъ изслѣдованія въ

исторіи религій и вообще вѣрованій, идей, въ исторія поэзіи и вообще искусства, въ исторіи политическихъ, юридическихъ и экономическихъ отношеній, когда дѣлаются съ эволюціонной точки зрѣнія, сравнительнымъ методомъ, при помощи не одного историческаго, но и этнографическаго матеріала. Эволюціонная точка зрѣнія есть по существу своему точка зрѣнія теоріи историческаго процесса: процессъ измѣненій въ духовномъ общественномъ быту народовъ и есть культурно-соціальная эволюція, открытіе законовъ которой и ставитъ себѣ задачей соціальная динамика. Но для открытія общихъ началъ въ развитіи отдѣльныхъ элементовъ культуры и отдѣльныхъ сторонъ общественнаго быта лучшее средство—сравнивать исторію этихъ элементовъ и этихъ сторонъ въ жизни разныхъ народовъ: съ этой точки зрѣнія сравнительный методъ служитъ важную службу теоріи историческаго процесса, давая готовыя обобщенія, какъ матеріалъ для дальнѣйшихъ теоретическихъ операцій. Примѣненіе сравнительнаго изученія къ историческимъ явленіямъ, наконецъ, расширило область послѣднихъ, какъ предмета науки: изученіе народнаго быта въ смыслѣ «фолькьлора», обычнаго права и т. п., а также изученіе первобытной культуры съ такъ называемыми переживаніями внесли въ лабораторію теоретиковъ историческаго процесса массу новаго матеріала въ видѣ обобщеній, касающихся такихъ сторонъ жизни и такихъ эпохъ, которыми историки не занимались. Литература сравнительнаго изученія отдѣльныхъ проявленій духовной, общественной и исторической жизни человѣчества достигла громадныхъ размѣровъ, и это обстоятельство даже затрудняетъ приведеніе ея научныхъ результатовъ къ одному знаменателю [40]).

Я повторю еще разъ, что и важный обобщенный матеріалъ, и интересныя отдѣльныя теоретическія положенія или общіе историческіе взгляды мы могли бы извлечь и изъ сочиненій главныхъ представителей исторической науки въ XIX вѣкѣ, но вмѣстѣ съ этимъ еще разъ приходится выразить сожалѣніе по поводу того, что эти историки рѣдко высказывались по теоретическимъ вопросамъ. Замѣчу мимоходомъ, что еще у насъ, въ Россіи, сравнительно чаще профессора исторіи хоть разъ въ жизни считали нужнымъ излагать свою научную profession de foi: для доказательства назову здѣсь К. Н. Бестужева-Рюмина, В. И. Герье, Грановскаго, Кудрявцева, Куторгу, И. В. Лучицкаго, проф. Надлера, Петрова, Рославскаго-Петровскаго, Соловьева, М. М. Стасюлевича, А. С. Трачевскаго [41]), хотя большинствомъ упомянутыхъ лицъ написано было по теоретическимъ вопросамъ исторіи очень мало и болѣе или менѣе случайно (большею частью публичныя рѣчи, вступительныя лекціи, небольшія статьи и т. п.). Послѣднее можно сказать и о западно-европейскихъ историкахъ, которые только

затрогивали такъ-называемую у нѣмцевъ «историку» (теорію историческаго знанія). Слѣдуетъ прибавить и то, что опять-таки, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, теоретическіе вопросы исторіи брались учеными историками и на Западѣ, и у насъ въ смыслѣ именно теоріи историческаго изслѣдованія, а не въ смыслѣ теоріи историческаго процесса.

Между тѣмъ, есть такіе вопросы въ теоріи исторіи, которые съ успѣхомъ могутъ быть разрѣшены только спеціальными представителями исторической науки: если по вопросамъ о вліяніи природы на человѣка и о значеніи прирожденныхъ способностей племени въ исторіи историкъ зависитъ отъ натуралиста, если отъ психологовъ онъ долженъ ждать разработки явленій психическаго вліянія человѣка на человѣка и психическаго взаимодѣйствія, совершающагося въ обществѣ; если въ спеціальныхъ вопросахъ духовнаго и общественнаго быта народовъ ему необходимо искать указаній у филологовъ, фольклористовъ, этнографовъ, историковъ литературы и искусства, у политиковъ, юристовъ, экономистовъ,—то есть у него и своя собственная область вопросовъ, не затрогиваемыхъ представителями иныхъ наукъ или затрогиваемыхъ только философами, и, притомъ, большею частью, съ слишкомъ общихъ точекъ зрѣнія и съ слишкомъ общими результатами.

Я остановлюсь на двухъ примѣрахъ. Примѣръ первый[42]). Еще во II вѣкѣ до Р.Х. греческимъ историкомъ Полибіемъ поставлена была нашей наукѣ задача связывать изучаемые ею факты причинною связью: историческіе факты суть слѣдствія по отношенію къ однимъ и причины по отношенію къ другимъ,—это истина общепризнанная, и нѣкоторые историки даютъ наставленія относительно ошибокъ, въ какія можно впадать вслѣдствіе неумѣлаго примѣненія этого принципа. Но, спрашивается, изслѣдована ли историческая причинность сама по себѣ? Общій законъ связи причины со слѣдствіемъ проявляется въ разныхъ формахъ въ зависимости отъ характера причиняющихъ и причиняющихся явленій: человѣкъ не такъ повинуется своимъ желаніямъ, какъ камень—силѣ тяжести. Общую постановку вопросъ о причинности всегда, конечно, получалъ въ философіи, но послѣдняя,—что̀ разумѣется также само собою,—въ своихъ рѣшеніяхъ равнымъ образомъ не выходила изъ области соображеній общаго свойства, не останавливалась на томъ, что̀ спеціализируетъ проявленіе причинности въ механикѣ, въ химіи, въ психологіи или въ исторіи. Закономъ причинности въ человѣческихъ дѣйствіяхъ занимались психологи, но они имѣли всегда въ виду человѣка, «взятаго особнякомъ», тогда какъ въ исторіи дѣйствуютъ люди, взятые, наоборотъ, въ совокупности. Въ логикахъ наукъ (у Милля, у Бэна, у Джевонса и т. д.) причинность разсматривается съ особой точки зрѣнія въ связи съ тео-

ріей наведенія и въ цѣляхъ открытія законовъ, и какъ разъ такія логики наукъ разсматриваютъ почти исключительно случаи причинности въ явленіяхъ матеріальныхъ, въ предметахъ естествознанія. Есть еще одна спеціальность, представители коей тоже разрабатывали вопросъ о причинной связи, но опять-таки не имѣя въ виду цѣлей историческаго знанія: это—уголовное право, такъ какъ для криминалистовъ въ теоріи причинности только и можно было найти основанія для теоріи вмѣненія. Конечно, и философы, и психологи, и логики, и криминалисты даютъ кое-что пригодное и для историковъ, но историки-то имъ съ своей стороны ничего взамѣнъ дать не могутъ по этому вопросу, такъ какъ сами имъ теоретически совсѣмъ не занимались.

Другой примѣръ—вопросъ объ историческомъ значеніи «героевъ», великихъ людей, о роли личности въ теоріи [43]). Объ этомъ предметѣ много говорилось въ ту или другую сторону—за героевъ противъ толпы и за массы противъ великихъ людей, за значеніе личности противъ непреодолимости историческаго рока и за значеніе силы вещей противъ самостоятельной роли личности, но какъ и что говорилось? На нѣсколькихъ строчкахъ, много если на двухъ-трехъ страницахъ, высказывались двѣ-три-четыре мысли, успѣвшія стать общими мѣстами, рѣдко когда приводились кое-какія соображенія, нѣсколько болѣе продуманныя, а еще рѣже, въ видѣ исключенія, предмету посвящалось то, что можно было назвать статьей съ самостоятельнымъ содержаніемъ. Впрочемъ, и тутъ, если подсчитать, что̀ въ такой «литературѣ» вопроса принадлежитъ собственно спеціалистамъ исторической науки, то придется сдѣлать кое-какія ограниченія, такъ какъ окажется, что эти строки, страницы, статьи выражаютъ мнѣнія людей, на которыхъ историки могутъ съ бо̀льшимъ или мѐньшимъ правомъ смотрѣть, какъ на простыхъ дилетантовъ историческаго знанія, даже какъ на профановъ въ «настоящей» наукѣ.

Эти два примѣра, стоящіе въ связи съ новымъ моимъ сочиненіемъ *Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи*, я могъ бы дополнить многими другими, но это значило бы начертать цѣлую программу теоретическихъ вопросовъ, рѣшеніемъ которыхъ обязаны, по моему мнѣнію, заниматься историки, такъ какъ, кромѣ нихъ, вопросами этими и некому заняться, размѣры же настоящаго обзора не позволяютъ этого сдѣлать. Подобныхъ вопросовъ—и крупныхъ, существенныхъ, и мелкихъ, менѣе важныхъ—наберется немало, и всѣ они могутъ остаться не только не рѣшенными, но даже и не затронутыми, если за нихъ не возьмутся сами историки, потому что для представителей другихъ перечислявшихся нами наукъ многіе изъ указанныхъ вопросовъ не представляютъ интереса, или же они не обладаютъ необходимымъ для того матеріаломъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Желая, чтобы настоящая статья не была простымъ изложеніемъ личныхъ взглядовъ на разработку теоретическихъ вопросовъ исторической науки, считаю нужнымъ присоединить къ ней и объективный матеріалъ въ видѣ библіографическихъ указаній, пріуроченныхъ къ отдѣльнымъ мѣстамъ статьи. Само собою разумѣется, что полная библіографія при этомъ и не могла быть моею цѣлью.

¹) Обзоры этой литературы существуютъ въ довольно значительномъ количествѣ, хотя и не всегда отличаются полнотою. Называемъ главнѣйшіе: *Flint*: «The philosophy of history in Europe» (есть и франц. переводъ). *Marselli*: «Scienza della storia». *Rocholl*: «Die Philosophie der Geschichte». *Rougemont*: «Les deux cités. La philosophie de l'histoire aux différents âges de l'humanité». *Стасюлевичъ*: «Опытъ историческаго обзора главныхъ системъ философіи исторіи». Указанія на менѣе значительные обзоры см. въ началѣ первой главы первой книги моихъ *Основныхъ вопросовъ философіи исторіи*, въ коихъ есть, кромѣ того, также и обзоръ самой литературы (подробный въ 1 изд., сокращенный во 2). См. также новѣйшее (1889 г.) сочиненіе *Bernheim'a*: «Lehrbuch der historischen Methode».

²) Первый извѣстный трактатъ объ этомъ предметѣ принадлежитъ живущему во II в. по Р. Х. Лукіану Самосатскому: «Πῶς δεῖ τὴν ἱστορίαν συγγράφειν».

³) Объ этомъ предметѣ существуетъ обширная литература, начиная съ сочиненія *Бодена* (въ XVI в).: «Methodus ad facilem historiarum cognitionem» и кончая названнымъ въ прим. 1 сочиненіемъ *Бернгейма*. Указанія на нее въ *Осн. вопр. фил. ист.*

⁴) Исторической критикѣ посвящались или отдѣльныя сочиненія (изъ новѣйшихъ см. *Smedt*: «Principes de la critique historique»), или главы въ сочиненіяхъ болѣе общаго содержанія (см., напр., въ книгѣ *Бернгейма* главу IV, стр. 202—389).

⁵) Объ этомъ можно повторить то, что сказано въ предъидущемъ примѣчаніи. Изъ отдѣльныхъ сочиненій укажемъ здѣсь на русскую книгу *Стронина*: «Исторія и методъ».

⁶) *Giambattista Vico*: «Scienza nuova dell' origine delle nazioni». 1726. Объ этомъ оригинальномъ мыслителѣ существуетъ цѣлая литература (книги *Ferrari*, *Werner*'a, *Flint*'a и масса статей).

⁷) Нѣмецкій переводъ *Новой науки* сдѣланъ *Веберомъ* въ 1882 г., французскій—*Мишле* въ 1827 г. Кромѣ того, есть другой французскій переводъ 1844 г.

⁸) *Turgot*: «Sur les progrès successifs de l'esprit humain». 1750. *Condorcet*: «Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain». 1794. *Herder*: «Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit». 1785.

⁹) *Kant*: «Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlichen Absicht». 1784.

¹⁰) *Hegel*: «Philosophie der Geschichte». 1829. Объ этомъ сочиненіи писалось очень много, и у него было весьма много послѣдователей. См. *Springer*: «Die Hegel'sche Geschichtsanschauung» и др.

¹¹) *Comte*: «Cours de philosophie». T. V—VI. «Système de politique positive» T. III, contenant la dynamique sociale ou traité général du progrès humain («Philosophie d'histoire»). О Контѣ есть цѣлая литература, извѣстная и у насъ. Лучшее изложеніе въ книгѣ *Jules Rig*'a: «La philosophie positive».

¹²) *Pölitz*: «Grundlinien zur pragmatischen Weltgeschichte, als ein Versuch sie auf ein Princip zurückzuführen». 1795. Обозрѣватели историко-философской литера-

туры обыкновенно пропускаютъ эту книгу, несмотря на ея важность, какъ перваго опыта примѣненія идеи Канта.

[13]) См. въ извѣстномъ повременномъ обзорѣ исторической литературы *Jahresberichte der Geschchtswissenschaft*. Главныя указанія (до 1887 г.) можно найти и въ первомъ приложеніи къ I тому *Осн. вопр. фил. ист.* во второмъ изданіи.

[14]) Разсмотрѣнію этого вопроса мы и посвятили только что названное сочиненіе (особенно томъ I).

[15]) Этотъ важный вопросъ до сихъ поръ служитъ предметомъ спора въ нашей литературѣ, причемъ, къ сожалѣнію, во многихъ отношеніяхъ причины разногласія сводятся къ простому недоразумѣнію.

[16]) Взгляды Шеллинга на этотъ предметъ см. *a*) въ его статьяхъ «Aus der allgemeinen Uebersicht der neuesten philosophischen Literatur» (подъ лит. B: ist eine Philosophie der Geschichte möglich?), далѣе *b*) въ «System de stranscendentalen Idealismus», *c*) въ «Vorlesungen über die Methode des akademischen Studiums», именно въ 10-ой лекціи, *d*) въ «Philosophie und Religion», *e*) въ «System der gesammten Philosophie und der Naturphilosophie insbesondere» и *f*) въ «Einleitung in die Philosophie der Mythologie». Изъ одного этого перечня можно видѣть, какъ часто возвращался Шеллингъ къ вопросу.

[17]) Шеллингистъ *Stutzmann* въ своей *Philosophie der Geschichte der Menschheit* (1808). Эмпирическая исторія подчинена философіи, ибо не можетъ быть философіи у предмета, противорѣчащаго разуму.

[18]) *Schopenhauer*: «Ueber Geschichte». (Die Welt als Wille und Vorstellung. T. II, гл. 38). Имѣется въ русскомъ переводѣ.

[19]) *Осн. вопр. фил. ист.*, кн. I, гл. III.

[20]) *Lazarus und Steinthal*: «Einleitende Gedanken über Völkerpsychologie» (1860).

[21]) *Buckle*: «History of civilisation in England». Два русскихъ перевода.

[22]) Приводимъ нѣсколько точныхъ указаній. *Altmeyer*: «Cours de philosophie de l'histoire» (1840), стр. 12—13. *Iselin*: «Ueber die Geschichte der Menschheit» (1786), I, 3. *Görres*: «Ueber Grundlage, Gliederung und Zeitfolge der Weltgeschichte» (1830), стр. 56 (по изд. 1880 г.). *Jenisch*: «Universal-historischer Ueberblick der Entwickelung des Menschengeschlechts» (1801), I, 31. *Krause*: «Die reine d. i. allgemeine Lebenlehre und Philosophie der Geschichte» (1843), стр. 1—13. *Hermann*: «Philosophie der Geschichte» (1870), стр. 647 и т. д.

[23]) См. сочиненія по «историкѣ», главнымъ образомъ въ нѣмецкой литературѣ: *Bernheim*: «Lehrbuch der historischen Methode». *Droysen*: «Grundriss der Historik». *Gervinus*: «Grundzüge der Historik» и мн. др.

[24]) *Dörgens*: «Ueber das Bewegungsgesetz der Geschichte als Einführung in das Verständniss der Weltgeschichte».

[25]) Проф. *Герье* въ статьѣ о Тэнѣ въ янв. книгѣ *Вѣстн. Евр.* 1890 г. Замѣчу кстати, что такія изслѣдованія объ отдѣльныхъ историкахъ, какое представляетъ изъ себя статья проф. Герье, имѣютъ весьма важное значеніе при разработкѣ теоріи историческаго процесса. То же можно сказать и по поводу статьи проф. Виноградова о Фюстель де-Куланжѣ въ янв. книгѣ *Русской Мысли* 1890 г.

[26]) *Montesquieu*: «Esprit des lois». Livres XIV—XVII.

[27]) *Вайцъ*: «Антропологія первобытныхъ народовъ». Объ отношеніи исторіи къ естествознанію писалось очень много, но нѣтъ ни одного сочиненія, въ которомъ предметъ исчерпывался бы или которое, по крайней мѣрѣ, заключало бы въ себѣ подведеніе итоговъ подо всѣмъ, что объ этомъ писалось съ разныхъ точекъ зрѣнія. Для примѣра отмѣтимъ нѣсколько книгъ и статей. *Bagehot*: «Physics and Politics»

(переведено по-русски). *Buckle*: «Hist. of civ. in England». *Droysen*: «Erhebung der Geschichte zum Rang einer Wissenschaft». *Du Bois Reymond*: «Kulturgeschichte und Naturwissenschaft» и т. д. См. также въ книгѣ *Бернгейма* стр. 70 и слѣд.

[28]) Вопросъ подвергался теоретической обработкѣ, но общаго свода результатовъ и взглядовъ не существуетъ. См., наприм., *Bertillon*: «De l'influence du milieu». *Durand*: «De l'influence des milieux sur les caractères des races de l'homme». *Беръ*: «О вліяніи внѣшней природы на соціальныя отношенія отдѣльныхъ народовъ и на исторію человѣчества». *Peschel*: «Einflusz der Ländergestaltung auf die menschliche Gesittung» и т. д. См. подробнѣе въ *Осн. вопр. фил. ист.*, т. II, стр. 162 и слѣд. (117 и слѣд. по 2 изд.).

[29]) И по вопросу о значеніи расъ въ исторіи не существуетъ общаго свода добытыхъ результатовъ и высказанныхъ мнѣній. Ср. *Осн. вопр. фил. ист.*, т. II, стр 163 и слѣд. и 172 и слѣд. (118 и 144 и слѣд. по 2 изд.). Между тѣмъ, въ теоретическихъ представленіяхъ объ исторіи въ нашемъ столѣтіи идея племеннаго происхожденія играетъ весьма важную роль.

[30]) Это слишкомъ обширная тема для того, чтобы говорить о ней въ краткомъ по необходимости примѣчаніи. Отсылаемъ къ соч. *Poëy*: «Le positivisme», гдѣ перечислены ученые разныхъ спеціальностей, на которыхъ ученіе Дарвина оказало вліяніе, и къ статьѣ *Zitelman*'a: «Der Materialismus in der Geschichtsschreibung» (Preussische Jahrbücher), а для примѣра отмѣтимъ: *Clémence Royer*: «Origine de l'homme et des sociétes». *Bagehot*: «Lois scientifiques du developpement des nations». *Hellwald*: «Culturgeschichte in ihrer natürlichen Entwickelung». *Winwood Read*: «The martyrdom of man». *Dean*: «History of civilisation». *Trezza*: «Il darvinismo e le formazioni storiche». *Gumplowicz*: «Grundriss der Sociologie». *Фикъ*: «Теорія Дарвина на юридической почвѣ». *Шлейхеръ*: «Теорія Дарвина въ примѣненіи къ наукѣ о языкѣ» и т. п. У насъ критикой дарвинизма въ примѣненіи къ общественнымъ отношеніямъ занимались гг. *Михайловскій, Южаковъ* и др., а въ послѣднее время *Данилевскій*. См. также *Осн. вопр. филос. ист.*, кн. III, гл. III.

[31]) Къ сожалѣнію, общаго свода и разбора теоретическихъ воззрѣній на исторію, образовавшихся подъ вліяніемъ дарвинизма, тоже не имѣется въ научной литературѣ. Съ точки зрѣнія біологическаго эволюціонизма важное значеніе получаютъ изслѣдованія о животныхъ общежитіяхъ. См., наприм., соч. *Espinas*'a: «Les sociétés animales» (переведено по-русски).

[32]) *Herbert Spencer*: «The principles of Sociology» (переведено по-русски). Кромѣ Спенсера, представителями біологической аналогіи являются *Lilienfeld*: «Gedanken über die Socialwissenschaft der Zukunft» (изъ пяти томовъ по-русски переведенъ только первый). *Schäffle*: «Bau und Leben des socialen Körpers». Особое воззрѣніе представляетъ изъ себя ученіе о «договорномъ организмѣ» въ книгѣ *Fouillée*: «La science sociale contemporaine».

[33]) Болѣе всего критикой спенсеровскаго воззрѣнія на общество въ нашей литературѣ занимался г. *Михайловскій* (см. собраніе сочиненій этого автора). Съ своей стороны мы посвятили разбору органическаго взгляда статью *Общество и организмъ* (*Юридическій Вѣстникъ* 1883 г.) и значительную часть 3 главы III книги *Осн. вопр. фил. ист.* Изъ крупныхъ явленій иностранной соціологической литературы отмѣтимъ большой трудъ *Lester Ward*'a: «Dynamic Sociology», о которомъ была обстоятельная статья въ послѣднихъ книгахъ *Русской Мысли* 1889 г. Книга *Уорда* имѣетъ важное значеніе для теоріи историческаго процесса.

[34]) См. указанную въ прим. 39 брошюру *Шлейхера* и его книгу «Die deutsche

Sprache», а также статью *Штейнберга*: «Органическая жизнь языка» (*Вѣстникъ Европы* 1871 г.).

[35]) Ср. статью нашу *Два взгляда на процессъ правообразованія* въ *Юридическ. Вѣстн.* 1889 г.

[36]) *Van Krieken*: «Ueber die organische Staatstheorie».

[37]) Подробное изложеніе взглядовъ *Линднера* было сдѣлано г. *Оніирскимъ* въ журналѣ *Дѣло* 1872 г.

[38]) Отсылаемъ за подробностями къ указанной въ прим. 25 статьѣ проф. *Герье*. Взглядъ Тэна на значеніе психологіи для исторіи былъ разсмотрѣнъ нами въ первой главѣ III книги *Осн. вопр. фил. ист.* Къ сожалѣнію, вопросъ мало разработанъ. См., однако, *Vacherot*: «Essais de philosophie critique» (кн. II: «La psychologie et l'histoire»). *Steinthal*: «Philologie, Geschichte und Psychologie in ihren gegenseitigen Beziehungen». Важны нѣкоторыя статьи *Лацаруса* въ «Zeitschrift für Völkerpsychologie», каковы, наприм., «Einige syntthetischen Gedanken fur Völkerpsychologie», «Ueber die Ideen in der Geschichte» и др. Вопроса касаемся и мы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ новой книги своей *Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи*.

[39]) *Fustel de Coulanges*: «La cité antique» (переведено по-русски). *Ihering*: «Der Kampf ums Recht» (перев. по-русски). *Marx*: «Kapital» (перев. по-русски).

[40]) Эта литература такъ громадна, что мы затрудняемся дать здѣсь перечень хотя бы главныхъ ея явленій. Указываемъ, наприм., на сочиненія по первобытной культурѣ *Тэйлора, Макъ-Леннана, Моргана, Мэна, Леббока, Бахофена, Зибера, Ковалевскаго* и др., на этнографическую соціологію *Летурно* (нѣсколько отдѣльныхъ трудовъ), на сравнительныя изученія религіи, права, политики и т. д. въ работахъ *Макса Мюллера, Поста, Фримана, Hearn*'а и др., на разныя общія исторіи культуры, каковы «Исторія общественности» *Стронина*, особенно же «Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau» *Липперта* и пр., и пр.

[41]) Называемъ указанныя работы: *Бестужевъ-Рюминъ*: «Русская исторія» (введеніе). *Герье*: «Очеркъ развитія исторической науки». *Грановскій*: «О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи». *Кудрявцевъ*: «О современныхъ задачахъ исторіи». *Куторга*: «Историческое развитіе понятія объ исторіи». *Лучицкій*: «Отношеніе исторіи къ наукѣ объ обществѣ». *Надлеръ*: «Миѳическій элементъ въ исторіи». *Петровъ*: «Новѣйшая національная историографія». *Рославскій-Петровскій*: «Рѣшеніе вопроса: въ чемъ состоитъ истинное значеніе прагматической исторіи и какова должна быть ея обработка?» *Соловьевъ*: «Историческія письма». *Стасюлевичъ*: «Опытъ историческаго обзора главныхъ системъ философіи исторіи». *Трачевскій*: «Современныя задачи исторической науки» и *его же*: «Современныя задачи историческаго знанія».

[42]) Отсылаемъ къ своей новой книгѣ: *Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи*, гдѣ указывается на совершенную неразработанность вопроса объ исторической причинности и дѣлается попытка набросать главныя очертанія ея теоріи.

[43]) Вопросъ крайне неразработанный. Посвятивъ его изслѣдованію только что названное сочиненіе, мы сочли нужнымъ подвергнуть своему разбору высказывавшіяся на этотъ счетъ мнѣнія. Нельзя сказать, чтобы литература вопроса была обширна. Не считая отдѣльныхъ мѣстъ, встрѣчающихся у историковъ (напримѣръ, у Гизо, Ранке, Соловьева, Бестужева-Рюмина, Пыпина и др.) или у философовъ (наприм., у Гегеля, Кузена, Милля, Спенсера и др.), мы въ указанномъ сочиненіи могли разобрать лишь слѣдующія книги (отдѣльныя главы) и статьи, въ коихъ затрогивается вопросъ о роли личности въ исторіи: *Carlyle*: «On heroes, hero-worship and the he-

roic in history». *Гр. Л. Толстой*: историческая философія въ *Войнѣ и мирѣ*. *Миртовъ*: «Историческія письма и нѣкоторыя журнальныя статьи». *Jolý*: ««Psychologie des grands hommes». *Hennequin*: «La critique scientifique». *Bourdeau*: «L'histoire et les historiens». *Михайловскій*: «Герои и толпа»; *его же*: «Научныя письма», гдѣ разсмотрѣны взгляды *Гальтона*, *Ромбосона* и *Ломброзо* («Tre tribuni studiati da un alienista»). *Gumplowicz*: «Grundriss der Sociologie». *Лотце*: «Микрокосмъ». *Коркуновъ*: «Лекціи по общей теоріи права». *Слонимскій*: «Основные вопросы политики». *Tarde*: «Les traits communs de la nature et de l'histoire», вотъ почти и все. Самый бѣглый обзоръ приведенныхъ названій показываетъ, какъ мало существуетъ спеціальныхъ работъ о роли личности въ исторіи, и что мнѣній по этому вопросу приходится искать въ самыхъ разнообразныхъ книгахъ и статьяхъ. Характерно и то, что въ этомъ, несовсѣмъ случайномъ спискѣ авторовъ, касавшихся вопроса, «чистые» историки отсутствуютъ.

Философія, исторія и теорія прогресса.

I. Философія и наука.—II. Задача философіи исторіи.—III. Явленія, законы и принципы личной и общественной жизни.—IV. Безсознательная философія общества.—V. Теорія прогресса.

I.

Прежде всего условимся въ опредѣленіи понятія философіи, такъ какъ употребляется это слово въ довольно различныхъ смыслахъ, поэтому намъ нужно сначала будетъ разсмотрѣть главныя категоріи опредѣленій философіи.

Говоря вообще, категорій этихъ три: къ первой отнесятся всѣ тѣ опредѣленія, которыя разсматриваютъ философію, какъ *спеціальную науку* въ ряду другихъ такихъ же наукъ, различно, однако, обозначая ея предметъ; опредѣленія второй категоріи дѣлаютъ изъ философіи *науку универсальную*, опять-таки очень неодинаково понимая отношеніе этой общей науки къ наукамъ частнымъ; наконецъ, по опредѣленіямъ третьей категоріи, понятіе философіи *противополагается понятію науки*, хотя точно такъ же въ довольно различныхъ смыслахъ. Изъ этихъ трехъ основныхъ способовъ пониманія философіи намъ и нужно сдѣлать выборъ, которымъ опредѣлится и то, въ какомъ значеніи съ точки зрѣнія исторической науки должна быть поставлена задача теоріи прогресса, которая имѣла бы философскій характеръ.

Первая категорія опредѣленій философіи видитъ въ ней одну изъ спеціальныхъ наукъ. Но что такое вообще спеціальныя науки? Каждому хорошо извѣстно, что обозначается этимъ именемъ: спеціальная наука состоитъ въ изученіи опредѣленной области познаваемыхъ нами вообще предметовъ, за границы которой ни одна научная спеціальность не выходитъ, какъ таковая, но въ предѣлахъ которой ничего по возможности не оставляетъ неизслѣдованнымъ. Другими словами, научныя спеціальности имѣютъ каждая свой предметъ, коимъ должны заниматься исключительно и вполнѣ его исчерпывая: этимъ та или другая наука выдѣляется въ особую и самостоятельную отрасль знанія и получаетъ внутреннее единство объекта и задачи. Всѣ попытки

ограничить подобнымъ образомъ и философію не имѣли до сихъ поръ успѣха: всегда оказывалось, что у философіи, какъ спеціальной науки, нѣтъ такого предмета, который она вѣдала бы исключительно и всецѣло. Не касаясь вопроса о познаваемости или непознаваемости сущности вещей, мы не можемъ отождествить философію съ метафизикой, которая дѣлаетъ своимъ предметомъ именно сущность вещей: не расширяя произвольно значенія слова *метафизика*, обозначающаго познаваніе того, что лежитъ за предѣлами міра явленій, отождествленіе философія съ метафизикой лишаетъ первую права заниматься многимъ изъ того, что до сихъ поръ входило въ область ея вѣдѣнія, наприм., моралью, правомъ, государствомъ. Особенно было бы странно такъ ограничивать область философіи, когда ея представители были главными творцами системъ именно нравственной философіи, или этики. Не болѣе удачна попытка опредѣлить философію, какъ науку о духѣ: во-первыхъ, и природа была всегда, хотя, быть можетъ, и въ меньшей степени, предметомъ, занимавшимъ философовъ, а во-вторыхъ, многія отрасли нашихъ знаній о духѣ, каковы, напр., психофизика или психіатрія, не обращали на себя вниманія философовъ, предоставлявшихъ разработку такихъ наукъ ученымъ спеціалистамъ. Еще болѣе спеціализируя задачу философіи, нѣкоторые думаютъ свести ее цѣликомъ на теорію познанія, но и тутъ оказывается, что философія въ своемъ историческомъ развитія ставила себѣ болѣе широкія цѣли и далеко не всѣмъ интересовалась въ упомянутой теоріи. Наконецъ, философію объявляли наукой о принципахъ, но сами-то принципы что такое, какъ не продукты уже самой философіи? Принциповъ, какъ предметовъ, подобныхъ тѣмъ, коими занимаются науки, не существуетъ: предметы, дѣлающіеся объектомъ той или другой спеціальности, существуютъ раньше спеціальностей, ихъ изучающихъ, принципы могутъ явиться только въ качествѣ результатовъ нашего мышленія. Довольно этихъ примѣровъ отождествленія философіи съ спеціальной наукой: изъ нихъ уже можно видѣть, какія трудности возникаютъ, когда дѣлается попытка ограничить область философіи, какъ мы ограничиваемъ области дѣйствительно спеціальныхъ наукъ. Конечно, въ пользу каждаго ограниченія философіи, какъ спеціальной науки, говорится то или другое, и для него, слѣдовательно, имѣются извѣстныя основанія, но самое существованіе нѣсколькихъ различныхъ опредѣленій философіи, какъ спеціальной науки, изъ которыхъ одно противорѣчитъ другому, указываетъ на трудность задачи обозначить предметъ, подлежащій исключительному и всеисчерпывающему вѣдѣнію философіи. Съ другой стороны, противъ каждаго такого отрицанія—вся исторія философіи: если мы потрудимся поближе познакомиться съ тѣмъ, какія области знанія

входили въ составъ философіи, то увидимъ, что она занималась почти всѣмъ, если не всѣмъ дѣйствительно,—и сущностью вещей, и природой, и духомъ, и познаніемъ, и моралью, и правомъ, и государствомъ, и исторіей, и принципами. Значитъ, приходится отказаться отъ мысли о философіи, какъ спеціальной наукѣ, и приписать ей характеръ универсальности.

Другія категоріи опредѣленій философіи и имѣютъ въ виду именно этотъ ея универсальный характеръ. Но и здѣсь дѣло не можетъ рѣшиться простой ссылкой на универсальныя задачи философіи, потому что возникаетъ новый вопросъ, вопросъ объ отношеніи между философіей и наукой, допускающій два рѣшенія и дающій начало двумъ новымъ категоріямъ опредѣленій нашего понятія. Одна изъ этихъ категорій находится въ родствѣ съ первой, опредѣляя философію все-таки, какъ науку, другая, хотя и сближается съ только что указанной, отрицая спеціальный характеръ философіи, но одинаково удаляется отъ обѣихъ, прямо уже противополагая философію наукѣ вообще, т.-е. не считая философію за науку, а за нѣчто особое въ области знанія. Давая философіи значеніе универсальной науки, мы можемъ вкладывать въ это опредѣленіе весьма различный смыслъ, но въ сущности есть только два основныя рѣшенія вопроса; или философія есть не что иное, какъ простая сумма всѣхъ наукъ, и тогда это только синонимъ науки вообще, или же это—сумма конечныхъ выводовъ всѣхъ наукъ, и тогда она равнымъ образомъ не заключаетъ въ себѣ ничего, что рѣзко отличало бы ее отъ наукъ, суммированіемъ выводовъ которыхъ она занимается. Первое рѣшеніе вопроса слишкомъ грубо и едва ли найдетъ серьезныхъ защитниковъ, второе не показываетъ, что же сами философы производятъ, если только на ихъ долю выпадаетъ лишь заносить въ свои реестры выводы спеціальныхъ наукъ. Съ другой стороны, одно рѣшеніе предполагаетъ немыслимый въ наше время научный энциклопедизмъ, а другое предоставляетъ подведеніе научныхъ итоговъ самимъ спеціальностямъ, превращая всѣхъ ученыхъ, занимающихся научнымъ синтезомъ, въ философовъ. Оба эти воззрѣнія возникли на общей почвѣ отрицанія чего бы то ни было внѣ науки и въ сущности упраздняютъ философію: защитники отождествленія философіи и науки съ предикатомъ универсальности для первой очень просто разрѣшаютъ вѣковой споръ между обѣими, объявляя, что нѣтъ философіи и науки, а есть только наука, которая и должна называться философіей.

Если мы сведемъ вмѣстѣ на очную ставку разсмотрѣнныя нами категоріи, то увидимъ, что кое-что изъ нихъ можно извлечь. Какъ, спрашивается, могло возникнуть такое крупное противорѣчіе въ опредѣленіи одного и того же понятія? Какъ случилось, что одной и той же

вещи приписывають взаимно уничтожающіеся предикаты спеціальности и универсальности? Не могло же это произойти безъ всякаго основанія. Мнѣ кажется, что опредѣленія первой категоріи исходнымъ пунктомъ своимъ имѣютъ совершенно вѣрную мысль, именно мысль о необходимости обособленія философіи; ошибка сдѣлана только въ томъ отношеніи, что обособленіе это было понято въ такомъ смыслѣ, будто у философіи должна быть такая же спеціальная область вѣдѣнія, какъ и у другихъ наукъ, тогда какъ основы для этого обособленія нужно искать совсѣмъ на иномъ основаніи въ виду несомнѣнной универсальности философіи, на которую напираютъ опредѣленія второй категоріи. Дѣйствительно, есть возможность обособить философію и въ то же время не лишить ея универсальнаго характера, если мы только обратимъ наши взоры къ третьей категоріи опредѣленій философіи, противополагающихъ ее наукѣ.

Противоположеніе философіи наукѣ, различіе между ними, то инстинктивно чувствуемое, то ясно выражаемое, нельзя игнорировать при опредѣленіи понятія философіи: въ силу существованія множества взглядовъ, сводящихся къ тому, что философія и наука—двѣ различныя вещи, не приходится опредѣлять философію, какъ науку—все равно, спеціальную ли, или универсальную. Въ этихъ взглядахъ существуетъ множество оттѣнковъ, начиная отъ мысли о нѣкоторомъ антагонизмѣ между философіей и наукой и кончая мыслью о возможности научной философіи и философскаго элемента въ наукѣ. Я опять не стану разсматривать всѣ опредѣленія философіи, относящіяся къ этой третьей категоріи, и возьму только три случая: первымъ будетъ крайній взглядъ на философію и науку, какъ на двѣ вещи непримиримыя, вторымъ—полюбовное между ними размежеваніе, которое отдаляетъ одну отъ другой, третьимъ — нахожденіе нѣкотораго высшаго единства, примиряющаго философію и науку и сближающаго ихъ между собою. Во всѣхъ трехъ случаяхъ мы постараемся найти общую основу для противоположенія философіи и науки.

Съ точки зрѣнія опредѣленій этой категоріи удобнѣе всего разсмотрѣть сначала первый случай. Читателю, конечно, извѣстны толки объ антагонизмѣ между философіей и наукой, который нерѣдко приводилъ къ взаимнымъ пререканіямъ между ихъ представителями. Пререканія эти очень характерны, и общій смыслъ ихъ полезно уловить. Философъ, говорятъ иногда люди науки, похожъ на человѣка, который, желая отправиться изъ Европы въ Америку, рѣшился бы идти туда пѣшкомъ на томъ основаніи, что пѣшее путешествіе поэтичнѣе, чѣмъ ѣзда на пароходѣ; философъ—верхоглядъ и фантазеръ, строящій воздушные замки, нанизывающій на паутинную нить самые тяжелые предметы, пытаю-

щійся въ пустыхъ словахъ найти «начало всѣхъ началъ». Философы съ своей стороны въ долгу не остаются: нерѣдко для нихъ ученый— синонимъ буквоѣда и фактопоклонника, чернорабочаго, громоздящаго безформенныя кучи сырого матеріала, неспособнаго понять плана зданія, надъ которымъ работаетъ, думающаго, что перечислить всѣ видимые признаки и наружныя части предмета — конецъ и вѣнецъ всякаго знанія: онъ воображаетъ, что колба и реторта—единственное средство рѣшать всякіе вопросы, на томъ основаніи, что эти инструменты дали ему возможность кое-что состряпать. Такъ или приблизительно такъ и вообще въ этомъ родѣ пререкаются и пререкались представители философіи и науки, получавшіе въ этомъ спорѣ обидныя клички пустословія и крохоборства. Такого пререканія не могло бы возникнуть, если бы дѣйствительность не давала для него поводовъ, но читатель, конечно, понимаетъ, что тутъ берутся крайности, въ которыя нерѣдко впадали и философія, и наука: исказить можно все, но не слѣдуетъ судить о вещи по ея искаженному виду.

Другой случай представляетъ изъ себя, такъ сказать, полюбовный раздѣлъ между философіей и наукой: вотъ мое, вотъ твое, будемъ каждый владѣть своимъ, не мѣшая другъ другу и не ссорясь. На почвѣ такого дѣлежа возникло множество различныхъ взглядовъ, которые всѣ въ сущности сводятся къ слѣдующему: достояніе философіи—отвлеченныя понятія, ея методъ—умозрѣніе, ея цѣль—общія истины, а на долю науки приходятся конкретные предметы, опытъ и наблюденіе, частныя истины. Не думаю, чтобы такое размежеваніе было возможно и полезно. Въ самомъ дѣлѣ, мыслима ли какая-либо наука безъ отвлеченныхъ понятій, обобщающихъ отдѣльные классы дѣйствительныхъ предметовъ, и во что превратятся отвлеченныя понятія философіи, если ихъ нельзя будетъ примѣнять къ разрядамъ дѣйствительныхъ предметовъ, существующихъ и возможныхъ въ мірѣ? Равнымъ образомъ, развѣ наука можетъ обойтись безъ умозрѣнія и что станется съ умозрѣніемъ философіи, если опытъ и наблюденіе будутъ его побивать на каждомъ шагу? Наконецъ, какъ это такъ разграничить истины частныя и общія? Вѣдь и наука стремится къ обобщенію своего знанія, и всякая общая истина предполагаетъ процессъ, который добываетъ ее изъ суммы истинъ частныхъ. Въ сущности эта размежевка есть тотъ же антагонизмъ, о которомъ сказано выше, только замаскированный: отвлеченности, не имѣющія корня въ фактахъ, умозрѣніе, не стѣсняющееся данными опыта и наблюденія, общія положенія, существующія независимо отъ частныхъ,—вотъ всѣ аттрибуты фантазерства; одни конкретные предметы, одни данныя опыта и наблюденія, однѣ частности безъ стремленія найти ихъ общую подкладку, — вотъ всѣ атрибуты фактопоклонства, Но въ

этой замаскированной формѣ, антагонизмъ между философіей и наукой уже не такъ рѣзокъ и дозволяетъ намъ провидѣть дѣйствительное между ними различіе. Замѣнимъ «фантазерство» «творчествомъ», «фактопоклонство» «зависимостью отъ объекта», и мы увидимъ, что подъ эти два понятія подойдутъ тѣ признаки философіи и науки, которые приписываются имъ полюбовнымъ размежеваніемъ. Отвлеченныя понятія, отдаваемыя въ собственность философіи, суть продукты нашего творчества: это мы ихъ образуемъ, готовыми дѣйствительность ихъ намъ не даетъ; умозрѣніе есть одинъ изъ видовъ также нашего творчества, какъ процессъ, въ которомъ первая роль принадлежитъ уму, созидающему знаніе; добываніе общихъ истинъ изъ совокупности частныхъ относится равнымъ образомъ къ творческому процессу мысли. Съ другой стороны, видя только конкретные предметы, зная только то, что даетъ намъ опытъ и наблюденіе, довольствуясь самыми частными истинами, относящимися къ отдѣльнымъ фактамъ, мы находимся въ совершенномъ подчиненіи нашимъ объектамъ. Вотъ почему я полагаю, что и открытый антагонизмъ между философіей и наукой, отрицающій одну ради другой, и полюбовный раздѣлъ между ними, обрекающій каждую изъ нихъ на невозможное существованіе, суть только весьма несовершенныя указанія на то, что философіи хотятъ вообще приписать предикатъ творчества, какъ наукѣ — предикатъ подчиненія объекту. Съ этой точки зрѣнія можно установить третій способъ пониманія противоположности между философіей и наукой: считая характернымъ признакомъ послѣдней подчиненіе объекту, но не отрицая значенія въ ней и творчества, мы можемъ сказать, что главное въ наукѣ подчиненіе объекту, въ предѣлахъ котораго долженъ оставаться и творческій процессъ мысли, а тогда на долю философіи останется творчество, ставящее себѣ тѣ же цѣли, что и въ наукѣ, но уже выступающее за предѣлы упомянутаго подчиненія. Такъ какъ этого именно положенія я и добивался всѣмъ предыдущимъ разсужденіемъ и такъ какъ изъ него я вывожу свое опредѣленіе философіи, то на немъ необходимо остановиться.

Что наука невозможна безъ подчиненія даннымъ своего объекта, понятно каждому, но мысль о творчествѣ въ предѣлахъ подчиненія даннымъ объекта требуетъ объясненія. Говоря выше объ образованіи отвлеченныхъ понятій, которыми оперируетъ наука, объ умозрѣніи, имѣющемъ задачей построеніе знанія въ систему, объ общихъ истинахъ, которыя каждая наука ставитъ себѣ, какъ цѣль, я упомянулъ, что во всемъ этомъ дѣйствуетъ наше творчество, а потому безъ него наука невозможна. Но въ наукѣ творчество связано объектомъ изученія, т.-е. не имѣетъ права ничего создавать, что въ то же время не давалось бы дѣйствительностью, частныя истины о которой намъ от-

крываютъ опытъ и наблюденіе. Высшій идеалъ науки—точность знанія, т.-е. полное соотвѣтствіе ея истинъ съ дѣйствительностью, котораго не можетъ быть безъ примѣненія къ изученію критическихъ пріемовъ мысли: научной истиной мы называемъ такую мысль, содержаніе которой добыто именно этимъ, а не какимъ-либо инымъ путемъ и можетъ быть постоянно провѣрено; точныя науки, обладающія такими истинами въ наибольшемъ количествѣ, мы ставимъ въ образецъ другимъ, менѣе совершеннымъ наукамъ и имъ, точнымъ наукамъ, наиболѣе довѣряемъ въ нашей практической дѣятельности. Само творчество во всѣхъ своихъ проявленіяхъ подчиняется здѣсь требованіямъ точности. Научныя представленія и понятія должны соотвѣтствовать даннымъ въ дѣйствительности предметамъ и ихъ классамъ; соединеніе разрозненныхъ элементовъ знанія въ систему должно изображать дѣйствительныя отношенія между данными предметами или ихъ классами; гипотезы, это угадываніе истины, къ которому вынуждена прибѣгать наука, должны выдерживать испытаніе провѣркой, чтобы получить научное значеніе, не говоря уже о добываніи общихъ истинъ путемъ обобщенія частныхъ. Но творческій процессъ мысли на этомъ не останавливается и, преслѣдуя тѣ же цѣли, что и въ наукѣ, начинаетъ дѣйствовать и внѣ той области, въ которой возможенъ строго-научный методъ, дающій намъ точное знаніе о дѣйствительныхъ предметахъ. Рядомъ съ научными понятіями умъ нашъ творитъ идеи, какъ нѣкоторыя общія представленія, образованныя совсѣмъ инымъ путемъ, чѣмъ научныя представленія и понятія: послѣднимъ соотвѣтствуютъ дѣйствительные предметы или ихъ классы, тогда какъ въ идеяхъ и идеалахъ намъ дается нѣкоторое содержаніе, коему въ дѣйствительности ничто не соотвѣтствуетъ, т.-е. это—представленія и понятія не о существующемъ, а о возможномъ или должномъ, каковы всѣ принципы которые мы кладемъ въ основу вещей, или идеалы, какъ разумные ихъ типы. Далѣе, творческій синтезъ построяетъ знаніе въ систему и за предѣлами того, на что насъ уполномочиваютъ опытъ и наблюденіе,—выбирая для этого построенія ту или другую форму изъ нѣсколькихъ, допускаемыхъ даннымъ содержаніемъ. Наконецъ, мы обобщаемъ наше знаніе и съ помощью такихъ гипотезъ, научная провѣрка которыхъ немыслима. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ творчествомъ внѣнаучнымъ, хотя и ставящимъ себѣ тѣ же цѣли, что и наука, т.-е. познаніе. Эта внѣнаучность заключается въ невозможности строгой провѣрки нѣкоторыхъ идей, построеній и гипотезъ данными въ дѣйствительности предметами и классами предметовъ, ихъ взаимными отношеніями, ихъ причинами, а между тѣмъ такое внѣнаучное творчество вызывается потребностями того же знанія, хотя и стремится

сообщить ему нѣчто иное, нежели то, что способна сдѣлать наука. Уже наука при всей своей заботѣ о точности хлопочетъ о полнотѣ, стройности и цѣлостности знанія, которыхъ можно достигнуть только путемъ творчества, но именно внѣнаучное творчество ставитъ себѣ задачею эту полноту, стройность, цѣлостность, хотя бы при этомъ и не достигалось точности. Вотъ такое-то творчество и создаетъ область философіи въ ея отличіе отъ науки, и въ этомъ именно смыслѣ я противополагаю философію наукѣ, говорю о творчествѣ, какъ объ основномъ признакѣ первой, и о подчиненіи предмету, какъ о столь же основномъ признакѣ второй. Какъ красная нить, проходитъ творчество черезъ все многовѣковое развитіе философіи: характеромъ и направленіемъ творчества опредѣляются уже другіе, болѣе случайные и непостоянные признаки философіи. Она, сказали мы, заключается въ творчествѣ идей, и уже для опредѣленія философіи вообще вопросъ второстепенный, какъ получаетъ она эти идеи и какое значеніе имъ приписываетъ: будутъ ли это преобразованныя представленія и понятія изъ тѣхъ, съ которыми можетъ имѣть дѣло и наука, или продукты чистой фантазіи, будемъ ли мы имъ приписывать лишь субъективное значеніе или объективировать внѣ себя, какъ нѣкія сверхчувственныя сущности, во всякомъ случаѣ вырабатываетъ ихъ творческій процессъ мысли, имѣющій цѣлью полноту знанія, соединеніе реальнаго съ идеальнымъ, не знаніе одного того, что есть, но и того, что должно быть для удовлетворенія нашихъ субъективныхъ потребностей. Философія, далѣе, стремится внести въ знаніе стройность; и здѣсь возможны разные пути, слѣдованіе которымъ опредѣляетъ ту или другую философію уже дальнѣйшимъ образомъ: будемъ ли мы добиваться порядка въ знаніи путемъ строгаго мышленія или путемъ чистаго воображенія, будемъ ли только продолжать научныя построенія за предѣлами науки или исходить при этомъ изъ мысли о полномъ тождествѣ связи между нашими идеями и связи между вещами, насъ главнымъ образомъ будетъ занимать одно—внесеніе въ знаніе стройности. Наконецъ, цѣлостность знанія, къ которой стремится философія, требуетъ необходимо творчества нѣкоторыхъ обобщающихъ гипотезъ, и именно эту цѣлостность мы имѣемъ въ виду, сводя свое міросозерцаніе къ извѣстнымъ основамъ, станемъ ли мы видѣть въ нихъ лишь наиболѣе вѣроятныя гипотезы или выдавать ихъ за самыя несомнѣнныя истины, будемъ ли создавать эти гипотезы методомъ мысли, постоянно провѣряющей свои основанія, или путемъ полнаго субъективнаго произвола, постараемся ли свести этотъ гипотетическій элементъ до minimum'а, заботясь въ то же время, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, не противорѣчилъ наукѣ, или предпочтемъ громоздить гипотезы на гипотезы, не взирая

на то, какую цѣну каждая изъ нихъ будетъ имѣть въ глазахъ науки. Итакъ, если идеалъ науки—точность знанія, то полнота въ единомъ и стройномъ цѣломъ—идеалъ философіи.

Пререканія между философами и учеными могли возникнуть лишь при взаимномъ отчужденіи философіи и науки. Когда первая видѣла въ своихъ идеяхъ нѣкоторыя сущности, лежащія въ основѣ вещей, но научнымъ анализомъ не открываемыя, когда идеи эти плохо гармонировали съ соотвѣтственными понятіями науки; когда она связывала элементы знанія чисто фантастическою связью, полагаясь на одно умозрѣніе, на одну связь идей; когда она покидала міръ явленій, съ коимъ имѣетъ дѣло наука, чтобы вращаться въ такой области, гдѣ знаніе безсильно, гдѣ царство вѣрованія и воображенія, давая однѣ гипотезы и претендуя давать достовѣрныя истины, стремясь къ знанію и игнорируя науку,—тогда именно вооружалась наука противъ философіи, протестуя противъ идеализаціи дѣйствительности, какъ невѣрнаго ея воспроизведенія, противъ идеологіи, какъ извращенія умозрѣнія, противъ метафизики, какъ незаконнаго вмѣшательства поэзіи въ дѣло познаванія міра. Съ своей стороны, представители философіи, имѣвшіе возвышенное понятіе о знаніи, съ презрѣніемъ должны были смотрѣть на науку, которая, коснѣя на конкретномъ, не создавала общихъ понятій, сколько-нибудь способныхъ обогатить содержаніе и освѣтить значеніе философскихъ идей,—которая, не возвышаясь надъ эмпирическимъ, оставляла свою область въ хаотическомъ безпорядкѣ, не заботясь о систематизаціи своихъ истинъ, сколько-нибудь пригодной, чтобы служить цѣлямъ стройнаго знанія,—которая, наконецъ, занимаясь однѣми частностями, не хлопотала о выработкѣ общихъ теорій, могущихъ найти мѣсто въ цѣлостномъ міросозерцаніи послѣ своего сведенія къ еще болѣе общимъ гипотезамъ. Но это—крайности, при которыхъ философія начинаетъ превращаться въ особый видъ поэзіи, взявшей на себя роль познаванія міра, а наука едва замѣтными чертами отдѣляется отъ совокупности эмпирическихъ свѣдѣній, необходимыхъ въ каждомъ техническомъ дѣлѣ. Полюбовная размежевка между философіей и наукой, о которой мы говорили выше, также не рѣшаетъ вопроса о надлежащихъ между ними отношеніяхъ: отдавая философіи отвлеченныя понятія, эта размежевка не показываетъ, какія именно понятія—философскія, потому, что безъ нихъ и наука обойтись не можетъ; дѣлая философію обладательницей умозрѣнія, она не опредѣляетъ, что въ немъ нужно считать философскимъ, такъ какъ безъ умозрѣнія нѣтъ и науки; ставя философіи выработку общихъ истинъ, этотъ дѣлежъ молчитъ о томъ, чѣмъ же отличаются общія истины философіи отъ общихъ истинъ, которыя вырабатываются и наукой. Между тѣмъ,

каждому хорошо извѣстно, что, напр., понятіе о государствѣ, какъ оно есть, и идея государства, какъ оно должно быть,—двѣ вещи разныя, и только нѣкоторая идеализація дѣйствительности позволяла отождествлять реальную основу вещи съ идеаломъ нашего разума. Или еще: мы хорошо знаемъ, что умозрѣніе, приходящее лишь на помощь опыту и наблюденію, и умозрѣніе, только пользующееся данными опыта и наблюденія, не одно и то же, и называемъ идеологами тѣхъ, которые думаютъ, что чистое умозрѣніе одно способно замѣнить опытъ и наблюденіе и совершенно безъ него обойтись. Наконецъ, не менѣе чувствуется нами разница между общими истинами, которыя мы можемъ провѣрить, и такими, которыя подобной провѣркѣ не подлежатъ, и только одна догматическая метафизика воображаетъ, что ея общія положенія о сущности вещей—не гипотезы, а истины, не нуждающіяся въ провѣркѣ и скорѣе сами сообщающія всякому знанію достовѣрность.

Если обобщить все, что можно сказать о понятіяхъ, построеніяхъ и общихъ положеніяхъ философіи, то существеннымъ ихъ признакомъ должно признать ихъ гипотетичность: каждая философская идея есть гипотеза, говоримъ ли мы о принципѣ чего-нибудь или какомъ-либо идеалѣ, ибо приписать какому-нибудь явленію тотъ или другой принципъ значитъ предположить, что въ основѣ его лежитъ та или другая цѣль, которой оно служитъ, ибо создать идеалъ значитъ равнымъ образомъ предположить возможность существованія нѣкотораго явленія; гипотетическій характеръ имѣетъ и каждое философское построеніе, ибо въ основѣ его лежитъ предположеніе, что изъ всѣхъ возможныхъ формъ построенія, допускаемыхъ даннымъ содержаніемъ, избранная нами форма наиболѣе удовлетворительна; наконецъ, именно отсутствіе провѣрки отличаетъ философскія положенія отъ положеній науки, и въ основѣ каждой философской системы лежитъ всегда гипотеза или рядъ гипотезъ, какъ бы при этомъ ни былъ малъ научно недоказуемый элементъ каждой гипотезы и какъ бы ни незначительно было количество такихъ исходныхъ предположеній. Чѣмъ сильнѣе развитъ этотъ основный признакъ философіи, тѣмъ она дальше стоитъ отъ науки, и въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ здѣсь откровенно идеалистическимъ системамъ, видящимъ въ идеяхъ дѣйствительныя сущности внѣ міра явленій или воплощенныя въ явленіяхъ, признающимъ возможность построенія знанія одной умственной операціей надъ этими идеями, сводящимъ всѣ явленія міра къ одной или нѣсколькимъ сущностямъ. Весь идеализмъ есть не что иное, какъ творчество разнообразныхъ гипотезъ, и если только мы стремимся къ примиренію философіи и науки, мы должны опредѣлить законныя границы идеализма, творчества, гипотетическаго

элемента философіи. Только такое опредѣленіе дастъ намъ возможность устранить антагонизмъ между философіей и наукой и произвести между ними не обидную ни для той, ни для другой размежевку.

Наука имѣетъ весьма многое сказать противъ идеалистической философіи: ея гипотезы, вносящія въ знаніе цѣльность, либо противорѣчатъ научнымъ теоріямъ явленій, либо не имѣютъ съ ними точекъ соприкосновенія, а потому наука отворачивается отъ метафизики, основываясь сама на реализмѣ въ смыслѣ ученія о познаваемости одного феноменальнаго міра; вмѣстѣ съ этимъ наука возстаетъ противъ идеологіи, вносящей въ знаніе стройность безъ всякаго руководства со стороны опыта и наблюденія, на которыхъ основанъ реализмъ науки въ смыслѣ воспроизведенія отношеній, данныхъ въ дѣйствительности; и идеализація противорѣчитъ трезвому реализму науки, признающей въ дѣйствительности только то, что открыто научнымъ анализомъ. Но есть одна область, гдѣ идеализмъ неприступенъ: это творчество идеаловъ, оцѣнка явленій съ принципіальной точки зрѣнія, и такой идеализмъ всегда будетъ имѣть мѣсто въ философіи. Однако и сами идеи, принципы, идеалы должны не находиться въ противорѣчіи съ наукой, если только философія хочетъ быть научной: каждая идея должна быть преобразованнымъ научнымъ понятіемъ при помощи возведенія въ принципъ одного изъ элементовъ его содержанія, а идеалы должны имѣть за себя хотя бы самую общую вѣроятность, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, чтобы относились къ явленіямъ, съ которыми и наука имѣетъ дѣло. Идея, для которой въ наукѣ нѣтъ соотвѣтственнаго понятія, идеалъ, осуществимый только внѣ міра явленій, не имѣютъ пунктовъ соприкосновенія съ тѣмъ, чѣмъ занимается наука.

Въ томъ же смыслѣ наука опредѣляетъ роль творчества въ философіи: оно получаетъ право создавать идеи, которымъ не приписывалось бы ничего, кромѣ того, что въ нихъ мы выражаемъ наши субъективныя требованія отъ вещей; оно получаетъ право вносить стройность въ знаніе, продолжая этимъ дѣло науки за ея предѣлами, но не вводя существенно новыхъ пріемовъ мысли въ эту работу; оно получаетъ право создавать внѣнаучныя теоріи, но не выходя за предѣлы того міра явленій, которымъ занимается наука, и пользуясь послѣдними выводами самой науки.

Говоря другими словами, тамъ, гдѣ философія не превращается въ идеализированіе дѣйствительности, не разрѣшается въ идеологическія построенія, не сводитъ свою задачу къ полученію цѣлостнаго міросозерцанія при помощи недоступной познаванію сущности вещей,—тамъ философія можетъ дѣйствовать свободно, не мѣшая наукѣ дѣлать свое дѣло и не встрѣчая съ ея стороны недоброжелательства. Такая фило-

софія только предвосхищаетъ то, что стремится узнать наука и что можетъ осуществить дѣйствительность: она не ставитъ себѣ задачъ, которыя наука по существу считаетъ неразрѣшимыми, и не выходитъ за предѣлы того міра явленій, который дѣлаетъ наука предметомъ своего изученія. Съ этой точки зрѣнія всю философію въ ея вѣковомъ развитіи мы можемъ разсматривать, какъ творчество, колеблющееся между двумя полюсами—полюсомъ вѣры и полюсомъ знанія, откуда два противоположные вида философіи—философія религіозная и философія научная съ цѣлымъ рядомъ переходныхъ ступеней, средній моментъ между которыми занимаетъ метафизика, никода не бывшая въ состояніи дать ни вѣры жаждущей душѣ, ни знанія любознательному уму. Во всякой, однако, философіи полнота, стройность и цѣлостность міросозерцанія ради удовлетворенія субъективныхъ стремленій духа стояли всегда на первомъ планѣ, и ни въ чемъ до такой степени не сходились между собою религіозная, метафизическая и научная философіи, какъ именно въ творчествѣ идеаловъ. Дѣйствительность—область науки, только философія творитъ тѣ гипотезы, которыя мы называемъ идеалами.

Не считая философіи ни спеціальной, ни универсальной наукой, противополагая ее вообще наукѣ, мы находимъ, что противоположеніе это не ведетъ непремѣнно къ ихъ антагонизму или разобщенію и что возможно между ними примиреніе и сближеніе. До сихъ поръ мы разсматривали то приближеніе философіи къ наукѣ, которое дѣлаетъ первую научной, не лишая ее характерныхъ и отличительныхъ ея признаковъ. Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть другую сторону дѣла. Если философія можетъ приближаться къ наукѣ и включать въ себя ея переработанныя данныя, то нельзя-ли признать необходимымъ, чтобы и наука приближалась къ философіи и вносила въ себя философскій элементъ? Мы ограничимся пока первой половиной вопроса, обѣщая возвратиться ко второй въ другомъ мѣстѣ.

Мы видѣли, что безъ творчества не обходится и наука, и указали, какими гарантіями оно въ ней обставлено. Согласно съ нашимъ опредѣленіемъ философіи, тѣмъ болѣе приближается къ ней наука, чѣмъ значительнѣе въ ней элементъ творчества. Въ этомъ отношеніи можно раздѣлить всѣ науки прежде всего на конкретныя и абстрактныя, по преобладанію въ нихъ описательно-повѣствовательнаго элемента или отвлеченія: первыя имѣютъ дѣло съ единичными фактами, вторыя—съ фактами обобщенными, съ общими представленіями и понятіями. Простое описаніе единичныхъ фактовъ, собственно говоря, не наука даже, а лишь научный матеріалъ, обладаніе которымъ мы называемъ ученостью, а не научностью. Съ иной точки зрѣнія это раздѣленіе получаетъ новый характеръ, изучаемъ ли мы самыя явленія или ихъ за-

коны: науки объ явленіяхъ можно назвать феноменологическими, науки о законахъ—номологическими. Каждая феноменологія можетъ быть конкретной и абстрактной, смотря по тому, изучаемъ ли мы явленія, стремясь къ точному, полному, всестороннему изображенію ихъ въ ихъ конкретности, или довольствуемся болѣе отвлеченными схемами, общими характеристиками, краткими формулами, существенными признаками и т. д.; напр., исторія есть наука феноменологическая, что не мѣшаетъ намъ различать конкретныя историческія изображенія, способныя, при художественномъ талантѣ историка, возвысить исторію на степень искусства, и абстрактныя историческія изображенія, въ которыхъ многіе и полагаютъ сущность философіи исторіи. Что касается до наукъ номологическихъ, то онѣ, занимаясь общими отношеніями между явленіями, которыя мы называемъ законами, абстрактны уже по самой своей сущности. Наконецъ, возможно еще дѣленіе наукъ на болѣе спеціальныя и болѣе общія. Въ каждой категоріи между обоими типами наукъ существуютъ постепенные переходы: конкретность и абстрактность могутъ имѣть разныя степени, и чѣмъ абстрактнѣе наука, тѣмъ она дальше отъ простого собиранія научнаго матеріала; между чистой феноменологіей, изучающей причинную связь опредѣленныхъ по мѣсту и времени явленій, и номологіей, изслѣдующей ихъ необходимыя отношенія гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было, стоятъ науки классификаціонныя, распредѣляющія предметы по группамъ; наконецъ, существуетъ масса переходовъ между мелкими спеціальностями, ставящими себѣ задачей изслѣдовать часть предмета, и общими науками, стремящимися охватить цѣлыя большія области предметовъ. То различіе между конкретнымъ и абстрактнымъ, эмпирическимъ и умозрительнымъ, частнымъ и общимъ, къ которому хотѣли свести противоположность между наукой и философіей, имѣетъ несомнѣнное существованіе въ наукѣ. Не разбирая вопроса въ подробности, мы не ошибемся, если скажемъ, что если философія когда-либо пренебрежительно относилась къ наукѣ, то именно только къ такой наукѣ, которая отождествляла себя съ простой эрудиціей, или обладаніемъ конкретными представленіями научнаго матеріала, сводила свою задачу къ констатированію чисто эмпирической связи между предметами и къ исчерпывающему ихъ «перечисленію до конца» и, зарывшись въ своей маленькой области, игнорировала все остальное. Философія, имѣвшая сколько-нибудь высокое мнѣніе о наукѣ, всегда требовала, чтобы послѣдняя давала общія понятія, открывала законы, обобщала болѣе или менѣе обширныя области знанія,—и только къ одной феноменологической наукѣ относилась съ такимъ же уваженіемъ, съ какимъ смотрѣла на науки номологическія, именно, къ исторіи въ виду того, что ею удовлетворяются извѣстныя субъективныя потреб-

ности нашего духа, да и тутъ философія требовала извѣстной абстрактности и цѣльности, находя излишними мелочныя подробности и недостаточными монографическія обработки. Требованіямъ философіи наука удовлетворяетъ, когда заботится о полнотѣ своего знанія, которая заключается не въ «перечисленіи до конца», конечно,—о стройности, которую наиболѣе способны представить изъ себя науки номологическія, какъ системы законовъ,—о цѣлостности знанія, когда обобщаетъ его элементы въ одну теорію той или другой частной области міра. Особенно же всегда приближались къ философіи и иногда даже долго сначала именно въ формѣ философіи только и существовали тѣ науки, которыя должны имѣть дѣло съ явленіями, затрогивающими субъективную сторону нашего бытія: это явленія, изучаемыя феноменологически въ исторіи, номологически—въ психологіи и соціологіи, наукахъ о духовной и общественной жизни человѣка, — явленія, имѣющія для насъ принципіальную сторону и пункты соприкосновенія съ нашими идеалами. И въ эти-то самыя науки, какъ мы увидимъ, наиболѣе возможно внесеніе философскаго элемента, какъ, съ другой стороны, наиболѣе годны для объединительнаго творчества философіи бываютъ только отвлеченныя понятія, номологическія построенія, самыя общія теоріи.

Таково значеніе философіи, какъ творческаго процесса, объединяющаго знаніе въ полное, стройное и цѣлостное міросозерцаніе. По существу своему философія едина, а наукъ много, но когда философской обработкѣ мы подвергаемъ какую-либо частную область, внося въ нее единое связующее начало, особенно если оно имѣетъ нѣкоторое соприкосновеніе съ вопросами нашего духа, возникаютъ частныя философіи природы, духа, исторіи, морали, права, государства, общества, прогресса.

II.

Весьма часто приходится встрѣчаться съ мнѣніемъ, будто исторія не есть наука. Разсматривая аргументы, которые обыкновенно приводятся въ пользу такого положенія, можно придти къ тому заключенію, что въ основѣ ихъ лежитъ условный и односторонній взглядъ на науку: подъ послѣдней разумѣютъ въ такихъ случаяхъ, собственно говоря, только извѣстный видъ науки, а не науку въ широкомъ смыслѣ этого слова. Мы видѣли, что характерный признакъ науки вообще есть подчиненіе знанія своему объекту, и съ этой стороны противъ научности исторіи сказать ничего нельзя. Во-первыхъ, исторія только воспроизводитъ факты, данные въ дѣйствительности, и ихъ только обобщаетъ; во-вторыхъ, она построяетъ свое знаніе, слѣдуя дѣйствительной связи между отдѣльными фактами и ихъ группами; въ-третьихъ, свои

общія положенія она выводитъ изъ фактовъ же, а если прибѣгаетъ къ догадкамъ, то провѣряетъ ихъ опять-таки на матеріалѣ, данномъ въ дѣйствительности. И для исторической науки точность знанія представляетъ собою высшую цѣль, а точность есть именно соотвѣтствіе знанія съ дѣйствительностью, которое достигается его подчиненіемъ объекту изученія. Отрицающіе научность исторіи только одно доказываютъ, что исторія занимается самими явленіями, взятыми каждое въ отдѣльности или обобщенными, а не ихъ законами, т.-е. что исторія есть наука феноменологическая. Въ силу особаго значенія историческихъ явленій мы изучаемъ прилежнѣе отдѣльные, конкретные факты изъ этой области, нежели такія же одиночныя явленія изъ другихъ областей, цѣнимъ знаніе ихъ индивидуальной, неповторяющейся стороны. И историческая наука, какъ и всякая другая, можетъ такъ обработывать свой матеріалъ, чтобы все ближе и ближе подходить къ философіи. Этого она достигаетъ, во-первыхъ, посредствомъ обобщенія отдѣльныхъ фактовъ, во-вторыхъ, чрезъ внесеніе нѣкоторой стройности въ изображеніе ихъ связи, въ-третьихъ, соединяя всю ихъ область въ одно цѣлое.

Первыя явленія, на которыя обратила вниманіе и которыми стала заниматься исторія, были выдающіяся «дѣянія», res gestae, потомъ вообще дѣятельность людей, и такое направленіе исторической науки можно назвать прагматическимъ. Позднѣе обращено было вниманіе науки на явленія другой категоріи, на «бытъ» людей, на то, что называется культурой, и въ этомъ смыслѣ возникло другое направленіе исторической науки—культурное. Въ интересахъ научной спеціализаціи возможно отдѣльное существованіе прагматическаго и культурнаго направленія, исторіи «дѣяній» и исторіи «быта», но каждое въ отдѣльности взятое не даетъ полнаго историческаго знанія и можетъ существовать только, какъ ступень къ нему. Полнота историческаго знанія достигается только объединеніемъ обоихъ направленій, но не въ смыслѣ механическаго соединенія прагматическаго разсказа съ культурнымъ описаніемъ, а въ смыслѣ стремленія узнать значеніе «дѣяній» для «быта» и «быта» для «дѣяній». Съ этой точки зрѣнія мы въ дѣятельности людей видимъ рядъ фактовъ, которые имѣли вліяніе на культуру, а въ культурѣ другой рядъ фактовъ, которые обусловливали людскую дѣятельность. Иными словами, задачей наукѣ ставится изображеніе взаимодѣйствія между «дѣяніями» и «бытомъ», въ которомъ и состоитъ историческій процессъ: здѣсь историкъ не имѣетъ уже права строго отдѣлять прагматическій разсказъ отъ культурнаго описанія; онъ долженъ изображать жизнь общества во всей ея полнотѣ, исходя изъ того взгляда, что эта жизнь состоитъ въ дѣятель-

ности его членовъ, результатомъ коей являются перемѣны въ его культурѣ,—и въ измѣненіи этой самой культуры, отражающемся на характерѣ дѣятельности членовъ общества. Не прагматическія или культурныя явленія дѣлаются тутъ предметомъ науки, а явленія общественныя съ ихъ прагматически-культурнымъ содержаніемъ. Человѣческое общество есть совокупность индивидуумовъ, объединенныхъ въ цѣлое активными взаимодѣйствіями и общими культурными формами: общественныя явленія,—лишь разныя стороны которыхъ представляютъ изъ себя поступки людей и культурныя формы народовъ,—и составляютъ предметъ исторической науки въ ея высшемъ направленіи, примиряющемъ односторонности прагматизма и описанія быта, въ направленіи, которое можно назвать культурно-прагматическимъ. Имъ только и достигается полнота историческаго знанія посредствомъ обобщенія двухъ бросающихся въ глаза категорій историческихъ явленій подъ одной болѣе общей категоріей явленій соціальныхъ.

Историческая наука стремится внести и извѣстную стройность въ свое знаніе. На первыхъ порахъ прагматическое направленіе не шло далѣе простой хронологической связи между «дѣяніями» и только съ теченіемъ времени выработало и развило въ себѣ привычку къ изображенію послѣдовательности фактовъ, какъ длинной цѣпи причинъ и слѣдствій: nihil sine causa sufficiente, ничто безъ достаточнаго основанія,—таковъ девизъ историческаго прагматизма, разсматривающаго каждый фактъ, какъ слѣдствіе одного и причину другого. Съ другой стороны, и культурное направленіе свои явленія разсматривало только въ хронологическомъ порядкѣ, пока не стало доискиваться связи между двумя послѣдовательными совокупностями культурныхъ формъ, какъ возникающими одна изъ другой: natura non facit saltus, природа скачковъ не дѣлаетъ,—это изреченіе было распространено и на исторію, и культурное направленіе нашей науки стало на точку зрѣнія постепеннаго трансформизма всего того, что̀ мы называемъ культурой, исключая всякую мысль о новомъ, которое не было бы преобразованіемъ стараго или не имѣло бы въ немъ корней. Послѣдовательность фактовъ, основанная на причинной связи, послѣдовательность явленій, основанная на постепенномъ трансформизмѣ,—вотъ тѣ двѣ формы, которыми пользуются два направленія исторической науки, чтобы расположить элементы своего знанія въ болѣе или менѣе стройномъ порядкѣ. Но въ предѣлахъ самой науки дѣло на этомъ остановиться не можетъ.

Изображеніе причинной связи послѣдовательныхъ человѣческихъ дѣйствій необходимо предполагаетъ и описаніе измѣненія тѣхъ условій, среди которыхъ совершается эта дѣятельность, условіями же этими являются культурныя формы общества: значитъ, чистый прагматизмъ

не принимаетъ въ расчетъ, что причинная послѣдовательность въ разные моменты обусловлена различно, что каждый фактъ нужно брать не только въ связи съ его причиной и слѣдствіемъ, но и съ условіями, среди которыхъ онъ совершается. Притомъ каждое «дѣяніе» имѣетъ своимъ слѣдствіемъ не одно другое «дѣяніе», но и какую-либо перемѣну въ культурной обстановкѣ последующихъ «дѣяній». Съ другой стороны, изобразить послѣдовательность культурныхъ явленій, какъ ихъ трансформацію, невозможно, не указавъ на тѣ дѣятельности, которыя участвуютъ въ этой трансформаціи: не сами же собою измѣняются культурныя формы, а дѣйствіями людей, и потому понять измѣненіе формъ можно, только обратившись къ разсказу о тѣхъ «дѣяніяхъ», которыя производили перемѣны. Чисто культурное направленіе, такъ сказать, должно игнорировать, что культурный трансформизмъ имѣетъ корень въ измѣняющейся дѣятельности людей, что каждую культурную форму нужно брать не только въ связи съ той, изъ которой она возникла, и съ той, въ которую превратилась, но и въ связи съ тѣми причинами, безъ участія коихъ не могло бы быть измѣненія, а послѣднія суть человѣческія дѣятельности. Притомъ каждая культурная форма не только перерабатывается въ новую, но и обусловливаетъ человѣческія дѣянія. Съ этой точки зрѣнія историческій процессъ представляется намъ не какъ причинная послѣдовательность дѣйствій и постепенный трансформизмъ культуры, взятые въ отдѣльности или рядомъ другъ съ другомъ существующіе, но какъ взаимодѣйствіе двухъ процессовъ: процесса дѣятельности людей, подчиненнаго причинности, и процесса измѣненія культуры, совершающагося постепенно. Эта послѣдовательность общественныхъ явленій, съ ихъ прагматическимъ и культурнымъ содержаніемъ, подчинена одновременно самымъ общимъ законамъ всѣхъ явленій въ мірѣ, закону причинности (nihil sine causa sufficiente) и закону постепенности всякихъ измѣненій (natura non facit saltus), а оба они обобщаются въ понятіи эволюціи, развитія: историческая наука вноситъ стройность въ свое знаніе, изображая жизнь общества, какъ его эволюцію, состоящую во взаимодѣйствіи дѣятельности его членовъ съ существующими въ немъ культурными формами. Если полнота знанія въ исторической наукѣ достигается соединеніемъ знанія о «дѣяніяхъ» членовъ общества съ знаніемъ его «быта», то стройность получается только при изображеніи развитія общества, какъ результата взаимодѣйствія между этими «дѣяніями» и «бытомъ».

Историческая наука можетъ дѣлать своимъ предметомъ эволюцію каждаго общества, взятаго въ отдѣльности, но вслѣдствіе этого получаются только частныя исторіи тѣхъ или другихъ народовъ. Знаніе

исторіи только тогда сдѣлается цѣльнымъ, когда оно обратится ко всѣмъ когда-либо существовавшимъ и нынѣ существующимъ обществамъ и соединитъ частныя исторіи въ общую исторію, поставивъ ей задачу—изобразить эволюцію всѣхъ человѣческихъ обществъ, дать полное, стройное и цѣлостное знаніе всѣхъ историческихъ явленій, болѣе конкретное или болѣе абстрактное. Чѣмъ абстрактнѣе будетъ это изображеніе всемірной исторіи, тѣмъ легче будетъ достигнуть полноты, стройности и цѣлостности знанія, и вотъ почему. Во-первыхъ, понятіе «жизнь общества» абстрактнѣе, чѣмъ понятія «дѣяній» и понятія «быта», но оно полнѣе, ибо объединяетъ оба послѣднія; во-вторыхъ, при болѣе абстрактномъ изображеніи эволюціи мы упрощаемъ это изображеніе, сводя, такъ сказать, перепутывающіяся и хаотическія нити исторіи къ немногимъ болѣе простымъ господствующимъ и менѣе изъ стороны въ сторону колеблющимся, а потому болѣе правильнымъ линіямъ; въ-третьихъ, знаніе наше дѣлается болѣе цѣлостнымъ, какъ скоро мы соединяемъ совокупность конкретныхъ, но разрозненныхъ народовъ, какъ части одного абстрактнаго цѣлаго человѣчества.

На этой ступени своего объединенія историческое знаніе можетъ съ наибольшимъ удобствомъ сдѣлаться предметомъ обработки философской, цѣлью которой должны быть еще бóльшая цѣлостность, стройность и полнота знанія. Вполнѣ цѣлостнаго историческаго знанія наука, какъ таковая, дать не въ состояніи: мы научно можемъ знать только исторію прошедшаго, исторію настоящаго, но не исторію будущаго, потому что наукѣ дается не вся исторія отъ ея начала до ея конца. Будущее есть область внѣнаучная, и съ этой-то именно стороны историческая наука не даетъ вполнѣ цѣлостнаго знанія. Она не можетъ дать и совершенной его стройности, если не представитъ себѣ естественнаго предѣла того взаимодѣйствія между человѣческой дѣятельностью и ея культурными условіями, которое лежитъ въ основѣ всякаго историческаго процесса, а такой естественный предѣлъ мыслимъ лишь подъ условіемъ цѣли, достиженіе которой мы можемъ приравнять наступленію такого момента, когда культурныя формы вполнѣ будутъ соотвѣтствовать основнымъ мотивамъ человѣческой дѣятельности. Наконецъ, наука, изучая дѣйствительныя общественныя явленія, какъ они есть, не имѣетъ цѣлью изслѣдовать, какими они должны быть, достигши высшей степени своего развитія. Такимъ образомъ историческая наука на послѣдней ступени объединенія своего знанія приводитъ насъ къ философіи, которой мы въ данномъ случаѣ имѣемъ право дать названіе исторіософіи, на томъ же основаніи, на какомъ философію природы называютъ натурфилософіей. Здѣсь начинается область творчества. Первый его моментъ—творчество идеала общественныхъ явленій, возводящее научное понятіе

общества, какъ оно есть, на степень идеи общества, какъ оно должно быть. Этотъ идеалъ, въ построеніи коего должны участвовать наши субъективные принципы и наше знаніе законовъ общественныхъ явленій, представленіе о томъ, чѣмъ общество должно быть, и знаніе о томъ, чѣмъ оно быть можетъ и чѣмъ не можетъ, мы разсматриваемъ, какъ цѣль нашей разумной общественной дѣятельности и всѣхъ желательныхъ культурныхъ измѣненій. На этой почвѣ у насъ возникаетъ идея прогрессивныхъ дѣятельностей и измѣненій культуры, какъ ведущихъ насъ къ этой цѣли. Второй моментъ упомянутаго творчества заключается въ построеніи того общаго порядка, въ которомъ можетъ осуществляться прогрессъ, въ созданіи формулы прогресса: идеалъ общества можетъ быть осуществленъ только историческимъ процессомъ, и мы для полученія формулы прогресса начинаемъ смотрѣть на идеалъ, какъ на цѣль историческаго процесса, а въ законахъ послѣдняго искать тѣ средства, которыя дѣлаютъ возможнымъ его осуществленіе, создавая такимъ образомъ представленіе объ идеально-прогрессивномъ историческомъ процессѣ. Третій моментъ указаннаго творчества заключается въ такомъ объединеніи исторической науки, чтобы на дѣйствительный ходъ исторіи можно было взглянуть съ точки зрѣнія формулы прогресса, т.-е. подойти къ реальной исторіи съ предположеніемъ для нея извѣстной идеальной цѣли, достигающейся извѣстнымъ образомъ, и, изслѣдовавъ, насколько эмпирическій ходъ исторіи не соотвѣтствуетъ формулѣ прогресса, произвести судъ надъ доселѣ совершившимися историческими явленіями, сдѣлать оцѣнку всего хода исторіи, какъ его намъ изображаетъ наука, понять общій смыслъ всѣхъ уже извѣстныхъ намъ перемѣнъ въ судьбахъ человѣчества. Такое субъективное отношеніе къ научному изображенію эволюціи всѣхъ человѣческихъ обществъ и создаетъ философію исторіи. Философія исторіи есть изображеніе исторіи съ точки зрѣнія гипотезы, что у жизни человѣчества должны быть только одна разумная цѣль, одна разумная послѣдовательность въ ея достиженіи, одна общая всѣмъ людямъ основа этой послѣдовательности. Къ такой задачѣ можно отнестись научно и не научно: ненаучное отношеніе заключается въ идеализаціи исторіи, т.-е. въ представленіи дѣйствительнаго ея хода, какъ совершенно разумнаго, въ идеологіи, стремящейся умозрѣніемъ построить самый ходъ исторіи, въ метафизикѣ, которая подъ покровомъ реальной исторіи желаетъ открыть какой-то идеальный процессъ развитія самой сущности вещей. Научная философія исторіи не идеализируетъ дѣйствительности, но судитъ ее съ точки зрѣнія идеала; научная философія исторіи не построяетъ ея хода, а беретъ его такимъ, какимъ намъ даетъ его наука, и только оцѣниваетъ его съ точки зрѣнія нѣкоторой умозрительной формулы; научная

философія исторіи ищетъ смыслъ исторіи, но не какъ ея сверхчувственную сущность, а какъ значеніе ея перемѣнъ для человѣчества. Чтобы философія исторіи была научной, необходимо соблюденіе двухъ условій: во-первыхъ, матеріалъ ея—факты, ихъ послѣдовательность, ихъ соединеніе—долженъ быть ей доставленъ наукой; во-вторыхъ, та формула прогресса, съ точки зрѣнія коей она объединяетъ историческое знаніе, должна играть роль только мѣрки, которую мы прикидываемъ къ дѣйствительной исторіи, а не плана, по которому она происходитъ, и сама мѣрка эта должна соотвѣтствовать измѣряемому предмету, т.-е. не заключать въ себѣ такого идеала, чтобы его не могла осуществить исторія, не указывать къ нему путей, не находящихъ себѣ мѣста среди условій историческаго процесса вообще, не искать основы движенія къ этому идеалу внѣ міра явленій человѣческой жизни. Ненаучная философія исторіи не только произвольно распоряжается съ данными исторической науки, но пользуется и ненаучной исторіософіей, создавая фантастическій идеалъ, построяя научно невозможный путь его осуществленія, принимая чисто фиктивную основу историческаго движенія.

Въ каждой философіи исторіи необходимо соединены два элемента—научный и философскій, элементъ подчиненія объекту знанія и элементъ чистаго творчества. Философія исторіи въ томъ научномъ смыслѣ, о которомъ мы говоримъ, не должна вносить въ исторію ничего, чего не дала бы сама наука, кромѣ точки зрѣнія, руководящей идеи, объединяющаго принципа; это та же историческая наука только съ философскимъ элементомъ суда надъ историческими явленіями, оцѣнки ихъ послѣдовательности, исканія смысла въ ихъ совокупности, съ извѣстнымъ освѣщеніемъ фактовъ. Эту руководящую идею даетъ исторіософическая формула прогресса, т.-е. есть гипотетическое построеніе его законовъ, основанное на внесеніи въ научное изслѣдованіе духовной и общественной эволюціи—объединяющаго принципа разумной цѣли, къ которой должна стремиться эта эволюція: существенное содержаніе исторіософіи то же, что и въ номологическихъ наукахъ, изучающихъ законы развитія духовной и общественной жизни, т.-е. въ психологіи и соціологіи, только построенное съ особенной точки зрѣнія идеала, который должно осуществлять это развитіе. Самый идеалъ этотъ есть не что иное, какъ особый видъ отношенія къ явленіямъ духовной и общественной жизни, не описаніе ихъ или разсказъ о нихъ, не изслѣдованіе ихъ законовъ, а построеніе идеальной жизни съ точки зрѣнія извѣстныхъ принциповъ или принципа. Эти принципы и представляютъ исходный пунктъ философствованія: они лежатъ въ основѣ идеаловъ личнаго и общественняго бытія, создаваемыхъ индивидуальной и соціальной этикой; послѣдніе лежатъ въ основѣ той формулы прогресса,

которую вырабатываетъ исторіософія; эта формула, наконецъ, лежитъ въ основѣ философскаго отношенія къ исторіи, дающаго начало философіи исторіи. Выше мы раздѣлили науки на феноменологическія и номологическія, отнесши къ первымъ исторію, ко вторымъ психологію и соціологію: философія исторіи есть философская феноменологія, исторіософическая формула прогресса — философская номологія, и въ обоихъ случаяхъ философскій характеръ историческимъ или психологическимъ и соціологическимъ занятіямъ сообщается деонтологическимъ элементомъ, понимая подъ деонтологіей знаніе должнаго въ отличіе отъ онтологіи не въ старомъ метафизическомъ смыслѣ, а въ смыслѣ знанія о дѣйствительномъ, будетъ ли — это знаніе явленій (феноменологія) или знаніе ихъ законовъ (номологія). Деонтологія, изслѣдованіе вещи, какъ она должна быть съ точки зрѣнія того, что мы отъ вещи требуемъ, можетъ быть только продуктомъ нашего творчества: здѣсь творчество со стороны науки ограничено только, такъ сказать, отрицательно указаніями на то, чѣмъ данная вещь по самой своей природѣ не можетъ быть, иначе идеалы наши будутъ невѣроятны, фантастичны. Уже слабѣе творчество въ философской номологіи, въ формулѣ прогресса: здѣсь оно получаетъ новое ограниченіе со стороны науки, указывающей на тѣ дознанные ею законы, дѣйствіе которыхъ въ состояніи вести къ осуществленію идеала, иначе наша формула прогресса будетъ произвольна, неправдоподобна. Еще болѣе ограничивается роль творчества въ философіи исторіи: явленія, о которыхъ она говоритъ, ихъ послѣдовательность, которую она изображаетъ, ихъ совокупность, которой она занимается, даны намъ самимъ опытомъ, и только точка зрѣнія на эти явленія, руководящая идея въ разсмотрѣніи ихъ послѣдовательности, объединяющій принципъ въ обозрѣніи ихъ совокупности суть продукты нашего творчества, а самихъ явленій, ихъ послѣдовательности и совокупности мы не придумываемъ, ибо иначе исторія будетъ совершенно фиктивная, никогда на самомъ дѣлѣ несуществовавшая. Узнать *a priori* реальные факты исторіи, ея настоящій ходъ, все ея дѣйствительное содержаніе—невозможно, но вполнѣ возможно отнестись ко всему этому съ апріорной точки зрѣнія, подойти ко всему этому съ апріорной руководящей идеей, внести въ знаніе всего этого апріорный объединяющій принципъ. Точно также *a priori*, однимъ идеологическимъ умозрѣніемъ нельзя узнать законовъ развитія духа и общества, не изучая дѣйствительныхъ психическихъ и соціальныхъ явленій: *a priori* можно только поставить этому развитію цѣль и изслѣдовать, какъ это развитіе могло бы осуществлять указанную цѣль, нисколько не предрѣшая того, что вообще на самомъ дѣлѣ производитъ это развитіе. Вполнѣ апріорны только тѣ принципы, которые мы кладемъ въ основу нашихъ идеаловъ,

*

они одни — продукты наиболѣе чистаго творчества: идеалы личной и общественной жизни находятся въ постоянномъ противорѣчіи съ дѣйствительностью, и съ ихъ точки зрѣнія эту дѣйствительность мы судимъ и стремимся преобразовать прогрессивною дѣятельностью; дѣйствительный ходъ исторіи также не совпадаетъ съ нашимъ требованіемъ, чтобы онъ былъ всегда прогрессивенъ, и въ идеѣ прогресса мы имѣемъ руководящую идею при оцѣнкѣ дѣйствительнаго хода исторіи и при предъявленіи требованій нашихъ къ имѣющей еще совершаться исторіи; вся совокупность дѣйствительной исторіи не укладывается въ рамки цѣлостнаго процесса, имѣющаго одну только основу, но съ объединяющимъ принципомъ мы вносимъ въ историческое знаніе цѣлостность, стремясь узнать общій смыслъ всей совокупности историческихъ фактовъ, имѣющихъ столь разнообразныя основы. Съ эмпирической точки зрѣнія исторія должна представляться необозримымъ множествомъ отдѣльныхъ фактовъ, и высшее единство въ эту совокупность разрозненныхъ элементовъ возможно внести только двумя путями: либо предположивъ нѣкоторое объективное единство въ ихъ основѣ, какъ поступала метафизика, стремившаяся вывести всю исторію изъ одного начала, что приводило ее въ концѣ-концовъ къ фиктивнымъ пантеистическимъ концепціямъ, либо ставя себѣ задачу создать субъективное единство разсмотрѣнія исторіи, опредѣляя ея смыслъ для человѣка. Съ эмпирической точки зрѣнія ходъ исторіи долженъ представляться намъ крайне хаотическимъ, и стройности историческаго знанія можно достигнуть, лишь предположивъ, что хаосъ этотъ лишь одна видимость, но что въ основѣ его лежитъ гармоничный планъ, какъ это и дѣлала метафизика, думавшая найти этотъ планъ своей идеологіей и потомъ искажавшая дѣйствительный ходъ исторіи, чтобы подогнать его къ своимъ измышленіямъ, или же требуемой стройности знанія можно достигнуть, оцѣнивая дѣйствительный ходъ исторіи съ точки зрѣнія нѣкоторой воображаемой, а потому чисто-субъективной гармоніи прогрессивнаго процесса. Съ эмпирической точки зрѣнія явленія исторіи не заключаютъ въ себѣ всей полноты знанія о судьбахъ человѣка; полноту эту метафизика думала найти, идеализируя дѣйствительность, т.-е. приписывая каждому явленію воплощеніе идеала на той или другой ступени его развитія, но научная философія не перекрашиваетъ дѣйствительности въ цвѣта оптимистической фантазіи, а достигаетъ полноты знанія, беря явленія такими, каковы онѣ суть на самомъ дѣлѣ, чтобы судить ихъ съ точки зрѣнія того, чѣмъ онѣ должны быть: она не отождествляетъ необходимаго, какъ имѣющаго достаточныя основанія для своего существованія, съ должнымъ, какъ имѣющимъ достаточныя основанія, чтобы быть желательнымъ.

Всѣмъ этимъ и опредѣляется взаимное отношеніе научнаго и философскаго элементовъ въ философіи исторіи: наука даетъ знаніе исторической дѣйствительности, какъ совокупности множества явленій, ихъ хаотической послѣдовательности и необходимости этой послѣдовательности въ зависимости отъ разныхъ случайностей, стремясь объединить многое, насколько это возможно, найти въ хаосѣ относительные порядки, свести случайности къ условнымъ необходимостямъ; въ изображеніе обработаннаго такимъ образомъ матеріала философія вноситъ исканіе субъективнаго смысла въ томъ единствѣ, къ которому наука сводитъ многое,—стремленіе оцѣнить тѣ относительные порядки, которые наука находитъ въ хаосѣ своего матеріала, съ точки зрѣнія порядка идеальнаго,—желаніе произнести свой судъ надъ условными необходимостями, къ коимъ наука сводитъ все случайное, съ точки зрѣнія безусловно должнаго. Такимъ образомъ, если высшая задача исторической науки состоитъ въ томъ, чтобы представить объективно эволюцію всѣхъ человѣческихъ обществъ, то философія исторіи есть не что иное, какъ субъективное отношеніе къ этой эволюціи, разсмотрѣніе ея съ точки зрѣнія прогресса въ жизни единаго по своей природѣ человѣчества.

Историческая наука есть объективная феноменологія жизни человѣчества; философія исторіи есть та же феноменологія съ субъективнымъ элементомъ суда, оцѣнки, критики явленій. Только къ феноменологіи духовной и общественной жизни человѣчества въ ея развитіи можетъ существовать такое субъективное отношеніе безъ всякой метафизики. Философія исторіи природы (не сама философія природы, объединяющая наши физическія знанія при помощи общихъ гипотезъ) въ такомъ смыслѣ невозможна, по крайней мѣрѣ, на научной почвѣ. Если провести черту между міромъ природы и міромъ исторіи и между соотвѣтственными науками, то и въ философіи можно создать двѣ особыя области, философію міра природы, или натурфилософію, и философію міра исторіи, или исторіософію: обѣ онѣ, какъ философскія теоріи природы и исторіи, будутъ преслѣдовать однѣ и тѣ же цѣли, внося полноту, стройность и цѣлостность въ свое знаніе, но есть и коренное различіе между ними, состоящее въ томъ, что натурфилософія имѣетъ дѣло съ однимъ дѣйствительно существующимъ, тогда какъ исторіософія, сверхъ того, занята вопросомъ и о должномъ, т.-е. первая имѣетъ характеръ чисто онтологическій, а во второй есть и деонтологическій элементъ. Поэтому исторію природы (а не вообще ея міръ) нельзя дѣлать предметомъ философской обработки въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы философски обрабатываемъ не только міръ исторіи въ исторіософіи, но и самоё исторію въ философіи исторіи. Человѣческой дѣя-

тельности и измѣненіямъ культурныхъ формъ, составляющихъ историческій процессъ, мы можемъ поставить идеальную цѣль, не выходя за предѣлы міра явленій; дѣйствію слѣпыхъ силъ природы и измѣненіямъ въ ея существахъ, составляющимъ процессъ природы, мы не можемъ поставить цѣли, не выходя за предѣлы міра явленій, т.-е. не становясь на ненаучную точку зрѣнія метафизики. Человѣческая исторія изучаетъ дѣятельность людей и ихъ результаты, но человѣческая дѣятельность ставитъ себѣ вообще цѣли, между которыми мы можемъ найти цѣли разумныя, какъ истинные принципы, долженствующіе руководить поведеніемъ людей и примѣненіе которыхъ создаетъ благо; исторія природы изучаетъ дѣйствіе слѣпыхъ ея силъ и результаты этого дѣйствія,—дѣйствіе, цѣлей себѣ не ставящее и, такъ сказать, равнодушное къ добру и злу, которое можетъ происходить для кого бы то ни было отъ его результатовъ. Человѣческая исторія слѣдитъ за измѣненіями духовной культуры и соціальной организаціи, но и та, и другая существуютъ не сами для себя, а создаются людьми для удовлетворенія ихъ потребностей, а потому мы имѣемъ право оцѣнивать дѣйствительныя культурныя и соціальныя формы съ точки зрѣнія идеальныхъ, т.-е. вполнѣ удовлетворяющихъ человѣка, ихъ безсознательно или сознательно творящаго. И исторія природы можетъ слѣдить за измѣненіемъ формъ ея бытія, формъ механическихъ и органическихъ, но такъ какъ мы не знаемъ, для кого объективно онѣ существуютъ, то въ разсказѣ, напр., о томъ, какъ одни животные виды смѣнялись другими, мы не можемъ дѣлать оцѣнки этихъ измѣненій съ точки зрѣнія цѣлей, коимъ эти формы служатъ. Только и возможенъ тутъ научно одинъ взглядъ: это—взглядъ на исторію природы, какъ на подготовленіе міра исторіи, и тогда только исторія природы можетъ быть разсмотрѣна съ субъективной точки зрѣнія; но это точка зрѣнія не натурфилософіи, а исторіософіи, вынесеніе историческихъ идей за предѣлы міра исторіи въ міръ природы, разъ мы видимъ въ послѣднемъ лишь подготовленіе исторіи, процессъ, приводящій къ моменту, когда возникаютъ нѣкоторыя существа, способныя создавать себѣ идеалы и стремиться къ ихъ осуществленію. Исторіософія естественно становится на антропоцентрическую точку зрѣнія, ибо и на самомъ дѣлѣ человѣкъ — центръ міра исторіи, чрезъ котораго и для котораго происходитъ все совершающееся въ исторіи. Антропоцентрическая точка зрѣнія въ натурфилософіи, наоборотъ, есть только фикція, законная лишь въ субъективномъ смыслѣ: объективно природа существуетъ не только не чрезъ человѣка, но и не для человѣка.

Занимаясь науками, изучающими какую бы то ни было категорію предметовъ, мы имѣемъ въ виду не одно удовлетвореніе нашей любо-

знательности, но и добываніе знаній, необходимыхъ въ практической жизни. Такія знанія имѣютъ характеръ правилъ, коими долженъ руководиться человѣкъ въ томъ или другомъ дѣлѣ, и совокупность извѣстныхъ правилъ представляетъ изъ себя теорію того или другого искусства, то-есть той или другой дѣятельности, направленной на приспособленіе природы или человѣка къ тѣмъ или инымъ цѣлямъ. Такихъ теорій столько же, сколько разныхъ родовъ дѣятельности: онѣ изслѣдуютъ средства, ведущія къ тѣмъ или другимъ цѣлямъ, но цѣли существуютъ такъ или иначе уже раньше, нежели возникаютъ соотвѣтствующія теоріи. И опытомъ исторіи или вообще духовной и общественной жизни пользуется человѣкъ во всѣхъ своихъ дѣятельностяхъ, во всѣхъ своихъ теоріяхъ: не даромъ говорится, что исторія есть наставница жизни. И въ областяхъ, гдѣ искусство не состоитъ въ прямомъ воздѣйствіи на природу, возникаютъ такія теоріи, теорія воспитанія людей, теорія управленія ими, теорія занятія науками и т. п. Сами по себѣ, однако, онѣ не заключаютъ въ себѣ разработки вопроса о цѣляхъ воспитанія, управленія, занятія науками и т. п., ибо эти цѣли онѣ принимаютъ, какъ нѣчто извнѣ данное, готовое: разработкой самыхъ цѣлей дѣятельности занимается особое направленіе критической и творческой мысли, изслѣдующее вопросы о должномъ, деонтологія. Намъ недостаточно знать, какими средствами долженъ пользоваться воспитатель или правитель для достиженія своихъ цѣлей, необходимо еще подвергнуть разсмотрѣнію вопросъ, какія цѣли воспитанія или управленія нужно считать цѣлями разумными и хорошими. Примѣняя все сказанное къ историческому процессу, какъ дѣятельности человѣчества, мы создаемъ, такъ сказать, теорію жизни въ виду разумныхъ цѣлей исторіи, теорію, которая есть только совокупность правилъ, какія только можно извлечь изъ формулы прогресса и подкрѣпить примѣрами изъ философіи исторіи. Во всѣхъ теоріяхъ искусствъ, имѣющихъ предметомъ человѣческія отношенія, все зависитъ отъ основного принципа, во имя котораго ставится та или другая цѣль, которымъ опредѣляется то или другое правило, которымъ указывается, что подлежитъ переработкѣ нашею дѣятельностью: мы различаемъ между цѣлями хорошими и дурными, оцѣниваемъ правила не только со стороны ихъ цѣлесообразности, но и со стороны ихъ нравственнаго значенія, разсматриваемъ предметы не только, какъ удобные для воздѣйствія нашего, но и какъ его достойные и его требующіе. Другими словами, въ извѣстнаго рода дѣятельностяхъ мы находимъ принципіальную сторону, изслѣдуя основной принципъ поставленныхъ нами себѣ цѣлей, основной принципъ правила, коимъ хотимъ руководствоваться, основной принципъ вещи, подлежащую нашему преобразованію, т.-е.

принципъ вещи, въ развитіи коего должно состоять ея преобразованіе. Эта принципіальная сторона существуетъ только въ дѣятельностяхъ. направленныхъ на міръ человѣческихъ отношеній: наши цѣли при воздѣйствіи на природу могутъ быть только достижимыми или недостижимыми, въ родѣ, напр., жизненнаго элексира или философскаго камня, дающихъ безсмертіе и превращающихъ все въ золото, но не имѣютъ значенія дурныхъ или хорошихъ, если только чрезъ воздѣйствіе на природу мы такъ или иначе не задѣваемъ человѣка; равнымъ образомъ и техническія правила переработки природы бываютъ цѣлесообразными или нецѣлесообразными, не имѣя никакого отношенія къ нравственности, какъ соотвѣтствующія или несоотвѣтствующія ея требованіямъ; наконецъ, преобразованіе предметовъ природы состоитъ въ измѣненіи тѣхъ или другихъ ихъ признаковъ, которымъ мы не приписываемъ принципіальнаго значенія. По отношенію къ природѣ всѣ наши цѣли одинаково хороши, всѣ наши правила одинаково нравственны, всѣ предметы въ природѣ для насъ имѣютъ одинаковое внутреннее достоинство, ибо къ природѣ у насъ нѣтъ нравственнаго отношенія. Вотъ почему въ теоріяхъ искусствъ, имѣющихъ цѣлью прямое воздѣйствіе на природу, не возникаетъ вопроса о достоинствѣ цѣлей, которыя мы преслѣдуемъ: медицина принимаетъ здоровье, какъ свою цѣль, безъ дальнѣйшихъ разсужденій и создаетъ въ виду этой цѣли научную теорію своихъ правилъ. Иное дѣло съ искусствами другого рода: тутъ недостаточно знать, что необходимо соблюдать такія-то правила, дабы достигнуть такой-то цѣли, нужно еще изслѣдовать, какія же цѣли изъ всѣхъ ставившихся, напр., государству или праву слѣдуетъ принять, какъ разумныя, истинныя, нравственныя. Вѣдь въ пониманіи, положимъ, государства человѣчество колебалось между діаметрально-противоположными воззрѣніями на его сущность, а потому и на тотъ идеалъ, осуществленію котораго слѣдуетъ содѣйствовать. Одна научная теорія правилъ поведенія, имѣющихъ цѣлью осуществленіе идеала, насъ удовлетворить не можетъ: мы противополагаемъ такой научной теоріи политическаго искусства философскую теорію политическаго идеала.

Это, я думаю, объясняетъ, почему отношеніе философіи къ міру духовной и общественной жизни, а слѣдовательно, и къ міру исторіи, должно быть инымъ, чѣмъ къ міру матеріальнаго бытія, къ міру природы. Этимъ же объясняется и значеніе философіи въ историческомъ знаніи.

Во-первыхъ, занятіе исторіей, какъ и всякая искусственная дѣятельность, должно имѣть свою теорію, дающую извѣстныя правила, коими долженъ руководствоваться историкъ. Совокупность этихъ пра-

вилъ мы называемъ историкой, а къ ней можно отнестись просто научно или и философски, когда мы начертываемъ при помощи философскихъ идей идеалъ историческаго знанія: тогда историка превращается въ историософію.

Во-вторыхъ, теорія исторической науки немыслима безъ теоріи тѣхъ явленій, коими наука эта занимается, т.-е. безъ знанія законовъ психологіи и соціологіи; равнымъ образомъ и историософія немыслима безъ изслѣдованія того, что выше было названо формулой прогресса. Историософію создаетъ такимъ образомъ внесеніе философскаго элемента въ историку, какъ теорію историческаго знанія, и въ психологію съ соціологіей, какъ теоріи историческихъ явленій.

Въ-третьихъ, на историческую науку мы смотримъ, какъ на наставницу жизни, но въ научныхъ предѣлахъ она можетъ давать только чисто эмпирическія указанія; наставницей жизни должна быть и философія, которая ставитъ жизни цѣли и создаетъ формулу прогресса, какъ планъ жизни въ виду идеальной цѣли исторіи.

Въ-четвертыхъ, историческое знаніе только тогда можетъ быть полно, стройно и цѣлостно, когда мы пользуемся матеріаломъ науки не ради удовлетворенія одной любознательности чисто объективной, но и для удовлетворенія потребности нашей судить явленія, какъ дурныя и хорошія, оцѣнивать ихъ смѣну, какъ переходъ къ худшему или къ лучшему, находить во всей совокупности извѣстныхъ намъ фактовъ тотъ или другой общій смыслъ, поддержку безсознательнаго пессимизма или оптимизма, съ которыми мы относимся къ жизни человѣчества.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ вопросъ о прогрессѣ занимаетъ центральное мѣсто. Исторіи, какъ наукѣ, ставится задача изображенія эволюціи, но что такое эта эволюція, если ей не поставить идеальной цѣли? Не все ли равно она, что смѣна фигуръ калейдоскопа? Какъ можно внести въ историческую науку философскій элементъ, который позволилъ бы смотрѣть на эволюцію, какъ на прогрессъ? Что, далѣе, въ эволюціи заключается такого, что позволяетъ ей быть прогрессивной и какія отсюда могутъ быть выведены правила для нашего поведенія, какъ историческихъ дѣятелей? Наконецъ, если стать на эту точку зрѣнія, какой смыслъ имѣетъ для человѣчества все, что доселѣ осуществлено исторіей, какую оцѣнку можно сдѣлать ея ходу въ прошломъ, какой приговоръ произнесетъ судъ надъ исторической дѣйствительностью съ точки зрѣнія прогресса? Есть ли вмѣстѣ съ тѣмъ въ прошломъ доказательство того, чтобы прогрессъ въ немъ сколько-нибудь осуществился, малѣйшее ручательство того, что наши попытки располагать свою дѣятельность по формулѣ прогресса подвинутъ насъ хоть немного впередъ?

Но что такое прогрессъ самъ въ себѣ, въ своей идеѣ, т.-е. какъ

историческій процессъ съ опредѣленной основой, формой и цѣлью, безотносительно къ тому, что въ дѣйствительной исторіи можно назвать прогрессивнымъ. Этотъ вопросъ есть исходный пунктъ философіи прогресса, которой мы просимъ не смѣшивать ни съ научной теоріей развитія, ни съ философіей исторіи: отъ первой она отличается своимъ философскимъ характеромъ, сохраняя ея номологическое направленіе, отъ второй—своимъ номологическимъ направленіемъ, сохраняя ея философскій характеръ. Взглядъ свой на сущность и задачу философіи исторіи и научныя основы теоріи прогресса мы изложили въ другомъ мѣстѣ: считаемъ исчерпаннымъ вопросъ объ отношеніи философіи къ исторіи въ философіи исторіи и достаточно уясненными тѣ научныя данныя, которыми мы уже имѣемъ право пользоваться въ теоріи прогресса, и идемъ далѣе.

III.

Въ предыдущемъ мы говорили, между прочимъ, о деонтологическомъ знаніи, въ основѣ котораго лежитъ то, что мы называемъ принципами: принципъ вещи не есть совокупность ея признаковъ, не есть законъ, ею управляющій, не есть ея вѣчная и неизмѣнная основа, а выражаетъ собою лишь наше къ ней субъективное отношеніе или ея значеніе для насъ,—такъ сказать, внутренній смыслъ вещи. На почвѣ нашихъ субъективныхъ требованій отъ вещи возникаетъ ея идея, которая состоитъ не въ понятіи вещи со всѣми ея признаками, а въ возведеніи въ принципъ одного изъ ея признаковъ, принимаемаго нами за самый существенный съ чисто объективной точки зрѣнія. Только на почвѣ метафизики возможно было отождествить этотъ принципъ съ неизмѣнною сущностью вещи, съ закономъ, господствующимъ въ извѣстныхъ явленіяхъ: тогда наше субъективное требованіе отъ вещи объявлялось ея дѣйствительною сущностью, хотя бы и искаженною въ дѣйствительности ея закономъ, хотя бы и имѣющимъ массу исключеній, научнымъ понятіемъ, хотя бы подъ него и нельзя было подвести дѣйствительные факты, т.-е. то, чѣмъ вещь должна быть, признавалось за ея дѣйствительную основу, за ея законъ, за ея объективно-существенный признакъ. Результаты пріемовъ, годныхъ для рѣшенія вопроса о томъ, каковы, напр., должны быть мораль, право, государство, принимались за нѣчто, существующее внѣ нашего сознанія, какъ законъ, управляющій бытіемъ положительныхъ морали, права, государства, какъ неизмѣнная основа всякой положительной морали, права, государства. Идеальное считалось реальнымъ, и не обращалось вниманія на то, что дѣйствительныя мораль, право и государство могутъ имѣть и на са-

момъ дѣлѣ имѣютъ въ основѣ разные принципы, что законы, управляющіе взаимными отношеніями членовъ общества, далеко не соотвѣтствуютъ принципамъ идеальнаго поведенія, что объективная сущность, т.-е. главные реальные признаки моральныхъ доктринъ, правовыхъ системъ, государственныхъ учрежденій въ дѣйствительности крайне измѣнчивы, и что неизмѣнными остаются только чисто формальные признаки, которые позволяютъ намъ создать научное понятіе государства. Только сравнительно очень недавно вопросъ о такихъ предметахъ былъ поставленъ на научную почву и сдѣлано было различеніе между вещью, какова она есть, и вещью, какова она должна быть, между законами, управляющими явленіями, и правилами нашего поведенія, предписаніями долга, между реальной подкладкой явленія и идеальнымъ требованіемъ разума: прежде не обращали достаточнаго вниманія на это различеніе. Правда, метафизики, идеологи и идеализаторы, изучавшіе духовную и общественную жизнь человѣка, говорили, что идеи вещей существуютъ внѣ конкретныхъ явленій, что естественный ихъ порядокъ прямо не наблюдается, что въ дѣйствительности онѣ искажены,—и такимъ образомъ переводили вопросъ изъ области міра явленій въ область законовъ, но только развитіе положительной науки показало, что такой методъ не годится для познанія дѣйствительности, хотя бы и не въ ея конкретныхъ явленіяхъ, а въ законахъ, которыми эти явленія управляются. Гуманныя и соціальныя науки въ этомъ дѣлѣ стали подражать естествознанію: для образованія научныхъ понятій онѣ стали изучать самые предметы, данные въ дѣйствительности, и ихъ классифицировать; для открытія законовъ онѣ прибѣгли къ сравнительному изученію явленій и къ другимъ методамъ, употребляющимся въ естествознаніи; для отысканія основы вещи, онѣ обратились къ изученію реальныхъ причинъ ея существованія. Чистый анализъ идей, изслѣдованіе ихъ логической связи, обращеніе къ принципамъ, которые должны осуществляться вещами, какъ къ ихъ дѣйствительнымъ основамъ, оказались безсильными открыть законы явленій въ томъ же научномъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ о законахъ паденія тѣла, отраженія звука, преломленія свѣтового луча. Разные «естественные» состоянія, порядки, права, законы, какъ основы явленій, оказались чистыми фикціями, если только имъ не приписывалось деонтологическаго характера: въ основѣ, напр., каждаго положительнаго права мы не находимъ какого-то естественнаго права, разумное право не есть нѣчто, изначала вложенное во всякое положительное, а только идеалъ, приближенія къ которому мы отъ него требуемъ. Въ результатѣ такого познаванія духовнаго и соціальнаго міра получались построенія, которыя изъ одной и той же идеи думали объяснить дѣйствительность

и вывести моральныя и соціальныя предписанія. Вотъ почему гуманныя и общественныя теоріи такъ долго не были науками, а оставались философіями и притомъ ненаучными: только недавно онѣ стали эманципироваться отъ чистаго творчества мысли и подчиняться дѣйствительнымъ даннымъ своихъ объектовъ.

Такое смѣшеніе двухъ задачъ, каковы задача найти законы поведенія людей въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы находимъ законы распространенія, отраженія и преломленія свѣтовыхъ лучей, и задача установить принципы этого поведенія въ смыслѣ правилъ идеальной нравственности, или каковы задача найти законы возникновенія, существованія, развитія и трансформизма соціальныхъ организацій и задача выяснить принципы идеальной соціальной организаціи,—такое смѣшеніе не было однако случайнымъ. Почему въ самомъ дѣлѣ это смѣшеніе и чаще проявлялось, и дольше держалось именно по отношенію къ моральной и соціальной жизни? Значитъ, есть въ ней нѣчто такое, что способствуетъ этому смѣшенію.

Съ самаго начала возникновенія философіи и науки ради чистой любознательности, обѣ онѣ не удовлетворялись простымъ эмпирическимъ знаніемъ явленій, а стремились узнать ихъ сущность, не единое являющееся (τὸ φαινόμενον), но и мыслимое (τό νοόμενον), какъ его основу. Это стремленіе и породило метафизику. Знаніе, направленное на природу, ранѣе освободилось отъ этого внѣнаучнаго стремленія за предѣлы явленій и ограничилось задачей открытія постоянныхъ, неизмѣненныхъ, безусловныхъ, правильныхъ между ними отношеній, которыя были названы законами явленій, или иначе знаніе тутъ было либо описывающее явленія, почему-либо интересныя (феноменологія), либо изслѣдующее ихъ законы (номологія), а призракъ сущностей (нуменологія) сталъ отходить на задній планъ, пока сама критическая философія не объявила ихъ непознаваемыми. Въ иномъ положеніи находились науки, имѣвшія предметомъ моральный и соціальный міръ: законы его въ научномъ смыслѣ по крайней сложности явленій открываются съ превеликимъ трудомъ, и самая мысль о томъ, что должны же и тутъ существовать законы, ясно была формулирована лишь въ XIX вѣкѣ, да и то дала поводъ къ массѣ недоразумѣній; съ другой стороны, въ этихъ явленіяхъ обнаруживали такую особенность, которой въ явленіяхъ природы не находили, именно принципы, т.-е. субъективное пониманіе сущности вещи въ смыслѣ ея значенія для нашего внутренняго міра, не то, что въ вещи для насъ является, но и то, что въ ней нами мыслится, какъ ея raison d'être. Вотъ эта-то сущность вещи, при ближайшемъ ея разсмотрѣніи оказывающаяся лишь той ея стороной, коей мы наиболѣе дорожимъ, утвержденія коей желаемъ, къ развитію коей стремимся для

удовлетворенія нашихъ субъективныхъ потребностей, и принималась за сущность вещи, какъ ея реальная подкладка, ея истинное содержаніе, ея объективно-обязательный типъ. Другими словами, при метафизическомъ настроеніи мысли, при вѣчномъ стремленіи духа къ полному, стройному и цѣлостному знанію субъективный принципъ, по которому вещь должна быть такой-то и такой-то (деонтологія), принимался за ея объективную подкладку, за ея объективный raison d'être, за ея объективно-мыслимое содержаніе, за ея нуменъ, сущность. При этомъ дѣйствительныя вещи либо игнорировались, либо объявлялись искаженіемъ ихъ истинной, изначальной природы, либо идеализировались, т.-е. возводились на степень идеала, вполнѣ якобы осуществляющаго принципъ: одни витали въ сферѣ идей, думая, что это только и есть истинное знаніе, а дѣйствительность не заслуживаетъ вниманія; другіе объявляли, что дѣйствительность есть искаженіе естественнаго порядка; третьи доказывали, что все дѣйствительное разумно, и все разумное дѣйствительно. Въ сущности же, деонтологическимъ идеямъ придавалось во всѣхъ этихъ случаяхъ нуменологическое значеніе.

Изъ всего сказаннаго можно установить четыре основныя формы знанія: знаніе нуменологическое, ищущее сущности явленій, феноменологическое, имѣющее дѣло съ самими явленіями, номологическое, открывающее ихъ законы, и деонтологическое, дающее принципы нашихъ идеаловъ. Нуменологія въ нашъ вѣкъ критической философіи и положительной науки можетъ считаться только областью вѣры и воображенія, а не знанія: она выдаетъ продукты нашего творчества за объективно данныя сущности, и будемъ ли мы объявлять за основу міра матерію или духъ, мы только примемъ за сущность міра одинъ изъ результатовъ нашего обобщающаго творчества, не объяснивъ себѣ происхожденія ни духа изъ матеріи, ни матеріи изъ духа. Знанію приходится ограничиться только явленіями и ихъ законами да принципіальною ихъ стороною, дозволяющей намъ творить идеалы, какъ представленія о должномъ, а не въ смыслѣ сущностей, имѣющихъ бытіе внѣ нашего сознанія, какъ истинныя основы явленій и управляющихъ ими законовъ.

Явленія, законы и принципы—вотъ три объекта нашего знанія, и мы видѣли значеніе ихъ, напр., въ философіи исторіи: въ основу идеальной цѣли исторіи мы кладемъ извѣстные принципы, которые должны осуществляться явленіями личной и общественной жизни (деонтологія); эти идеалы мы ставимъ цѣлью, достиженіе коей можетъ совершиться лишь въ порядкѣ, указываемомъ законами развитія духа и общества, и получаемъ формулу прогресса (философская номологія); судъ надъ историческими явленіями, оцѣнка ихъ дѣйствительной по-

слѣдовательности, исканіе смысла во всей ихъ совокупности съ точки зрѣнія этой формулы создаетъ философію исторіи (философская феноменологія).

Въ пониманіи того, что такое явленія и въ чемъ состоитъ ихъ знаніе, не можетъ возникнуть недоразумѣнія; правильному пониманію того, что такое законы и какъ они могутъ быть открываемы, я въ другомъ мѣстѣ посвятилъ не мало страницъ; но что такое принципы или, какъ иначе сказано, принципіальная сторона явленій личной и общественной жизни, это я считаю еще недостаточно выясненнымъ. Къ сожалѣнію, размѣры настоящей статьи не позволяютъ мнѣ здѣсь заняться выясненіемъ поставленнаго вопроса такъ, какъ я этого хотѣлъ бы, вслѣдствіе чего приходится отложить его разсмотрѣніе до другого раза.

IV.

Если мы будемъ разсматривать принципіальную сторону явленій культурнаго и соціальнаго свойства у какого-нибудь народа въ ту или другую эпоху его историческаго бытія, то получимъ право говорить о нѣкоторой безсознательной философіи общества, къ которой можно свести эти явленія. Дѣло въ томъ, что въ силу взаимодѣйствія, происходящаго между членами общества, въ немъ вырабатываются нѣкоторыя распространенныя міровоззрѣнія, нѣкоторыя господствующія моральныя идеи, нѣкоторыя общепринятыя и защищаемыя нормы взаимныхъ отношеній между людьми, ихъ поведенія, соединенія въ группы и пр. и пр. Совокупность этихъ идей и нормъ проявляется такъ или иначе во всѣхъ элементахъ культуры и соціальныхъ формахъ, въ дѣятельностяхъ членовъ общества и въ крупныхъ историческихъ теченіяхъ. Она не имѣетъ одного систематическаго выраженія, но наблюдается въ разныхъ фактахъ культурной и соціальной жизни, составляя то, что называется духомъ времени или безсознательной философіей общества: часто эти общераспространенныя міровоззрѣнія, господствующія идеи, общепринятыя и защищаемыя нормы ясно не формулированы, не приведены въ стройную систему, не объединены въ какомъ-нибудь общемъ началѣ, и это именно большею частью такъ и бываетъ, но даже ясно не формулированныя, разрозненныя и необъединенныя, онѣ проявляются рѣшительно во всемъ: съ разныхъ сторонъ эти принципы, которыми живетъ общество, мы наблюдаемъ и въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, и въ философіи, и въ наукѣ, и въ литературѣ, и въ искусствѣ, и въ политическихъ учрежденіяхъ, и въ правѣ, и въ экономическомъ строѣ. Историкъ, дѣлая характеристику какой-либо эпохи, въ сущности только формулируетъ, систематизируетъ,

обобщаетъ ея безсознательную философію, пользуясь конкретными явленіями, какъ примѣрами, иллюстрирующими то или другое общее положеніе, ища основные принципы всѣхъ наблюдаемыхъ имъ культурныхъ и соціальныхъ явленій въ мнѣніяхъ членовъ даннаго общества, такъ или иначе выраженныхъ, или въ самыхъ фактахъ, такъ или иначе намъ извѣстныхъ. Самый богатый матеріалъ для историка въ этомъ отношеніи представляютъ собою факты изъ исторіи мысли во всѣхъ ея проявленіяхъ, но и въ объективныхъ фактахъ, каковы взаимныя отношенія между членами общества, ихъ группировки, вся ихъ дѣятельность, онъ ищетъ также принциповъ, которыми живетъ данное общество, хотя бы эти принципы въ свое время никѣмъ не были формулированы.

Вотъ почему до извѣстной степени исторія человѣчества можетъ быть сведена къ изображенію смѣны тѣхъ принциповъ, коими оно жило, къ изображенію эволюціи его безсознательной философіи,—потому именно, что всѣ общія явленія исторіи могутъ быть сведены къ принципамъ, хотя бы послѣдніе современниками ясно не высказывались и даже не существовали въ ихъ сознаніи въ формѣ идей съ опредѣленнымъ содержаніемъ. Историкъ, въ этомъ смыслѣ доходящій до корня вещей, уже философствуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ беретъ не просто явленіе, но усматриваетъ за нимъ принципъ, что позволяетъ ему представить болѣе полное знаніе этого явленія; онъ не просто построяетъ взаимныя отношенія между отдѣльными фактами, но и изучаетъ связь между лежащими въ ихъ основѣ принципами; онъ не просто даетъ намъ изображеніе всей совокупности того, что называется исторической дѣйствительностью, но характеризуетъ и общій духъ эпохи. Въ этой работѣ историку выпадаетъ задача опредѣленно формулировать то, что членами общества часто прямо не высказывалось и даже ясно не сознавалось, т.-е. возсоздавать отдѣльные принципы безсознательной философіи общества; вмѣстѣ съ этимъ ему приходится найти систему этихъ принциповъ и ихъ общую основу.

Но что такое эта система и эта общая основа? Дѣло въ томъ, что связь между отдѣльными принципами, которыми живетъ общество, должна быть основана на извѣстной логикѣ. Возьмемъ для примѣра соціальную организацію. Она распадается на разныя системы отношеній, въ каждой изъ которыхъ въ данное время господствуетъ извѣстный принципъ: понятно, что соціальные принципы даннаго общества въ данное время не могутъ находиться между собой въ противорѣчіи, потому что странно было бы допустить, чтобы множество людей и очень долгое время могло въ разныхъ направленіяхъ своего общественнаго поведенія руководиться діаметрально-противоположными принципами.

Говоря вообще, въ соціальной организаціи можно обнаружить три главныя системы отношеній, которыя мы называемъ политическими, юридическими и экономическими. Представьте себѣ, что эти три системы не согласованы между собою по своимъ принципамъ, вообразите себѣ, напр., демократическую республику съ распространеніемъ права голоса и на женщинъ, въ которой существовали бы сословія съ различными юридическими правами и юридическое неравенство половъ, и вся территорія которой со всѣми капиталами принадлежала бы одному сословію и непремѣнно лицамъ одного пола,—и вы получите нѣчто немыслимое. Или представьте себѣ государство съ деспотомъ во главѣ, цѣликомъ поглощающее личность и въ то же время въ основу частнаго права кладущее принципъ индивидуализма, строго его защищая, но не вмѣшивающееся въ экономическія отношенія ни ради своихъ интересовъ, ни ради интересовъ единицъ: опять получится нѣчто немыслимое. Рядомъ съ соціальной организаціей въ обществѣ мы видимъ духовную культуру, область вѣрованій, идей, знаній. Возможно-ли, чтобы эта область находилась въ противорѣчіи съ соціальной организаціей, чтобы въ обществѣ, въ которомъ господствуетъ религія, проникающая собою его поэзію, искусство, философію и т. д., соціальная организація была совершенно свѣтская, чтобы власти не приписывалось непосредственно-божественнаго происхожденія, чтобы въ основу права не была положена воля божества, чтобы весь экономическій строй не считался получившимъ освященіе свыше? Такимъ образомъ между принципами отдѣльныхъ элементовъ культуры существуетъ извѣстный consensus: единица, подвергаясь многоразличнымъ и разнообразнымъ вліяніямъ, еще можетъ жить, безпрестанно себѣ противорѣча, но долговременное противорѣчіе множества людей съ самими собою немыслимо. Но если между всѣми принципами даннаго общества существуетъ нѣкоторая связь, то мыслить ее можно, лишь принявъ нѣкоторый принципъ, ихъ объединяющій, нѣкоторую общую ихъ основу.

Само собою разумѣется, что формулированіе такихъ принциповъ, построеніе такой системы, нахожденіе такого объединяющаго принципа для характеристики даннаго общества въ извѣстную эпоху его исторіи, все это имѣетъ значеніе чисто идеальнаго построенія. Во-первыхъ, не всѣ принципы, въ томъ видѣ, какъ ихъ формулируетъ историкъ на основаніи изучаемыхъ имъ явленій, были дѣйствительными фактами сознанія; еще менѣе мы имѣемъ право говорить о системѣ принциповъ, какъ о чемъ-то существовавшемъ въ сознаніи всѣхъ членовъ общества, а основной принципъ, къ которому мы сводимъ систему, еще того менѣе можетъ быть разсматриваемъ, какъ таковой фактъ. Во-вторыхъ, явленіе не исчерпывается своей принципіальной стороной, а потому дѣйстви-

тельная связь между явленіями не управляется одними чистыми законами логики, и вся совокупность явленій не можетъ быть выведена изъ одного основного принципа. Мы говоримъ, наприм., что принципомъ античной государственной жизни было поглощеніе личности государствомъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всѣ греки имѣли этотъ принципъ ясно формулированнымъ въ своемъ сознаніи: о существованіи принципа мы узнаемъ изъ фактовъ государственной жизни Греціи, да изъ кое-какихъ теорій, возводившихъ въ идеалъ ея отличительный признакъ. Еще меньше фактами сознанія античныхъ народовъ была связь этого принципа съ другими, каковы тѣ, на которыхъ были основаны, наприм., римская potestas patria, рабство и т. п., съ одной стороны,—и основа этой связи въ принципѣ, отрицавшемъ полную самостоятельность каждой личности, съ другой. Слѣдовательно, историкъ, сводящій явленія политической жизни античнаго міра къ принципамъ, связывающій между собою эти принципы и находящій ихъ общее начало, разсматриваетъ нѣчто, не имѣющее значенія дѣйствительнаго факта, а создаетъ лишь нѣкоторую идеализацію явленій, которая отличается отъ настоящей идеализаціи дѣйствительности съ точки зрѣнія нашихъ идеаловъ и отличается именно тѣмъ, что мы не считаемъ идеаловъ, воплощенныхъ въ античной политической дѣйствительности, истинными, соотвѣтствующими нашимъ принципамъ. Притомъ никогда принципъ не можетъ быть осуществленъ въ дѣйствительности цѣликомъ, ибо ему приходится считаться съ массой противоположныхъ тенденцій, а потому проявляться не въ чистомъ видѣ и подвергаться множеству исключеній. Поэтому античное государство, дѣйствительно, не было только чѣмъ-то поглощающимъ личность, не могло поглощать все ея бытіе и распространять одинаково свою силу на всѣхъ: въ немъ были другія стороны, съ указанной точки зрѣнія не имѣвшія принципіальнаго значенія, были сферы жизни, подчинить которыя себѣ оно было безсильно, являлись личности, поднимавшія знамя индивидуализма. Вмѣстѣ съ этимъ отношеніе политической жизни античныхъ народовъ къ другимъ сторонамъ общественнаго ихъ бытія не исчерпывалось однимъ родствомъ принциповъ, лежавшихъ въ ихъ основѣ: государство не только поглощало личность, но имѣло и другія стороны, наприм., защищало свое существованіе отъ враговъ; рабство не было только отрицаніемъ личности, но и играло извѣстную роль въ экономической жизни, и потому тутъ возникали другія отношенія, не объясняющіяся логикой принциповъ, наприм., извѣстное отношеніе между внѣшней силой государства и его экономическимъ состояніемъ. Наконецъ, если многія явленія античнаго общества, которыхъ не знаетъ современность, каковы неограниченная власть государства, potestas patria, рабство и т. п., могутъ быть сведены къ нѣко-

торому основному принципу, къ отрицанію правъ человѣка во имя чего бы то ни было, то изъ этого принципа не можетъ быть выведена вся античная соціальная дѣйствительность: въ ней была масса явленій, не имѣвшихъ никакого отношенія къ этому принципу, ни положительнаго, ни отрицательнаго, т.-е. не бывшихъ ни случаями общаго правила, ни исключеніями изъ него.

Итакъ то, что мы назвали безсознательной философіей общества, есть совокупность принциповъ, лежащихъ въ основѣ его отношеній и между собою родственныхъ, а потому сводимыхъ къ одному общему началу, но не существующихъ въ сознаніи членовъ общества ни какъ опредѣленныя идеи, ни въ видѣ стройной системы, объединенной однимъ принципомъ, и, кромѣ того, не исчерпывающихъ всѣхъ явленій общества. Тѣмъ не менѣе для историка возможность вкладывать смыслъ въ обобщенныя явленія исторической жизни, формулировать безсознательную философію даннаго общества въ данную эпоху имѣетъ важное значеніе: только съ помощью такого способа онъ можетъ давать общія характеристики жизни, полныя, стройныя и цѣлостныя ея изображенія, заключающія въ себѣ и приговоръ надъ нею. Въ такихъ характеристикахъ, какія мы и находимъ у многихъ историковъ, отдѣльные факты приводятся въ видѣ доказательствъ (ссылка на прямо выраженные принципы въ произведеніяхъ слова) или въ видѣ наиболѣе рельефныхъ примѣровъ, частныхъ случаевъ общаго правила. Надъ историческими явленіями нельзя произнести приговора, не указавши на ихъ принципіальную сторону: историкъ только судитъ и оцѣниваетъ безсознательную философію даннаго общества съ точки зрѣнія своей общественной философіи, подобно тому, какъ каждый философъ или ученый критикуетъ философію или науку своихъ предшественниковъ.

Безсознательная философія общества не остается неизмѣнной: она измѣняется, и высшій интересъ историческаго знанія заключается въ томъ, чтобы слѣдить за измѣненіями этой философіи, отмѣчая ея движеніе впередъ или назадъ, ея прогрессъ или регрессъ. Понятно, что это движеніе не можетъ быть чисто логическимъ развитіемъ принциповъ, поскольку, какъ сказано выше, содержаніе явленій не исчерпывается ихъ принципіальной стороной, связь между ними не обусловливается одной логикой, и вся ихъ совокупность не есть выводъ изъ одного начала, а результатъ множества разнообразныхъ причинъ. Измѣненія въ культурѣ и въ соціальной организаціи являются не вслѣдствіе того только, что ихъ желали люди, но и вслѣдствіе независящихъ обстоятельствъ, съ коими желаніямъ приходится имѣть дѣло: нерѣдко наши дѣйствія приводятъ къ результатамъ, діаметрально противоположнымъ тѣмъ цѣлямъ, которыхъ мы стремились достигнуть. Критика принци-

повъ является и тогда, когда ихъ развитіе дѣлаетъ слишкомъ очевиднымъ ихъ односторонность или когда постепенно начинаютъ возникать и выясняться принципы прямо противоположные: но и то, и другое зависитъ отъ условій, въ данномъ принципѣ не заключающихся. Но если взять принципы въ ихъ абстрактности, то можно представить себѣ идеальный порядокъ процесса ихъ измѣненій, идеальный порядокъ эволюціи безсознательной философіи общества, хотя и тутъ одна логика дѣлу помочь не можетъ: указанія на то, какіе принципы могли и должны были развиться раньше другихъ, при какихъ условіяхъ и когда могли возникнуть принципы, вытѣснившіе болѣе ранніе и т. д.,—указанія на все это можно найти только въ общихъ законахъ развитія духа и общества. Напр., явленія, болѣе или менѣе сводимыя къ отрицанію личности, необходимо предшествовали явленіямъ, въ основѣ которыхъ лежитъ утвержденіе правъ личности: это будетъ совершенно понятно, если мы примемъ въ расчетъ степень индивидуальнаго развитія и единственно возможныя формы соціальнаго быта при переходѣ изъ чисто зоологическаго существованія въ существованіе историческое. Безъ этого мы впадемъ въ чистѣйшую идеологію, воображающую, что діалектическій порядокъ идей,—синтетическій или аналитическій, — есть порядокъ и вещей. Въ образованіи того идеальнаго порядка, о которомъ идетъ рѣчь, должна участвовать не одна логика идей, но, такъ сказать, и механика законовъ, да и въ дѣйствительности порядокъ этотъ не можетъ осуществиться въ чистомъ видѣ, такъ какъ для дѣйствія того или другого закона необходимы извѣстныя условія, которыя сами суть результаты множества частныхъ причинъ въ ихъ хаотическомъ взаимодѣйствіи. Возникновеніе того или другого принципа въ жизни общества есть результатъ дѣйствія того или другого закона, но для того, чтобы это дѣйствіе наступило, необходимы извѣстныя условія, числу которыхъ въ каждомъ данномъ случаѣ нѣтъ конца.

Если мы сводимъ явленія, совершающіяся въ обществѣ, къ нѣкоторой безсознательной философіи его членовъ, то этимъ мы не идеализируемъ дѣйствительности: правда, въ ней мы видимъ воплощеніе извѣстныхъ идей, идеаловъ, но эти идеи мы критикуемъ, идеалы эти не наши. Напр., въ фактахъ, представляемыхъ соціальными организаціями античнаго міра, мы находимъ воплощенными идеалы грековъ и римлянъ, но къ нимъ мы относимся отрицательно во имя высшаго принципа, выработаннаго исторіей. Равнымъ образомъ мы не занимаемся идеологіей, если стремимся дать абстрактную формулу эволюціи безсознательной философіи общества и ея улучшенія, разъ утверждаемъ, что въ построеніи такой формулы должно играть роль знаніе законовъ духовной и общественной жизни, основанное на изученіи дѣйствительности,

а вмѣстѣ съ тѣмъ мы снимаемъ съ себя обвиненіе и въ идеализаціи хода исторіи, когда заявляемъ, что дѣйствительная исторія зависитъ отъ массы причинъ, въ этой формулѣ не содержащихся.

Придавая важное значеніе въ историческомъ знаніи формулированію безсознательной философіи человѣческихъ обществъ на разныхъ ступеняхъ ихъ развитія, я долженъ былъ сдѣлать эти двѣ оговорки относительно идеализаціи и идеологіи, отвергнутыхъ мною за ихъ ненаучность. Но я предвижу еще возможность одного упрека, т.-е. обвиненія въ томъ, что указываемое мною сведеніе принциповъ, построенныхъ въ систему, къ одному принципу ничѣмъ не отличается отъ метафизики въ исторіи, противъ которой я такъ возстаю. Обвиненіе это было бы основательно, если бы я полагалъ этотъ объединяющій принципъ внѣ міра явленій, какъ нѣкоторую *Ding an und für sich*, но именно этого-то у меня и нѣтъ. Каждый мыслящій человѣкъ ищетъ внутренняго смысла во всемъ, что его окружаетъ: метафизическіе вопросы о сущности и цѣнности бытія, считаемые мною на основаніи всей критической философіи послѣ Канта за неразрѣшимые, возникаютъ именно на почвѣ этого исканія, которое могутъ удовлетворить только вѣра или воображеніе. Но въ мірѣ есть разрядъ явленій, исканіе смысла коихъ удовлетворяется творчествомъ идеаловъ: это явленія, обязанныя бытіемъ своимъ дѣятельности людей. Напр., естественно возникаетъ извѣстный рядъ явленій, и причины ихъ мы можемъ научно указать, не выходя изъ феноменальнаго міра вообще въ туманныя области *вещи самой въ себѣ*; этотъ рядъ явленій и аналогичные ему мы обобщаемъ подъ именемъ государства и вотъ у насъ естественно возникаетъ вопросъ о смыслѣ существованія государства, т.-е. почему и для чего оно существуетъ. На первый вопросъ давались разные отвѣты, ненаучные и научные; но вообще на научной почвѣ вопросъ этотъ разрѣшается удовлетворительно. На второй вопросъ—*зачѣмъ*?—также давались весьма неодинаковые отвѣты, либо выраженные въ формѣ разсужденія политическими писателями, либо выраженные въ отдѣльныхъ поступкахъ или въ цѣломъ поведеніи гражданъ. Государство не только существовало объективно съ своими существенными признаками, отличающими его отъ всего остальнаго, но и мыслилось, какъ нѣчто имѣющее опредѣленный смыслъ по своей цѣли, причемъ смыслъ ему придавался различный, смотря по тому, находилъ-ли гражданинъ, что пріятно умереть, защищая государство, или возвѣщалъ, что оно должно только оберегать насъ отъ воровъ, мошенниковъ и разбойниковъ. Объективная сущность государства (конечно, въ значеніи совокупности существенныхъ признаковъ) оставалась та же, но внутренній смыслъ его измѣнялся съ каждымъ новымъ отвѣтомъ на вопросъ: *зачѣмъ?* Массою

людей рѣдко давался отвѣтъ на этотъ вопросъ, выраженный въ мысли и словѣ: она отвѣчала своимъ поведеніемъ, своими поступками; пониманіе смысла государства выражалось въ инстинктѣ, въ привычкѣ, въ образѣ дѣйствій. Если мы говоримъ о принципѣ, то лишь представляя себѣ, какая сознательная мысль могла бы лежать въ основѣ отдѣльныхъ поступковъ и всего поведенія. Но такъ же точно рѣшался вопросъ о правѣ, объ экономическихъ отношеніяхъ и т. п.: смыслъ ихъ опредѣлялся по цѣли ряда явленій, существующихъ чрезъ человѣческую дѣятельность, причемъ это опредѣленіе давалось поступками, поведеніемъ, основу для которыхъ уже самъ историкъ подъискиваетъ, формулируя мысль, имъ соотвѣтствующую. Итакъ, всему существующему чрезъ человѣческую дѣятельность мы опредѣляемъ цѣль, сообщающую ему смыслъ, хотя бы на цѣль эту указывали только людскіе поступки. Но сами цѣли имѣютъ для насъ смыслъ только въ виду одной обобщающей ихъ цѣли. Это обобщеніе совершается нами въ пониманіи смысла нашей жизни, которое опять-таки можетъ быть формулировано въ словахъ или проявляться во всемъ нашемъ поведеніи. Объективная сущность процесса жизни (опять въ значеніи существенныхъ его признаковъ) остается неизмѣнной, но внутренній смыслъ жизни измѣнялся съ каждымъ новымъ отвѣтомъ на вопросъ: *зачѣмъ*? Пониманіемъ смысла жизни, существующимъ въ обществѣ, выражаемымъ въ словѣ или проявляемымъ въ поведеніи, и объединяются принципы государства, права, экономическихъ отношеній и пр. и пр.: это и есть общій основной принципъ безсознательной философіи общества, инстинктивно принимаемый его членами въ зависимости отъ множества разныхъ условій. Пониманіемъ смысла жизни обусловливались у средневѣковаго аскета его взглядъ на государство, какъ на орудіе церкви; пониманіемъ смысла жизни обусловливался взглядъ древняго грека на государство, какъ на такую вещь, за которую нужно умирать; пониманіемъ смысла жизни объясняется взглядъ буржуа, что роль государства—оберегать общество отъ воровъ, мошенниковъ и разбойниковъ. То или другое пониманіе этого смысла обусловлено, говоря общо̂, переживаемымъ историческимъ моментомъ, степенью нашего развитія, воспитаніемъ въ извѣстной обстановкѣ и т. п. Это не есть «идея народа» или основа жизни, почему она существуетъ, какъ говорятъ метафизики, а лишь субъективное отношеніе людей къ своему существованію, сообразно съ которымъ человѣкъ даетъ въ словахъ и поступкахъ своихъ свою безсознательную философію жизни. Что обще въ этомъ отношеніи всѣмъ индивидуумамъ, находящимся въ духовномъ и соціальномъ взаимодѣйствіи, или громадному ихъ большинству, то составляетъ безсознательную философію общества, и то или другое рѣшеніе ея основного вопроса—о

смыслѣ жизни—ложится въ основу всей системы принциповъ, которые проявляются въ разныхъ сторонахъ общественнаго бытія. Это-то и даетъ намъ право говорить, не впадая въ метафизику, объ основномъ принципѣ безсознательной философіи даннаго общества въ данную эпоху и заставляетъ насъ приписывать такую важность изученію исторіи религіи, философіи, науки, литературы, искусства, политической, юридической, соціальной мысли, въ которыхъ яснѣе всего проявляется взглядъ на смыслъ жизни, какъ изученіемъ исторіи соціальной организаціи, государства, права, экономическаго строя мы дорожимъ, чтобы найти, какой результатъ давалъ тотъ или другой взглядъ на смыслъ жизни для самой жизни въ зависимости отъ всѣхъ природныхъ и историческихъ условій, въ которыя она поставлена.

Въ исторіи человѣчества главный вопросъ, который мы себѣ ставимъ, есть вопросъ о смыслѣ исторіи. Объективная сущность историческаго процесса (признаки, отличающіе его отъ всякаго иного процесса) остается неизмѣнною, но смыслъ исторіи измѣняется, смотря по тому, куда она насъ ведетъ, какое пониманіе смысла жизни въ насъ вырабатываетъ, низшее или высшее, ложное или истинное, и смотря по тому, удовлетворяетъ ли или не удовлетворяетъ все вырабатываемое исторіей самыя общія и основныя цѣли жизни. Взглянуть на дѣйствительную исторію съ этой точки зрѣнія есть задача философіи исторіи. Идеальный порядокъ уясненія смысла жизни и удовлетворенія ея требованій есть задача философіи прогресса, ибо прогрессъ есть не что иное, какъ уясненіе смысла жизни чрезъ постановку ей все высшихъ и высшихъ цѣлей и удовлетвореніе этихъ цѣлей съ помощью совершенствующейся культуры и соціальной организаціи, позволяющихъ намъ съ большимъ успѣхомъ оказывать воздѣйствіе и на природу.

V.

Человѣкъ не только живетъ, онъ вкладываетъ въ свою жизнь извѣстный смыслъ: выясненіе смысла жизни составляетъ одну изъ выдающихся сторонъ духовной исторіи человѣчества, составляя содержаніе религіи, философіи, науки, публицистики, поэзіи и художествъ. Человѣкъ не только ставитъ своей жизни цѣли, но создаетъ для ихъ удовлетворенія цѣлыя системы средствъ, въ числѣ которыхъ однимъ изъ видныхъ является соціальная организація, равно какъ разныя техническія искусства и ихъ теоріи, возникающія на почвѣ философіи и науки. Въ историческомъ знаніи съ философской точки зрѣнія мы ищемъ отвѣтовъ на вопросы о томъ, какъ уяснялся смыслъ жизни и насколько удовлетворялись безсознательно или сознательно ставившіяся ей цѣли: когда мы

замѣчаемъ большее уясненіе смысла жизни, лучшее удовлетвореніе ея потребностей, мы говоримъ о прогрессѣ; когда, наоборотъ, обнаруживается возвращеніе къ менѣе полному, стройному и цѣлостному пониманію жизни, паденіе болѣе совершенныхъ средствъ удовлетворенія ея потребностей, мы говоримъ о регрессѣ. Но для того, чтобы имѣть право говорить о прогрессѣ или регрессѣ въ этомъ значеніи, необходимо намъ самимъ имѣть нѣкоторое представленіе о смыслѣ жизни, которое мы считаемъ за самое истинное, нѣкоторое представленіе о системѣ средствъ, служащихъ для удовлетворенія ея цѣлей, которую мы принимаемъ за наилучшую. Только на почвѣ такого идеализма возникаютъ идеи прогресса или регресса, безотносительно къ усовершенствованію чего бы то ни было нашею дѣятельностью, ибо часто совершенствоваться могутъ предметы, которые соотвѣтствуютъ не высшему, а низшему пониманію жизни. Эти двѣ вещи часто смѣшиваются: совершенствованіе искусства повальнаго истребленія людей на войнѣ не составляетъ прогресса, поскольку прогрессъ именно и состоитъ въ установленіи отношеній между людьми на принципахъ солидарности, коопераціи и права. Совершенствованіе военнаго искусства заключается въ пользованіи плодами прогресса въ наукѣ для непрогрессивныхъ цѣлей, именно лучшимъ знаніемъ законовъ природы и большею властью надъ нею, сообщаемою этимъ знаніемъ, для цѣлей, которыя нисколько не возвышаютъ насъ надъ дикарями, также имѣющими кое—какія средства для истребленія людей. Тогда, напр., и замѣну простой стрѣлы отравленною пришлось бы назвать явленіемъ прогрессивнымъ. Совершенствованіе какого-либо искусства заключается въ замѣнѣ средствъ менѣе цѣлесообразныхъ болѣе цѣлесообразными, и въ этомъ совершествованіи дѣйствительно есть указаніе на происшедшій прогрессъ въ нашемъ умѣніи подчинять природу цѣлямъ нашей жизни, но въ замѣнѣ простой стрѣлы отравленною, стараго ружья скорострѣльнымъ не сдѣлано ни малѣйшаго шага впередъ въ уясненіи смысла жизни. Прогрессомъ въ военномъ дѣлѣ можно назвать только подчиненіе побѣдителей извѣстнымъ обычаямъ или законамъ, указывающимъ на болѣе высокій принципъ, положенный нами въ основу пониманія смысла жизни. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на совершенствованіе всѣхъ искусствъ, принимая въ расчетъ, какому пониманію смысла жизни—высшему или низшему, какому принципу соотвѣтствуетъ цѣль искусства. Есть цѣли и цѣли; только о совершенствованіи такихъ искусствъ, цѣли коихъ соотвѣтствуютъ принципамъ высшаго пониманія смысла жизни, можно говорить, какъ о прогрессѣ. Совершенствуется, напр., искусство добывать отъ природы средства, необходимыя для жизни, когда мы получаемъ большее количество нужныхъ намъ предметовъ и предметовъ лучшаго качества при меньшей

затратѣ нашихъ силъ и нашего времени, но это совершенствованіе не будетъ прогрессивнымъ, если сдѣлается только орудіемъ большей эксплуатаціи одной части общества другою, т.-е. будетъ служить такой цѣли, принципъ которой соотвѣтствуетъ низшему пониманію смысла жизни. Вообще можно сказать, что простое совершенствованіе того или другого искусства само по себѣ не составляетъ прогресса, если не дѣлается орудіемъ достиженія цѣлей прогрессивныхъ, а это можно сказать именно обо всѣхъ искусствахъ, въ которыхъ человѣкъ подчиняетъ себѣ силы природы: въ этомъ подчиненіи заключается только возможность прогресса или указаніе на нѣкоторый прогрессъ въ области объективнаго знанія, нисколько не свидѣтельствуя объ уясненіи смысла жизни и о достиженіи именно тѣхъ цѣлей, которыя и сообщаютъ ей этотъ самый смыслъ. Въ пользованіи силами природы для повальнаго избіенія людей или для эксплуатаціи однихъ людей другими заключается именно только возможность прогресса, т.-е. употребленія своихъ техническихъ знаній для лучшихъ цѣлей, и указаніе на нѣкоторый прогрессъ міросозерцанія, но для уясненія смысла жизни и для самой жизни, сообразной съ ея субъективнымъ пониманіемъ, этимъ ничего не сдѣлано. Вотъ почему, строго говоря, усовершенствованія въ искусствѣ пользоваться силами природы не только не составляютъ основы идеи историческаго прогресса, но даже не входятъ въ его содержаніе, ибо сущность историческаго прогресса не во взаимодѣйствіи человѣка съ природой: тутъ мы имѣемъ въ природѣ и умѣніи подчинять ее себѣ одни только условія исторической жизни и совершающагося въ ней прогресса.

Дѣятельности человѣка, направленныя на природу, не имѣютъ принципіальнаго значенія: здѣсь господствуетъ одинъ девизъ—извлекай изъ природы все, что можешь. Принципіальное значеніе этимъ дѣятельностямъ сообщается только тогда, когда чрезъ нихъ мы дѣйствуемъ на жизнь людей (и на свою собственную въ томъ числѣ), сообразно съ тѣмъ или другимъ пониманіемъ смысла этой жизни. Поэтому принципіальное значеніе сами по себѣ имѣютъ лишь дѣятельности, направленныя непосредственно на жизнь людей, ибо въ нихъ прямо заключается то или другое пониманіе смысла жизни вообще и въ частности нашей собственной или чужой. На почвѣ этихъ дѣятельностей возникаютъ всѣ тѣ продукты общества, которые мы называемъ культурными и соціальными, т.-е. религія, философія, наука, искусство, государство, право, экономическая кооперація: совершенствованіе только этихъ вещей, въ основѣ которыхъ лежатъ извѣстные принципы истины, справедливости, всеобщаго блага, и составляетъ настоящее содержаніе историческаго прогресса; совершенствованіе ихъ заключается въ уясненіи смысла жизни и въ подчиненіи требованіямъ высшаго пониманія

этого смысла, которое само есть результатъ указаннаго уясненія. Но и здѣсь весьма часто подъ совершенствованіемъ разумѣется нѣчто особенное, о чемъ стоитъ сказать нѣсколько подробнѣе.

Всѣмъ упомянутымъ дѣятельностямъ, направленнымъ не на природу, а на людей (а въ томъ числѣ и на самихъ себя), соотвѣтствуютъ разнаго рода искусства, раздѣляющія людей на профессіи, занятіе которыми имѣетъ цѣлью не производство матеріальныхъ предметовъ, а оказываніе разнаго рода услугъ (подъ категорію услугъ, замѣчу мимоходомъ, я ставлю и передачу произведеннаго предмета лицомъ, его произведшимъ, другому, которому онъ нуженъ, хотя бы въ основѣ такой передачи лежалъ принципъ do ut des). Каждая профессія требуетъ извѣстнаго искусства, и каждое такое искусство можетъ совершенствоваться. Спрашивается, можно-ли назвать всякое совершенствованіе всякой такой профессіи прогрессомъ? Съ той точки зрѣнія, съ которой всякое совершенствованіе есть прогрессъ, прогрессомъ слѣдовало бы назвать всякій успѣхъ въ оказываніи фактически требуемыхъ услугъ, но весь вопросъ именно въ томъ, каковы эти услуги. Есть такія профессіи, которыя возможны только при низкомъ уровнѣ безсознательной философіи общества, и совершенствованіе соотвѣтственныхъ имъ профессій никакъ уже нельзя назвать прогрессомъ: иначе пришлось бы называть прогрессомъ совершенствованіе въ такихъ мерзостяхъ, что не приведи Богъ. Или возьмемъ другой примѣръ: представимъ себѣ государство, основанное на принципѣ поглощенія личности цѣлымъ; выполняя свою задачу, государство создаетъ разныя профессіи, каждая изъ которыхъ будетъ оказывать ему ту или другую услугу, а каждая изъ нихъ и вся ими образуемая государственная машина могутъ совершенствоваться, т.-е. полнѣе и легче достигать своихъ цѣлей, но этого мы не назовемъ совершенствованіемъ государства, политическимъ прогрессомъ: это будетъ только совершенствованіемъ правительственной машины, политическаго искусства, обусловливающимъ только возможность прогресса, если эта машина и это искусство будутъ направлены на другія цѣли, и указывающимъ лишь на нѣкоторый прогрессъ объективнаго знанія общественной жизни. Совершенствованіе государства, политическій прогрессъ состоитъ въ улучшеніи государства въ виду той цѣли, ради которой только и мыслимо его разумное существованіе, какъ соотвѣтствующее основному мотиву, заставившему общество людей подчиниться общей власти. Совершенствованіе это состоитъ въ уясненіи принципа государства и въ его постепенной перестройкѣ сообразно съ уясняющимся принципомъ. Въ такомъ уясненіи принциповъ и всего остальнаго культурнаго и соціальнаго содержанія жизни человѣка и въ переработкѣ этого содержанія согласно уясняю-

щимся принципамъ состоитъ прогрессъ философіи, и науки, и права, и экономическихъ отношеній.

Опять мы встрѣчаемся съ идеей уясненія принциповъ и съ идеей удовлетворенія ихъ формами мысли и жизни. Для историка весь вопросъ въ томъ, въ какомъ порядкѣ это происходитъ. Одна логика разрѣшить не можетъ вопроса: уясненіе это происходитъ въ зависимости отъ множества условій, послѣдовательная смѣна которыхъ сама обусловлена множествомъ причинъ. Во-вторыхъ, формы мысли и жизни не могутъ измѣняться въ совершенно произвольномъ порядкѣ: въ ихъ смѣнѣ должна быть извѣстная закономѣрная послѣдовательность. Возьмемъ, напр., соціальную организацію: прямого скачка отъ простѣйшей своей формы до самой сложной она сдѣлать не можетъ, и ея усложненіе должно совершаться въ извѣстномъ порядкѣ, который опять-таки видоизмѣняется въ частностяхъ въ зависимости отъ разныхъ условій, въ различныхъ отношеніяхъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ для усложненія общественной организаціи.

Чѣмъ же въ такомъ случаѣ можетъ быть формула прогресса, его теорія? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, посмотримъ, какое значеніе можетъ имѣть вообще подобная формула. Объ одномъ ея значеніи нами было сказано достаточно. Она должна дать идеальную мѣрку для оцѣнки хода исторіи, безъ каковой оцѣнки невозможенъ судъ надъ дѣйствительной исторіей, невозможно отысканіе ея смысла. Въ самомъ дѣлѣ, если мы будемъ судить прошлое съ современной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія нашихъ идеаловъ, то постановимъ очень произвольный приговоръ: то, что теперь представляется намъ несовершеннымъ, въ свое время было высшимъ пунктомъ, до котораго дошелъ прогрессъ, относительнымъ и сравнительнымъ совершенствомъ,—относительнымъ именно по своему значенію для людей, иначе понимавшихъ жизнь и предъявлявшихъ ей иныя требованія, нежели мы, сравнительнымъ въ ряду другихъ еще менѣе совершенныхъ явленій. Напр., замѣна убіенія военноплѣнныхъ обращеніемъ ихъ въ рабство для насъ не имѣетъ значенія совершенства людскихъ отношеній, насъ вполнѣ удовлетворяющаго, но въ свое время для людей, которые брали въ плѣнъ и въ него попадали при неразвитомъ пониманіи смысла жизни, было великимъ благомъ въ сравненіи съ временами, когда производилось избіеніе плѣнныхъ и даже насыщеніе побѣдителей ихъ кровью и мясомъ. Въ дѣйствительности нѣтъ ничего абсолютно совершеннаго: есть только именно такія относительныя и сравнительныя совершенства, а ихъ мы можемъ расположить въ извѣстномъ порядкѣ: 1) по степени ихъ удаленія отъ несовершеннаго и приближенія къ совершенному съ нашей точки зрѣнія и 2) по отношенію къ тому, какъ уяснялся смыслъ жизни. Примѣняя

этотъ идеальный порядокъ къ послѣдовательности историческихъ фактовъ, мы оцѣниваемъ ходъ исторіи, какъ совпадающій или несовпадающій съ этимъ идеьнымъ порядкомъ, т.-е. какъ прогрессивный или регрессивный и, подводя общій итогъ, высказываемъ свой судъ надъ цѣлымъ дѣйствительной исторіи, опредѣляемъ его смыслъ. Итакъ, желаніе имѣть философію исторіи, т.-е. философски понять исторію приводитъ насъ къ необходимости создать нѣкоторую формулу, какъ мѣрку, и по существу дѣла намъ остается представить общее совершенствованіе въ видѣ переходовъ отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному.

Другое значеніе теоріи прогресса слѣдующее. Мы, формируя свои убѣжденія, объединяемъ частныя цѣли своей нравственной дѣятельности въ общій планъ жизни, согласный съ убѣжденіемъ. Здравое убѣжденіе требуетъ своего дальнѣйшаго развитія, т.-е. такого плана жизни, который осуществлялъ бы личное развитіе. Такъ какъ мы члены общества, культурою и организаціей котораго обусловливается жизнь личности, и измѣненіе этой культуры и организаціи зависитъ отъ нашей дѣятельности, то возможно расширеніе плана жизни въ виду личнаго развитія въ планъ жизни въ виду прогресса того общества, къ которому мы принадлежимъ. Но наше общество есть лишь элементъ въ цѣломъ человѣчества и моментъ въ цѣломъ его исторіи: тутъ возникаетъ планъ жизни въ виду прогресса всего человѣчества и представленіе о нѣкоторомъ идеальномъ планѣ, по которому должна (должна не въ смыслѣ необходимости, а въ смыслѣ обязательности) совершаться людьми дальнѣйшая исторія. Разумѣется, въ общихъ своихъ чертахъ планъ этотъ не можетъ быть чѣмъ-нибудь инымъ, какъ тѣмъ же переходомъ отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному. Но того же требуетъ формула прогресса и въ смыслѣ мѣрки, прилагаемой къ ходу исторіи въ философіи исторіи. Это совпаденіе объясняется очень просто: и въ обыденной жизни однимъ и тѣмъ же принципомъ мы руководимся и въ нашемъ нравственномъ поведеніи, и въ судѣ надъ поведеніемъ другихъ.

Этимъ опредѣляется деонтологическій элементъ теоріи прогресса: чтобы выйти изъ-подъ суда съ нѣкоторымъ оправданіемъ, чтобы получить сколько-нибудь удовлетворительную оцѣнку, чтобы не быть признанной за совершенно безсмысленную смѣну явленій, дѣйствительная исторія должна сколько-нибудь соотвѣтствовать постепенному переходу отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному; съ другой стороны, чтобы наша дѣятельность не противорѣчила плану жизни въ виду прогресса человѣчества, мы себѣ вмѣняемъ въ долгъ, и другимъ на него указываемъ—дѣйствовать въ смыслѣ осуществленія все бо̀льшаго и бо̀льшаго совершенства. Но въ теоріи прогресса долженъ быть и элементъ номологическій: необходимо знать природу человѣческаго духа и обще-

ства, чтобы понять, какъ возможны эти отдѣльные переходы отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному, ибо недостаточно указать цѣль, нужно еще указать средства, а это возможно только при формулировкѣ законовъ. Каждый законъ въ научной формѣ есть прежде всего выраженіе связи причины съ слѣдствіемъ: если произошло А, должно произойти В, а отсюда выводъ тотъ, что для полученія В нужно произвести А. То, что съ одной точки зрѣнія есть причина и слѣдствіе, съ другой есть средство и цѣль: отъ слѣдствія мы заключаемъ къ причинѣ, отъ цѣли—къ средству. Слѣдовательно, если мы желаемъ имѣть формулу прогресса, какъ руководство въ разумной дѣятельности, мы должны отъ цѣли заключать къ средствамъ, а для полученія той же формулы, какъ общаго объясненія уже совершившагося прогресса, заключать отъ слѣдствій къ причинамъ. Но связь причины съ слѣдствіемъ и есть законъ въ научномъ значеніи этого слова: цѣль есть только неосуществленное слѣдствіе еще не созданной причины. Съ этой точки зрѣнія ни одинъ частный переходъ отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному не можетъ не быть слѣдствіемъ извѣстной причины. Послѣдовательно разсуждая, для каждаго перехода мы должны указать его причину: если необходимая причина дана, переходъ будетъ результатомъ ея дѣйствія. Назовемъ буквами А, В, С, D..... рядъ возрастающаго совершенства, идеально построенный, такъ что переходъ отъ А къ В, отъ В къ С и т. д. будетъ переходомъ отъ меньшаго совершенства къ бо̀льшему. Но каждый переходъ есть слѣдствіе какой-либо причины: назовемъ причину перваго перехода (отъ А къ В) буквой x, второго (отъ В къ С)—буквой y, третьяго (отъ C къ D)—буквой z и т. д. Этимъ опредѣлится необходимая для послѣдовательности переходовъ послѣдовательность ихъ причинъ, а отсюда мы получимъ такой рядъ: необходимо, чтобы самъ x, производя переходъ отъ А къ В, или сопровождающія переходъ этотъ обстоятельства создали и y, какъ необходимое условіе перехода В къ С; равнымъ образомъ необходимо, чтобы самъ y, создавая переходъ отъ В къ С, или сопровождающія переходъ этотъ обстоятельства производили z, какъ необходимую причину перехода С къ D и т. д. Другими словами, чтобы возможна была послѣдовательность А, В, С, D....., необходима послѣдовательность x, y, z....., чѣмъ бы эта послѣдняя ни была обусловлена, т.-е. мы утверждаемъ только, что для послѣдовательности переходовъ нужна извѣстная послѣдовательность причинъ, слѣдствіями которыхъ они являются. Разъ законъ есть главнымъ образомъ связь причины съ слѣдствіемъ, то остается только признать, что для послѣдовательности переходовъ нужна извѣстная послѣдовательность дѣйствія законовъ, а она, отдѣльно взятая отъ переходовъ, не можетъ быть совершенно случайной: для рѣз-

кости примѣра скажемъ, что законы психологическіе не могли дѣйствовать раньше біологическихъ, біологическіе—раньше химическихъ и т. п. Въ томъ же смыслѣ невозможно, напр., образованіе сложной соціальной организаціи безъ предварительнаго развитія нѣкоторой духовной культуры.

При этомъ еще и то необходимо принять въ расчетъ, что одновременно въ обществѣ дѣйствуетъ не одинъ законъ, а цѣлая ихъ масса, и что комбинаціи ихъ бываютъ весьма разнообразными въ зависимости именно отъ условій, представляемыхъ дѣйствительностью: при разныхъ побочныхъ условіяхъ одна и та же причина будетъ давать не совсѣмъ одинаковыя слѣдствія. Дѣйствіе одной и той же причины, по которой тѣла падаютъ на землю, при разныхъ условіяхъ будетъ имѣть различные результаты: пузырь, наполненный воздухомъ, падаетъ внизъ по вертикальной линіи при безвѣтріи, при вѣтрѣ будетъ отнесенъ въ сторону, опущенный на дно рѣки подымается вверхъ на поверхность воды и т. п. То же самое и въ дѣлахъ человѣческихъ: дѣйствіе какой-либо причины x, чтобы привести къ переходу отъ A къ B, а не что-либо иное, нуждается въ помощи побочныхъ благопріятныхъ условій, или можетъ случиться, что данныя условія при желательномъ переходѣ отъ B къ C будутъ такого рода, что вызовутъ дѣйствіе не закона y, которое имѣетъ слѣдствіемъ переходъ отъ B къ C, а дѣйствіе закона z, которое, будучи примѣнено къ C, обусловливаетъ переходъ къ D, т.-е. осуществляетъ прогрессъ, а будучи примѣнено къ B, возвращаетъ его къ A, т.-е. приводитъ регрессъ. Правительственная опека, способствовавшая въ XVII вѣкѣ развитію промышленности, убила бы ее въ XIX вѣкѣ: дѣйствіе одно, результаты разные. Пустой пузырь падаетъ въ воздухѣ и подымается въ водѣ. Что приноситъ пользу при одномъ состояніи общества, то при другомъ можетъ оказаться вреднымъ. Одно и то же въ разное время, въ разныхъ количествахъ, по разнымъ своимъ сторонамъ и т. п. можетъ быть и причиной прогресса, и препятствіемъ къ нему. Все это, собственно говоря, крайне усложняетъ номологію прогресса и дѣлаетъ выработку ея теоріи особенно въ подробностяхъ и въ виду практическихъ наставленій для жизни, въ высшей степени затруднительной. Какъ историку, такъ и практическому дѣятелю приходится для каждаго отдѣльнаго случая постановлять особое рѣшеніе вопроса, но несомнѣнно, что оба они должны, во-первыхъ, говоря о прогрессѣ или желая прогрессивно дѣйствовать, опираться на какую-либо деонтологію, а во-вторыхъ, въ обоихъ указанныхъ случаяхъ имѣть общее знаніе законовъ, первый для того, чтобы, отмѣчая какое-либо прогрессивное явленіе, показать, что вообще оно не могло произойти инымъ какимъ-либо путемъ или путемъ неаналогичнымъ, не эквивалентнымъ, второй—

для того, чтобы найти средство для своей цѣли наиболѣе подходящее или ему равносильное. Во всякомъ случаѣ въ теоріи прогресса должны находиться оба элемента—деонтологическій и номологическій и быть въ извѣстномъ взаимодѣйствіи, чтобы не давать знанія цѣлей безъ знанія средствъ, такъ какъ первое превратилось бы тогда въ простую идеологію, равно какъ не давать знанія средствъ безразлично для какихъ бы то ни было цѣлей,—знанія, которое не будетъ имѣть никакой стройности. Вотъ почему, при изображеніи единственно возможнаго порядка прогресса, его общая формула должна ограничиться только самыми общими указаніями, безъ предрѣшенія вопросовъ о томъ, какъ происходилъ прогрессъ въ дѣйствительности въ зависимости отъ разныхъ условій, и что при всякихъ обстоятельствахъ долженъ предпринимать прогрессивный дѣятель. Формула прогресса можетъ только показать, достиженіе чего дѣлаетъ возможнымъ достиженіе и дальнѣйшаго: достиженіе какого-либо пункта только тогда становится прочнымъ пріобрѣтеніемъ прогресса, когда одновременно пріобрѣтены и многія другія вещи, когда оно не преждевременно. Практическій вопросъ о своевременности и вообще цѣлесообразности того или другого поступка и научный вопросъ о положительномъ значеніи того или другого факта въ исторіи прогресса имѣютъ общую подкладку въ вопросѣ о томъ, какой порядокъ дѣйствія законовъ можетъ считаться ближе ведущимъ къ цѣли: сравнивая съ этимъ идеальнымъ порядкомъ дѣйствительный ходъ исторіи, мы разрѣшаемъ одну изъ задачъ философіи исторіи; подчиняя ему свою дѣятельность при постоянномъ руководствѣ данными опыта, т.-е. указаніями дѣйствительности, создаваемой нашею дѣятельностью въ соединеніи съ теченіемъ вещей, не отъ насъ зависящихъ, мы выполняемъ программу жизни въ виду прогресса какъ нашего общества, такъ и всего человѣчества.

Постановка вопроса о прогрессѣ на такую точку зрѣнія устраняетъ всякую узкость взгляда въ его рѣшеніи: оно не указываетъ прогрессу тождественнаго вездѣ пути, но только намѣчаетъ одинъ путь въ смыслѣ множества аналогичныхъ или эквивалентныхъ. Если мы открываемъ, что для перехода отъ a къ q нужно дѣйствіе причины x, мы не говоримъ, что это x существуетъ только въ единственной формѣ, а допускаемъ ея проявленія въ различныхъ формахъ или указываемъ на иныя сочетанія, дѣйствіе которыхъ можетъ быть равносильно дѣйствію x, или на какую-либо другую причину w, которая способна дѣйствовать въ смыслѣ x, хотя бы не такъ быстро и не съ такимъ вѣрнымъ успѣхомъ, какъ x: если послѣднее по даннымъ обстоятельствамъ не могло существовать въ прошломъ или не можетъ существовать въ будущемъ, приходится довольствоваться существова-

ніемъ или возможностью *w* и видѣть въ немъ причину совершившагося прогресса или средство для долженствующагося совершиться. Но вообще формула прогресса должна имѣть въ виду главнымъ образомъ такія причины, которыя быстрѣе, вѣрнѣе и прочнѣе другихъ осуществляютъ прогрессъ. Дѣло теоретика прогресса—вообразить, въ какомъ порядкѣ дѣйствіе законовъ, т.-е. возникновеніе причинъ, необходимо приводящихъ къ извѣстнымъ слѣдствіямъ, лучше всего осуществляетъ прогрессъ: какъ онъ осуществлялся въ дѣйствительности и осуществлялся ли вообще въ разныя времена и насколько можно проводить въ жизнь вполнѣ, т.-е. безъ всякихъ излишнихъ уступокъ дѣйствительности, найденную формулу, будетъ зависѣть уже отъ разныхъ условій: чѣмъ благопріятнѣе были эти условія для полнаго, быстраго и прочнаго прогресса, тѣмъ прогрессъ долженъ былъ ближе подходить къ этой формулѣ, не совпадая однако съ нею совершенно, поскольку никогда и нигдѣ не складывались абсолютно благопріятныя для него условія. Другими словами, теорія прогресса должна представить, какъ совершался бы онъ при абсолютно благопріятныхъ условіяхъ, подобно тому, какъ физикъ говоритъ о томъ, какъ должно было бы падать тѣло въ абсолютно пустомъ пространствѣ. Чередованіе абсолютно благопріятныхъ условій и должно было бы дать рядъ причинъ и слѣдствій, въ которомъ каждая причина именно имѣла бы своимъ слѣдствіемъ переходъ отъ меньшаго совершенства къ большему. Въ выведеніи закона паденія тѣлъ въ физикѣ мы имѣемъ болѣе простой примѣръ построенія подобной же формулы.

Выводя формулу паденія тѣла, мы называемъ паденіемъ движеніе тѣла по направленію къ центру земного шара, являющемуся цѣлью, къ коей стремится всякое падающее тѣло. Такую же цѣль мы можемъ поставить прогрессу, разумѣя подъ нимъ поступательное движеніе къ идеалу. Разница вся въ томъ, что первая цѣль есть нѣчто объективно данное, вторая—нѣчто субъективно построенное: нужно только, чтобы вторая цѣль представляла изъ себя нѣчто возможное вообще и не была бы по отношенію къ прогрессу тѣмъ, чѣмъ была бы для падающаго тѣла какая-либо точка, находящаяся внѣ пространства вообще, т.-е. нѣчто немыслимое, ибо совершающееся въ пространствѣ движеніе тѣла не можетъ быть движеніемъ къ точкѣ, положеніе которой намъ не было бы дано въ пространствѣ. Далѣе, причина стремленія падающаго тѣла къ земному центру объясняется изъ общаго закона всемірнаго тяготѣнія, и тутъ указанная разница получаетъ большое значеніе: паденіе тѣла съ необходимостью объясняется изъ этого закона, тогда какъ для погресса такой ссылки на нѣкоторый общій законъ сдѣлать нельзя. Тутъ идетъ только рѣчь о возможности дости-

женія извѣстной цѣли, и аналогію этому представляетъ тотъ случай, когда математикъ самъ ставитъ точку, къ которой должно двигаться тѣло, и вычисляетъ путь этого движенія, указывая на количество и направленіе силы, которая должна отклонить движущееся тѣло отъ стремленія къ центру земного шара: такъ вычисляется, напр., полетъ ядра. Въ сущности, однако, задача изслѣдователя формулы движенія тѣла въ обоихъ случаяхъ одна и та же: только говоря о паденіи, мы принимаемъ въ расчетъ дѣйствіе одной силы, въ другомъ—комбинируемъ дѣйствіе двухъ силъ. Въ дѣлѣ прогресса основу движенія составляетъ стремленіе человѣка къ улучшенію своего состоянія: это то же, что въ случаѣ движенія тѣла стремленіе къ центру земли, и если отвлечься отъ представленія другихъ силъ, содѣйствующихъ человѣку въ этомъ его стремленіи, то мы въ сущности и въ случаѣ прогресса будетъ имѣть то же, что и въ случаѣ паденія тѣла: тѣло постоянно притягивается землей, человѣкъ постоянно стремится улучшить свое положеніе; если тѣло не падаетъ, значитъ, его что-либо поддерживаетъ, если человѣкъ не улучшаетъ своего состоянія, значитъ, что-либо его задерживаетъ. Для вывода закона паденія тѣла физика беретъ тѣло, на которое дѣйствуетъ только одна сила притяженія, и представляетъ себѣ паденіе въ безвоздушномъ пространствѣ, т.-е. при отсутствіи условій, задерживающихъ паденіе (сопротивленіе воздуха, вообще среды); точно также и формула прогресса можетъ взять человѣка или общество людей, дѣятельность которыхъ обусловливается однимъ стремленіемъ къ улучшенію своего положенія, и разсматривать ихъ движенія при условіи отсутствія всего, что ему препятствуетъ. Но тутъ-то и выступаетъ различіе: такъ какъ падающее тѣло имѣетъ опредѣленную точку, какъ цѣль, къ которой стремится,—и подчиняется дѣйствію одной только силы, то всякое падающее тѣло въ концѣ-концовъ падаетъ въ одномъ направленіи, какъ бы ни отклонялось оно отъ линіи движенія въ безвоздушномъ пространствѣ: тѣло, говоря метафорически, знаетъ, гдѣ конецъ его движенія. Такого знанія нѣтъ у человѣка: улучшая свое состояніе, онъ ставитъ себѣ весьма неодинаковыя цѣли и для достиженія однѣхъ и тѣхъ же цѣлей пользуется очень нецѣлесообразно разными средствами. Должны же, однако, существовать единственное состояніе, которое удовлетворило бы всѣхъ людей, и единственный вѣрный путь, къ нему ведущій: изъ того, что ядро, летящее изъ пушки, движется не къ центру земли, а летитъ снизу вверхъ и останавливается на верху высокой насыпи, не слѣдуетъ, что центръ земли въ концѣ-концовъ не есть пунктъ, къ которому ядро стало бы стремиться, если бы оно не застряло въ высокой насыпи. Слѣдовательно, mutatis mutandis, формула прогресса мо-

жетъ быть построена, какъ формула паденія тѣла: для обоихъ процессовъ мы можемъ указать цѣль, въ обоихъ случаяхъ необходимость движенія можемъ вывести изъ нѣкоторой основной причины, въ обоихъ же случаяхъ можемъ представить путь, по которому должно идти движеніе при благопріятныхъ условіяхъ. Но паденіе тѣла мы можемъ представить себѣ внѣ всякой матеріальной среды, тогда какъ говорить объ улучшеніи состоянія человѣка, какъ о процессѣ, совершающемся внѣ всякой среды, немыслимо. Представить прогрессъ въ идеально-благопріятной средѣ значило бы представить прогрессъ уже совершившимся: остается, слѣдовательно, вообразить себѣ именно постепенное улучшеніе самой среды, или такое ея движеніе, которое было бы наиболѣе благопріятно и для улучшенія состоянія самого человѣка, и для дальнѣйшаго движенія самой среды въ смыслѣ созиданія ею все болѣе и болѣе благопріятныхъ условій для прогресса. Какъ видитъ читатель, выработка формулы прогресса посложнѣе выведенія закона паденія тѣлъ, но умственныя операціи и первою, и вторымъ требуются одинаковыя: нужно найти цѣль обоихъ движеній, объяснить ее изъ природы того, что находится въ движеніи, а послѣднее представить совершающимся при отсутствіи препятствующихъ условій. Вся разница въ томъ, что цѣль прогресса можетъ быть построена только субъективно, что историческое движеніе не выводится изъ дѣйствія одной силы, какъ движеніе падающаго тѣла, и что сами благопріятныя условія въ дѣйствительности бываютъ таковыми только сравнительно и относительно: каждое условіе жизни есть многосторонняя сложность, въ которой одно благопріятствуетъ прогрессу, другое ему препятствуетъ, и не одно и то же бываетъ одинаково благопріятно въ разные моменты прогресса.

О субъективизмѣ въ соціологіи [1]).

A słońce prawdy wschodu nie zna i zachodu,
Równie chętnie każdego plemionom narodu
I dzień lubiące każdej rozszerzać ojczyźnie,
Wszystkie ziemie i ludy poczyta za bliźnie.
Ztąd kto się w przenajswiętszych licach jej zacieka
Musi sobie zostawić czystą treść człowieka.

Mickiewicz [2]).

Вслѣдствіе краткости, съ которою мнѣ придется трактовать о субъективизмѣ въ общественныхъ наукахъ, весьма возможны нѣкоторыя недоразумѣнія, которыя не мѣшаетъ устранить съ самаго же начала. Во-первыхъ, ограниченный предѣлами небольшой журнальной статьи, я и въ мысляхъ, конечно, не могу имѣть полнаго и всесторонняго разсмотрѣнія предмета: цѣль моя—намѣтить въ общихъ чертахъ только ту постановку вопроса, которая, по моему мнѣнію, одна лишь можетъ привести насъ къ правильному рѣшенію самаго вопроса. При такой скромной задачѣ я не стану, конечно, разсматривать существующихъ въ литературѣ взглядовъ на этотъ предметъ и разнообразныхъ значеній, съ которыми противополагаются одно другому понятія субъективнаго и объективнаго. По той же причинѣ я не могу съ избранной мною точки зрѣнія обозрѣть всѣ отдѣльныя отрасли соціальной науки, такъ какъ для этого потребовалось бы цѣлое изслѣдованіе. Во-вторыхъ, желая представить въ своей статьѣ защиту субъективнаго элемента въ общественныхъ наукахъ, я считаю нужнымъ сдѣлать еще одну оговорку, безъ которой рискую быть понятымъ превратно, такъ какъ субъективизмъ вообще нерѣдко и совершенно справедливо противополагается научности, и защищать субъективизмъ поэтому не безопасно, не выяснивши своего общаго взгляда на соціологію. Я бы

---

[1]) Рефератъ, читанный въ Московскомъ юридическомъ обществѣ въ 1879 г.

[2]) Солнце правды не знаетъ ни востока, ни запада, одинаково охотно свѣтитъ племенамъ всякаго народа и, озаряя днемъ каждую отчизну, всѣ земли и народы считаетъ равно близкими. Поэтому, кто захочетъ всмотрѣться въ ея святѣйшій ликъ, тотъ долженъ сохранить въ себѣ чистую сущность человѣка (Do Joachima Lelewela).

даже просилъ различать субъективный *методъ*, котораго я не защищаю, отъ субъективнаго *элемента*, безъ котораго не можетъ обойтись, по моему мнѣнію, соціальная наука.

Вотъ въ чемъ разница. Въ соціологіи прошлаго вѣка господствовалъ методъ, къ которому О. Контъ примѣнилъ названіе метафизическаго. Дѣло, конечно, не въ названіи, и какъ бы мы ни обозначили этотъ методъ, сущность вещи остается та же. Разсматривая данныя въ дѣйствительности соціальныя отношенія, нравственныя предписанія, политическія учрежденія, юридическія постановленія, религіозныя вѣрованія и т. п., во всѣхъ этихъ явленіяхъ видѣли нѣчто такое, что имѣетъ свой корень въ особомъ естественномъ состояніи человѣчества, или заключенія, выведенныя изъ понятій естественнаго права, или же, наконецъ, какъ это случилось съ религіозными вѣрованіями, только видоизмѣненія одной общей основы. Такое направленіе проявлялось даже въ лингвистикѣ, которая въ XVIII столѣтіи исходила изъ того положенія, что формы любого языка служатъ лишь выраженіемъ общихъ и неизмѣнныхъ принциповъ нѣкоторой grammaire générale. Оно нашло доступъ и въ область исторіи, гдѣ дало такія философскія построенія, въ коихъ все теченіе жизни человѣчества разсматривалось, какъ осуществленіе положенныхъ въ основу исторіи задачъ, какъ постепенное откровеніе того самаго принципа, который и носитъ названіе естественнаго права,—словомъ, какъ выполненіе предначертаннаго заранѣе плана и развитіе одной идеи. Въ этомъ принципѣ, въ этой идеѣ метафизическіе соціологи и историки видѣли обязательный типъ природы вещей, мѣрку, которою слѣдуетъ мѣрить существующее: они подводили то или другое явленіе подъ эту мѣрку и сообразно съ этимъ произносили свой приговоръ. Такъ, физіократы осудили весь современный имъ экономическій строй во имя того, что онъ не соотвѣтствовалъ найденному ими естественному порядку экономической жизни; совершенно такъ же, во имя естественнаго состоянія, Руссо проповѣдовалъ возвращеніе къ жизни, сообразной съ природой, и, находя, что по естественному праву верховная власть покоится въ совокупности отдѣльныхъ личностей, осуждалъ всѣ существующія конституціи. Съ подобной точки зрѣнія дѣйствительность должна была представляться только, какъ вѣрное или искаженное воспроизведеніе естественнаго порядка, до идеи о которомъ доходили отнюдь не путемъ индуктивнаго изученія того, *что есть*: напротивъ, всеобщую подкладку явленій видѣли въ томъ, *что должно быть* на основаніи требованій разума, *ибо* не было и тѣни сомнѣнія въ томъ, что естественный порядокъ вещей не можетъ не быть разумнымъ и что, наоборотъ, разумный порядокъ непремѣнно и естественный. Тѣмъ самымъ всеобщая подкладка

явленій, обязательный типъ природы вещей, естественное состояніе и т. п. признавались предметами, которые мы можемъ познавать не изъ разсмотрѣнія всегда болѣе или менѣе искаженной дѣйствительности, а принимая за исходный пунктъ требованія разума, верховнаго принципа истины. Изъ этихъ требованій, т.-е. въ сущности изъ чисто логическихъ опредѣленій и нѣсколькихъ положеній, принятыхъ за аксіомы, *more mathematico* выводилась вся система, которая имѣла разомъ двѣ задачи: объяснить сущее изъ одного принципа и изъ него же вывести практическія наставленія, ибо принципъ этотъ одновременно признавался за реальную подкладку явленія и за идеальное требованіе разума. Другими словами, то, что такое вещь въ сущности, и то, чѣмъ она должна быть, въ концѣ-концовъ считалось за одно и то же. Въ систему вводился, правда, и фактическій матеріалъ, но въ видѣ только иллюстраціи, въ видѣ примѣра.

Понятно, что такой соціологическій методъ не могъ не быть субъективнымъ: познающій субъектъ творилъ науку изъ себя, и такая наука болѣе обрисовывала нравственную физіономію личностей, ею занимавшихся, чѣмъ содѣйствовала пониманію явленій, въ ней объясняемыхъ: каждый могъ по своему опредѣлить, чѣмъ должна быть та или другая вещь, и сообразно съ этимъ по своему понимать, въ чемъ заключается ея сущность. Въ субъективности такой науки лежитъ причина того, что она не могла двигаться впередъ, ибо каждый изслѣдователь оставлялъ послѣ себя весьма немного несубъективнаго, т.-е. такого, чѣмъ могъ бы воспользоваться и другой, которому разумъ предъявлялъ иныя требованія, и который поэтому клалъ иные принципы въ основу своей системы. Не въ этомъ смыслѣ я собираюсь защищать субъективизмъ въ общественныхъ наукахъ: напротивъ, я долгомъ своимъ считаю оспаривать при каждомъ удобномъ случаѣ приверженцевъ такого соціологическаго и историческаго метода, ибо раздѣляю и расчитываю всегда раздѣлять два основныя положенія позитивной соціологіи XIX вѣка. Первое изъ нихъ гласитъ именно, что каждое явленіе слѣдуетъ изучать не какъ проявленіе какой-то сущности, а какъ продуктъ другихъ явленій и факторъ въ произведеніи новыхъ; а по второму положенію, то, что должно быть, есть лишь субъективный идеалъ, а не внѣ насъ существующій обязательный типъ природы вещей. Болѣе или менѣе полное признаніе этихъ положеній, болѣе или менѣе неуклонное слѣдованіе имъ въ наукѣ уже успѣли преобразовать соціологическія знанія. Соціологія стала приближаться къ идеалу научности, сознанному естествознаніемъ; главнымъ объектомъ изученія, ради-ли простой любознательности или ради практическихъ цѣлей, сдѣлался міръ реальныхъ явленій, а не гипотетическое естественное состояніе; за исходный пунктъ

стали брать факты, явленія, и такъ какъ дѣйствительность представляетъ изъ себя безпрестанную смѣну послѣднихъ, то историческій методъ сталъ вытѣснять раціоналистическій; категоріи сущаго и должнаго теперь строго различены, и наукѣ, изучающей данное въ дѣйствительности, противопоставлено искусство, задача коего—осуществленіе должнаго. Вотъ та оговорка, которую я счелъ нужнымъ предпослать своей статьѣ. Я полагаю, теперь понятно, *какого* субъективизма я *не* стану защищать никогда.

Именно есть субъективизмъ и субъективизмъ. Одно дѣло—изъ своей головы извлекать системы и продуктамъ своего мышленія приписывать реальное существованіе, другое—имѣть извѣстное свое отношеніе къ тому или другому соціальному факту, установленному путемъ строго-объективнаго изученія. Объ этомъ-то субъективномъ элементѣ я только и намѣреваюсь говорить. Весь вопросъ заключается въ томъ, возможно ли относиться къ соціальнымъ явленіямъ,

Спокойно зря на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва,

возможно-ли *понимать* эти явленія, *не плача* и *не смѣясь*, а только понимать, какъ понимаемъ мы, напр., движеніе свѣтилъ небесныхъ?

Сравнивая между собою науки естественныя и такъ называемыя гуманныя, мы находимъ, во-первыхъ, что въ послѣднихъ изслѣдователь можетъ случайно занимать такое положеніе по отношенію къ изучаемымъ имъ спеціальнымъ фактамъ, какого не бываетъ въ изученіи явленій міра физическаго; во-вторыхъ, что природа многихъ соціальныхъ фактовъ сама по себѣ нѣсколько иная, чѣмъ всякаго другого, подлежащаго изученію. Я настаиваю на существованіи этихъ двухъ пунктовъ различія, ибо въ разсматриваемомъ дѣлѣ могутъ быть двѣ крайности: если не ограничивать субъективнаго элемента, вытекающаго изъ особенности положенія, въ которомъ изслѣдователь можетъ находиться по отношенію къ своему предмету, то личное сужденіе станетъ до такой степени выдвигаться впередъ въ ущербъ объективной истинѣ, что въ результатѣ будутъ иногда получаться даже памфлеты, вмѣсто ученыхъ изслѣдованій; наоборотъ, если систематически устранять тотъ субъективный элементъ, который обусловливается качественною особенностью соціальнаго факта, мы рискуемъ оставить для себя закрытымъ смыслъ явленія, читать книгу на языкѣ, значенія словъ котораго не знаемъ, хотя и умѣемъ ихъ хорошо произносить. Здѣсь мы имѣемъ такимъ образомъ двѣ границы, двѣ крайности, между которыми должны искать настоящаго научнаго отношенія. И на самомъ дѣлѣ, возможность субъективизма въ соціологіи обусловливается или

тѣмъ, что субъектъ находится *случайно* въ особомъ отношеніи къ объекту, такъ или иначе задѣвающимъ его интересы, или же тѣмъ, что самый объектъ *не можетъ* иначе дѣйствовать на изслѣдователя, какъ вызывая субъективное къ себѣ отношеніе, если только послѣдній не хочетъ ограничиться однимъ внѣшнимъ пониманіемъ явленія: въ первомъ случаѣ изслѣдователь можетъ стоять и не стоять въ особомъ отношеніи къ объекту, во второмъ—явленіе не можетъ быть понято безъ помощи субъективнаго элемента. Субъективизмъ перваго рода можно назвать *случайнымъ*, второго—*необходимымъ*.

Разсмотримъ сначала случайный.

Объективизмъ науки мы противополагаемъ прежде всего пристрастію, произволу: ничто такъ не противорѣчитъ научности, какъ пристрастное отношеніе, которое всегда является дѣломъ произвола, ибо представляетъ не что иное, какъ результатъ случая, воспитавшаго человѣка въ извѣстной средѣ, которая и опредѣляетъ содержаніе его пристрастій. Таковы именно вліянія извѣстной національности, извѣстнаго вѣроисповѣданія, извѣстной политической партіи и иныхъ такихъ же общественныхъ союзовъ, противопоставляющихъ себя другимъ же подобнымъ союзамъ,—вліянія, вносящія въ науку крайне пристрастныя сужденія. Особенно часто обнаруживаются они на занятіяхъ исторіей, когда ученый начинаетъ доказывать превосходство извѣстной націи, церкви, партіи надъ другими націями, церквами, партіями, когда апологетическія или полемическія тенденціи ослабляютъ до такой степени его объективно-критическую дѣятельность, что онъ то безсознательно, то полусознательно, то ужъ совсѣмъ сознательно стремится во что бы то ни стало одно оправдать, другое стушевать, третье ослабить, четвертое подкрасить. Особенно же безсознательностью въ этомъ дѣлѣ отличаются тѣ пристрастія, которыя опредѣляются не принадлежностью человѣка къ тому или другому общественному союзу, а тою точкою зрѣнія, съ которой онъ смотритъ на явленія общественной жизни. Эта точка зрѣнія составляетъ точно также результатъ случайнаго положенія человѣка въ обществѣ, въ извѣстной средѣ, случайной принадлежности къ извѣстной профессіи. Тутъ пристрастіе болѣе тонкое, болѣе неуловимое, чѣмъ въ случаѣ національности, церкви, партіи: тутъ оно выражается въ исключительномъ предпочтеніи къ извѣстной категоріи явленій, которое отодвигаетъ всѣ другія явленія на задній планъ, заставляетъ ихъ даже игнорировать. Это—то, что̀ мы обыкновенно называемъ односторонностью, но въ сущности вѣдь и это случайный субъективизмъ. Нечего далеко ходить за примѣрами. Извѣстна односторонность политическихъ писателей, которые, разсуждая о взаимныхъ отношеніяхъ государства и его гражданъ, почти совершенно игнори-

ровали существованіе экономическаго общества; извѣстна односторонность экономистовъ, которые, поставивъ во главу угла зданія своей науки понятіе о производствѣ и накопленіи богатствъ, на рабочую силу взглянули съ своей односторонней точки зрѣнія; извѣстны историки-государственники, для которыхъ всѣ явленія соціальной жизни имѣютъ цѣну не столько сами по себѣ, сколько по ихъ вліянію на государственную жизнь. Эту общую мысль можно подтвердить множествомъ отдѣльныхъ примѣровъ. На общей исторической концепціи *Гизо* сказалась односторонность принциповъ той партіи, къ которой онъ принадлежалъ, и односторонность той роли, которую онъ наиболѣе былъ способенъ играть въ обществѣ. Его мало интересуетъ судьба отдѣльной личности въ обществѣ, и онъ даже обнаруживаетъ нѣкоторый недостатокъ въ ея пониманіи. Опредѣляя цивилизацію, какъ совокупность развитія соціальнаго и интеллектуальнаго порядковъ, онъ отождествляетъ съ послѣднимъ «развитіе недѣлимаго человѣка», что́ далеко не одно и то же: высшая степень интеллектуальнаго развитія въ націи, какъ цѣломъ, еще ничего не свидѣтельствуетъ о состояніи всѣхъ отдѣльныхъ единицъ, изъ коихъ сложена нація, и притомъ о состояніи ихъ во всѣхъ отношеніяхъ; противоположность общественнаго благоустройства и духовной культуры не разрѣшается нисколько на противоположность общества и недѣлимаго. Такъ односторонне поставилъ Гизо вопросъ въ своей «Исторіи цивилизаціи во Франціи», и въ «Histoire de la civilisation en Europe» онъ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, утверждая, будто бы религіозныя вѣрованія, философскія идеи, науки, литература, искусства не представляютъ изъ себя соціальныхъ фактовъ, а суть des faits individuels qui semblent intéresser l'âme humaine plutôt que la vie publique [1]). И то, что Гизо называетъ соціальными фактами (учрежденія), и эти явленія—одинаково продукты общественной жизни, а индивидуальная далеко не можетъ быть узнана изъ исторіи умственнаго развитія, ибо ее опредѣляютъ въ бо́льшей еще степени условія политическія, соціальныя и экономическія. И самое общество Гизо понимаетъ односторонне, какъ политическое тѣло, въ которомъ нѣтъ никакихъ крупныхъ самостоятельныхъ частей, разъ существуетъ гражданское равенство его членовъ: разъ сломлена была политическая самобытность сословій средневѣковой Франціи, для Гизо не существуетъ болѣе ничего, кромѣ правительства и народа, какъ чего-то однороднаго [2]). И въ непониманіи содержанія индивидуальной жизни, и въ игнорированіи соціальной внѣ ея отношенія къ политикѣ, мы видимъ историка-политика, перенесшаго въ науку свои обществен-

[1]) Hist. de la civil. en Europe, изд. 7 (1860 г.), стр. 10.
[2]) *Ibid.*, стр. 300.

ные принципы. Или взгляните, наприм., какъ на философіи исторіи *Гегеля* отразилось то, что авторъ ея былъ философъ: его философія исторіи скорѣе должна называться исторіей философіи, ибо для него жизнь человѣчества—жизнь идей. Подобнымъ образомъ «Соціальная динамика» *Ог. Конта* даетъ намъ очеркъ всемірной исторіи, написанный съ точки зрѣнія человѣка, принадлежащаго прежде всего къ цеху ученыхъ; тотъ же оттѣнокъ носитъ на себѣ и философія исторіи *Бокля:* у обоихъ на первомъ планѣ развитіе положительной науки или въ болѣе широкомъ смыслѣ міросозерцанія. Основной законъ, изъ котораго Контъ изъясняетъ весь ходъ всемірной исторіи, заключается въ ученіи о трехъ фазисахъ міросозерцанія; по Боклю, прогрессъ человѣчества зависитъ отъ успѣха, съ которымъ разрабатываются законы явленій, и отъ мѣры распространенія этихъ знаній, вслѣдствіе чего изъ исторіи прогресса выкидывается вся исторія внѣевропейская и европейская въ періодъ господства традицій, создавшихся внѣ Европы,—точка зрѣнія человѣка, заинтересованнаго болѣе всего судьбою дорогой ему науки. Но Контъ и Бокль имѣли болѣе или менѣе энциклопедическое образованіе, у спеціалистовъ отдѣльныхъ отраслей знаній мы должны ожидать еще большей односторонности. Оно такъ и есть; напримѣръ, математикъ *Cournot* въ 1872 г. издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ *Considérations sur la marche des idées et des événements dans les temps modernes*, гдѣ старается доказать, что невозможно брать за основу исторіи политическія событія вслѣдствіе ихъ измѣнчивости и случайности, тѣмъ болѣе, что Галилей, Декартъ, Паскаль, Ньютонъ, Лейбницъ гораздо интереснѣе, чѣмъ всѣ религіозные и политическіе споры ихъ времени. Къ односторонностямъ подобнаго же рода я отношу и заявленіе извѣстнаго историка нѣмецкаго права *Вайца*, сдѣланное имъ въ одномъ мѣстѣ его *Deutsche Verfassungsgeschichte* [3]: «то, что представляетъ отдѣльная личность сама по себѣ, безотносительно къ обществу, въ которомъ она находится, не принадлежитъ къ области права, а также къ области исторіи (gehört nicht dem Recht und der Geschichte an»). Съ такимъ ограниченіемъ исторіи областью права, понятнымъ со стороны ученаго, который прежде всего юристъ, менѣе всего можетъ согласиться историкъ, взявшій на себя, наоборотъ, задачу изображенія тѣхъ именно сторонъ жизни, которыя не укладываются въ рамки правового опредѣленія, но могутъ составлять предметъ художественнаго воспроизведенія, каковы людскіе характеры, общественные нравы, внѣшняя культура. Таковъ именно *Тэнъ*, писатель, ранѣе всего прославившійся на поприщѣ исторіи

[3]) *Waitz.* Deutsche Verfassungsgeschichte. Kiel. 1865. I, 390.

искусства и сохранившій въ занятіяхъ исторіей вообще привычку смотрѣть на факты глазами историка искусства, который ищетъ въ характерахъ и нравахъ эпохи объясненія художественныхъ памятниковъ, имѣющихъ, по его опредѣленію, цѣлью «обнаружить какой-либо существенный или выдающійся характеръ, съ точки зрѣнія какой-либо преобладающей идеи, яснѣе и полнѣе, чѣмъ можетъ быть онъ видѣнъ въ дѣйствительныхъ предметахъ» [4]). Тэна интересуетъ нравственная среда, въ которой возникло то или другое произведеніе, и господствующій характеръ, который охотнѣе всего воспроизводится художниками въ ихъ произведеніяхъ: и въ новомъ сочиненіи Тэна о французской революціи лучшія мѣста принадлежатъ именно къ тѣмъ, гдѣ дѣло идетъ о средѣ, о характерахъ. Понятно, что такой историкъ долженъ быть психологомъ, и Тэнъ, дѣйствительно, психологъ: извѣстно его большое сочиненіе «De l'intelligence». Поэтому для него исторія представляетъ психологическую задачу [5]), такъ что, по его мнѣнію, изученіе литературы можетъ переродить исторію, ибо заключающіяся въ словесности мысли и чувства—факты первостепенной важности [6]). Конечно, такой историкъ, какъ Вайцъ, долженъ ужаснуться, читая слѣдующія слова Тэна: «я охотно отдалъ бы пятьдесятъ томовъ хартій и сто томовъ дипломатическихъ документовъ за мемуары Челлини, посланія ап. Павла, застольныя рѣчи Лютера и комедіи Аристофана» [7]), но такое заявленіе только логическій выводъ изъ основного взгляда Тэна. Но искусство можно изучать и не такъ, какъ это дѣлаетъ Тэнъ, не усматривать за художественными произведеніями тѣхъ людей, которые были ихъ творцами или ихъ почитателями, а такъ, какъ изучаютъ часто археологи и какъ нерѣдко готовы относиться къ своему предмету историки. Такой взглядъ проявляется, напр., по временамъ у извѣстнаго историка средневѣковаго Рима *Грегоровіуса*. Авторъ самъ объясняетъ мотивы, которые заставили его приняться за капитальную *Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter*: «когда, говоритъ онъ, шесть лѣтъ тому назадъ, я впервые созерцалъ этотъ отразившій на себѣ два міра Римъ, я до такой степени былъ имъ пораженъ, что рѣшился написать исторію паденія города, которая для меня сдѣлалась предметомъ предпочтительно передъ другими заслуживающимъ историческаго изслѣдованія» [8]). Грегоровіусъ слѣдитъ за судьбой города, его улицъ, пло-

---

[4]) *Тэнъ*. Философія искусства и объ идеалѣ въ искусствѣ. Переводъ Чудинова. Воронежъ. 1869 г., стр. 33.

[5]) *Taine*. Histoire de la littérature anglaise. Paris. 1863. I, introd. XLIII.

[6]) *Ibid*. I, introd. III—IV.

[7]) *Ibid*. I, intr. XLV.

[8]) *Gregorovius*. Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. Stuttgart. 1859. I, 14—15.

щадей, зданій, памятниковъ, и она для него имѣетъ такое же значеніе, какъ и судьба римскихъ городскихъ учрежденій, и совсѣмъ почти заслоняетъ исторію его жителей, въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаетъ Тэнъ. Иногда въ самыхъ незначительныхъ мелочахъ проглядываетъ принадлежность Грегоровіуса къ цеху археологовъ: упоминая [9]), наприм., что при папѣ Стефанѣ V (въ IX в.) былъ еще цѣлъ золотой крестъ, пожертвованный нѣкогда Велизаріемъ въ храмъ св. Петра въ благодарность за одну побѣду, Грегоровіусъ объявляетъ, что неожиданное извѣстіе объ этомъ крестѣ послѣ столькихъ вѣковъ даже поразило и обрадовало его (und dessen plötzliche Erwähnung nach so langen Jahrhunderten uns überrascht und erfreut). Есть, наконецъ, цехъ ученыхъ, которые смотрятъ на исторію съ нѣсколько своеобразной точки зрѣнія, которую они именуютъ исторической par excellence, но которая заслуживаетъ названіе лѣтописной: это чистые историки, считающіе грѣхомъ залѣзать въ чужія области, видящіе задачу своей профессіи въ томъ, чтобы смотрѣть на прошлое съ узко-исторической точки зрѣнія: къ области науки у нихъ относится лишь осязательный фактъ, происшествіе, событіе. Такъ, въ третьемъ томѣ лѣтописной *Geschichte Roms Петера*, въ которомъ на 620 страницъ, разсказывающихъ о времени, протекшемъ отъ Августа до смерти Марка Аврелія, приходится лишь одна страница, посвященная праву и юриспруденціи,—мы читаемъ такое разсужденіе автора: «касательно управленія провинціями въ частности мы имѣемъ въ упомянутой перепискѣ императора съ младшимъ Пливіемъ еще источникъ, изъ котораго мы не можемъ заимствовать почти никакихъ фактовъ историческаго значенія (zwar keine Thatsachen geschichtlicher Bedeutung), но одно общее впечатлѣніе вида и способа провинціальнаго правленія» [10]). Что съ этой точки зрѣнія цеха лѣтописцевъ заслуживаетъ названія исторіи, прекрасно выражено *Бёньо* въ *Histoire de la destruction du paganisme en Occident.* Именно по поводу сдѣланнаго имъ самимъ раздѣленія исторіи разрушенія язычества на два періода, изъ коихъ въ первомъ преобладала борьба въ области философіи, а во второмъ эта борьба велась уже матеріальными средствами,—онъ замѣчаетъ: «отсюда явствуетъ, что писатель, который станетъ изслѣдовать первую часть предмета, напишетъ сочиненіе, въ коемъ идеи будутъ играть болѣе важную роль, чѣмъ факты,—и что, наоборотъ, тотъ, кто будетъ изучать вторую, напишетъ трудъ, въ которомъ факты будутъ господствовать надъ идеями, т.-е. трудъ историческій» [11]). Это — тоже особая

[9]) *Ibid.* 1860. III, 230.

[10]) *Peter.* Geschichte Roms. Halle. 1871. III, 525.

[11]) *Beugnot.* Hist. de la destruction du paganisme en Occident. Paris. 1835. I, préface, p. IV.

точка зрѣнія людей, полагающихъ, что вся суть дѣла въ матеріальномъ фактѣ, происшествіи, событіи, удобномъ для занесенія въ лѣтопись: у нихъ такое же пристрастіе къ явленіямъ извѣстнаго рода, какъ у другихъ къ явленіямъ другого рода.

Но не стóитъ болѣе накоплять примѣровъ. Мысль понятна сама по себѣ: мы созерцаемъ общественную жизнь черезъ призму нашей субъективности, весьма различно въ различныхъ случаяхъ опредѣляемой средой, въ которой мы воспитались и дѣйствуемъ, профессіей, къ которой мы принадлежимъ. Само собою разумѣется, что наука не должна зависѣть отъ подобныхъ опредѣленій: она должна давать такую истину, которая была бы выше всего этого, которая признавалась бы за таковую всегда и вездѣ, чего не можетъ дать ни пристрастная, ни односторонняя точка зрѣнія. Выводъ отсюда одинъ: нужно устранять вліяніе среды, нужно освобождаться отъ тѣхъ опредѣляющихъ субъективность вліяній, которыя препятствуютъ объективному познанію. Въ этомъ смыслѣ объективизмъ есть высочайшій идеалъ научности.

Но если идти до конца въ этомъ обнаженіи познающаго субъекта отъ всякихъ случайныхъ опредѣленій, то мы можемъ получить нѣчто въ дѣйствительности невозможное, т.-е. личность ничѣмъ неопредѣляемую. Такихъ личностей не бываетъ, а тѣ, которыя наиболѣе подходятъ къ такому неопредѣленному типу, заслуживаютъ нелестный эпитетъ безличныхъ, и за ними, конечно, никто не станетъ признавать высокихъ ученыхъ достоинствъ въ соціологіи: въ общей экономіи науки и онѣ могутъ быть полезными, но именно только въ тѣхъ ея сферахъ, которыя довольствуются безличнымъ къ нимъ отношеніемъ. Устранять субъективные элементы изъ науки необходимо, однако не только въ какой степени это возможно, но и въ какой мѣрѣ это нужно, дабы не требовать полнаго ad majorem scientiae gloriam обезличенія, вреднаго для самой науки и въ сущности невозможнаго, ибо самое безличіе есть не что иное, какъ очень крупная односторонность, ограниченность, т.-е. опять-таки нѣкоторое, хотя и отрицательное, опредѣленіе субъекта. Не должно полагать, что этотъ видъ субъективнаго отношенія (индифферентизмъ) тождественъ съ тѣмъ объективизмомъ, съ которымъ мы изучаемъ математику, астрономію, физику etc. Тамъ быть не можетъ иного отношенія, и индифферентизмъ тамъ нисколько не опредѣляетъ личности изслѣдователя, какъ это бываетъ, наприм., для людей, занимающихся исторіей: здѣсь, въ соціальныхъ наукахъ, опредѣленіе *индифферентный* имѣетъ такую же силу, какъ католическій, консервативный, славянофильскій, либеральный и т. п.

Признавая весь вредъ вліянія на науку случайныхъ опредѣленій личности изслѣдователя, мы требуемъ объективизма въ смыслѣ такого

изученія предмета, которое не подвергалось бы дѣйствію пристрастія, не совершалось бы съ односторонней точки зрѣнія и не страдало бы отъ неспособности изслѣдователя понять предметъ, какъ онъ есть. Но не должны-ли мы въ такомъ случаѣ заявить требованіе крайняго объективизма, т.-е. такого, какой бываетъ въ естествознаніи?

Будь крайній объективизмъ возможенъ въ соціальной наукѣ, намъ пришлось бы не только лишить субъектъ всѣхъ его опредѣленій, но обобрать и изучаемый предметъ по отношенію ко многимъ его реальнымъ качествамъ. Я позволяю себѣ сравненіе изъ области положительныхъ наукъ, чтобы уяснить свою мысль: существуютъ нѣкоторыя индивидуальныя особенности, которыя мѣшаютъ астрономамъ въ ихъ наблюденіяхъ; астрономы поступаютъ весьма основательно, принимая въ расчетъ эти особенности и устраняя ихъ вліяніе: соціологъ только подражаетъ астроному, когда освобождаетъ науку отъ того субъективнаго элемента, который мы только-что разсмотрѣли. Оба, повторяю, поступаютъ разумно, но можетъ быть и неразумный поступокъ. Извѣстно, напр., что звукъ есть субъективное ощущеніе, производимое на органъ слуха волнообразнымъ колебаніемъ воздуха. Упрямо отрицать существованіе этого ощущенія *sui generis*, упрямо твердить, что тѣла не звучатъ, а только производятъ извѣстнаго рода колебаніе воздуха, значило бы лишить тѣла одного изъ ихъ качествъ, такъ сказать, обобрать предметъ. Намъ данъ предметъ, данъ фактъ, дано явленіе, мы должны изучать его со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ его проявленіяхъ, а къ числу ихъ относится дѣйствіе предмета, факта, явленія на насъ: пусть воздухъ колеблется волнообразно *an und für sich*, для насъ эти колебанія въ извѣстныхъ предѣлахъ имѣютъ еще значеніе звука, и мы должны принимать это въ расчетъ, поскольку сами не глухи и пишемъ физическіе трактаты не для глухихъ людей: выкинуть изъ физики главу о звукѣ возможно только было бы, если бы мы были неспособны слышать звуки. Слѣдуетъ-ли дѣлать исключеніе для соціальнаго факта? Можно-ли отбросить при его изученіи его субъективную сторону, буде онъ ее имѣетъ? Вотъ вопросъ, который мы должны разрѣшить въ томъ смыслѣ, что права на это мы не имѣемъ. Самый принципъ научнаго объективизма требуетъ, чтобы предметъ изучался со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ проявленіяхъ, и разъ мы найдемъ субъективную сторону въ соціальныхъ фактахъ, мы не можемъ не допустить субъективнаго элемента въ соціологію. Вотъ почему именно.

Соціальное явленіе можетъ дѣйствовать на насъ, и дѣйствія его игнорировать мы не въ правѣ. Но дѣйствіе на насъ явленій, внѣ насъ совершающихся, бываетъ двоякое: въ однихъ случаяхъ въ умѣ нашемъ они отражаются подобно тому, какъ отражаются разные предметы въ

зеркалѣ, которое остается тѣмъ же, какимъ было и до того времени, когда явились передъ нимъ отразившіеся въ немъ предметы; но есть случай, когда на насъ явленіе дѣйствуетъ подобно звучащей струнѣ, помѣщенной въ сосѣдствѣ съ другою струною, способною зазвучать въ согласіе первой. Соціальныя явленія могутъ представлять именно случай второгорода: мы должны ихъ понимать тогда нѣсколько иначе, нежели явленія изъ области физики. *Понимать* въ примѣненіи къ извѣстной категоріи явленій значитъ не только уловить ихъ внѣшнюю связь: кромѣ внѣшнихъ отношеній, намъ дается здѣсь еще внутренній смыслъ явленія и притомъ не въ значеніи какой-либо метафизической сущности, а въ значеніи факта совершенно реальнаго, какъ реаленъ всякій фактъ внутренняго опыта. Чтó значитъ, наприм., понять радость, горе? Что разумѣетъ человѣкъ, когда говоритъ: «поймите мое горе» или «я не понимаю его радости». Понимать здѣсь значитъ переживать чужой внутренній опытъ, уловлять его внутреннюю связь съ вызвавшей его причиной,—словомъ, стоять на чужой точкѣ зрѣнія, раздѣлять чужія радость и горе. Понять поступокъ человѣка значитъ также стать на его мѣсто, войти въ его положеніе, раздѣлить сознательные или безсознательные мотивы его поступка, т.-е., опять-таки, уловить внутреннюю связь поступка съ мотивомъ. Такой-то убилъ такого-то изъ чувства ревности: намъ этотъ фактъ еще непонятенъ, если мы знаемъ только чисто внѣшнимъ образомъ, что такіе-то факты бываютъ причиною такихъ-то преступленій; но онъ дѣлается понятенъ, когда мы такъ съумѣемъ стать на точку зрѣнія убійцы, что намъ дѣлается совершенно яснымъ, какая внутренняя связь существуетъ между убійствомъ и ревностью. Только тотъ юристъ пойметъ преступленіе во всемъ его составѣ, который съумѣетъ проникнуть въ душу преступника, и мы говоримъ, что прокуроръ или защитникъ лучше понялъ дѣло, чѣмъ его противникъ, именно потому, кто лучше съумѣлъ выяснить внутреннюю связь преступленія съ его мотивомъ. Словомъ, разъ изучаемыя нами явленія суть человѣческія мысли, чувства, желанія и дѣйствія, то понять ихъ мы можемъ лишь подъ условіемъ, если сами переживемъ внутреннее состояніе личности, чтó невозможно безъ личнаго отношенія къ ней, какъ къ таковой, мысли, чувства, желанія и дѣйствія которой мы признаемъ основательными и ихъ оправдываемъ, или какъ къ таковой, которая находитъ у насъ осужденіе. Такова именно способность историковъ-художниковъ, которые изучаютъ личность не только объективно во внѣшнихъ проявленіяхъ ея поступковъ, но возсоздаютъ ее, какъ характеръ на основаніи дѣйствія, производимаго на ихъ *я* ея нравственной физіономіей.

Но это не все: художественное творчество удѣлъ немногихъ и, со-

гласенъ, не всегда безопасно для исторической истины, но я и имѣю въ виду здѣсь вообще пониманіе людскихъ дѣйствій, возможное только на почвѣ внутренняго опыта. Этимъ, однако, далеко не исчерпываются всѣ особенности пониманія соціальныхъ явленій. Понять—значитъ опредѣлить и внѣшнія отношенія одного феномена къ другимъ, роль его въ общей системѣ явленій, другими словами, оцѣнить значеніе его, какъ фактора въ произведеніи новыхъ феноменовъ. Возьмемъ какой-нибудь историческій фактъ, которому мы приписываемъ важное значеніе, и посмотримъ, какія у насъ существуютъ мѣрки для того, чтобы признавать его важнымъ. Прежде всего, конечно, мѣрка объективно-количественная: чѣмъ бо́льшую сферу захватило явленіе, чѣмъ больше оставило послѣдствій, чѣмъ дольше чувствовалось его вліяніе, тѣмъ болѣе мы приписываемъ ему важности. Но у насъ есть и другая мѣрка, субъективно-качественная, поскольку тотъ или другой соціальный фактъ соприкасается съ областью того, что называется идеалами. Мы смотримъ не на одни внѣшніе размѣры факта, но и на его внутренній смыслъ; опредѣляемъ отношеніе его къ другимъ фактамъ не по одному количеству, но и по качеству его вліянія. На почвѣ такой оцѣнки у насъ являются понятія прогрессивнаго и регрессивнаго, и замѣчательно, что въ исторической наукѣ все болѣе и болѣе утверждается склонность къ изслѣдованію такихъ явленій, которымъ приписывается важность въ субъективномъ смыслѣ предпочтительно передъ такими, которые поражаютъ своими внѣшними размѣрами, будутъ-ли то войны Тамерлана или Наполеона, хотя важность тѣхъ и другихъ и неоспорима для исторіи двухъ частей Свѣта. Само собою разумѣется, что при такой постановкѣ предмета должно сказаться вліяніе субъективизма перваго рода, поскольку наши идеалы составляютъ тоже случайныя опредѣленія нашей личности, но въ самомъ предметѣ есть такая сторона, которая можетъ содѣйствовать тому, что оцѣнка соціальнаго факта съ точки зрѣнія нашихъ идеаловъ не будетъ страдать ни исключительностью, ни односторонностью, ни ограниченностью: я говорю о той субъективной оцѣнкѣ соціальныхъ фактовъ, которая дѣлается другими, которая и для насъ, какъ тоже реальный фактъ, становится предметомъ изученія. Вотъ въ чемъ именно дѣло.

Вся общественная жизнь, вся исторія представляютъ изъ себя продуктъ совокупной сознательной или безсознательной дѣятельности личностей; каждый изъ насъ своею дѣятельностью направляетъ общество въ ту или другую сторону и, такимъ образомъ, въ томъ или иномъ смыслѣ дѣлаетъ исторію; вслѣдствіе этого каждый нашъ поступокъ, поскольку онъ касается общества, есть соціальный фактъ, будь то даже простое уклоненіе отъ той или другой въ частности или всякой вообще обще-

ственной дѣятельности. Предположеніе, что можно жить въ обществѣ, не совершая дѣяній общественнаго характера, равносильно непониманію сущности соціальной жизни: наоборотъ, пониманіе даннаго общественнаго состоянія немыслимо безъ субъективной его оцѣнки, результатомъ коей является извѣстное представленіе о томъ, какія желательны были бы перемѣны въ данномъ statu quo, — представленіе, ложащееся въ основу всего нашего общественнаго поведенія. Эта оцѣнка существовала всегда и вездѣ, и понять данные въ дѣйствительности соціальные факты мы можемъ вполнѣ только въ томъ случаѣ, если будемъ знать не одни взаимныя ихъ отношенія, но и то дѣйствіе, которое они производили на современниковъ и которое выразилось въ ихъ субъективной оцѣнкѣ этихъ фактовъ. Возьмемъ, наприм., исторію какого-либо учрежденія и посмотримъ, въ чемъ тутъ можетъ заключаться задача лица, берущагося за ея изученіе. Возможно, во-первыхъ, изслѣдовать происхожденіе учрежденія, элементы, изъ которыхъ оно сложилось, и отношеніе его къ старымъ, ранѣе его возникшимъ учрежденіямъ: весьма часто этимъ и ограничиваетъ свою задачу историкъ, воображая, что взятое имъ учрежденіе есть нѣчто довлѣющее самому себѣ. Но можно, во-вторыхъ, памятуя, что главный факторъ, создающій исторію и какія-угодно учрежденія, есть личность,—можно не ограничиться указанными внѣшними отношеніими, а показать, какъ возникло учрежденіе изъ потребностей извѣстной совокупности личностей, насколько онѣ были имъ удовлетворены, какое вліяніе произвело оно на другія, а слѣдовательно, какую оцѣнку ему дѣлали отдѣльныя личности соціальныхъ группъ. Равнымъ образомъ исторія любого соціальнаго союза будетъ неполна, если мы будемъ игнорировать, какъ субъективно воспринимали члены этого союза дѣйствіе на нихъ данной формы общежитія. Мнѣ кажется, что коренною ошибкою извѣстнаго направленія политической экономіи является именно подобное игнорированіе субъективной оцѣнки данныхъ формъ экономическаго быта со стороны заинтересованныхъ: намъ показываютъ, что такъ-то происходитъ въ извѣстномъ обществѣ производство, такъ-то дѣлается распредѣленіе, такъ-то совершается обмѣнъ богатствъ,—все это—обобщенія реальныхъ фактовъ, но не всѣхъ, ибо субъективная оцѣнка даннаго строя, дѣлаемая производящими, раздѣляющими между собою и обмѣнивающими другъ съ другомъ богатства, есть также реальный фактъ, подлежащій вѣдѣнію науки. И нужно замѣтить, что это фактъ не маловажный какой-нибудь, а первостепенной важности: если совокупная дѣятельность личностей создаетъ формы, и послѣднія такимъ образомъ, какъ замѣчено выше, существуютъ не сами по себѣ, то, съ другой стороны, можно сказать, что и не для самихъ себя: не можетъ не быть поэтому важнымъ вопросъ, насколько онѣ

удовлетворяютъ своему назначенію—служить потребностямъ отдѣльныхъ личностей. Лучшій отвѣтъ на этотъ вопросъ могутъ дать сами заинтересованные, какъ бы ни была далека отъ строгой научности оцѣнка, сдѣланная ими. Во всякомъ же случаѣ она—фактъ. Можетъ-ли изслѣдователь его игнорировать? А если нѣтъ, что́ разумѣется само собою, ему и приходится становиться на точку зрѣнія тѣхъ, которые имѣли или имѣютъ дѣло непосредственно съ изучаемыми имъ фактами. Такъ какъ въ этомъ отношеніи можетъ быть разногласіе, то является необходимость разобрать, кто правъ, кто ошибается. Вѣдь весьма не похожи были одна на другую тѣ оцѣнки status quo, которыя дѣлали разныя сословія во Франціи, передъ великой революціей, и не можетъ же историкъ не показать, кто правѣе, и тѣмъ самымъ не раздѣлить взглядовъ одной общественной группы предпочтительно передъ взглядами другихъ: если, съ одной стороны, тутъ невольно выскажутся общія убѣжденія автора, то, съ другой, его представленіе не будетъ дѣломъ субъективнаго произвола, ибо будетъ опираться на такую оцѣнку, которая сдѣлана не имъ, а людьми непосредственно знавшими, такъ сказать, по собственному опыту изучаемую имъ эпоху, т.-е. будетъ основана на субъективной сторонѣ самаго факта. Такъ какъ, наконецъ, современники не всегда умѣли формулировать свою оцѣнку, нерѣдко ошибались въ обозначеніи мотивовъ такой оцѣнки, или поскольку въ ней могли быть односторонности,—является необходимость внести поправку въ эту оцѣнку. Но тѣмъ самымъ дѣлается собственная субъективная оцѣнка, покоящаяся, правда, на фактахъ, данныхъ извнѣ, но тѣмъ не менѣе субъективная, какъ скоро вполнѣ или частью мы становимся на субъективную точку зрѣнія одного или нѣсколькихъ общественныхъ классовъ. Въ томъ-то и состоитъ полное пониманіе даннаго общественнаго строя, чтобы, сверхъ всего остального, знать, насколько онъ удовлетворялъ или удовлетворяетъ тѣхъ людей, которые въ немъ жили и живутъ. А при этомъ невозможно обойтись безъ оцѣнки дѣятельности тѣхъ личностей, которыя старались его поддержать или измѣнить его. Мало здѣсь одной мѣрки—результатовъ ихъ дѣятельности, тѣмъ болѣе, что грандіозные результаты оставляли очень часто люди, дѣйствовавшіе какъ разъ въ разрѣзъ съ потребностями своего времени, не понимавшіе, въ какомъ направленіи ихъ современники, сознательно или безсознательно, стремятся измѣнить данный порядокъ вещей, и потому представлявшіе изъ себя людей, такъ сказать, случайно попавшихъ не въ свой вѣкъ: нужна и другая мѣрка—оцѣнка по внутреннимъ качествамъ личности, оправданіе или порицаніе его дѣятельности, какъ основанной на вѣрномъ или ложномъ пониманіи современнаго соціальнаго строя.

Итакъ, сами соціальныя явленія заключаютъ въ себѣ такой эле-

ментъ, который требуетъ субъективнаго къ себѣ отношенія, чтобы быть понятымъ. Прежде всего это—внутренній міръ человѣческихъ личностей, совокупность которыхъ создаетъ общественную жизнь и двигаетъ исторію: понять этотъ источникъ соціальной жизни значитъ въ большей или меньшей мѣрѣ проникнуться настроеніемъ, господствующимъ въ этомъ мірѣ въ каждомъ данномъ случаѣ, отнестись къ нему субъективно. Во—вторыхъ, соціальный фактъ такъ или иначе соприкасается съ областью нашихъ философскихъ убѣжденій, моральныхъ правилъ, общественныхъ идеаловъ, и если пристрастіе—грѣхъ противъ науки, а безпристрастіе—научная добродѣтель, то безстрастіе или, вѣрнѣе, апатію нельзя причислить къ добродѣтелямъ. Въ самомъ дѣлѣ, если объективизмъ мы должны понимать въ смыслѣ безстрастія, апатіи, индифферентизма, то онъ возможенъ только при возведеніи въ догматъ двухъ положеній, которыя составляютъ, однако, два заблужденія: во-первыхъ, крайній объективистъ, не проникая въ мотивы человѣческой дѣятельности, которые можно познать лишь субъективно, долженъ смотрѣть на соціальные факты, какъ на существующіе независимо отъ людской дѣятельности; во—вторыхъ, онъ, игнорируя оцѣнку соціальныхъ фактовъ, производимую личностями и требующую субъективнаго къ себѣ отношенія, долженъ смотрѣть на эти факты, какъ на неоказывающіе никакого вліянія на судьбу отдѣльныхъ людей. Если мы не хотимъ устранить изъ соціологіи такой стороны общественныхъ явленій, какъ внутреннее настроеніе слагающихся въ общества и живущихъ въ исторіи индивидуумовъ, и такой, какой является производимая ими оцѣнка общественныхъ формъ и хода исторіи, то мы не можемъ, повторяю, не относиться субъективно къ общественнымъ явленіямъ: понять чужое душевное настроеніе значитъ его раздѣлить, а этого нельзя сдѣлать, не проникшись къ нему сочувствіемъ и несочувствіемъ; равнымъ образомъ, показать основательность или неосновательность чужой оцѣнки соціальныхъ фактовъ значитъ ее принять или ей противопоставить свою. Такимъ образомъ соціальный фактъ вызываетъ насъ *необходимо* на субъективное къ себѣ отношеніе даже тогда, когда мы не находимся *случайно* въ особомъ къ нему отношеніи, какъ члены извѣстной общественной группы, представители извѣстнаго направленія.

Пора подвести итоги. Идя съ одной стороны, мы видѣли необходимость устраненія субъективнаго элемента изъ области соціальныхъ наукъ, но, идя съ другой, мы нашли, что полное его устраненіе немыслимо въ интересахъ правильнаго пониманія самой же науки. Но гдѣ та точка, на которой нужно остановиться и шествовать дальше которой въ одномъ направленіи равносильно признанію въ наукѣ ненаучныхъ элементовъ апологіи, панегирика, полемики, памфлета, а шествовать въ другомъ—

значило бы не видѣть въ соціальномъ фактѣ всего того, что въ немъ заключается на самомъ дѣлѣ.

Я не даромъ съ самаго начала сдѣлалъ различеніе субъективизма двоякаго рода. Первый, принимающій форму пристрастія, односторонностей, ограниченности, является результатомъ принадлежности изслѣдователя къ извѣстному общественному союзу, къ извѣстному цеху: тутъ изслѣдователь смотритъ на фактъ съ исключительной точки зрѣнія союза, цеха, не какъ самостоятельный свободный мыслитель, а какъ членъ извѣстной группы, дѣятель извѣстной профессіи; для лицъ, принадлежащихъ къ другимъ союзамъ, цехамъ, его точка зрѣнія не имѣетъ силы, у нихъ свои особыя точки зрѣнія: такъ возникаютъ исключительныя теоріи, принятыя здѣсь, отвергнутыя тамъ, и если подъ субъективнымъ разумѣть все *личное*, то его-то здѣсь меньше всего: въ такихъ исключительныхъ теоріяхъ рисуется не *я* автора, а физіономія извѣстнаго общественнаго аггрегата, костью отъ костей котораго и плотью отъ плоти является авторъ. За этимъ грубо-пристрастнымъ субъективизмомъ слѣдуетъ болѣе тонкій, состоящій въ исключительномъ пристрастіи къ тѣмъ или другимъ формамъ общенія, къ тѣмъ или другимъ соціальнымъ фактамъ; есть историки, политики, соціологи, экономисты, юристы, которые все многообразіе человѣческихъ союзовъ и соціальныхъ фактовъ оцѣниваютъ съ точки зрѣнія излюбленныхъ принциповъ, будто національность, напр., или государство, или право, или богатство и т. д.— конечный предѣлъ всѣхъ стремленій, по отношенію къ которому другіе союзы общественные и отдѣльные индивидуумы, а также всѣ иныя проявленія общежитія—только служебные члены, не имѣющіе самостоятельнаго значенія. И тутъ изслѣдователь смотритъ на вещь не своими глазами, какъ человѣка, а съ точки зрѣнія нѣкотораго отвлеченнаго цѣлаго: здѣсь онъ выступаетъ не какъ человѣческая личность, а какъ органъ нѣкоего высшаго организма. Понятно, что такой «глазъ государства» увидитъ тамъ одно, гдѣ совсѣмъ другое увидитъ какое-нибудь «око цивилизаціи»; понятно, что то, что для націоналиста жизненный нервъ общества, для экономиста вещь безразличная, и въ чемъ государство полагаетъ свою самобытность, то цивилистъ можетъ, пожалуй, разсматривать, какъ только условіе, необходимое для защиты частно-правового порядка.

Гдѣ же, однако, искать нормальнаго субъективизма, если не полагать его въ точкахъ зрѣнія нѣмца или француза, католика или протестанта, феодала или буржуа, метафизика или позитивиста, общественнаго дѣятеля или кабинетнаго ученаго, націоналиста или экономиста, государственника или юриста? Я думаю, что просто въ человѣческой личности изслѣдователя, какъ таковой, т.-е. освобожденной

отъ указанныхъ случайныхъ опредѣленій. Первый шагъ для этого освобожденія заключается въ устраненіи вліянія тѣхъ соціальныхъ союзовъ, къ которымъ принадлежитъ соціологъ: каждый союзъ, нація, государство, сословіе и т. п., соединяя воедино однихъ людей, въ то же время отдѣляетъ ихъ отъ другихъ рѣзкими гранями, отличающими одну національную, политическую, общественную группу отъ другой подобной же группы,—и тѣмъ самымъ порождаетъ взаимное непониманіе между членами разныхъ группъ, какъ скоро субъективный элементъ въ наукѣ опредѣляется именно этими различіями. Далѣе, освободившись отъ пристрастій этого рода, необходимо за главный объектъ, за верховный принципъ соціальной науки признать не ту или другую соціальную форму (напр., государство), не тотъ или другой продуктъ человѣческой дѣятельности (богатство, науку), въ чемъ не всѣ могутъ согласиться, а человѣческую личность, посредствомъ и для которой существуетъ все изучаемое въ соціологіи,—словомъ, *человѣка въ обществѣ и исторіи.* Другими словами, соціологъ долженъ выступить прежде всего, какъ человѣческая личность, свободная отъ всякихъ пристрастій, навязанныхъ ей той или другой соціальной группой, и— что еще важнѣе—свободная отъ произвольнаго возведенія въ принципъ одного какого-либо соціальнаго явленія, возникшаго на почвѣ совокупной дѣятельности человѣческихъ личностей; тогда главнымъ предметомъ его изученія должна сдѣлаться личность, сознающая разныя формы общенія и испытывающая на себѣ вліяніе этихъ формъ, личность мыслящая, чувствующая, желающая и тѣмъ самымъ требующая, чтобы быть понятой, симпатичнаго, а не апатичнаго къ себѣ отношенія. Выборъ ея въ главный объектъ соціологіи не произволенъ: это — самое реальное существо, подлежащее вѣдѣнію соціолога; только безличный изслѣдователь и въ такомъ предметѣ изслѣдованія увидитъ нѣчто безличное, не нуждающееся въ личномъ къ себѣ отношеніи. И гдѣ элементы, понятные всѣмъ, какъ не въ общечеловѣческой наукѣ, не въ общемъ развитіи личности, которыя всегда находили враговъ въ исключительныхъ общественныхъ союзахъ и во всепоглощающихъ формахъ общенія? Объ этихъ-то элементахъ именно говоритъ Мицкевичъ, характеризуя историческое преподаваніе своего учителя по виленскому университету Лелевеля, въ прекрасныхъ стихахъ, которые я выбралъ въ motto къ моей статьѣ.

Я началъ съ общей характеристики метафизической соціологіи. Да позволено мнѣ будетъ указать на тотъ шагъ, который нашимъ наукамъ необходимо сдѣлать, чтобы стать вполнѣ позитивными. Именно я думаю, что доктрины, въ которыхъ за нѣкоторое πρῶτον берется не личность человѣческая, а государства, цивилизаціи, какъ существую-

щія an und für sich, не могутъ быть названы позитивными, ибо признаютъ существованіе такихъ абстракцій, какъ государство, наука и т. д. an und für sich. Позитивизмъ долженъ начинать съ простого и реальнаго: такова человѣческая индивидуальность. Прогрессивное движеніе общественной науки идетъ именно въ этомъ направленіи. Исторія тщательнѣе стала слѣдить за судьбою личности, какъ таковой: здѣсь возникло цѣлое направленіе культурное, начали изучать жизнь общества и массъ. Политическіе писатели занялись опредѣленіемъ правъ личности въ государствѣ. Политическая экономія, начавшая съ положенія, что каждая отдѣльная личность желаетъ богатства, позабыла-было совсѣмъ ея судьбу въ производствѣ національнаго богатства, но и въ этой наукѣ происходитъ реакція, и богатству, находящемуся въ общемъ фиктивномъ сундукѣ націи, противопоставляютъ богатство реально лежащее въ карманахъ отдѣльныхъ личностей. Даже въ той области соціологіи, которая, по признанію самихъ лицъ, научно ею занимающихся, отстала отъ другихъ отраслей, какъ позитивная наука, въ юриспруденціи [12]) приходятъ къ признанію того, что право есть продуктъ дѣятельности отдѣльныхъ личностей, создающихъ его для удовлетворенія своихъ интересовъ, а не самостоятельный, самобытный объектъ, представляющій изъ себя проявленіе нѣкоего естественнаго закона, существующаго *an und für sich*, вообще не готовое нѣчто, изначала вложенное въ національный духъ и имъ осуществляемое въ исторіи. Такого права, которое существовало бы не чрезъ внѣ и не для совокупности отдѣльныхъ личностей, нѣтъ, какъ нѣтъ такого государства, такой цивилизаціи и т. п. Говоря объ этомъ поворотѣ въ юриспруденціи, я имѣю въ виду, наприм., теорію Іеринга въ его «Der Kampf um's Recht», въ которой проф. Муромцевъ справедливо обнаруживаетъ начало позитивнаго направленія [13]). Все существуетъ черезъ личность, въ ней и для нея: сами по себѣ не существуютъ ни право, ни общество, ни государство; они не могутъ ни мыслить, ни хотѣть, ни чувствовать, ни рѣшаться, ни претерпѣвать что-либо, когда въ нихъ производятъ измѣненія, но мыслящая, чувствующая и желающая личность сама испытываетъ отъ нихъ то или другое, и, повторяю, мотивы, которые заставляютъ ее создавать право, общество, государство, равно какъ оцѣнка его вліянія ихъ на нее, не могутъ не быть предметомъ субъективнаго отношенія.

Противъ указываемой мною тенденціи отдѣльныхъ отраслей соціологіи обращаться къ личности, какъ альфѣ и омегѣ науки, мнѣ, я ожи-

---

[12]) Опредѣленіе и основное раздѣленіе права, проф. *Муромцева*. М. 1879 г., стр. 13.

[13]) *Ibid.* 27—30.

даю, укажутъ на успѣхъ Спенсера съ его ученіемъ объ обществѣ, какъ организмѣ [14]). Соціологія, наука объ обществѣ, есть, слѣдовательно, наука объ общественномъ организмѣ. Точка зрѣнія Спенсера вполнѣ законна, ибо дѣйствительно въ обществѣ есть органическій элементъ [15]), но самъ же Спенсеръ выставляетъ при этомъ еще такое соображеніе, которое, по его собственнымъ словамъ [16]), должно считаться отклоненіемъ отъ аргументаціи въ пользу отождествленія общества и организма. Онъ замѣчаетъ именно между ними контрастъ, «имѣющій,—говоритъ онъ,—очень знаменательный смыслъ и вліяющій основнымъ образомъ на нашу идею относительно той цѣли, къ осуществленію которой должна стремиться общественная жизнь». Контрастъ этотъ—отсутствіе «соціальнаго чувствилища» (social sensorium)—чувствуетъ не общество, а отдѣльныя единицы. «Слѣдуетъ всегда помнить, говоритъ Спенсеръ, — на дѣлѣ однако не рѣдко забывая эти слова,—слѣдуетъ всегда помнить, что какъ бы ни были велики усилія, направленныя къ благосостоянію политическаго аггрегата, всѣ притязанія этого политическаго аггрегата сами по себѣ *суть ничто*, и что они становятся чѣмъ-нибудь лишь въ той мѣрѣ, въ какой они воплощаютъ въ себѣ притязанія составляющихъ этотъ аггрегатъ единицъ» [17]). Это именно то же, чтó утверждаю и я, и, какъ я старался доказать это прежде, мы, замѣчу мимоходомъ, дадимъ полное примѣненіе этой мысли, если будемъ переходить въ контовскомъ рядѣ наукъ не прямо отъ біологіи къ соціологіи, т.-е. отъ организмовъ животныхъ къ организмамъ общественнымъ, а чрезъ посредство психологіи индивидуальной и психологіи соціальной, ибо только на основѣ явленій, изучаемыхъ второю изъ нихъ, возможно явленіе соціальнаго организма [18]). Тогда и общества не будутъ казаться такими же организмами, каковы животныя, существующія, какъ индивидуальныя единицы.

Такова общая постановка вопроса о субъективномъ элементѣ, допускающая разнообразіе частныхъ рѣшеній для отдѣльныхъ направленій и отраслей соціологическаго значенія. Дойти до этого предѣла и было моей задачей. Я ожидаю, даже предвижу по нѣкоторымъ пунктамъ возраженія, и былъ бы весьма доволенъ, если бы они могли послужить къ лучшему выясненію вопроса. Но я твердо думаю стоять на слѣдующемъ: сами защитники крайняго объективизма должны признать

---

[14]) См. также *Schaeffle*, Bau und Leben des socialen Körpers. Tübingen. 1875 *Espinas*. Les sociétés animales. 1879.

[15]) *Спенсеръ*. Основанія соціологіи. Спб. 1877, §§ 214—219.

[16]) *Ibid*. § 223.

[17]) *Ibid*. § 222.

[18]) См. мою статью «Наука о человѣчествѣ» въ журналѣ «Знаніе» за 1875 г., № 5.

что въ соціологіи необходимо возникаетъ субъективное отношеніе въ силу того, что живая личность изучаетъ здѣсь явленія, въ которыхъ дѣйствуютъ такія же, какъ она сама, личности, или которыя затрогиваютъ ихъ интересы; наоборотъ, сторонники субъективнаго элемента должны ограничиться только такимъ субъективизмомъ въ наукѣ и препятствовать, сколько возможно, проявленію всякаго другого.

Общество и организмъ.

(*Spencer*. The principles of Sociology.—*Lilienfeld*. Gedanken über die Socialwissenschaft der Zukunft.—*Schäffle*. Bau und Leben des socialen Körpers.—*Fouillée*. La science sociale contemporaine.—*Espinas*. Les sociétés animales).

I.

По тому названію, которое мы даемъ настоящей статьѣ, по заглавіямъ тѣхъ книгъ, которыя приведены нами выше, читатель видитъ, что мы поведемъ рѣчь о соціологической теоріи, разсматривающей *общество, какъ организмъ*. Какой бы гуманной вообще и соціальной въ частности наукой мы ни занимались, намъ приходится считаться съ этой теоріей, имѣющей стольких представителей въ Англіи и Россіи, во Франціи и Германіи среди людей, которые далеко не могутъ назваться принадлежащими къ одной школѣ: разсматривать общество, какъ организмъ, есть одна изъ тенденцій нашего времени, какъ въ XVIII вѣкѣ общая и наиболѣе характеристичная тенденція заключалась въ такъ называемой договорной теоріи. Одно это должно насъ заставить серьезно отнестись къ этому предмету, тѣмъ болѣе, что органисты ссылаются не только на вѣковую традицію въ пользу своей теоріи (вспомните, напр., побасенку, разсказанную Мененіемъ Агриппой римскимъ плебеямъ о ссорѣ членовъ человѣческаго тѣла), но, что еще важнѣе, ищутъ подкрѣпленія въ современной біологіи. Эта послѣдняя смотритъ именно на всякій индивидуальный организмъ, какъ на общество, состоящее изъ другихъ организмовъ низшаго порядка.

Организмъ есть общество, общество есть организмъ,—вотъ главный тезисъ, на которомъ сходятся біологія и разсматриваемое нами направленіе въ соціологіи. Политикъ, юристъ и экономистъ, психологъ и историкъ одинаково заинтересованы въ разрѣшеніи вопроса, насколько наука можетъ выиграть отъ принятія такого обобщенія за твердо-установленную истину. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, вы занимаетесь государствовѣдѣніемъ — вотъ вамъ теорія, которая объясняетъ вамъ, что такое государство; вы изучаете право, какъ одно изъ проявленій общественной жизни—вотъ вамъ теорія, научающая васъ видѣть прототипъ правовыхъ отношеній въ томъ, что происходитъ въ организмѣ; вы

изслѣдуете хозяйственную жизнь народовъ—вотъ вамъ теорія, которая находитъ эту жизнь въ ея элементарныхъ формахъ уже внутри единичнаго существа. Психологу доктрина тоже задаетъ задачу: если индивидуальная душа, какъ думаютъ нѣкоторые, состоитъ изъ массы «клѣточныхъ душъ», то изъ индивидуальныхъ душъ должна складываться душа цѣлаго общества, совершенно новый предметъ психологіи. Нечего говорить, что для историка, который въ наше время долженъ быть и психологомъ, и политикомъ, и юристомъ, и экономистомъ, и которымъ, въ свою очередь, долженъ быть каждый психологъ, политикъ, юристъ. экономистъ, равнымъ образомъ необходимо стать въ опредѣленныя отношенія къ новой доктринѣ, ведущей къ отождествленію процесса историческаго съ процессомъ біологическимъ. Можно сказать, что теперь это—коренной вопросъ соціологіи, отъ рѣшенія котораго зависитъ все ея будущее.

Если общество—организмъ, соціологія должна непосредственно примыкать къ біологіи въ іерархическомъ ряду основныхъ наукъ: человѣческое общество—только частный случай живого аггрегата, называемаго организмомъ. Это разъ.

Если общество—организмъ, изучаться оно должно по тѣмъ же категоріямъ, какъ и всякій другой организмъ: нужны будутъ поэтому разныя соціальныя анатоміи и физіологіи, соціальныя эмбріологіи и патологіи, вмѣсто теперешнихъ политики (въ смыслѣ государствовѣдѣнія), юриспруденціи и политической экономіи. Это два.

Если общество — организмъ, то оба подвергаются совершенно одинаковымъ законамъ эволюціи, и все, что историки должны сдѣлать для соціологіи, будетъ заключаться лишь въ иллюстраціи на примѣрахъ общихъ положеній органической школы. Это три.

Что же? Психологу приходится отказаться отъ своего мѣста между біологомъ и соціологомъ, перестать быть представителемъ самостоятельной основной науки и даже принять изъ рукъ органистовъ новый предметъ для изученія—соціальную душу. Представители отдѣльныхъ отраслей обществовѣдѣнія должны бросить выработанныя научной традиціей спеціальности и взяться за новыя, установленныя *a priori*, не столько изучая явленія общественной жизни во всемъ ихъ разнообразіи, чтобы отъ частныхъ, извѣстныхъ фактовъ подниматься до общихъ, неизвѣстныхъ законовъ, сколько справляясь у біологовъ, какъ происходитъ то-то и то-то въ индивидуальномъ организмѣ. Наконецъ, историкъ вынужденъ будетъ со всѣхъ сторонъ опутать себя біологическими аналогіями. Вотъ почему органисты не имѣютъ особеннаго успѣха среди спеціалистовъ разныхъ гуманныхъ и соціальныхъ наукъ. Но если органисты правы? Правы - ли они въ самомъ дѣлѣ, — вотъ вопросъ, кото-

рый мы предполагаемъ разрѣшить въ этомъ этюдѣ. Органисты напираютъ на аналогіи, мы обратимъ наше вниманіе на различія, которыя ими плохо видятся, мало принимаются въ расчетъ и недостаточно оцѣниваются.

II.

Принимаемъ всѣ аналогіи между обществомъ и организмомъ и не будемъ оспаривать ни одной. Обратимъ наше внименіе лучше на одни различія.

Первое, что въ этомъ отношеніи бросается въ глаза, есть то, что Спенсеръ назвалъ конкретностью организма и дискретностью общества: клѣточки, изъ которыхъ состоитъ первый, находятся въ матеріальной связи, которой нѣтъ между индивидуумами, составляющими общество. Отмѣчая это различіе, Спенсеръ не придаетъ ему особаго значенія, и совершенно напрасно. Мы думаемъ, что это различіе имѣетъ множество въ высшей степени важныхъ послѣдствій, и только подробный и обстоятельный трактатъ могъ бы выставить ихъ *всѣ*. Пока мы ограничимся только двумя. Во-первыхъ, если между членами общества нѣтъ такой матеріальной связи, какъ между клѣточками организма, есть все-таки нѣчто, что ихъ между собою связываетъ, и одинъ изъ органистовъ (Эспинасъ) указываетъ на это нѣчто, именно на психическую связь. Развивая мысль Эспинаса, мы должны признать, что не всѣ индивидуальные организмы могутъ образовать нѣкоторую высшую единицу: цѣлый лѣсъ деревьевъ не составляетъ органически цѣлаго; чтобы получилось такое цѣлое, нужна извѣстная связь между особями, которая можетъ быть либо матеріальной, либо духовной, и общество, какъ цѣлое, покоится именно на послѣдней связи. Разъ это такъ, мы не можемъ видѣть въ соціологіи, наукѣ объ обществѣ, простого продолженія біологіи: между ними должна помѣститься наука, которая объяснила бы намъ, какъ организмы доходятъ до развитой психической жизни и какъ психическое взаимодѣйствіе особей дѣлаетъ возможнымъ соединеніе ихъ въ высшую единицу, называемую обществомъ, а это одна изъ задачъ психологіи. Во-вторыхъ, общее сознаніе, единая душа у особи могутъ быть разсматриваемы, какъ результатъ матеріальнаго соединенія «душевныхъ клѣточекъ»: когда эти клѣтки не находятся въ непосредственной связи между собою, нѣтъ единства сознанія. Если и разсматривать душу особи, какъ нѣчто коллективное, то это еще не уполномочиваетъ насъ вмѣстѣ съ Шэффле принимать существованіе души общества, какъ чего-то единаго: между душевными клѣтками особи есть матеріальная связь, дѣлающая возможнымъ единство сознанія, между мозгами членовъ общества такой связи нѣтъ, а

потому дѣлать предположеніе о существованіи общественнаго сознанія нѣсколько рискованно, чтобы не выразиться рѣзче. Спенсеръ понялъ это и указалъ на отсутствіе соціальнаго чувствилища (social sensorium), какъ на другую черту, отличающую общество отъ организма. Вотъ почему психологія должна, занявъ свое мѣсто между біологіей и соціологіей, отказаться отъ фантастической задачи—изучать духъ общества, какъ нѣчто существующее надъ индивидуальными сознаніями. Наука можетъ изучать соціально-психическія явленія, но подъ однимъ условіемъ, —именно признавая за факторы этихъ явленій, такъ сказать, индивидуальныя души, изслѣдуя взаимодѣйствія послѣднихъ и не стараясь проникнуть въ самую душу общества, созданную только по аналогіи съ душой отдѣльнаго организма.

Итакъ, общество есть цѣлое дискретное, части котораго связываются между собою психически и въ своей совокупности не образуютъ высшей духовной единицы. Организмъ конкретенъ, общество дискретно, части организма связаны матеріально, части общества—духовно, организмъ способенъ къ единству сознанія, общество—нѣтъ. Но это еще не все: разъ клѣточка входитъ въ составъ одной особи, она не можетъ принадлежать другой въ то же время, но каждый человѣкъ можетъ быть одновременно членомъ разныхъ обществъ. Въ самомъ дѣлѣ, сплошь и рядомъ мы видимъ примѣры, что подъ одною государственною властью живутъ люди, принадлежащіе разнымъ церквамъ, націямъ и т. п., что люди одной націи, церкви входятъ въ составъ разныхъ государствъ, что одна церковь обнимаетъ членовъ разныхъ націй и государствъ и т. д. Польская, напр,, нація состоитъ изъ подданныхъ русскихъ, австрійскихъ и германскихъ; въ ней есть члены церквей католической, лютеранской и реформатской. Это и тому подобныя явленія возможны именно только вслѣдствіе дискретности общества: и нація—общество, нѣчто цѣлое, и церковь—общество, нѣчто цѣлое, и государство—общество, нѣчто цѣлое, и вотъ оказывается возможнымъ принадлежать одновременно къ разнымъ обществамъ, не покрывающимъ одно другого и одно въ другомъ не заключающимся. Психическая связь допускаетъ множество отношеній: человѣкъ можетъ быть и признавать себя членомъ одного общества въ одномъ отношеніи, другого—въ другомъ, третьяго—въ третьемъ и т. д. Хотя и случается, что общество представляетъ изъ себя нѣчто замкнутое въ отношеніи національномъ, политическомъ, религіозномъ, культурномъ, экономическомъ, но въ большинствѣ случаевъ границы національныя, государственныя, церковныя, культурныя, хозяйственныя не совпадаютъ между собою. Другими словами: общественныя единицы рѣзко одна отъ другой не отграничены. Благодаря этому обстоятельству, разные изслѣдо-

ватели принимаютъ разныя формы общественности за типъ соціальнаго организма, одни, напр., государство, другіе — націи, одни общество политическое, другіе—экономическое. Но въ такомъ случаѣ чему слѣдуетъ приписывать существованіе соціальной души, общественнаго сознанія?—вопросъ, совершенно неразрѣшимый. Съ другой стороны, и клѣточка соціальнаго организма понимается неодинаково: одни указываютъ на индивидуумъ, другіе—на семью, исходя изъ различныхъ точекъ зрѣнія. Все это крайне затрудняетъ проведеніе полной аналогіи. Итакъ, мы видимъ, что дискретныя, не обладающія единствомъ сознанія единицы, которыя называются обществами, оказываются еще не отграниченными одна отъ другой: это не эксцентрическіе круги, другъ друга нигдѣ не покрывающіе, а самый пестрый узоръ, какой только можно себѣ представить. Вотъ почему мы не можемъ говорить объ индивидуальности общества въ томъ же смыслѣ, въ какомъ говоримъ объ индивидуальности особи. Между тѣмъ всѣ органисты, чтобы быть послѣдовательными, должны мыслить общество, какъ нѣкотораго рода индивидуумъ, какъ нѣчто въ родѣ гоббсовскаго Левіаѳана.

Но послѣднее именно оказывается невозможнымъ. Чтобы мыслить какую-либо вещь, какъ индивидуумъ, мы должны находить въ ней соединеніе пяти возможныхъ единствъ: пространственнаго (т.-е. того, что называется фигурой), временнаго (т.-е. непрерывности дѣйствія), единства причины, цѣли и взаимодѣйствія частей. Достаточно нарушенія одного условія, чтобы всѣ остальныя оказались недостаточными для образованія индивидуальности. Никто не станетъ оспаривать того, что общество не имѣетъ фигуры, потому что никогда не бываетъ рѣзко отграничено отъ другихъ обществъ, какъ мы только-что на это указали. Если одинъ изъ нашихъ неудавшихся соціологовъ, г. Стронинъ (*Политика, какъ наука*) придаетъ обществу коническую форму, то вѣдь это только научная аллегорія, причемъ авторъ ея забываетъ, что эти конусы, такъ сказать, въѣзжаютъ одинъ въ другой, т.-е., напр., конусъ національный можетъ входить въ составъ трехъ различныхъ конусовъ, политическихъ, состоящихъ цѣликомъ или частью изъ другихъ національныхъ конусовъ и т. д. Разъ обществу не принадлежитъ пространственнаго единства, оно не индивидуумъ, это—коллективная единица, аггрегатъ, и одна и та же особь въ различныхъ отношеніяхъ можетъ принадлежать къ разнымъ такимъ единицамъ. Но этого мало: и послѣднія способны не въ одинаковой степени къ нѣкоторой ограниченности одна отъ другой: если, напр., государства на географической картѣ провели между собою рѣзкія границы, допускающія, однако, черезполосность (вспомните Пруссію въ еще очень недавнее время), то въ случаѣ націй уже невозможно проводить между ними такихъ опредѣленныхъ

линій, а когда дѣло касается экономическаго общества, то тутъ мы видимъ одну непрерывность хозяйственныхъ отношеній, крупныхъ и мелкихъ, и уже не существуетъ рѣшительно никакихъ границъ тамъ, гдѣ сосѣди не отдѣлены другъ отъ друга китайской стѣной. Притомъ, если и существуютъ извѣстныя линіи, которыя мы называемъ границами, то онѣ отдѣляютъ одно отъ другого не общества, а занимаемыя ими территоріи: особь всегда можетъ перешагнуть черезъ такую линію, не разрывая своихъ связей съ цѣлымъ, изъ котораго удалилась, и завязывая тѣ или другія отношенія съ другими, новыми цѣлыми. Въ мірѣ людскихъ отношеній все перепутано до такой степени, что придется все человѣчество признать за одинъ индивидуальный организмъ, ибо всѣ части человѣчества находятся между собою болѣе или менѣе во взаимодѣйствіи. Но это значитъ идти слишкомъ далеко. Мы отказываемся поэтому понимать, какое общество—организмъ: семья или человѣчество, государство или нація,—ибо какъ въ пользу рѣшенія вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ, такъ и противъ такого рѣшенія можно привести одинаковое количество аргументовъ, которые, взаимно уничтожаясь, какъ въ алгебрѣ $+a$ и $-a$, даютъ въ результатѣ одинъ нуль. Объективнаго критерія для опредѣленія, какая изъ данныхъ формъ общества есть организмъ, такимъ образомъ не имѣется. Духовная связь существуетъ (хотя и неодинаковая) и между двумя представителями одной національности, не находящимися ни въ какихъ прямыхъ экономическихъ отношеніяхъ, и между людьми разныхъ національностей, занимающихся куплей-продажей другъ у друга въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, а безъ духовной связи нѣтъ общественныхъ отношеній.

Но, можетъ быть, сами особи должны рѣшить вопросъ, къ какой группѣ онѣ принадлежатъ, можетъ быть, нужно обратиться къ нѣкоторому субъективному критерію. Дѣйствительно, каждый чувствуетъ свою принадлежность къ какому-нибудь цѣлому, часть котораго онъ составляетъ, и эта принадлежность выражается словомъ *мы*. Но есть-ли такія цѣлыя, которымъ единица принадлежала бы всѣмъ своимъ существомъ? Такихъ цѣлыхъ для каждой особи очень много и они могутъ заключаться одно въ другомъ, какъ семья, община, государство, или одно въ другомъ не заключаться. Правда, для каждаго эти *мы*, часть которыхъ онъ составляетъ, располагаются въ извѣстной градаціи, но градація эта неодинакова для разныхъ личностей. Дѣло въ томъ, что человѣческій индивидуумъ разными сторонами своего бытія вступаетъ въ самыя различныя отношенія съ другими людьми: въ одномъ случаѣ онъ и одни составляютъ это *мы*, въ другомъ — онъ и совсѣмъ другіе, причемъ комбинаціи тутъ возможны самыя разнообразныя. *Мы* озна-

чаетъ и семью, и общину, и соціальный классъ, и профессію, и политическую партію, и національность, и церковь, и государство, и кружокъ знакомыхъ, и человѣчество, смотря по тому, съ какой точки вы взглянете на дѣло.

Все это очень понятно. Въ организмѣ клѣточки физически связаны между собою; гдѣ эта связь прекращается, тамъ границы организма: имѣть границу значитъ имѣть фигуру. Въ обществѣ связь между частями психическая, которая не допускаетъ такихъ границъ: всякая особь можетъ вступить въ общество со всякою другою, та съ третьею, и т. д. до безконечности, пока въ эту систему взаимныхъ отношеній не втянется все, имѣющее мысль. Въ организмѣ клѣточка всецѣло поглощается своимъ цѣлымъ и не имѣетъ сознанія своей индивидуальности, общество никогда не можетъ выработать такой формы, которая всецѣло поглотила бы индивидуумъ, заставила бы его отказаться отъ своего *я* въ пользу высшаго общественнаго *я*, въ пользу соціальной души, соціальнаго сознанія, какъ хотите, такъ и называйте. Вотъ, если бы общество имѣло опредѣленныя границы, рѣзко отдѣляющія его отъ другого общества, если бы оно имѣло свое особое сознаніе, которое положило бы рѣзкую грань между *я* и *не я*, мы имѣли бы такое единое цѣлое, которое назвали бы индивидуальнымъ организмомъ: вотъ гдѣ ты кончаешься, вотъ внутренній центръ твоего единства!

Намъ дѣло представляется такъ, если мы примемъ во вниманіе *только* то, что сказано нами было доселѣ. Общество подобно механической системѣ: лишь только два тѣла находятся на извѣстномъ разстояніи одно отъ другого, они начинаютъ другъ на друга вліять, и вся совокупность подобныхъ тѣлъ находится въ постоянномъ взаимодѣйствіи; границы этой системы тамъ, гдѣ нѣтъ уже болѣе тѣлъ на такомъ разстояніи, чтобы они могли вступить въ это взаимодѣйствіе; приближается къ этимъ границамъ новое тѣло, оно втягивается въ эту систему; но всѣ эти тѣла находятся въ извѣстномъ разстояніи одно отъ другого, они сохраняютъ каждое свое отдѣльное бытіе, не составляютъ изъ себя одной сплошной массы, которая бы ихъ поглощала. Люди—что звѣзды въ небесномъ пространствѣ, только общество посложнѣе, но во всякомъ случаѣ *съ этой стороны* оно похоже болѣе на механизмъ, чѣмъ на организмъ: и тутъ мы видимъ дѣйствіе на разстояніи, и тутъ мы находимъ дискретность, и тутъ единица сохраняетъ свое отдѣльное бытіе, только здѣсь все нѣсколько иначе. Законъ пространства теряетъ свое значеніе: одной внѣшней близости мало, чтобы двѣ особи вступили во взаимодѣйствіе, необходимо сближеніе на общей духовной почвѣ, взаимное пониманіе, внутренняя, такъ сказать, близость. Съ другой стороны, въ обществѣ люди подчинены нѣсколько иному закону, чѣмъ законъ все-

общаго притяженія, тяготѣнія къ одному идеальному центру: человѣкъ столь сложное существо, что разныя стороны его бытія могутъ имѣть различные центры, и люди, дѣйствительно, объединяются въ разныя системы, называемыя націями, государствами, церквами и т. п. Наконецъ, въ обществѣ каждая единица не только сохраняетъ отдѣльное бытіе, но имѣетъ еще сознаніе объ отдѣльности этого бытія. Такимъ образомъ аналогія есть, но не полная. И вотъ выходитъ, что общество—какъ будто механизмъ и не механизмъ, какъ будто организмъ и не организмъ: въ одномъ сходство, въ другомъ различіе. Дискретность частей, дѣйствіе на разстояніи напоминаютъ одно, другія стороны, указанныя органистами, напоминаютъ другое.

Но нельзя-ли, однако, сказать что-либо болѣе опредѣленное объ обществѣ? Если оно не организмъ и не механизмъ, то что же оно такое? Мы думаемъ, что нужно принять въ расчетъ градацію возможныхъ въ мірѣ системъ взаимодѣйствія частей одного цѣлаго, чтобы выяснить себѣ понятіе объ обществѣ. Первая ступень—механизмъ, т.-е. мертвое цѣлое, состоящее изъ мертвыхъ частей; вторая ступень — организмъ, т.-е. живое цѣлое, состоящее изъ живыхъ частей; третья ступень—общество, тоже своего рода цѣлое, но части котораго не мертвыя массы, не живыя клѣточки, а особи, обладающія сознаніемъ. Общество лишь настолько организмъ, насколько послѣдній можетъ быть названъ механизмомъ, ни болѣе, ни менѣе: въ сущности, это особая категорія коллективнаго бытія, особая форма аггрегатовъ, состоящихъ изъ обладающихъ сознаніемъ существъ. Природа, впрочемъ, скачковъ не дѣлаетъ, какъ сказалъ одинъ древній мыслитель, и подобно тому, какъ низшіе организмы до того несовершенны, что вся ихъ жизнь можетъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ объясниться дѣйствіемъ однихъ механическихъ законовъ, существуютъ и такія формы общественности организмовъ, для которыхъ достаточно однихъ біологическихъ объясненій. Исторія вселенной представляетъ изъ себя постепенную эволюцію отъ самыхъ рудиментарныхъ механизмовъ до самыхъ развитыхъ обществъ, эволюцію, которая предполагаетъ другую—развитіе органической матеріи изъ неорганической и развитіе сознанія въ организованныхъ существахъ: безъ возникновенія органической матеріи, не могли бы возникнуть клѣточки, безъ которой немыслима жизнь, безъ развитія сознанія не могло бы явиться особи, годной, чтобы съ другими образовать общественный союзъ. Какъ жизнь есть результатъ надмеханической эволюціи, такъ общественность есть фактъ эволюціи *надорганической*. Послѣдній терминъ мы заимствуемъ у Спенсера, у Шэффле: они сами называютъ общество продуктомъ надорганическаго развитія. Но въ такомъ случаѣ не впадаютъ ли они въ противорѣчіе сами съ собою? Въ самомъ дѣлѣ,

общество либо организмъ, либо нѣчто надорганическое. Разрѣшая вопросъ въ первомъ смыслѣ, зачѣмъ было названнымъ писателямъ придумывать терминъ, который предполагаетъ совсѣмъ другое рѣшеніе?

III.

Великій законъ эволюціи поможетъ намъ объяснить, какъ въ мірѣ органическомъ могъ возникнуть міръ соціальный, и гдѣ поэтому кончается біологія, чтобы уступить мѣсто соціологіи. Соціологія, говоритъ Эспинасъ, начинается съ первой группировкой клѣточекъ. Это — неправда. Клѣточки, т.-е. кусочки органической матеріи, маленькія безсознательныя существа, не могутъ соединиться въ общество, онѣ могутъ только сложиться въ организмъ, въ конкретное цѣлое, и только въ такомъ цѣломъ можетъ развиться сознаніе. Неправда и то, что соціологія лишь часть біологіи: сложно-организованныя существа, обладающія развитымъ сознаніемъ, не могутъ сростись въ одинъ организмъ и утратить свое сознаніе въ пользу какой-то «соціальной души». Тѣмъ не менѣе между клѣточкой и развитымъ организмомъ мы видимъ цѣлую градацію существъ, на извѣстной ступени которой появляются первые признаки сознанія; тѣмъ не менѣе между организмомъ и обществомъ мы видимъ цѣлую градацію коллективнаго бытія, на извѣстной ступени которой дѣлается возможнымъ появленіе дискретнаго цѣлаго, части котораго связаны между собою не матеріальнымъ образомъ, какъ клѣточки въ организмѣ. Можно принять слѣдующую формулу біологической эволюціи: чѣмъ развитѣе какой-либо организмъ, тѣмъ менѣе онъ способенъ къ сростанію съ подобными ему организмами въ одно цѣлое и тѣмъ болѣе развито его сознаніе, т.-е. тѣмъ болѣе способенъ онъ къ общественной жизни. Можно принять, что существуетъ такая ступень въ этой эволюціи, на которой прекращается для особи возможность сростаться съ другою въ одно конкретное цѣлое, какъ есть другая ступень, впервые дѣлающая возможнымъ образованіе дискретнаго цѣлаго. Другими словами: способность къ общественности возрастаетъ по мѣрѣ уменьшенія способности къ сростанію. Возьмемъ, напр., пчелиный рой и колонію сифонофоръ — вотъ двѣ переходныя формы между обществами позвоночныхъ животныхъ, съ одной стороны, и организмомъ, съ другой. Въ организмѣ всѣ части слиты въ одно цѣлое и каждая, какъ органъ, исполняетъ спеціальную функцію, не имѣя возможности существовать отдѣльно отъ цѣлаго; въ сифонофорѣ мы видимъ такое же сцѣпленіе частей, такое же раздѣленіе труда между частями, но каждая часть способна къ индивидуальной жизни, оторвавшись отъ колоніи; рой пчелъ уже нѣчто дискретное, но раздѣленіе

труда основано въ немъ на физіологическомъ несходствѣ особей, хотя уже не въ такой степени, какъ раздѣленіе труда между органами; наконецъ, въ обществахъ высшихъ животныхъ каждая особь имѣетъ не только отдѣльное существованіе, но и представляетъ изъ себя всесторонне развитой индивидуумъ. Пчелиный рой нѣчто среднее между обществами высшихъ животныхъ, каждый членъ которыхъ вполнѣ и всесторонне развитой индивидуумъ, и тѣми животными колоніями, въ коихъ прикрѣпленныя одна къ другой особи начинаютъ играть роль органовъ и дѣлаться способными къ одной только какой-либо функціи. Въ свою очередь эти колоніи—нѣчто среднее между настоящими организмами и соціальными аггрегатами въ родѣ пчелинаго роя. То же обратное отношеніе мы замѣчаемъ и въ развитіи сознанія цѣлаго и частей: чѣмъ сознательнѣе части, тѣмъ безсознательнѣе цѣлое, и наоборотъ. Клѣточки, составляющія индивидуальный организмъ, лишены сознанія или, по крайней мѣрѣ, имѣютъ его въ самой незначительной степени, но зато самъ организмъ способенъ къ сознанію: у него есть, такъ сказать, общее чувствилище. Въ колоніи сифонофоръ каждая часть не утрачиваетъ вполнѣ своего сознанія, и общее развито уже гораздо менѣе. Въ дискретномъ пчелиномъ роѣ послѣдняго уже нѣтъ, но сознаніе особи развито еще слабо, и все указываетъ на то, что особь не живетъ личною, индивидуальною жизнью, не противополагаетъ своей воли волѣ цѣлаго улья. Въ обществѣ высшихъ животныхъ вы видите уже полное отсутствіе того единства духа, которое, хоть и не въ буквальномъ смыслѣ, характеризуетъ общежитія насѣкомыхъ. Вотъ вамъ лѣстница формъ коллективнаго бытія отъ соединенія клѣточекъ въ организмѣ до соединенія особей въ обществѣ: соціологія начинается только тамъ, гдѣ недѣлимыя соединяются въ аггрегаты дискретные, но такое соединеніе предполагаетъ извѣстные психическіе процессы. Какъ одной механикой безъ химіи вы не объясните жизни, такъ одной біологіей безъ психологіи вы не объясните общественности. Общественность есть одинъ изъ продуктовъ психической жизни: соціологія возможна только послѣ психологіи.

Организмъ-ли общество послѣ всего этого? Нѣтъ, формула организма противоположна формулѣ общества: чѣмъ болѣе первый дѣлается похожимъ на второе, тѣмъ болѣе ослабляется соединеніе частей въ цѣлое, тѣмъ менѣе полнымъ дѣлается раздѣленіе труда между ними; наоборотъ, чѣмъ болѣе общество дѣлается похожимъ на организмъ, тѣмъ болѣе ослабляется самостоятельность его членовъ и тѣмъ болѣе полнымъ дѣлается раздѣленіе труда между ними. Общество и организмъ въ этомъ отношеніи—два полюса: въ первомъ цѣлое существуетъ для частей, ибо только части способны что-либо чувствовать отъ той или другой пере-

мѣны въ цѣломъ; во второмъ—части существуютъ для цѣлаго, ибо только цѣлое можетъ что-либо испытывать отъ той или другой перемѣны въ частяхъ; чѣмъ разностороннѣе развитъ организмъ, чѣмъ онъ совершеннѣе, тѣмъ одностороннѣе развиты, тѣмъ несовершеннѣе его части, и напротивъ, тѣмъ совершеннѣе общество, чѣмъ болѣе оно обезпечиваетъ разностороннее развитіе своихъ членовъ. Въ смыслѣ организма, раздѣленное на касты индусское общество совершеннѣе новаго европейскаго, пчелиный рой совершеннѣе индусскаго, животная колонія—пчелинаго роя, а въ смыслѣ общества нужно установить обратный порядокъ. Для каждой ступени біологической лѣстницы мы можемъ указать соотвѣтственную ступень коллективнаго существованія: низшія ступени этой послѣдней лѣстницы представляютъ изъ себя въ сущности высшія ступени первой, и только по мѣрѣ того, какъ особи дѣлаются по причинамъ физіологическимъ неспособными къ сростанію въ организмы высшаго порядка, по мѣрѣ того, какъ развиваются психическіе процессы, начинаетъ обрисовываться лѣстница надорганической эволюціи. Изученіе этой эволюціи показываетъ намъ, что каждый новый моментъ ея заключается въ усиленіи психическаго элемента, какъ связующаго начала, и въ высвобожденіи частей изъ поглощенія въ цѣломъ. Вотъ передъ вами пчелиный рой. Въ сущности постоянная связь между его членами есть результатъ общаго происхожденія, т.-е. остатокъ чисто физическихъ узъ, соединявшихъ нѣкогда матку съ ея потомствомъ: психическій элементъ только-что начинаетъ здѣсь выступать какъ связующее начало. Вмѣстѣ съ этимъ мы не видимъ еще въ этомъ общежитіи ни принудительной власти, ни ослушанія со стороны отдѣльныхъ особей. Выше, въ обществахъ позвоночныхъ, мы встрѣчаемъ уже соціальные аггрегаты, которые не представляютъ изъ себя разросшихся семей подобно улью, но складываются подъ вліяніемъ извѣстныхъ внѣшнихъ условій, ради безопасности, добыванія пищи: для этого уже не нужно единства происхожденія, указывающаго на былую связь физическую, достаточно одного психическаго элемента, который, однако, на первыхъ порахъ оказывается очень непрочнымъ, ведя только къ образованію временныхъ непостоянныхъ сборищъ. Съ другой стороны, въ этихъ аггрегатахъ впервые устанавливается принудительная власть, ибо особи оказываются не особенно послушными. Но всѣ высшія животныя представляются неспособными переступить черезъ тотъ порогъ, передъ которымъ остановились обезьяны: психическое развитіе послѣднихъ не настолько велико, чтобы составлять нѣчто единое съ особями, которыя живутъ внѣ предѣловъ нашего зрѣнія и нашего слуха; обезьянье общество—банда, община, и нѣсколько такихъ бандъ, общинъ неспособно соединиться въ болѣе крупную политическую единицу; пси-

хическая связь возможна только съ присутствующими, съ находящимися на лицо. Соціальный союзъ у людей есть уже шагъ впередъ: умственное развитіе человѣка дѣлаетъ возможнымъ образованіе такихъ аггрегатовъ, которыхъ не можетъ окинуть чувственное око, которые могутъ для насъ существовать только въ представленіи. Параллельно съ этимъ развивается и другая сторона общежитія: въ человѣческомъ обществѣ личность до такой степени противополагаетъ свою волю соціальному авторитету, что не ограничивается непокорностью въ томъ или другомъ случаѣ, но вступаетъ съ общими требованіями, съ реформаціонными планами и доходитъ до сознанія, что общество существуетъ для личности, а не личность для общества. Вы видите, что опять соціальный аггрегатъ и организмъ два полюса, ибо по мѣрѣ того, какъ мы будемъ спускаться отъ людского государства чрезъ обезьянью банду, пчелиный рой, сифонофору къ организму, мы все болѣе и болѣе будемъ видѣть ослабленіе автономіи частей, съ одной стороны, и необходимость установленія болѣе тѣсныхъ границъ для цѣлаго, съ другой. Весь человѣческій прогрессъ состоитъ именно въ расширеніи границъ общежитія до тѣхъ поръ, пока соціальный союзъ не охватитъ всего человѣчества, и въ развитіи автономіи личности въ этомъ союзѣ.

Но идемъ далѣе, чтобы вступить въ самую область соціологіи. Развитое человѣческое общество состоитъ всегда изъ меньшихъ группъ, соединеніе которыхъ въ одно цѣлое и дѣлаетъ только возможнымъ сколько-нибудь обширный союзъ. Въ чемъ, однако, выражается это соединеніе? Чѣмъ связываются между собою группы? Что связываетъ члена со всѣмъ аггрегатомъ? На всѣ эти и имъ подобные вопросы у насъ одинъ отвѣтъ: это то, что носитъ названіе политическихъ институтовъ, каковъ бы ни былъ ихъ характеръ. Да, институты, т.-е. нѣчто такое, всякое подобіе чего постепенно исчезаетъ по мѣрѣ того, какъ мы спускаемся по лѣстницѣ формъ коллективнаго бытія. Вотъ вамъ предметъ для особаго направленія соціологическаго знанія, которое называется политикой. Намъ возразятъ, пожалуй, что это—анатомія и физіологія общества. Допустимъ: тутъ мы имѣемъ дѣло съ организаціей, съ органами и функціями. Но въ томъ-то и дѣло, что живыя личности не исчезаютъ въ этой организаціи, не превращаются въ служебные органы цѣлаго, не исполняютъ только спеціальныхъ функцій. За всѣмъ тѣмъ остается еще нѣчто, взаимныя отношенія членовъ общества не какъ частей цѣлаго и не къ этому цѣлому, а какъ самостоятельныхъ единицъ и между собою: что, спрашивается, регулируетъ эти отношенія? Инстинктъ, какъ у пчелъ? Физическая сила, какъ у обезьянъ? Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, а то, что называется правомъ и подобіе чего все болѣе и болѣе будетъ исчезать изъ формъ коллективнаго бытія, чѣмъ мы ниже бу-

демъ спускаться по лѣстницѣ этихъ формъ: право возможно только тамъ, гдѣ есть личность, признающая за собою и за другими хоть малую долю автономіи, и гдѣ есть соціальные институты, хорошо ли, дурно ли оберегающіе право. Только тутъ возможна юриспруденція (или наука о правѣ), какъ особое направленіе соціологическаго знанія. Развѣ клѣточка имѣетъ какія-либо права по отношенію къ другимъ клѣточкамъ и по отношенію къ организму? Право можетъ принадлежать только лицамъ и ихъ субститутамъ, а не вещамъ. Рабъ въ Римѣ былъ человѣкъ безправный, а потому онъ былъ *res*, не *persona*. Идемъ еще далѣе, чтобы установить третье направленіе соціологическаго знанія — политическую экономію. Внѣ индивидуальнаго организма мы всегда находимъ нѣкоторую среду, которою онъ живетъ; въ ней нуждается и каждая коллективная единица. Человѣческому обществу такая среда тоже необходима; оно немыслимо безъ территоріи со всѣми необходимыми для жизни людей произведеніями природы. Но питается этими произведеніями не цѣлое общество, а отдѣльныя личности, каждая для себя: изъ того, что одинъ съѣстъ, другой сытъ не бываетъ; каждый самъ долженъ разжевывать, проглотить, переварить пищу. Общество не состоитъ изъ органовъ, однимъ изъ которыхъ довольно требовать пищи, другимъ ее видѣть, третьимъ подносить ко рту, четвертымъ жевать, пятымъ проглатывать и т. д., чтобы цѣлое не разрушилось и всѣ части находились въ добромъ здоровьѣ. Рабочій не будетъ сытъ, если приготовитъ только пищу, которую купецъ продастъ, не сдѣлавшись отъ этого тоже сытымъ, третьему лицу, чтобы этотъ утолилъ свое чувство голода. Общество не имѣетъ «соціальнаго желудка», оно не сифонофора, отдѣльныя особи которой питаются, а всѣ остальныя сыты бываютъ. Тутъ дѣло происходитъ совершенно иначе, и все зависитъ отъ того, какъ распредѣлены между отдѣльными личностями всѣ блага природы: отношеніе вещей къ членамъ общества — вотъ предметъ политической экономіи. А кромѣ пищи, сколько еще вещей нужно человѣку — и жилище, и одежда, и всякаго рода орудія! Всѣ эти вещи нужно произвести трудомъ, обмѣнять ихъ одну на другую, распредѣлить между членами общества. Для этого необходимы людямъ орудія производства отъ самаго рудиментарнаго каменнаго топора до самой сложной машины, необходимы фабрики и заводы, деньги и банки, телѣги, лодки, корабли, дороги всякаго рода, каналы, почты, телеграфы и пр. и пр. Гдѣ вы найдете аналогію всему этому въ организмѣ? Смѣшно же сравнивать деньги съ кровяными шариками, нервы съ телеграфами, вены и артеріи съ путями сообщенія! Пора оставить всѣ эти сравненія и взглянуть поглубже въ сущность дѣла. Въ организмѣ питаніе есть процессъ химическій, пища разсматривается только

какъ вещество, переработываемое спеціальными клѣтками и тканями организма извѣстнымъ образомъ, въ обществѣ вещи разсматриваются не какъ вещество, а какъ цѣнности, на производство которыхъ потраченъ извѣстный трудъ личностей, которыми личности могутъ обмѣниваться, которыя можно такъ или иначе между ними распредѣлить,—какъ цѣнности, имѣющія самое разнообразное употребленіе въ смыслѣ вещества для пищи, для жилища, для одежды, какъ готовое кушанье, готовый домъ, готовое платье, какъ орудіе для выдѣлки того или другого, какъ средство обмѣна, какъ средство перевозки и пр. и пр. Производство, обмѣнъ, распредѣленіе цѣнностей не имѣетъ ничего общаго съ химическимъ процессомъ питанія, это только сумма подготовительныхъ процессовъ и не для одного питанія, и весь вопросъ политической экономіи заключается въ томъ, чтобы показать, какую роль играютъ личности въ этихъ процессахъ, какія отношенія возникаютъ между особями по вещамъ, какъ эти отношенія вліяютъ на судьбы общества и его членовъ.

Органисты обыкновенно ссылаются на существованіе отдѣльныхъ классовъ въ обществѣ, какъ на аналогію съ организмомъ. Не говоря уже о томъ, что классы общества не состоятъ изъ рѣзко дифференцированныхъ элементовъ, подобно органамъ тѣла, аналогія тутъ самая поверхностная. Изученіе организма не поможетъ намъ понять происхожденіе и развитіе политическихъ институтовъ, права экономическихъ отношеній, раздѣленіе общества на управляющихъ и управляемыхъ, на людей съ бóльшими и меньшими частными правами, на собственниковъ, капиталистовъ и рабочихъ и т. д. Все это такъ далеко отъ того, что мы видимъ въ организмѣ, все это сложилось инымъ путемъ и иначе развивается. Вотъ если научное изученіе государства, права, экономическихъ отношеній, сравнительная политика, сравнительная юриспруденція, политическая экономія и т. п., идя снизу, отъ частныхъ фактовъ къ общимъ формуламъ, покажутъ намъ, что сравнивать можно, мы будемъ сравнивать, а пока видно одно: общество — нѣчто иное, чѣмъ организмъ. Аналогіи можно вездѣ найти, между чѣмъ угодно, но нужно помнить двѣ вещи: кромѣ пунктовъ сходства необходимо искать пунктовъ различія и что на чисто-внѣшнихъ аналогіяхъ останавливаться смѣшно: кровяные шарики и деньги,—остроумно, пожалуй, это, да толку-то нѣтъ никакого. Не такъ должна создаваться соціологія, не сверху, а снизу, быть завершеніемъ частныхъ наукъ, давно-давнымъ существующихъ, но недоразвившихся еще для общаго синтеза. Этихъ наукъ три: политика, юриспруденція и экономика, соотвѣтствующія тремъ категоріямъ соціальныхъ отношеній. Въ политикѣ мы изучаемъ отношенія между личностями по ихъ принадлежности къ одному цѣлому, назы-

ваемому государствомъ, отношеніе къ нимъ этого цѣлаго и его организацію; въ юриспруденціи нашъ предметъ отношенія личностей между собою, какъ таковыхъ, ихъ права и обязанности, условія правоспособности и отвѣтственности съ вытекающими отсюда гарантіями; въ политической экономіи мы имѣемъ дѣло съ фактическими отношеніями между личностями по вещамъ, съ производствомъ, обмѣномъ и распредѣленіемъ цѣнностей, съ ролью и судьбой личностей въ этихъ процессахъ. Нѣтъ, я думаю, надобности доказывать, что вполнѣ изолировать идеи отношенія отъ другихъ нѣтъ возможности: политическія отношенія зависятъ отъ экономическихъ, экономическія нуждаются въ юридической санкціи, право немыслимо безъ государства, государство покоится на извѣстныхъ правовыхъ воззрѣніяхъ и т. п. Но не даромъ соціологическое знаніе заключается главнымъ образомъ въ названныхъ трехъ наукахъ: личности, какъ члену общества, приходится имѣть дѣло либо съ цѣлымъ, къ которому она принадлежитъ, либо съ другими личностями, ей подобными, либо съ цѣнностями, въ производствѣ которыхъ участвовала не одна она. Это раздѣленіе прямое слѣдствіе дискретности общества: личность противополагаетъ себя государству, чувствуетъ себя отдѣльнымъ индивидуумомъ по отношенію къ другимъ личностямъ и заботится объ извѣстныхъ вещахъ для своего существованія. Можно ли то же сказать о бѣдной клѣточкѣ, поглощенной въ организмѣ, не имѣющей своего *я* и не заботящейся прямо о своемъ пропитаніи? Если держаться теоріи органистовъ, то съ полнымъ правомъ рядомъ съ «соціальными анатоміями и физіологіями» мы поставимъ «политическія, юридическія и экономическія біологіи». Только будутъ ли намъ за это благодарны господа біологи? Не думаю.

IV.

Нѣкоторые органисты, впрочемъ, находятъ аналогіи между разными сторонами біологическаго и соціальнаго развитія. Напр., Лиліенфельдъ говоритъ, что какъ организмъ имѣетъ три стороны развитія—физіологическую, морфологическую и индивидуальную, такъ и общество имѣетъ три соотвѣтственныя стороны развитія—экономическую, юридическую и политическую. Другими словами, то, что въ біологіи физіологія, въ соціологіи называется политической экономіей, то, что въ первой наукѣ морфологія, то во второй юриспруденція и т. д. Насколько политическая экономія воспроизводитъ физіологію, мы уже видѣли выше; не въ лучшемъ положеніи находится отождествленіе юриспруденціи съ морфологіей: мы даже думаемъ, что «ученіе о формахъ» ближе къ политикѣ, чѣмъ къ юриспруденціи. Остановимся, однако, подробнѣе на поли-

тикѣ и посмотримъ, къ чему ведетъ отождествленіе общества съ организмомъ.

Здѣсь намъ прежде всего бросается въ глаза дискретность общества. Мы видѣли нѣкоторыя изъ ея слѣдствій, сейчасъ увидимъ и другія. Если въ пространственномъ отношеніи организмъ есть конкретное цѣлое, а общество—дискретное, то и во временномъ отношеніи обнаруживается то же различіе: связь отдѣльныхъ поколѣній въ обществѣ не есть связь обновляющихся клѣточекъ организма, ибо его составляетъ то, что называется традиціей: безъ традиціи нѣтъ общества. Но что такое традиція, какъ не чисто психическое вліяніе однихъ поколѣній на другія? Этого фактора мы не находимъ въ біологіи, а между тѣмъ онъ создаетъ для общества нѣкоторую духовную среду, въ которой живутъ и развиваются его члены. Такой среды нѣтъ въ организмѣ, онъ живетъ только во внѣшней, физической средѣ, къ ней примѣняясь, тогда какъ общество создаетъ культуру, эту духовную среду, то примѣняясь къ ней, то ее къ себѣ примѣняя посредствомъ болѣе или менѣе постоянной переработки. Развитіе общества заключается именно въ приспособленіи этой среды къ цѣлямъ общества, т.-е. къ потребностямъ отдѣльныхъ личностей, и достаточно измѣниться культурѣ народа, какъ происходитъ измѣненіе общественныхъ формъ. Организмъ не измѣняетъ внѣшней среды своего существованія, общество постоянно передѣлываетъ свою среду само. Изъ этого наблюденія, изъ того факта, что соціальная связь есть чисто духовная, связь привычки, симпатіи, общности мыслей и сознанія одинаковости интересовъ, только и могла возникнуть договорная теорія: люди, дѣйствительно, постоянно передѣлываютъ общество сообразно съ своими потребностями и съ своимъ пониманіемъ средствъ, а потому могло показаться, что соціальный союзъ есть произведеніе искусства, результатъ общественнаго договора. Конечно, теорія, извѣстная подъ названіемъ *contrat social*, не выдерживаетъ критики, но характерно именно то, что относительно общества могла возникнуть такая теорія: значитъ въ немъ есть такая сторона, которая не поддается біологическому толкованію, и эта сторона именно то, что соціальныя формы покоятся на извѣстной традиціи, что эта традиція постоянно перерабатывается людьми и что коренное измѣненіе въ человѣческихъ мысляхъ сопровождается измѣненіемъ и въ общественныхъ формахъ. Только близорукіе и односторонніе люди поспѣшили признать, что сознательный договоръ былъ исходнымъ пунктомъ соціальной традиціи, что люди сразу могутъ замѣнить въ своихъ головахъ однѣ общественныя идеи другими и что только одного измѣненія въ идеяхъ достаточно для перестройки общества по типу *contrat social*. Во всякомъ случаѣ дыма безъ огня не бываетъ, и договорная теорія до

такой степени подѣйствовала на одного органиста, именно на Фулье, что онъ вздумалъ примирить обѣ доктрины въ ученіи о томъ, что общество есть организмъ договорный. Не странно-ли въ самомъ дѣлѣ, что каждый органистъ подмѣчаетъ какой-нибудь пунктъ различія? Спенсеръ говоритъ о дискретности общества, объ отсутствіи въ немъ соціальнаго чувствилища, Эспинасъ напираетъ на психическую связь, Фулье дополняетъ теорію договорнымъ началомъ. И замѣчательно, что всѣ эти пункты различія находятся въ тѣсной связи между собою: общество дискретно (Спенсеръ), члены его лишь духовно соединены между собою (Эспинасъ), это духовное соединеніе есть договоръ (Фулье). Организмъ переходитъ изъ одного состоянія въ другое, повинуясь своимъ потребностямъ, какъ цѣлаго, общество передѣлывается сознательною дѣятельностью своихъ членовъ въ виду потребностей этихъ членовъ. Развитіе организма совершается путемъ выработки сложнаго цѣлаго на счетъ самостоятельности частей, прогрессъ общества состоитъ въ усовершенствованіи частей путемъ приспособленія цѣлаго къ потребностямъ этихъ частей. Внутреннія формы и внѣшнія границы общества зависятъ не отъ физіологическихъ особенностей составныхъ его элементовъ, а отъ ихъ психическаго развитія: чѣмъ оно выше, тѣмъ ближе подходитъ общежитіе людей къ идеалу всеобщаго соціальнаго договора, къ типу произведенія искусства, къ формѣ всеобщей кооперацiи для всеобщихъ цѣлей. Идеальное общество, т.-е. предѣлъ соціальнаго развитія, есть именно такой строй, который наиболѣе напоминаетъ произведеніе искусства, установленное общественнымъ договоромъ ради обезпеченія автономіи личности. Но возможность этой автономіи обусловливается только дискретностью соціальнаго аггрегата: части, физически связанныя, не могутъ быть автономны. Равнымъ образомъ договоръ возможенъ только между автономными единицами, способными къ психическому взаимодѣйствію: части, физически связанныя, не могутъ передѣлать своихъ взаимныхъ отношеній. Наконецъ, только способныя къ передѣлкѣ цѣлаго по своимъ планамъ части могутъ возвести это цѣлое на степень произведенія искусства: если цѣлое существуетъ лишь потому, что такъ или иначе служитъ своимъ частямъ, то оно предѣлъ своего развитія имѣетъ только въ окончательномъ приспособленіи своего устройства къ потребностямъ этихъ частей. Для клѣточки организмъ только цѣлое, къ которому она принадлежитъ, для личности общество не только это, но и предметъ для воздѣйствія, для переработки, для возведенія на степень произведенія искусства. Много вѣрнаго подмѣтили тѣ, которые сводили общественную науку на механическую задачу, много вѣрнаго заключается и въ теоріяхъ органистовъ, много вѣрнаго представляетъ и общественный договоръ, но

каждый взглядъ страдаетъ односторонностью и побивается другими: истинная природа общества не въ механической игрѣ силъ, не въ органическомъ соединенiи частей, не въ общественномъ договорѣ, оно не естественный механизмъ, не организмъ, не произведенiе искусства, а нѣчто особое, не подходящее цѣликомъ ни подъ одну изъ этихъ категорiй, быть можетъ, высшiй синтезъ низшихъ формъ коллективнаго бытiя. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно: идеальное общество (а безъ такого представленiя не происходитъ ни одна реформа соцiальнаго характера) мыслится нами не иначе, какъ произведенiе искусства въ широкомъ смыслѣ этого слова, и идеальный способъ его осуществленiя мы представляемъ себѣ не иначе, какъ въ формѣ общественнаго договора, принимающаго сознательно и свободно наилучшiя формы коллективнаго существованiя личностей.

Но мы не создаемъ здѣсь новой соцiологической теорiи. Цѣль наша— критика одной изъ существующихъ, мы и будемъ продолжать эту критику. Природа не любитъ прокладывать новыхъ путей. Это—существо самое консервативное и въ своей слѣпотѣ примѣняющее старые прiемы при совершенно новыхъ обстоятельствахъ, ею же самою созданныхъ. Въ обществѣ есть, дѣйствительно, органическiй элементъ, и въ установленiи этой истины заслуга разсматриваемыхъ нами теорiй. Природа примѣнила къ образованiю и развитiю обществъ тѣ же законы, по которымъ она создаетъ и совершенствуетъ организмы, но только тутъ ей пришлось имѣть дѣло съ матерiаломъ, который не поддается такой обработкѣ, и результаты получиться должны были не такiе, какъ прежде. Лучше всего понялъ и формулировалъ законы эти Спенсеръ, назвавъ развитiе процессомъ интеграцiи и дифференцiацiи: первая состоитъ въ постепенномъ поглощенiи частей цѣлымъ, вторая—въ усиленiи раздѣленiя труда между ними. Никто не станетъ оспаривать, что въ общественной жизни существуютъ обѣ тенденцiи, но всякiй долженъ видѣть, что въ обществѣ онѣ не могутъ дойти до послѣднихъ своихъ результатовъ: человѣческая личность не можетъ превратиться въ служебный органъ общества, выполняющiй только одну функцiю; въ ней слишкомъ развито сознанiе отдѣльности своего *я*, она способна къ слишкомъ разнообразной дѣятельности, и ея индивидуалистическiя стремленiя будутъ находиться вѣчно въ противорѣчiи съ тенденцiей общества, какъ цѣлаго, къ интеграцiи и дифференцiацiи. Пчелы другое дѣло: онѣ способнѣе подчиниться этимъ тенденцiямъ роя, какъ цѣлаго. Медузы, менѣе развитыя, способнѣе къ этому еще болѣе и пчелъ, и сифонофора, ихъ колонiя уже очень близко подходитъ къ организму. Крайняя интеграцiя въ обществѣ невозможна: тутъ нѣтъ цѣлаго, которое могло бы что-либо испытывать: добро и зло, наслажденiя и стра-

данія существуютъ только для отдѣльныхъ личностей. Вотъ почему часто подъ словами «общественный интересъ, національное богатство» и т. п. скрывается интересъ нѣкоторыхъ личностей общества, богатство нѣкоторыхъ членовъ націи. Для блага организма нужно такое-то количество извѣстнаго вещества, но это не значитъ, что оно должно быть равномѣрно распредѣлено между всѣми его органами: для костей нужно одно, для мускуловъ другое и т. п. Иное дѣло въ обществѣ: не тогда нація богата, когда богатствами обладаетъ только ея часть, а другая нищенствуетъ, но когда всѣ зажиточны. Организму нужно то и другое для поддержанія его, какъ цѣлаго, обществу нужно то и другое, не какъ цѣлому, а въ каждой его части. Мозгъ работаетъ въ потемкахъ, глазу нуженъ свѣтъ, извѣстныя части изолированы отъ воздуха, безъ котораго легкія не могутъ работать, и мало ли еще что. До такого дифференцированія вы никогда не доведете членовъ общества: если его развитіе начинаетъ принимать такой характеръ, то односторонности, на которыя обрекаются личности, ведутъ къ крайне болѣзненнымъ явленіямъ, къ физическимъ уродствамъ, къ новымъ болѣзнямъ, къ вырожденію расы, къ безплодію, вымиранію. То, что для организма условіе здоровья, для общества—условіе болѣзни. Лишеніе личности ея автономіи ведетъ къ тому же, уровень ея развитія понижается, она превращается въ автоматъ, и общество такихъ автоматовъ клонится къ упадку. Интеграція мелкихъ соціальныхъ группъ въ крупныя сопровождаемыя крайностями централизаціи (а въ этомъ идеалъ организма), бываетъ также гибельна для частей, сосредоточивая въ центрѣ всю умственную жизнь и погружая все остальное въ невѣжественное существованіе. Словомъ, общество, по какимъ бы то ни было причинамъ пошедшее по пути органической эволюціи, приходитъ къ какому-то противорѣчію съ своей сущностью, дѣлающему невозможнымъ его дальнѣйшее развитіе, даже самое его существованіе: это будетъ вѣчная анархія, сдерживаемая постояннымъ деспотизмомъ,—личность въ войнѣ съ цѣлымъ, лишающимъ ее автономіи, одинъ классъ въ войнѣ съ другимъ, слишкомъ неодинаково распредѣлившимъ съ нимъ права и обязанности. Деспотизмъ и касты—вотъ общество, наиболѣе подходящее къ организму и менѣе всего объясняемое договоромъ. Примѣръ Индіи, несчастной столько вѣковъ Индіи, хорошій примѣръ «общественнаго организма».

Какъ происходитъ такое дифференцированіе и какія его слѣдствія? Вслѣдствіе разныхъ условій, которыя перечислять было бы слишкомъ долго, въ обществѣ всегда выдѣляются личности, которыя, будучи поставлены въ болѣе благопріятныя обстоятельства, чѣмъ другія, могутъ болѣе развиваться и, обладая большими знаніями, способностью къ бо-

лѣе цѣлесообразной дѣятельности, болѣе совершенной организацiей въ своей средѣ, обратить свои преимущества на то, чтобы захватить себѣ власть надъ массой, выдѣлить себя въ особое общество, экономически поработить массу. Эти немногiе такимъ образомъ начинали приспособлять общество къ своимъ потребностямъ, заставляли его служить себѣ. Поглощенiе другихъ единицъ цѣлымъ стало превращаться въ исключительную пользу избранниковъ судьбы, приспособившихъ это цѣлое къ своимъ потребностямъ. Если бы общество было конкретнымъ, невозможно было бы указать, какiя его части какимъ частямъ служатъ, ибо въ организмѣ всѣ одинаково поглощены цѣлымъ; но такъ какъ общество дискретно, то для различныхъ его членовъ возможны разныя степени служенiя цѣлому и разныя степени приспособленiя цѣлаго къ ихъ выгодамъ, откуда и происходитъ то, что отъ поглощенiя цѣлымъ однихъ членовъ выгоду получаютъ другiе. Ведетъ ли это къ упроченiю цѣлаго? Ничуть не бывало. Крайняя соцiальная дифференцiацiя создаетъ общество, подходящее близко къ организму, но къ организму весьма непрочному. Вслѣдствiе этого общество распадается на болѣе или менѣе солидарные классы, находящiеся въ антагонизмѣ: классъ, сдѣлавшiй изъ общественныхъ учрежденiй своего слугу, стремится сохранить за собой это положенiе, классъ, порабощенный въ служенiи цѣлому, стремится выбиться изъ этого состоянiя. Если хотите, оба функцiонируютъ, какъ органы цѣлаго, но въ то же время являются какъ бы двумя враждебными лагерями, и всеобщая солидарность исчезаетъ: органы единаго тѣла превращаются сами въ организмы, которые готовы пожрать другъ друга. Другими словами: чисто органическая эволюцiя общества приводитъ только къ болѣзненному состоянiю. То, отъ чего организмъ выигрываетъ,—поглощенiе части въ цѣломъ и крайнее различiе между частями—оказывается для общества гибельнымъ, влечетъ за собою непремѣнно разложенiе: единица либо стремится оторваться отъ цѣлаго, которое ее стѣсняетъ, либо, павъ въ неравной борьбѣ, влачитъ жалкое существованiе, не развивается, даже регрессируетъ; общество, распадаясь на касты съ противоположными интересами, либо живетъ въ постоянной анархiи, либо сдерживается грубымъ деспотизмомъ, который ради порядка мѣшаетъ всякому движенiю впередъ. Чтобы упрочиться, чтобы достигнуть дѣйствительной солидарности между своими частями, общество должно развиваться совершенно иначе, чѣмъ развивается организмъ. Если даже вѣрны всѣ аналогiи между строенiемъ организма и общества, то въ способѣ ихъ эволюцiи мы видимъ противоположность: съ одной стороны—развитiе цѣлаго на счетъ частей, съ другой—развитiе частей при помощи цѣлаго.

Передъ нами въ борьбѣ двѣ особи животнаго мiра, одна, находя-

щаяся на низшей ступени біологической эволюціи, плохо интегрированная, плохо дифференцированная, другая, стоящая на болѣе высокой ступени съ развитыми для опредѣленныхъ функцій органами, повинующимися цѣлому,—одна, словомъ, худшій, другая лучшій организмъ. Которая побѣдитъ въ этой борьбѣ? Конечно, вторая. Но вотъ передъ вами два общества: члены одного только орудіе въ чужихъ рукахъ, члены другого самостоятельные индивидуумы, члены одного, вслѣдствіе соціальной дифференціаціи, раздѣлены въ своихъ интересахъ на касты, находящіяся въ антагонизмѣ, члены другого, какъ равноправные граждане, проникнуты однимъ духомъ. Которое изъ этихъ двухъ обществъ болѣе похоже на организмъ? Конечно, первое, но въ данномъ случаѣ побѣда останется не на сторонѣ того, которое по всѣмъ статьямъ удовлетворитъ органистовъ: индивидуумы перваго выйдутъ въ бой менѣе способными дѣйствовать самостоятельно, менѣе солидарными, чѣмъ члены второго. Исторія представляетъ массу примѣровъ международной борьбы, изъ которой побѣдителями выходили общества именно второго рода.

Итакъ, формула біологической эволюціи не можетъ быть формулой соціальнаго прогресса. Развѣ можно назвать прогрессомъ тотъ процессъ, который создалъ кастическую Индію? Между тѣмъ аналогія съ органическимъ развитіемъ тутъ до такой степени бросается въ глаза, что у брамановъ создалась цѣлая легенда о происхожденіи отдѣльныхъ кастъ изъ разныхъ частей тѣла Брамы. Касты съ своими различными ролями въ обществѣ — это какъ бы органы съ своими спеціальными функціями, и цѣлое положительно напоминаетъ республику Платона или гоббсовскаго Левіаѳана. Этотъ примѣръ Индіи показываетъ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ общество способно идти по пути органической эволюціи, хотя и не можетъ совершенно превратиться въ организмъ; но это путь болѣзни, путь размноженія, путь смерти. Путь жизни для обществъ иной: эманципація личности, уничтоженіе всего, что похоже на касту.

V.

Современная соціологія поставила себѣ задачу громадной важности— открыть законы соціальнаго развитія. Есть три пути, по которымъ можно идти къ разрѣшенію этой задачи.

Во-первыхъ, аналогія. Не развивается ли общество такъ же, какъ организмъ? Многіе на этотъ вопросъ отвѣчаютъ утвердительно. Мы видѣли, къ чему это ведетъ.

Во-вторыхъ, сравнительное изученіе политическихъ, юридическихъ, экономическихъ учрежденій. Въ настоящее время, когда сравнительный

методъ дѣлаетъ столь быстрые успѣхи и важность его чувствуется все болѣе и болѣе, незачѣмъ особенно распространяться объ этомъ методѣ.

Въ-третьихъ, построеніе соціологіи сверху. Чтобы начертать картину органической эволюціи, біологи должны были имѣть передъ глазами всѣ ступени этой эволюціи отъ самыхъ простыхъ, несовершенныхъ существъ до самыхъ сложныхъ и совершенныхъ; только при исполненіи этого условія они могли дать намъ извѣстную формулу, по которой развивается все живое. Соціологъ находится въ худшемъ положеніи: онъ имѣетъ передъ собою разныя общества на разныхъ ступеняхъ развитія, но въ мірѣ еще не существуетъ совершеннаго общества. Какимъ же образомъ можетъ онъ дать формулу соціальнаго развитія? Чего мы не имѣемъ въ дѣйствительности, то можемъ создать въ воображеніи, и между прочимъ мы можемъ создать идеалъ совершеннаго общества. Совершенно то, что удовлетворяетъ своему назначенію. Назначеніе организма—жить, совершенный организмъ тотъ, который способенъ дольше и полнѣе жить, а для этого требуется по возможности сложная организація, наибольшая индивидуализація цѣлаго и наибольшая дифференціація его органовъ: таковы результаты біологической философіи. Общество имѣетъ также свое назначеніе: соціальная жизнь возникла естественно изъ потребностей людей во взаимной помощи и охранѣ, и то общество наиболѣе совершенно, которое самымъ полнымъ образомъ обезпечиваетъ личность. Поэтому теорія соціальной эволюціи должна показать, въ чемъ заключается развитіе общества въ смыслѣ приближенія его къ тому, что можетъ быть названо предѣломъ его развитія. Организмъ не можетъ идти далѣе того момента, когда является въ немъ сознаніе своей индивидуальности, своего *я*, и когда различные его органы являются только орудіями этого *я* для воздѣйствія на внѣшній міръ. Общество, съ своей стороны, не можетъ идти далѣе того момента, когда оно вполнѣ удовлетворяетъ потребностямъ своихъ членовъ, когда оно является въ видѣ всеобщей коопераціи, основанной на сознательной солидарности личностей.

Ни одинъ изъ этихъ методовъ, въ отдѣльности взятый, не можетъ создать соціологіи, равно какъ ни къ чему не приведетъ соединеніе второго и третьяго съ первымъ. Сравнительное изученіе политической, юридической и экономической жизни предполагаетъ массу такихъ данныхъ, которыя не подведутся ни подъ какую аналогію органической теоріи. Возьмемъ, наприм., семью: первобытная семья, вышедшая изъ болѣе ранняго безразличія половыхъ отношеній, складывается въ общественную единицу, способную воспринять всѣ признаки организма: поглощеніе личности въ цѣломъ, крайнее неравенство между членами; но развитіе матримоніальнаго права состоитъ именно въ эманципаціи личности,

въ ея уравненіи съ другою: *potestas patria* ограничивается, опека мужа надъ женой ослабляется, сыновья уравниваются съ дочерями, различіе занятій между членами семьи сглаживается. Нечего говорить также о несовмѣстимости перваго метода съ третьимъ: формула органическаго развитія и формула соціальнаго не могутъ совпадать потому, что предѣлъ развитія организма—наибольшее приспособленіе частей нуждамъ цѣлаго, предѣлъразвитія общества—наибольшее приспособленіе цѣлаго къ потребностямъ частей. Остается такимъ образомъ соединеніе второго и третьяго методовъ: одинъ даетъ матеріалъ, факты, другой—объединяющую идею; одинъ долженъ показать, насколько дѣйствительность позволяетъ говорить о постепенномъ приспособленіи соціальныхъ союзовъ къ потребностямъ ихъ членовъ, другой долженъ постоянно напоминать о томъ, что составляетъ существенную сторону изучаемыхъ первымъ методомъ процессовъ. Какъ можетъ на пользу науки произойти подобное соединеніе, это другой вопросъ, котораго здѣсь мы не станемъ подробно разсматривать.

Но неужели первый методъ такъ-таки ни къ чему не можетъ послужить? Неужели всѣ аналогіи органической теоріи вздорны? Нѣтъ, этого утверждать мы не станемъ: общество, дѣйствительно, не могло бы развиваться иначе, какъ организмъ, если бы въ личностяхъ, его составляющихъ, не развивалось сознаніе всей самостоятельности и полноты собственнаго *я*, и соціологія должна показать, какъ прогрессъ соціальный стремится къ типу органической эволюціи всякій разъ, какъ мы имѣемъ дѣло съ неразвитою личностью. Значеніе біологической формулы въ соціологіи поэтому чисто отрицательное, какъ изученіе процесса діаметрально-противоположнаго процессу соціальному: общество развивается совсѣмъ не такъ, какъ организмъ; соціальная эволюція прекращается, какъ только принимаетъ органическія формы. Біологическая формула есть, такъ сказать, отрицательная мѣрка прогресса, и понятно, что раннія формы общежитія могли сложиться только именно по этому низшему типу коллективнаго существованія. Все, что было продуктомъ развитія этого типа, относится не къ соціальному, а антисоціальному развитію, не къ прогрессу, а къ регрессу. Мы сейчасъ сказали, гдѣ причина возможности подобныхъ явленій—въ слабомъ развитіи личности, не сознающей своего права и неумѣющей его отстоять, а потому нельзя понять соціальнаго прогресса безъ прогресса умственнаго и нравственнаго, входящихъ въ область психологіи. Не будь въ обществѣ этого психическаго элемента, общество могло бы развиваться только по органической формулѣ, но психическій элементъ проникаетъ во всѣ соціальные факты, дѣлая изъ психологіи истинную основу соціологіи. Итакъ, вотъ роль аналогическаго метода въ соціологіи — по-

казывать, что совершается въ обществѣ, когда оно измѣняется, но въ то же время не развивается, объяснять возвращеніе къ низшей ступени въ эволюціи коллективныхъ существъ слабостью того психическаго элемента, который и кладетъ главнымъ образомъ грань между организмомъ и обществомъ. Не о такой роли своихъ аналогій мечтаютъ органисты и глубоко ошибаются: вмѣсто того, чтобы строить соціологію сверху, отъ идеала, и снизу, отъ частныхъ фактовъ, они строятъ ее какъ-то сбоку, не удовлетворяя ни тѣхъ, которые создаютъ общественные идеалы, ни тѣхъ, которые кропотливо изслѣдуютъ соціальные факты, ни тѣхъ, которые стремятся соединить оба эти метода.

Но откуда въ такомъ случаѣ эта «мода» на органическія теоріи?

Во-первыхъ, это—совершенно законная реакція противъ соціологическихъ взглядовъ XVIII вѣка, который былъ далекъ отъ того, чтобы видѣть въ обществѣ нѣчто существующее и развивающееся чисто естественнымъ образомъ. Не современные органисты начали эту реакцію: въ этомъ отношеніи они имѣютъ многочисленныхъ предшественниковъ, которые уже указывали раньше на то, что общество не есть нѣчто механическое и искусственное, но нѣчто живое и естественное. Говоря объ обществѣ, какъ организмѣ, эти писатели были однако далеко отъ біологическихъ аналогій: они имѣли въ виду только то, что въ обществѣ, какъ и въ организмѣ, мы имѣемъ дѣло съ взаимодѣйствіемъ частей, поддерживающимъ и сохраняющимъ цѣлое, съ закономѣрной связью между предыдущими и послѣдующими состояніями общества. Только немногіе шли далѣе и, возводя къ общимъ принципамъ формы несовершеннаго общежитія, пускались въ сравненія соціальнаго аггрегата съ организмомъ, въ сравненія, ни къ чему однако серьезно не обязывавшія, игравшія часто роль только пояснительныхъ примѣровъ. Отъ этой категоріи своихъ предшественниковъ современные органисты торжественно отказываются, они смѣются надъ ненаучной аллегоризаціей, надъ желаніемъ найти въ обществѣ голову, руки, сердце, легкія и т. п., и это совершенно справедливо, но они не хотѣли ограничиться указаніемъ на тѣ общія черты, которыя одинаково характеризуютъ и организмъ, и общество—на сохраненіе цѣлаго при помощи взаимодѣйствія частей и на строгую послѣдовательность постепеннаго развитія цѣлаго изъ его первоначальнаго зародыша. И вотъ это-то повело ихъ далѣе отъ нахожденія одинаковыхъ признаковъ, къ отыскиванію совершенно однихъ и тѣхъ же признаковъ. Они избѣжали ненаучной аллегоризаціи, но это не спасло ихъ отъ ненаучной аналогіи: организмъ развивается такъ-то, слѣдовательно, и общество должно развиваться такъ же, по той же формулѣ. Сходство общества и организма въ одномъ отношеніи они перевели въ ихъ тождество во всѣхъ отношеніяхъ и

должны либо впадать въ многочисленныя противорѣчія сами съ собою, либо прибѣгать къ натяжкамъ, приводить односторонніе взгляды, закрывать глаза на неподдающіяся аналогіи стороны дѣла. Реакція противъ раціонализма XVIII вѣка зашла такимъ образомъ слишкомъ далеко: общество перестало быть искусственнымъ механизмомъ, который можно передѣлывать, какъ и когда угодно, но по этому одному еще не должно было, какъ нѣчто живое и естественное, непремѣнно превратиться въ организмъ.

Къ этимъ обстоятельствамъ присоединилось еще одно. Что бы ни утверждали современные соціологи о самостоятельности и независимости своихъ взглядовъ, всѣ они, какъ соціологи, имѣютъ своего родоначальника въ Огюстѣ Контѣ, и какъ бы далеко они съ нимъ ни расходились въ очень крупныхъ вещахъ, въ одномъ пунктѣ они крѣпко держатся за контовскую традицію. Мы говоримъ тутъ о томъ отношеніи, въ которое Контъ поставилъ соціологію къ біологіи. Имѣя какое-то отвращеніе къ психологіи, основатель позитивной философіи свелъ ея задачу на скромную роль физіологіи мозга, какого-то придатка біологіи, вслѣдствіе чего не далъ психологіи мѣста въ іерархическомъ ряду основныхъ наукъ,—мѣста, подобающаго ей между біологіей и соціологіей. Науки о жизни и общественности, которыя должны быть естественно раздѣлены наукой о духѣ, очутились рядомъ: если «духъ» немыслимъ внѣ жизни, то общество немыслимо безъ «духа», т.-е., говоря проще, безъ психической связи, безъ психическаго взаимодѣйствія своихъ членовъ. Контъ сознательно выкинулъ этотъ средній терминъ, соціологія непосредственно примкнула къ біологіи, и общество должно было разсматриваться, какъ организмъ высшаго порядка, совершенно *такъ же* складывающійся и развивающійся, какъ складываются и развиваются всѣ организмы. Правда, Контъ самъ избѣжалъ ошибки, вытекающей изъ его классификаціи наукъ, но другіе соціологи приняли эту классификацію, по крайней мѣрѣ, что касается мѣстъ, отводимыхъ ею соціологіи и біологіи: они естественно обратились къ наукѣ о жизни, а эта между тѣмъ самымъ ходомъ своего развитія стала приходить къ теоріи о томъ, что каждый организмъ есть въ сущности ассоціація низшихъ, элементарныхъ организмовъ. Какъ было не воспользоваться этой теоріей и не отождествить общества, какъ организма, съ организмомъ, какъ обществомъ!

Пора разобрать, наконецъ, гдѣ истина, гдѣ заблужденіе. Обѣ вещи, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, представляютъ изъ себя сложныя цѣлыя, сохраняемыя солидарностью частей и естественно развивающіяся извнутри. Но далѣе значительныя несходства. Одно цѣлое таково въ физическомъ смыслѣ, въ матеріальномъ, другое—въ смыслѣ духовномъ,

абстрактномъ; части, изъ которыхъ сложено одно, низшіе жизненные элементы, части другого—развившіяся до самосознанія особи; въ одномъ тѣлѣ солидарнѣе части, чѣмъ онѣ болѣе играютъ роль служебныхъ органовъ цѣлаго, чѣмъ болѣе онѣ поглощены и непохожи одна на другую, въ другомъ солидарность увеличивается по мѣрѣ того, какъ цѣлое лучше приспособляется къ потребностямъ своихъ частей, по мѣрѣ того, какъ части все болѣе и болѣе приближаются къ равенству; и организмъ, и общество развиваются извнутри, но во второмъ дѣло усложняется тѣмъ, что особи, входящія въ его составъ, являясь въ качествѣ реформаторовъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, дѣйствуютъ на него какъ бы извнѣ, какъ художники, обрабатывающіе пластическій матеріалъ. Вотъ почему общество, какъ цѣлое, не имѣетъ, подобно организму, физическихъ границъ, вотъ почему связующимъ элементомъ является въ немъ духъ (конечно, не въ метафизическомъ смыслѣ, а въ значеніи психическихъ процессовъ), вотъ почему то, что обезпечиваетъ солидарность органическую, дѣлается гибельнымъ для солидарности соціальной, вотъ почему успѣхи общественнаго развитія зависятъ отъ сознательной и цѣлесообразной дѣятельности личностей, которыя являются реформаторами общества, работаютъ надъ его усовершенствованіемъ, какъ художники по отношенію къ произведенію искусства.

Органическая теорія, послѣдовательная въ своихъ аналогіяхъ, должна отрицать очевидность—зависимость соціальной эволюціи отъ сознательной и цѣлесообразной дѣятельности членовъ общества. Не то мы хотимъ сказать, что одна сознательная дѣятельность людей управляетъ судьбами общества, не то, что люди получаютъ всегда именно тѣ результаты, которыхъ ожидаютъ, а то, что человѣкъ сознательно желаетъ для общества тѣхъ или другихъ перемѣнъ и сообразно съ цѣлью, къ которой стремится, располагаетъ свою дѣятельность, и такая дѣятельность становится однимъ изъ факторовъ совершающихся въ состояніи общества перемѣнъ. Возьмите первобытное общество, естественно сложившееся, и болѣе позднее, какъ результатъ уже извѣстной дѣятельности мысли, обдуманности, преднамѣренности, или возьмите первоначальное обычное право, выработавшееся самопроизвольно (spontanément) изъ данныхъ отношеній, и право позднѣйшее, результатъ очень сложныхъ процессовъ творчества законодателей, юристовъ и философовъ. И вездѣ такъ, вездѣ общество не только живетъ своею естественною жизнью, но и *творится* людьми по извѣстнымъ идеаламъ. Развитія общества мы не найдемъ поэтому безъ знанія законовъ человѣческаго творчества, безъ той послѣдовательности, которую наука можетъ обнаружить въ развитіи человѣческихъ идеаловъ.

Что же такое общество? Теперь это ни совершенный организмъ, ни

совершенное произведеніе искусства, но вся соціальная эволюція указываетъ на то, чѣмъ оно должно быть, а быть оно должно *живымъ произведеніемъ искусства*, гармоническимъ сочетаніемъ личностей, солидарныхъ при сохраненіи своей индивидуальности и остающихся индивидуалистичными безъ антагонизма съ другими. Формула соціальной эволюціи должна показать, какъ естественный продуктъ надорганическаго развитія, выражаясь терминомъ Спенсера, развивается въ высочайшее произведеніе человѣческаго духа, воплощенное въ общественныхъ формахъ.

Экономическій матеріализмъ въ исторіи [1].

I.

Экономическое или матеріалистическое воззрѣніе въ исторіи, о которомъ въ настоящее время такъ много говорятъ, стремится вытѣснить противоположное ему историческое міросозерцаніе, которое господствовало раньше и заключалось въ объясненіи историческаго процесса изъ психологическаго, или идейнаго начала. Въ спорѣ историческаго идеализма и историческаго матеріализма историкъ долженъ занять положеніе, такъ сказать, дружественнаго нейтралитета. Идеалистическое объясненіе исторіи, имѣющее свои глубокія основанія въ прошломъ нашей науки и въ самой жизни, ею изучаемой, страдаетъ тѣмъ не менѣе односторонностью, и въ этомъ смыслѣ возникновеніе матеріалистическаго міросозерцанія было шагомъ впередъ на пути выясненія сущности историческаго процесса; но если и развитіе науки, и сама историческая жизнь, дали извѣстныя и притомъ очень прочныя основанія для новой точки зрѣнія, то—поскольку послѣдняя дѣлается исключительною—и она тоже представляется намъ одностороннею, а потому и не имѣющею права на то, чтобы совершенно вытѣснить прежнюю точку зрѣнія. Историкъ, т.-е. представитель науки, стремящейся къ всестороннему пониманію культурной и соціальной жизни человѣчества, какою она дается въ историческомъ опытѣ,—въ спорѣ между идеализмомъ и матеріализмомъ долженъ именно занять нейтральное положеніе: и психологическое, и экономическое направленіе исторіи для него *одинаково вѣрны*, поскольку они, имѣя каждое свои научныя основанія, дополняютъ другъ друга,—и *одинаково же невѣрны*, разъ одно стремится совершенно устранить другое. Эта мысль рано или поздно,

[1]) Статья эта представляетъ общій сводъ того, что было содержаніемъ слѣдующихъ статей автора: «Политическая экономія и теорія историческаго процесса» (Истор. Обозрѣніе, т. II), «Экономическое направленіе въ исторіи» (Юрид. Вѣстн. 1891 г.), «Замѣтки объ экономическомъ направленіи въ исторіи» (Истор. Обозрѣніе, т. IV), «Источники историческихъ перемѣнъ» («Рус. Бог.» 1892 г.), «По поводу новой формулировки матеріальной исторіи» (Ист. Обозр., V), «Новая попытка экономическаго обоснованія исторіи» (Рус. Бог. 1894 г.).

думаемъ мы, должна сдѣлаться общимъ достояніемъ, и на развитіи основныхъ историко-философскихъ концепцій и здѣсь повторится извѣстный діалектическій законъ Гегеля, примѣняемый, какъ мы увидимъ, самими экономическими матеріалистами къ историческому процессу. Въ исторіи пониманія основъ культурно-соціальнаго развитія человѣчества объясненіе *всего* этого развитія изъ *одного* духовнаго начала было первымъ моментомъ, т.-е. тезисомъ, и можно исторически доказать необходимость именно такого тезиса. Цѣлый рядъ очень важныхъ притомъ явленій исторической жизни, однако, не могъ быть объясненъ изъ этого начала, и опять-таки исторически можно оправдать возникновеніе противоположной точки зрѣнія, составляющей второй моментъ, или антитезу: указавъ на факты, не объясняемые первою точкою зрѣнія, открывъ истинный ихъ источникъ, новое направленіе пошло еще далѣе, сдѣлавъ попытку и тѣ факты, которые совершенно удовлетворительно объясняются психологіей, объяснять экономіей. Чѣмъ, однако, сильнѣе будетъ обнаруживаться тенденція экономическаго матеріализма къ вытѣсненію психологіи изъ той области, гдѣ самымъ законнымъ является объясненіе психологическое, тѣмъ все болѣе и болѣе очевидною будетъ дѣлаться несостоятельность экономическаго матеріализма, въ роли всеобъемлющей теоріи историческаго процесса, какъ сдѣлалась раньше очевидною несостоятельность въ той же роли и психологическаго идеализма, лишь только открылась сторона исторіи, потребовавшая экономическаго объясненія. За первымъ и вторымъ моментами надлежитъ наступить третьему моменту: односторонности тезиса и антитезы найдутъ свое примиреніе въ синтезѣ, какъ выраженіи полной истины. Въ чемъ будетъ заключаться такой синтезъ, объ этомъ я пока говорить не стану. Считаю нужнымъ ограничиться лишь нѣкоторыми соображеніями, доказывающими, по моему мнѣнію, необходимость синтеза идеалистической и матеріалистической точекъ зрѣнія.

Единственное реальное существо, съ которымъ имѣетъ дѣло историческая наука, есть человѣческая личность. Лишь человѣческія личности мыслятъ, чувствуютъ, желаютъ, наслаждаются и страдаютъ, ставятъ себѣ цѣли, стремятся къ ихъ достиженію, дѣйствуютъ. Народы и государства съ своими правительствами, общественные слои и классы, сословія и партіи и т. п. состоятъ изъ отдѣльныхъ личностей, взглядами, настроеніями и побужденіями коихъ опредѣляется направленіе дѣятельности каждой такой группы. Культурныя и соціальныя формы существуютъ лишь въ личностяхъ или чрезъ личности. Но каждая человѣческая личность, состоя изъ тѣла и души, ведетъ двоякую жизнь— физическую и психическую, не являясь передъ нами ни исключительно плотью съ ея матеріальными потребностями, ни исключительно духомъ

съ его потребностями интеллектуальными и моральными. И у тѣла, и у души человѣка есть свои потребности, ищущія своего удовлетворенія и ставящія отдѣльную личность въ различныя отношенія къ внѣшнему міру, т.-е. къ природѣ и къ другимъ людямъ, т.-е. къ обществу, и эти отношенія бываютъ двоякаго рода. Человѣкъ нуждается въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, и на почвѣ этихъ потребностей человѣка возникаетъ его чисто матеріалистическое, если можно такъ выразиться, отношеніе къ природѣ; но та же природа вызываетъ съ его стороны и духовное къ себѣ отношеніе, являясь предметомъ его удивленія и пытливости его ума: отношеніе человѣка къ природѣ въ зависимости отъ физическихъ и духовныхъ потребностей личности создаетъ поэтому, съ одной стороны, разнаго рода искусства, направленныя на то, чтобы обезпечивать матеріальное существованіе личности, съ другой стороны—всю умственную и нравственную культуру, т.-е. миѳологію и религію, философію и науку, литературу и художества, которыя служатъ удовлетворенію духовныхъ потребностей личности. Объяснять экономически возникновеніе разныхъ видовъ теоретическаго отношенія человѣка къ внѣшнему міру (да и къ самому себѣ), къ вопросамъ бытія и познанія, равно какъ возникновеніе безкорыстнаго творческаго воспроизведенія внѣшнихъ явленій (да и собственныхъ своихъ помысловъ), было бы столь же мало научно, сколь ненаучно было бы отыскивать во внутренней психической жизни личности причины возникновенія звѣроловства, скотоводства, земледѣлія, обрабатывающей промышленности, торговли и денежныхъ операцій.

Взаимныя отношенія между личностями, создающія общественную жизнь, равнымъ образомъ имѣютъ двоякій характеръ. Существованіе общества немыслимо безъ психическаго взаимодѣйствія между отдѣльными личностями, его составляющими, и на почвѣ этого взаимодѣйствія только возникаютъ всѣ явленія духовной культуры цѣлаго народа, обмѣнъ мыслей и настроеній и языкъ, какъ главное его орудіе, общія представленія и вѣрованія, воззрѣнія и знанія, преданія и чаянія, какъ содержаніе духовной культуры всего народа или какой-либо его части, безкорыстный интересъ къ чужому *я* и то чувство симпатіи или альтруизма, которое есть одинъ изъ основныхъ источниковъ морали, наконецъ, чисто духовная солидарность, какая связываетъ въ одно цѣлое нематеріальными узами общаго языка или общихъ вѣрованій людей одной и той же національности или одного и того же вѣроисповѣданія.

Общество, сказали мы, никакимъ образомъ не можетъ существовать безъ психическаго взаимодѣйствія его членовъ, лежащаго и въ основѣ всей его духовной культуры; но общество немыслимо и безъ того практическаго взаимодѣйствія между личностями, которое заключается не

въ обмѣнѣ мыслями и настроеніями, а въ обмѣнѣ услугами и продуктами, лежащемъ въ основѣ экономическаго и политическаго строя. Обмѣнъ услугъ и продуктовъ былъ бы невозможенъ безъ психическаго взаимодѣйствія, но и послѣднее само по себѣ, безъ участія экономическихъ взаимоотношеній, было бы не въ состояніи сплотить между собою отдѣльныя личности въ одно цѣлое. Такимъ образомъ, общество имѣетъ двоякую основу — психическую и экономическую, духовное взаимодѣйствіе и взаимоотношенія на почвѣ матеріальныхъ интересовъ, причемъ духовная культура, испытывая въ бо̀льшей или меньшей степени на себѣ вліяніе соціальнаго строя, имѣетъ свой главный источникъ въ тѣхъ отношеніяхъ личности къ внѣшнему міру и другимъ личностямъ, которыя такъ или иначе возникаютъ на почвѣ ея духовныхъ потребностей и стремленій, а соціальный строй, подвергаясь бо̀льшему или меньшему дѣйствію со стороны духовной культуры, основывается преимущественно на тѣхъ отношеніяхъ человѣка къ природѣ и другимъ себѣ подобнымъ, которыя объясняются нуждами и интересами чисто матеріальнаго существованія личности.

Идеалистическое направленіе исторіологіи было бы совершенно право, если бы человѣкъ былъ безплотнымъ духомъ, и если бы потому его интересъ къ внѣшнему міру былъ только интеллектуальнымъ или эстетическимъ, а его отношенія къ другимъ людямъ—только моральнаго свойства, вслѣдствіе чего, наприм., и въ основѣ народной жизни лежала бы одна психическая связь,—безъ которой, впрочемъ, немыслимо никакое общеніе,—но этого нѣтъ, и идеалистическое направленіе было бы не только односторонне, но прямо невѣрно, если бы, не смѣя игнорировать фактовъ, имѣющихъ происхожденіе въ матеріальной сторонѣ человѣческаго бытія, оно стало и ихъ сводить къ чисто духовной основѣ. Совершенно такъ же и экономическій матеріализмъ оказался бы непремѣнно правымъ, если бы человѣкъ жилъ только одними матеріальными потребностями и стремленіями и если бы по этой причинѣ его отношенія къ природѣ и къ другимъ людямъ опредѣлялись лишь необходимостью въ борьбѣ съ ними или при ихъ помощи удовлетворять своей потребности въ пищѣ, одеждѣ и жильѣ и своему стремленію къ улучшенію вообще всего матеріальнаго быта; но именно этого-то въ дѣйствительности не существуетъ, и односторонность экономическаго матеріализма переходитъ въ прямое несоотвѣтствіе съ реальными отношеніями общественной жизни, когда, не имѣя возможности отрицать существованія у этой жизни и другой стороны, объясняемой духовною стороною личности, оно стремится придумать и для всѣхъ интеллектуальныхъ, моральныхъ и эстетическихъ явленій чисто матеріальную основу. Историку и соціологу вовсе не приходится разрѣшать фило-

софскаго вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ духа и матеріи. Правъ ли спиритуализмъ, или правъ матеріализмъ, изъ коихъ каждый занимаетъ позицію, изъ которой никогда не можетъ быть, повидимому, выбитъ своимъ противникомъ,—или же оба неправы, и нужно представлять себѣ духъ и матерію лишь какъ проявленія одной и той же внѣ-опытной сущности,—но тотъ, кто изучаетъ общество и его исторію, имѣетъ дѣло съ несомнѣнною двойственностью матеріально-духовной природы человѣка. Если единственнымъ реальнымъ существомъ, съ коимъ имѣетъ дѣло историческая наука, является человѣческая личность, то нужно брать ее такъ, какъ даетъ ее намъ опытъ, т.-е. не въ смыслѣ одного только духа и не въ смыслѣ одной только плоти, памятуя при этомъ, что лишь въ исключительныхъ случаяхъ въ ту или другую сторону преобладаетъ или духъ, или плоть, и что большинство людей и въ общемъ наиболѣе продолжительные періоды времени характеризуются такими отношеніями между обѣими сторонами человѣческаго бытія, при существованіи которыхъ не атрофируются окончательно ни потребности души, ни потребности тѣла. Отсюда, полагаемъ, совершенно ясна невозможность сведенія *всей* исторической жизни къ *одному* началу, если этимъ началомъ будетъ не цѣльная человѣческая личность съ ея духовною и матеріальною сторонами, а именно лишь одна изъ этихъ сторонъ.

Мы не пишемъ полной теоріи историческаго процесса и потому не разсматриваемъ здѣсь вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ, существующихъ между духовною культурою съ ея чисто-психической основой и соціальнымъ строемъ съ чисто-экономической подкладкой послѣдняго. Позволимъ себѣ только прибавить, что лишь становясь на такую синтетическую точку зрѣнія, признающую вѣрныя стороны психологическаго идеализма и экономическаго матеріализма, поскольку они дополняютъ другъ друга, и вооружающуюся противъ обоихъ направленій, поскольку одно стремится исключить другое,—лишь становясь именно на эту точку зрѣнія, возможно всесторонне охватить культурно-соціальную жизнь человѣчества.

Таково наше отношеніе къ предмету настоящей статьи: это не есть ни безусловное отрицаніе, ни безусловное признаніе,—это критическое изслѣдованіе, не принимающее ничего на вѣру и стремящееся найти объясненіе и своего рода оправданіе для положеній, не могущихъ быть признанными за истину.

II.

Отъ экономическаго матеріализма въ тѣсномъ смыслѣ нужно отличать экономическое направленіе въ исторіографіи, которое выражается

не столько въ теоретическомъ провозглашеніи экономики основою исторіи, сколько въ особомъ интересѣ къ экономической жизни, проявляющемся въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ работъ историческаго содержанія. Такой интересъ имѣетъ законныя основанія, и всякій историкъ, дорожащій полнотою и всесторонностью изображенія прошлой жизни, долженъ только радоваться тому, что столь важная сторона общественнаго быта, прежде мало обращавшая на себя вниманіе историковъ, сдѣлалась предметомъ спеціальнаго интереса, особенно въ наше время, когда экономическіе вопросы получили такое значеніе и въ практической жизни. Съ этой стороны опасность для исторической науки и, слѣдовательно, для научнаго пониманія дѣйствительности начинаетъ грозить лишь тогда, когда во имя интереса къ экономической сторонѣ исторіи начинаютъ отрицать всякій интересъ за другими ея сторонами, или когда утверждаютъ, будто только одна экономическая сторона исторіи можетъ быть предметомъ чисто научной разработки. Признавая законность и даже особую, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, важность экономическаго направленія, мы никакимъ образомъ не можемъ отрицать законности и такой же большой важности направленія чисто культурнаго: откуда бы ни шла исключительность, во имя всесторонняго освѣщенія прошлаго, историкъ долженъ давать отпоръ притязаніямъ, стремящимся такъ или иначе съузить задачу исторической науки. Мы не стали бы говорить объ этомъ, если бы въ литературѣ не высказывались мнѣнія именно такого рода, объясняющіяся, на нашъ взглядъ, тѣми новыми перспективами, которыя открыло передъ взорами историковъ изученіе экономическаго прошлаго народовъ. То, что произошло въ этомъ отношеніи съ экономическимъ направленіемъ, представляетъ изъ себя лишь одинъ изъ частныхъ случаевъ нѣкотораго общаго правила: всегда именно, когда происходило сближеніе между исторіей и той или другой научной спеціальностью, послѣдняя постоянно настолько увлекала нѣкоторую часть историковъ, внося въ ихъ науку новые факты и точки зрѣнія, что все остальное этою частью историковъ какъ бы забывалось или, по крайней мѣрѣ, оттѣснялось на задній планъ.

Сближеніе исторіи съ отдѣльными науками, изучающими культурно-соціальный міръ человѣка, началось около ста лѣтъ тому назадъ, при чемъ по отношенію къ однѣмъ наукамъ оно происходило раньше, по отношенію къ другимъ—позднѣе, но во всѣхъ случаяхъ оно совершалось обыкновенно аналогичнымъ путемъ, который былъ именно двоякій: съ одной стороны, въ изученіе предметовъ, коими занимаются указанныя науки, вносилась историческая точка зрѣнія, а съ нею и историческій методъ, съ другой—историки начинали обращать особенное вниманіе на явленія, до того времени разсматривавшіяся только теоретически.

Въ первомъ отношеніи происходившая въ разныхъ областяхъ знанія перемѣна имѣла то значеніе, что явленія, бравшіяся прежде, такъ сказать, въ неподвижномъ бытіи, начинали изучаться въ своемъ историческомъ развитіи, и, наприм., теоріи права или литературы, или экономическихъ явленій, считавшіяся обязательными для всѣхъ эпохъ и народовъ, уступали мѣсто теоріямъ, въ которыхъ на первый планъ выдвигалась идея обусловленности всѣхъ этихъ явленій извѣстнымъ временемъ и извѣстнымъ мѣстомъ. Этимъ вносилась въ прежнее теоретическое изученіе поправка,—поправка съ весьма важными результатами для общихъ взглядовъ на сущность и внутреннія отношенія упомянутыхъ сферъ народной жизни, хотя на первыхъ порахъ эта поправка стремилась обыкновенно упразднить и вполнѣ законныя стороны прежнихъ теорій, далекихъ отъ историческаго отношенія къ своимъ объектамъ. Несомнѣнно важное значеніе въ научномъ отношеніи имѣло и обращеніе самихъ историковъ къ праву, къ произведеніямъ литературы, къ хозяйственной жизни, которыми занимались раньше одни только профессіональные юристы, эстетики и экономисты: по мѣрѣ того, какъ историки пріобщали къ старымъ предметамъ своихъ занятій тотъ или другой новый предметъ, ихъ умственный кругозоръ расширялся, они шире захватывали жизнь народа: все глубже и глубже начинали проникать въ ея тайники, но, съ другой стороны, и здѣсь дѣло не обходилось безъ односторонностей и увлеченій.

Историческое направленіе въ экономической наукѣ и экономическое направленіе въ наукѣ исторической—относятся къ числу явленій сравнительно позднихъ. Сближенію между исторіей и политической экономіей предшествовало сближеніе исторіи съ другими науками, и въ этомъ отношеніи весьма любопытными примѣрами являются перемѣны, совершившіяся въ изученіи права и литературы, рано сдѣлавшихся самостоятельными предметами теоретической обработки. Нѣкоторыя явленія, возникшія на почвѣ двусторонняго сближенія между исторіей и политической экономіей, имѣли поэтому прецеденты въ тѣхъ фактахъ, которые наблюдаются въ болѣе раннихъ попыткахъ внести историческій методъ въ теоретическое изученіе разныхъ сферъ народной жизни и включить эти самыя сферы въ кругъ занятій исторіи. Поэтому, если историческая школа въ политической экономіи и экономическое направленіе въ исторической наукѣ дѣлаютъ нѣкоторыя ошибки, то въ ошибкахъ этихъ мы видимъ какъ бы повтореніе односторонностей и увлеченій, знакомыхъ намъ по другимъ примѣрамъ. Само повтореніе это однѣхъ и тѣхъ же ошибокъ въ разныхъ научныхъ направленіяхъ указываетъ, конечно, на дѣйствіе нѣкоторыхъ общихъ причинъ. Когда въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Германіи возникла такъ называемая «истори-

ческая школа права», начавшая разсматривать право не какъ неподвижную систему юридическихъ нормъ, какою оно представлялось прежнимъ юристамъ, а какъ нѣчто движущееся, измѣняющееся, развивающееся, то въ этой школѣ обнаружилась сильная тенденція противопоставить историческій взглядъ на право, какъ единственно и исключительно вѣрный, всѣмъ другимъ возможнымъ въ этой области точкамъ зрѣнія; историческое воззрѣніе иногда не допускало существованія научныхъ истинъ, примѣнимыхъ ко всѣмъ временамъ,—т.-е. того, что̀ на языкѣ новой науки носитъ названіе общихъ законовъ,—и даже прямо отрицало эти законы, а съ ними и общую теорію права во имя идеи о зависимости права отъ мѣстныхъ условій,—зависимости, конечно, существующей вездѣ и всегда, но не исключающей началъ, общихъ всѣмъ народамъ. Аналогичное отношеніе, быть можетъ, еще болѣе исключительное, мы встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ представителей исторической школы въ политической экономіи къ такъ называемому теоретическому направленію: ими признается одно мѣстное и временное и во имя его отрицается все постоянное и неизмѣнное, лежащее въ основѣ всего видимаго разнообразія, представляемаго отдѣльными народами и эпохами. Правда, старая юриспруденція грѣшила тѣмъ, что за это общее и вѣчное выдавала абстракціи, выросшія на почвѣ одного опредѣленнаго права, именно права римскаго, въ коемъ усматривался «писанный разумъ», какъ и теоретическая экономія возводила прежде на степень всеобщихъ и вѣчныхъ истинъ положенія, извлеченныя изъ наблюденій почти только надъ одною англійскою дѣйствительностью конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка; но зато и постановка всего вопроса о правѣ въ его теоретическихъ и практическихъ развѣтвленіяхъ исключительно на историческую точку зрѣнія мѣстныхъ и временныхъ особенностей была односторонностью.

Параллельно съ развитіемъ такой точки зрѣнія въ юриспруденціи нерѣдко все болѣе и болѣе преувеличивалось значеніе права и со стороны историковъ, которые въ этомъ предметѣ, вошедшемъ въ кругъ ихъ занятій, увидѣли какое-то новое откровеніе. «Подъ вліяніемъ чтеній Кавелина,—вспоминаетъ, напр., акад. Бестужевъ-Рюминъ,—у многихъ молодыхъ (его сверстниковъ) людей сложилось убѣжденіе, что исторія права есть самая важная часть исторіи, что смѣна институтовъ и понятій юридическихъ вполнѣ выражаетъ собою все историческое движеніе. Впрочемъ, мнѣніе это высказывалось тогда и за университетскими стѣнами». Подъ вліяніемъ такого мнѣнія находился и самъ передающій эту любопытную черту тогдашняго научнаго настроенія, и именно подъ вліяніемъ такого мнѣнія, разсказываетъ онъ дальше, зашелъ онъ разъ (въ 1847 г.) къ Погодину и началъ ему развивать

эту мысль. «Выслушавъ меня,—говоритъ разсказчикъ,—Погодинъ отвѣтилъ мнѣ одной фразой, вѣрность и глубину которой я понялъ только гораздо послѣ: «а св. Сергія куда вы дѣнете съ вашимъ юридическимъ характеромъ?» [1]). Подобное увлеченіе среди историковъ наблюдается и въ наши дни, съ тѣмъ только различіемъ именно, что «юридическій характеръ» замѣнился экономическимъ.

То же самое въ сущности происходило и при сближеніи исторіи съ теоріей словесности, т.-е. готовность отрицать всякое иное отношеніе къ произведеніямъ литературы, кромѣ чисто историческаго, съ одной стороны, и стремленіе свести чуть не всю исторію къ одной исторіи литературы,—съ другой. Иначе говоря, и тутъ были преувеличены и значеніе историческаго метода въ изученіи литературы, и значеніе изученія литературы для историка. Въ области изученія литературы до возникновенія историческаго направленія господствовала эстетическая критика, оцѣнивавшая содержаніе и форму литературныхъ произведеній на основаніи установленныхъ правилъ и положеній; но въ эстетическомъ отношеніи къ литературѣ были съ научной точки зрѣнія крупные недостатки, которые восполнились только историческимъ отношеніемъ къ произведеніямъ человѣческаго слова. По мѣрѣ того, какъ историческое отношеніе къ литературѣ все болѣе и болѣе пріобрѣтало почвы подъ ногами, оно начинало все съ большею и большею силою вытѣснять отношеніе эстетическое, и вообще абстрактно-теоретическое, объявляя его даже чуть ли не прямо совершенно незаконнымъ, и рядомъ съ такимъ исключительнымъ историцизмомъ, отвергающимъ при изученіи литературы эстетическую точку зрѣнія, слѣдуетъ поставить, съ другой стороны, увлеченіе литературой въ исторіи, дѣлающее изъ нея чуть не самое главное явленіе въ жизни народовъ. Лучшій примѣръ послѣдняго представляетъ собою Тэнъ, который высказался на этотъ счетъ весьма обстоятельно во введеніи къ своей извѣстной «Исторіи англійской литературы». «Изученіе литературы,—говоритъ онъ здѣсь,—совершенно преобразило исторію», ибо «съ помощью литературныхъ памятниковъ оказалось возможнымъ воскресить мысленное и чувственное міровоззрѣніе, какимъ руководились люди, жившіе нѣсколько столѣтій тому назадъ. Обсуждая эти міровоззрѣнія, историки нашли, что они-то именно и составляютъ факты первой важности. Стало ясно, что съ ними связаны самыя капитальныя событія, что они объясняютъ ихъ и, въ свою очередь, объясняются ими, и что имъ необходимо отвести въ исторіи

[1]) Сущность возраженія понятна. Св. Сергій есть также историческій фактъ, требующій объясненія, чтобы быть понятнымъ; но юридическаго въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего, а потому однимъ юридическимъ началомъ нельзя объяснить всю исторію.

почетное мѣсто». Посредствомъ литературныхъ произведеній историкъ проникаетъ во внутренній міръ, въ нихъ отразившійся, а исторія, по Тэну, и есть «въ сущности только психологическая задача». Поэтому,— говоритъ онъ,— «когда документъ богатъ и когда умѣешь объяснить его, то найдешь въ немъ не только психологію души, но и психологію вѣка, иногда психологію расы. Въ этомъ отношеніи, великая поэма, хорошій романъ, исповѣдь замѣчательнаго человѣка — гораздо поучительнѣе цѣлой груды историковъ и исторій». Само собою разумѣется, что съ этой точки зрѣнія историкъ долженъ весьма мало цѣнить источники, дающіе знаніе тѣхъ явленій жизни, коими особенно дорожатъ историки юридическаго и экономическаго направленій. И дѣйствительно, самъ Тэнъ заявляетъ, что онъ охотно отдалъ бы пятьдесятъ томовъ хартій и сто томовъ дипломатическихъ нотъ за мемуары Челлини, за посланія св. Павла, за застольныя бесѣды Лютера или за комедіи Аристофана. Доказываетъ онъ правильность своей точки зрѣнія тѣмъ, что между документами, которые объясняютъ намъ чувства предшествовавшихъ поколѣній, самое важное мѣсто занимаетъ литература, ибо «она похожа на тѣ удивительные, до невѣроятности чувствительные аппараты, съ помощью коихъ физики раскрываютъ и измѣряютъ малѣйшія и тончайшія измѣненія вещества. Конституціи, религіи,—прибавляетъ онъ,— не могутъ съ нею идти въ сравненіе; своды законовъ и догматовъ рисуютъ умъ слишкомъ общими чертами и безъ всякихъ оттѣнковъ». Отсюда ясно, что разъ исторія есть задача психологическая, то постигается она, главнымъ образомъ, посредствомъ изученія литературъ.

Все это, т.-е. и увлеченія экономистовъ историческимъ методомъ въ ущербъ другимъ способамъ изслѣдованія хозяйственныхъ явленій, и увлеченіе историковъ экономическимъ матеріаломъ въ ущербъ другимъ фактамъ, коими должна заниматься наука,—все это наблюдается нами и при сближеніи исторіи съ политической экономіей. Примѣровъ указаннаго увлеченія историковъ можно было бы указать не мало, и иногда явная односторонность прямо возводится въ систему, въ большинствѣ случаевъ, однако, безъ малѣйшей попытки аргументировать сколько-нибудь обстоятельно исключительно экономическую точку зрѣнія на исторію. Въ видѣ примѣра мы остановимся на одномъ изъ наиболѣе крупныхъ экономическихъ историковъ, недавно умершемъ Торольдѣ Роджерсѣ.

III.

Джэмсъ Торольдъ Роджерсъ [1]) издалъ первый томъ прославившаго

[1]) См. некрологъ Роджерса, написанный проф. И. В. Лучицкимъ, въ февральской книгѣ «Юридич. Вѣстника», за 1891 г.

его сочиненія по исторіи земледѣлія и цѣнъ въ Англіи (A history of agriculture and prices in England) въ 1866 г., и тогда уже онъ указывалъ на то, что экономическое выясненіе исторіи имѣетъ первостепенное значеніе для пониманія прошедшаго въ области ли юридическихъ древностей, дипломатическихъ интригъ, или военныхъ походовъ. Въ 1888 г., за два года до смерти, онъ издалъ VI томъ своей исторіи цѣнъ и свое «Экономическое объясненіе исторіи» (Economic interpretation of history), въ которой повторилъ то же самое. Онъ былъ профессоромъ политической экономіи въ Оксфордѣ (1862—1867 гг. и 1888—1890 гг.), причемъ его экономическіе взгляды, слагавшіеся подъ вліяніемъ Кобдена и Милля, въ сущности были манчестерскими и по нѣкоторымъ пунктамъ оставались такими до самой его смерти. Весьма поздно онъ создалъ самостоятельные взгляды по разнымъ вопросамъ политической экономіи, подвергнувъ критикѣ съ исторической точки зрѣнія отдѣльныя положенія своихъ учителей (Manual of political Economy, 1868 г.); но его теоретическіе выводы были объявлены со стороны спеціалистовъ за довольно слабые. Обозрѣвая его ученую и политическую дѣятельность въ этотъ періодъ его жизни, мы не обнаруживаемъ въ ней ни малѣйшихъ слѣдовъ соціализма, и это одно, въ согласіи съ другими данными его біографіи, указываетъ на независимость его историко-экономической теоріи отъ экономическаго матеріализма Маркса. Свою теорію онъ и излагаетъ весьма поверхностно въ упомянутой «The economic interpretation of history», особенно въ первой главѣ книги—объ экономической сторонѣ исторіи (The economical side of history), давая въ ней больше историческіе примѣры, доказывающіе важность «экономической стороны» исторіи, нежели какія-либо отвлеченныя теоремы [1]). Слабость теоретическаго мышленія, обнаружившаяся въ экономическихъ трактатахъ Роджерса, сказалась и на тѣхъ страницахъ его книги, на которыхъ онъ излагаетъ свои соображенія объ экономической сторонѣ исторіи. Къ абстрактному мышленію онъ, повидимому, вообще относился съ недовѣріемъ и, наприм., въ предисловіи прямо заявляетъ, что давно уже сталъ подозрѣвать, не есть ли политическая экономія простое «собраніе логомахій, имѣющихъ лишь малое отношеніе къ фактамъ общественной жизни». Занявшись изученіемъ остававшихся прежде совершенно неизвѣстными фактовъ изъ соціальной жизни отдаленныхъ временъ, онъ «началъ открывать, что многое, кажущееся для популярныхъ экономистовъ естественнымъ, само по себѣ въ высшей степени искусственно; что то, чему они даютъ назва-

---

[1]) Самая книга съ такимъ многообѣщающимъ заглавіемъ есть не что иное, какъ сборникъ десятковъ двухъ небольшихъ изслѣдованій по отдѣльнымъ вопросамъ спеціально англійской экономической исторіи.

ніе законовъ, слишкомъ часто суть только поспѣшныя, непродуманныя и неточныя обобщенія, и что многое изъ того, въ чемъ они видятъ нѣчто завѣдомо безспорное, оказывается завѣдомо ложнымъ». Отсюда Роджерсъ заключилъ, что политическая экономія находится на дурной дорогѣ; главнымъ образомъ съ этой точки зрѣнія онъ противополагалъ англійской абстрактной (metaphysical) политической экономіи свое историческое изслѣдованіе. Вообще же онъ думаетъ, что именно экономическая наука способна объяснить всю общественную жизнь: «political économy, rightly taken, is the interpretation of alls social conditions».

Первая глава книги прямо начинается съ нападенія на историковъ за малое вниманіе, какое они, по мнѣнію Роджерса, обращаютъ на экономическіе факты. «Во всѣхъ почти исторіяхъ,—говоритъ онъ, — и во всѣхъ почти сочиненіяхъ по политической экономіи находятся обыкновенно въ пренебреженіи собираніе и объясненіе экономическихъ фактовъ, подъ чѣмъ я разумѣю такія извѣстія, которыя рисуютъ общественную жизнь и распредѣленіе богатства въ различныя эпохи исторіи человѣчества. Но,—прибавляетъ онъ,—пренебреженіе это дѣлаетъ исторію неточной или, по крайней мѣрѣ, несовершенной». Роджерсъ оговаривается, однако, что «даже самыя сухія лѣтописи признаютъ нѣкоторые изъ этихъ фактовъ, даже когда имъ не удается ихъ объяснить. Каждый историкъ, напримѣръ, — говоритъ онъ, — отмѣчаетъ моровую язву XIV в. Онъ наблюдаетъ, что англійскіе короли въ своихъ попыткахъ относительно Франціи неизмѣнно старались привлечь Нидерланды на свою сторону. Онъ сообщаетъ тотъ фактъ, что въ послѣдней четверти XIV вѣка было большое возмущеніе въ Англіи, ожесточенное междоусобіе въ XV в., серьезное ослабленіе англійской славы въ XVI в. Но эти историки никогда не дѣлали попытки открыть, не содѣйствовали ли могущественнымъ образомъ какіе-либо экономическіе факты этимъ событіямъ». Для примѣра онъ ссылается на XVII вѣкъ, который «былъ совершенно поглощенъ великою борьбой этого времени». Замѣчая, что «просто остались неотмѣченными всѣ факты экономическаго характера, которые остановили бы на себѣ вниманіе во всякой другой странѣ, политическая исторія этого столѣтія, по его словамъ, писалась постоянно и многократно, но въ совершенномъ пренебреженіи была его соціальная или экономическая исторія, хотя весьма часто причина важнаго политическаго событія и крупнаго соціальнаго движенія бывала чисто экономическою, если даже и оставалась неоткрытою».

Указавъ на такую сторону дѣла, которою дѣйствительно долгое время пренебрегали историки, Роджерсъ распространяется о важности экономическихъ документовъ, коими онъ, главнымъ образомъ, пользовался для своихъ научныхъ изслѣдованій, отдавая имъ предпочтеніе

передъ другими. «Галлàмъ какъ-то выражалъ сожалѣніе, что мы не могли бы теперь воскресить жизни отдѣльной средневѣковой деревни, но средства это сдѣлать существуютъ въ большомъ количествѣ, и изучающій эти документы долженъ обладать въ самомъ дѣлѣ слабымъ воображеніемъ, если онъ не можетъ представить себѣ жизни англичанина временъ Плантагенетовъ съ колыбели до могилы, возсоздать всѣхъ людей, съ которыми онъ соприкасался, и опредѣлить относительнаго значенія всѣхъ элементовъ маленькаго общества, въ коемъ онъ жилъ». Впрочемъ, Роджерсъ «не отрицаетъ и даже охотно признаетъ, что основательное изученіе исторіи сдѣлало значительные успѣхи. Это,—соглашается онъ,—болѣе не простой разсказъ о войнѣ и мирѣ, о королевскихъ генеалогіяхъ, о тѣхъ событіяхъ, по поводу коихъ сложилось изреченіе, что счастливы народы, не знающіе исторіи. Исторія начала заниматься изученіемъ конституціонной старины, хотя даже здѣсь обнаруживается сильная тенденція усматривать позднѣйшее развитіе въ раннихъ зачаткахъ и придавать много значенія сомнительнымъ мнѣніямъ. Исторія, далѣе, начала признавать прогрессъ законовѣдѣнія, хотя она рѣдко признавала экономическія условія, коимъ юриспруденція обязана своимъ развитіемъ. Она слегка, совсѣмъ слегка коснулась соціальной исторіи, положенія народа, измѣнчивыхъ судебъ землевладѣнія и труда и обстоятельствъ, при которыхъ привились и развились среди насъ разные виды промышленности».

Указывая вѣрно на пробѣлы въ прежнихъ освѣщеніяхъ фактовъ, Роджерсъ идетъ и далѣе, утверждая, что экономическіе факты и важнѣе всѣхъ другихъ. «Въ одномъ отношеніи,—замѣчаетъ онъ,—въ самомъ дѣлѣ исторія сдѣлала большой шагъ впередъ, и я приписываю это философіи, которая ищетъ объясненія характеровъ и мотивовъ государственныхъ людей и государей, когда сами они были государственными людьми». Но ему кажется, что безъ произвола и пристрастія тутъ обойтись нельзя, и вотъ отъ этого-то метода, который обозначенъ какъ «философскій», онъ отличаетъ методъ экономическій въ выгодную для него сторону. «Кто,—по словамъ Роджерса,—занимаясь исторіей, ставитъ себѣ менѣе притязательную, но болѣе трудную задачу экономическаго изъясненія, тотъ становится на болѣе надежную и менѣе требовательную почву. Если я въ состояніи указать вамъ, что цѣна пшеницы часто поднималась въ первой половинѣ XVII столѣтія до 55 ш. и болѣе за квартеръ, и что плата крестьянину искусственно понижалась насильственными средствами, какія только могла придумать администрація, до 6 пенсовъ и менѣе, мнѣ нѣтъ никакого дѣла до критики тѣхъ, которые стали бы отрицать, что это было притѣсненіе. Если я могу показать вамъ, что пахатная земля, поколѣніе тому

назадъ, сдавалась въ десять разъ дороже, нежели въ той же первой половинѣ XVII столѣтія, меня не устрашитъ цѣлый легіонъ Рикардо высказать весьма серьезныя сомнѣнія касательно того, далъ ли этотъ выдающійся человѣкъ исчерпывающую теорію земельной ренты». Сдѣлавши еще разъ нападеніе на абстрактную политическую экономію, Роджерсъ показываетъ на примѣрахъ, «какимъ образомъ экономическіе факты могутъ служить объясненію исторіи», и эти примѣры заступаютъ у него мѣсто общихъ теоретическихъ соображеній. «Я уже упомянулъ,—говоритъ онъ, — что Плантагенеты всегда пользовались Фландріей, какъ опорнымъ пунктомъ при нападеніяхъ своихъ на Францію, и что наши Эдуардъ III и Генрихъ V заботливо относились къ дружбѣ фламандцевъ и ихъ правителей. Средства, коими они пользовались для достиженія своихъ дипломатическихъ цѣлей, заключались въ свободномъ или стѣсненномъ вывозѣ англійской шерсти. Съ XIII по XVI вѣкъ «шерсть была королемъ». Четверть столѣтія тому назадъ мятежные штаты американскаго Союза признавали, что «хлопчатая бумага была королемъ», и что ограниченіе количества этого необходимаго для британской промышленности матеріала несомнѣнно произведетъ дипломатическій переворотъ въ Англіи, вынудитъ признаніе независимости южныхъ штатовъ и заставитъ жителей Соединеннаго Королевства отказаться отъ своей ненависти къ рабству. Прекращеніе снабженія бумагой повлекло за собою большое бѣдствіе, но въ силу особыхъ причинъ сторонники Юга ошиблись въ своемъ расчетѣ», и Роджерсъ разсказываетъ далѣе исторію торговли шерстью съ указаніями на то, что̀ она объясняетъ вообще въ англійской исторіи.

Указавъ на другой еще подобный примѣръ, Роджерсъ замѣчаетъ, что у него будетъ не мало случаевъ представить и другіе примѣры, имѣющіе такое же значеніе, какъ и тѣ два, которые были приведены, и высказываетъ при этомъ убѣжденіе, что «опускать такіе экономическіе факты значитъ дѣлать занятіе исторіей безплоднымъ, а ея лѣтописи несоотвѣтствующими дѣйствительности». «При всемъ, какое только возможно, стараніи,—говоритъ онъ,—разсказъ историка не можетъ быть чѣмъ инымъ, какъ несовершеннымъ и неточнымъ очеркомъ. Наша хронологія будетъ въ порядкѣ, послѣдовательность фактовъ точна, подробности походовъ вѣрны, измѣненія въ границахъ правильны, и тѣмъ не менѣе мы будемъ далеки отъ пониманія мотивовъ какого-нибудь общественнаго дѣянія и оставаться въ полномъ невѣдѣніи относительно настоящихъ причинъ событій. Столь же мало поможетъ намъ разборъ намѣреній и поведенія общественныхъ дѣятелей. Зато когда мы бываемъ руководимы экономическими фактами съ крупнымъ и далеко про-

стирающимся значеніемъ, мы можемъ приходить къ заключеніямъ, коихъ уже нельзя измѣнять, такъ какъ ихъ нельзя оспаривать».

Таково все наиболѣе существенное въ теоретическихъ разсужденіяхъ Роджерса. Мы нарочно остановились на этомъ несомнѣнно крупномъ экономическомъ историкѣ, чтобы на его примѣрѣ выяснить нѣкоторыя общія положенія, къ коимъ приводитъ насъ ознакомленіе съ экономизмомъ въ исторіи. Мы еще увидимъ, что такъ называемый экономическій матеріализмъ въ тѣсномъ смыслѣ слова возникъ въ непосредственной зависимости отъ той соціальной борьбы, которая стала вестись на экономической почвѣ между двумя классами послѣ-революціоннаго общества, т.-е. между буржуазіей и пролетаріатомъ, но историческое воззрѣніе Роджерса стоитъ совсѣмъ особнякомъ отъ этого движенія: происхожденіе его «экономическаго объясненія» чисто ученое, и самъ онъ, притомъ, въ области экономической теоріи придерживался началъ, противоположныхъ какому бы то ни было соціализму. Такимъ образомъ, то экономическое направленіе исторіи, представителемъ коего является Роджерсъ, обязано своимъ происхожденіемъ, подобно нѣмецкой исторической школѣ, политической экономіи (Рошеръ и др.), сближенію между двумя науками, до того времени развившимися совершенно независимо одна отъ другой. Роджерсъ—сторонникъ исключительно историческаго метода въ политической экономіи и экономическаго содержанія въ исторіи. Высказывая даже ту мысль, что экономика въ состояніи объяснить всю историческую жизнь, Роджерсъ, подобно многимъ другимъ писателямъ, выражавшимъ тотъ же взглядъ, не обосновываетъ его теоретически путемъ научнаго анализа этой жизни во всѣ времена и у всѣхъ народовъ и путемъ изслѣдованія тѣхъ отношеній, въ какихъ находятся или могутъ находиться въ экономикѣ право, государство, мораль, религія, философія, наука и т. п. *Сказать* не значитъ еще *доказать*, а доказать то, что̀ говоритъ Роджерсъ, можно было бы (если только можно по существу дѣла) лишь именно только при помощи такого анализа и такого изслѣдованія; какъ разъ никто изъ историковъ-экономистовъ подобной теоретической работы и не предпринималъ.

Историки-экономисты второй половины XIX-го в., и въ ихъ числѣ самъ Роджерсъ, сдѣлали очень много для изученія прошлаго, которое мы теперь знаемъ полнѣе и во многихъ отношеніяхъ основательнѣе, чѣмъ прежде, и результаты ихъ работъ не могутъ не отразиться на общей концепціи историческаго процесса, но отсюда еще далеко до упраздненія всего, что̀ было сдѣлано и высказано прежними историками и ихъ непосредственными преемниками въ наше время. Историки-экономисты обратили особое вниманіе на цѣлую важную сторону обществен-

ной жизни, внесли въ науку массу новыхъ фактовъ и научныхъ выводовъ; они указали на экономическія причины и условія такихъ явленій, которыя прежде разсматривались безъ всякаго отношенія къ подобнымъ причинамъ и условіямъ; они поставили наукѣ новыя задачи и выработали для ихъ рѣшенія новые методы, и все это, несомнѣнно, долженъ поставить историкамъ-экономистамъ въ заслугу, между прочимъ, и соціологъ, занимающійся теоріей историческаго процесса. Въ настоящее время экономическое направленіе заняло въ научной исторіографіи столь прочное положеніе, что вся аргументація Роджерса въ пользу важности историческаго изученія хозяйственной жизни народовъ можетъ быть признана нѣсколько запоздалою. Мало того, нѣкоторыя изъ вышеприведенныхъ мѣстъ книги Роджерса производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто онъ мало вдумывался въ то, чѣмъ въ дѣйствительности является современная историческая наука: по крайней мѣрѣ, иные изъ отмѣченныхъ имъ недостатковъ относятся уже къ пережитымъ моментамъ научнаго развитія, а то, что Роджерсъ хвалитъ, какъ своего рода новинки, имѣетъ гораздо болѣе старое происхожденіе. Но авторъ «Экономическаго объясненія исторіи», какъ мы видѣли, этимъ не ограничивается, а высказываетъ (но не доказываетъ) ту мысль, что въ исторіи экономическіе факты важнѣе всѣхъ другихъ. Въ сущности онъ очень странно понимаетъ то, чему самъ даетъ имя философской исторіи,—словно она вся сводится только къ изображенію характеровъ и выясненію мотивовъ дѣятельности, притомъ однихъ лишь политическихъ персонажей исторіи; берясь же доказать предпочтительную важность экономики, онъ имѣетъ въ виду не столько провести ту мысль, что эти мотивы нужно искать главнымъ образомъ въ экономической сферѣ, сколько выставить на видъ бо́льшую надежность экономическаго матеріала въ смыслѣ его точности. Это уже другой вопросъ, какіе факты, культурные или экономическіе, легче поддаются такой обстановкѣ, какой требуетъ идеалъ научной точности, и мы еще къ этому вопросу вернемся, но и тутъ Роджерсъ указываетъ на надежность этого матеріала не для того, чтобы противопоставить его меньшей надежности фактовъ политическихъ (о культурныхъ онъ даже не вспоминаетъ), а для того, чтобы еще разъ сдѣлать нападеніе на абстрактную политическую экономію. Вмѣсто того, далѣе, чтобы доказывать свое положеніе общими теоретическими соображеніями, онъ иллюстрируетъ частными примѣрами; но если бы даже каждый частный примѣръ былъ безусловно вѣренъ, т.-е. не заключалъ въ себѣ ни натяжекъ, ни пробѣловъ, и если бы такихъ примѣровъ было приведено въ сто, въ тысячу, въ десять тысячъ разъ болѣе,—это отнюдь не могло бы служить доказательствомъ того, что исторія не представляетъ примѣровъ

громадной роли, какую играютъ въ жизни народовъ или отдѣльныхъ классовъ общества господствующія идеи и связанныя съ ними стремленія, т.-е. вѣрованія и преданія, идеалы и правила поведенія, вообще все содержаніе интеллектуальнаго, моральнаго и политическаго міросозерцанія,—все то, замѣтимъ еще разъ, чего самъ Роджерсъ какъ будто и не принимаетъ въ расчетъ, словно вся исторія внѣ экономики сводится для него къ подробностямъ походовъ и къ измѣненіямъ границъ.

Такихъ *заявленій* объ исключительной важности экономическихъ фактовъ въ исторической литературѣ сдѣлано было за послѣднее время не мало, но *доказательствъ* въ пользу этого приводилось обыкновенно столь же немного, какъ немного мы ихъ находимъ и въ книгѣ Роджерса. Между прочимъ, и въ русской исторической литературѣ было сдѣлано нѣсколько аналогическихъ заявленій.

IV.

Смерть Роджерса въ 1890 г. дала поводъ проф. И. В. Лучицкому, извѣстному своими трудами по новой исторіи и, между прочимъ, по исторіи землевладѣнія и крестьянскаго вопроса, высказаться въ некрологѣ Роджерса въ пользу экономическаго направленія исторіи. Уже раньше авторъ этого некролога, выступившій первоначально съ работами по культурной исторіи и по философіи исторіи (въ журналѣ «Знаніе» въ началѣ семидесятыхъ годовъ), заявилъ о своей принадлежности «къ послѣдователямъ того направленія въ наукѣ, которое ставитъ на первомъ планѣ исторію общественнаго строя, учрежденій, экономическихъ отношеній и т. п.» [1]), т.-е. исторію соціальную. Въ некрологѣ Роджерса онъ прямо уже заявляетъ свою солидарность съ тѣмъ исключительнымъ направленіемъ, представителемъ коего является этотъ англійскій историкъ. По словамъ некролога, экономическое направленіе «обѣщаетъ въ близкомъ будущемъ радикально измѣнить то, что называютъ научной исторіей». Оно,—продолжаетъ проф. Лучицкій,—«впервые придало большую осмысленность спутаннымъ фразамъ: изученіе народа, народной жизни. Благодаря ему, на первый планъ выдвинуто изученіе важнѣйшаго изъ факторовъ жизни—экономическаго фактора, и вполнѣ ясно поставлено, какъ главная задача изученія, выясненіе во всѣхъ деталяхъ процесса экономическихъ измѣненій, происходившихъ въ жизни какъ отдѣльныхъ народовъ, такъ и всей Европы, но процесса не самого лишь въ себѣ (какъ то было раньше), а въ связи съ остальными явленіями и факторами жизни. Какое влія-

[1]) Въ предисловіи къ русск. пер. «Исторіи новаго времени» Зеворта (Кіевъ, 1883).

ніе оказывали экономическія явленія на ходъ событій, какое взаимодѣйствіе существовало между экономическими факторами и тѣмъ калейдоскопомъ событій и фактовъ, который составляетъ содержаніе того, что называютъ обыкновенно исторіей,—вотъ въ чемъ дѣятели этого новаго движенія въ историческо-экономической наукѣ видятъ главное условіе для созданія научной исторіи».

Въ этихъ словахъ проф. Лучицкаго совершенно вѣрно подчеркивается важность экономическаго направленія исторіи, но мнѣ кажется, что и онъ не избѣжалъ преувеличенія. Если радикальное измѣненіе, какое онъ предсказываетъ научной исторіи, должно будетъ свестись къ исключительному господству въ наукѣ одного экономизма, какъ это представляется нѣкоторымъ послѣдователямъ направленія, то нельзя сказать, чтобы въ этомъ для науки заключался одинъ выигрышъ и не было при этомъ никакого для нея проигрыша. Дѣйствительно, прежнія представленія о народѣ, о народной жизни, о народномъ бытѣ не отличались большою ясностью и не могли не быть односторонними, пріурочиваясь лишь къ проявленіямъ «народнаго духа», понимаемаго иногда въ довольно туманномъ смыслѣ; но едва ли изученіе народной жизни далеко уйдетъ впередъ, если одна односторонность смѣнится другою. Быть можетъ, было время, когда слѣдовало съ особенною настойчивостью указывать на всю недостаточность изученія народности въ однихъ культурныхъ ея проявленіяхъ и доказывать громадную важность экономическаго фактора въ жизни народа; но теперь, когда едва ли кто-либо рѣшится подвергнуть сомнѣнію эту великую истину, приходится, наоборотъ, напоминать иногда, что процессъ экономическихъ измѣненій не составляетъ еще всей исторіи. Мы уже прямо позволимъ себѣ не согласиться съ уважаемымъ собратомъ по наукѣ, чтобы такой односторонній экономизмъ, представителемъ коего является Роджерсъ, былъ въ состояніи вполнѣ осмыслить, что слѣдуетъ разумѣть подъ народною жизнью и ея изученіемъ. Какъ настоящій историкъ съ широкимъ и разностороннимъ образованіемъ, русскій защитникъ Роджерса, повидимому, мало интересовавшагося вопросами философіи и духовной культуры, невольно расширяетъ задачу исторической науки, требуя, чтобы процессъ экономическихъ измѣненій изучался не самъ по себѣ, а въ своемъ взаимодѣйствіи со всѣми другими разнородными процессами исторической жизни. Краткая формула проф. Лучицкаго можетъ быть истолкована въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ тотъ, который долженъ былъ бы получиться, если бы мы не стали обращать вниманія на оговорку, могущую сдѣлаться исходнымъ пунктомъ цѣлаго разсужденія съ несомнѣннымъ конечнымъ выводомъ не въ пользу исключительнаго экономизма. Прежнее изученіе народной жизни, т.-е. жизни

*

всего народа, а не отдѣльныхъ его слоевъ, преимущественно высшихъ, и не государства, подставляемаго на мѣсто народа, особенно прежнее изученіе быта народной массы страдало отъ игнорированія такого важнаго («важнѣйшаго») фактора въ исторіи этого быта, какимъ является вся народная экономика: пробѣлъ въ изученіи народной жизни былъ такъ многозначителенъ, что восполненіе этого пробѣла, коимъ наука обязана экономическому направленію исторіи, должно было получить значеніе цѣлаго переворота; но, какъ это часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, новое открытіе затмило всѣ прежнія пріобрѣтенія науки, и передъ взоромъ историка на первый планъ выдвинулись не положительныя ея стороны въ прежнемъ, подлежащія сохраненію и въ будущемъ, а стороны ея дѣйствительно слабыя, которыя съ полнымъ основаніемъ желательно было бы устранить.

Полагая, что въ разсмотрѣнномъ заявленіи скрывается нѣкоторое недоразумѣніе, и что его авторъ ни въ какомъ случаѣ не согласился бы съ крайними выводами, которые можно было бы сдѣлать изъ его заявленія, толкуя послѣднее въ смыслѣ исключительнаго и потому односторонняго экономизма,—мы готовы и вообще признать, что и во всѣхъ другихъ (замѣтимъ, всегда очень краткихъ) заявленіяхъ, встрѣчающихся въ русской литературѣ, скрываются какія-либо недоразумѣнія, и что ни одинъ образованный историкъ не согласится съ тѣми выводами, какіе иногда можно было бы сдѣлать изъ его же собственныхъ словъ, становясь при этомъ на точку зрѣнія экономическаго матеріализма, имѣющаго, какъ увидимъ, если не выработанную теорію, то прямо исключительную формулу историческаго процесса.

Иногда недоразумѣніе подобнаго рода заключается не въ словахъ самого писателя, могущихъ по краткости или недостаточной опредѣлительности быть истолкованными въ смыслѣ односторонняго экономизма, а только въ томъ толкованіи, какое этимъ словамъ дается, хотя бы прямо они на то не уполномочивали. Можно, напр., не думать, чтобы въ основѣ исторической жизни лежалъ чисто экономическій процессъ, и въ то же время считать изученіе этого процесса наиболѣе важнымъ (напр., въ практическихъ интересахъ жизни) или наиболѣе удобнымъ (напр., въ теоретическомъ отношеніи при современномъ состояніи науки), и стремленіе выдвинуть на первый планъ изученіе экономической исторіи поэтому еще не можетъ служить прямымъ доказательствомъ желанія свести всю исторію на одну экономику. Изученіе хозяйственной жизни народовъ можетъ быть названо «очереднымъ вопросомъ» исторической науки, какъ это утверждаетъ, напр., г. Милюковъ въ предисловіи къ своей книгѣ о «Государственномъ хозяйствѣ Россіи и реформѣ Петра Великаго»; но когда авторъ этого труда заявляетъ, что,

какъ онъ понимаетъ «современныя задачи» исторической науки, «наука эта ставитъ на очередь изученіе матеріальной стороны историческаго процесса, изученіе исторіи экономической и финансовой, исторіи соціальной, исторіи учрежденій»,—это его заявленіе само по себѣ не даетъ ни малѣйшаго повода поднимать вопросъ объ исторіологическомъ міросозерцаніи автора. Конечно, и утвержденіе г. Милюкова можетъ быть предметомъ спора, но спора *не о сущности* историческаго процесса, а *объ очередныхъ задачахъ исторической науки*: авторъ говоритъ не о матеріальной *основѣ*, а о матеріальной *сторонѣ* исторіи, тѣмъ самымъ предполагая въ ней существованіе и другихъ сторонъ, и утверждаетъ только то, что ея изученіе наука ставитъ на очередь предпочтительно передъ изученіемъ этихъ другихъ сторонъ, т.-е. совершенно обходя вопросъ о томъ или другомъ пониманіи историческаго процесса, отвлеченно взятаго; возражать автору «Государственнаго хозяйства Россіи», основываясь на буквальномъ толкованіи его словъ, можно лишь съ той точки зрѣнія, что и изученіе культурной стороны исторіи, изученіе исторіи психологической, исторіи идей и знаній, вѣрованій и настроеній, идеаловъ и стремленій не должно ни въ какомъ случаѣ сходить съ очереди, какъ это, повидимому, требуется нѣкоторыми сторонниками экономическаго направленія въ исторіи.

Предметъ исторической науки слишкомъ обширенъ и разнообразенъ чтобы при занятіи этимъ предметомъ можно было обходиться безъ раздѣленія труда. Послѣднее осуществляется въ наукѣ различными способами, но, главнымъ образомъ, историки дѣлятъ между собою весь научный матеріалъ по народамъ и эпохамъ, или же интересуясь преимущественно тою или другою стороною жизни въ данныхъ ли мѣстахъ и временахъ, или вообще въ исторіи всего человѣчества. До сихъ поръ въ количественномъ отношеніи, вѣроятно, преобладаютъ сочиненія по политической исторіи, и особенно внѣшняя политическая исторія, т.-е. исторія международныхъ отношеній, войнъ и мирныхъ договоровъ, дипломатіи и союзовъ между государствами, составляетъ по старой памяти весьма замѣтную въ смыслѣ политическихъ сочиненій часть исторической литературы, хотя и внутренняя политическая исторія занимаетъ многихъ ученыхъ. Съ соціологической точки зрѣнія болѣе важное значеніе имѣетъ исторія внутренняя сравнительно съ внѣшнею, а во внутренней исторіи—культурная (духовная) и соціальная (экономическая) сторона жизни сравнительно съ стороною чисто политическою, выражающеюся въ дѣятельности правительствъ и борьбѣ партій за власть,—тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать научный характеръ за занятіемъ внѣшней и внутренней политической исторіей, безъ знанія которой притомъ довольно мудрено имѣть вѣрное представленіе о духовномъ

и матеріальномъ бытѣ народа. Научность или ненаучность историческихъ занятій зависитъ не отъ *предмета* изслѣдованія, а отъ *отношенія* къ нему: можно очень научно заниматься самыми пустыми предметами и ненаучно—самыми серьезными вещами. Если масса научной работы тратится на мелочи и второстепенные вопросы, когда крупныя явленія и важные вопросы остаются неразработанными, можно выражать сожалѣніе о *выборѣ* предмета—и тѣмъ большее, чѣмъ научнѣе *способъ* его разработки, и наоборотъ, чѣмъ менѣе наученъ этотъ способъ, но выборъ предмета удаченъ, тѣмъ болѣе приходится сожалѣть о томъ, что *методъ* не соотвѣтствуетъ *темѣ*. Когда рѣчь идетъ не о томъ, *что* изслѣдуется, а о томъ, *какъ* изслѣдованіе производится, только тогда и можетъ подниматься вопросъ о научности въ смыслѣ соблюденія извѣстныхъ условій работы, и съ этой стороны говорить объ исключительной научности лишь того или другого направленія исторической литературы не приходится. Съ другой стороны, однако, нельзя не признать и того, что научность выражается не въ одномъ лишь методѣ, а и въ общемъ представленіи исторіи; но тутъ, главнымъ образомъ, ненаучными можно назвать лишь такія направленія, которыя получаютъ исключительный характеръ, когда историкъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ занимающійся лишь одною стороною исторической жизни, лишь свои занятія считаетъ научными въ силу одного выбора предмета, отрицая научное значеніе за работами, имѣющими другое содержаніе. Ненаучна именно всякая исключительность, разъ при опредѣленіи научности или ненаучности ставится на первый планъ вопросъ не о томъ, какъ человѣкъ занимается, а чѣмъ занимается, хотя, конечно, еще горшимъ зломъ бываетъ исключительный интересъ къ методу при совершенно индифферентномъ отношеніи къ предмету.

V.

Не такъ давно въ нашей ученой литературѣ было высказано мнѣніе, будто одно только занятіе «матеріальной исторіей» можетъ быть вполнѣ научно, по крайней мѣрѣ при современномъ состояніи науки. Такое заявленіе мы относимъ тоже къ числу экономическихъ увлеченій, основанныхъ на явныхъ недоразумѣніяхъ. На немъ не мѣшаетъ также нѣсколько остановиться.

Два года тому назадъ вышла въ свѣтъ на англійскомъ языкѣ книга проф. П. Г. Виноградова «Villainage in England», обратившая на себя большое вниманіе за границею и, между прочимъ, послужившая предметомъ обстоятельной статьи молодого историка Д. М. Петрушевскаго въ декабрьской книгѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія»

за 1892 г. Въ этой статьѣ есть нѣсколько страницъ, посвященныхъ авторомъ доказательству того, что единственно научнымъ направленіемъ исторической литературы является экономическое. Читая эти страницы, можно подумать, что авторъ книги, разбираемой рецензентомъ, самъ держится подобнаго же взгляда, но приводимая самимъ же г. Петрушевскимъ формулировка современныхъ задачъ исторической науки не даетъ ни малѣйшаго права для того, чтобы сдѣлать такое заключеніе.

Проф. Виноградовъ, дѣйствительно, до сихъ поръ занимался преимущественно экономической исторіей: таково главное значеніе его магистерской и докторской диссертацій: «Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ лонгобардской Италіи» и «Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка», равно какъ упомянутаго труда «Villainage in England», представляющаго изъ себя переработку докторской диссертаціи. Нигдѣ, однако, проф. Виноградовъ не заявлялъ, чтобы предпочтеніе, оказываемое имъ «матеріальной» исторіи, объяснялось не тѣмъ, что онъ лично чувствуетъ бо́льшую склонность и обнаруживаетъ бо́льшую способность къ занятію подобнаго рода темами, а тѣмъ, чтобы, по его мнѣнію, только занятіе именно такими темами было единственно научнымъ. Главный предметъ научныхъ изслѣдованій проф. Виноградова—западно-европейскій феодализмъ, и дѣйствительно, *въ сферѣ этого вопроса*, который долго рѣшался почти исключительно на почвѣ политической исторіи (вопросъ о разложеніи государства), развитіемъ исторической науки выдвинута на очередь задача изслѣдованія экономическихъ отношеній и факторовъ, легшихъ въ основу и создавшихъ многія характерныя особенности феодализма. Конечно, и самыми свойствами своей спеціальной темы, и необходимостью при современномъ состояніи вопроса направить изслѣдованіе въ строго опредѣленную сторону нашъ историкъ феодализма могъ легко быть приведенъ къ тому, чтобы обронить мимоходомъ нѣсколько выраженій, которыя легко поддаются толкованію въ смыслѣ возведенія экономизма на степень первенствующаго принципа исторической науки. Мнѣ кажется, что именно такія бѣглыя замѣчанія проф. Виноградова и должны были послужить поводомъ къ занесенію автора «Вилленэджа въ Англіи» его рецензентомъ въ число исключительныхъ сторонниковъ экономизма въ исторіи. Поэтому прежде, чѣмъ мы познакомимся съ аргументаціей г. Петрушевскаго, остановимся немного на нѣкоторыхъ его заявленіяхъ относительно общаго значенія экономическаго элемента въ исторіи.

Во второмъ своемъ трудѣ проф. Виноградовъ даетъ краткій очеркъ литературы по исторіи феодализаціи и, между прочимъ, отмѣчаетъ тотъ фактъ, что всѣ ученые до Маурера «исходили въ своихъ работахъ отъ политическихъ и культурныхъ вопросовъ», и, «касаясь по необходимости

земледѣлія и сословной системы, они разсматривали ихъ съ общеполитической точки зрѣнія». «Явленія хозяйства,—прибавляетъ авторъ,—которыя составляютъ какъ бы *внутреннюю сторону* этихъ фактовъ, остались за предѣлами изложенія». Но «вмѣсто того, чтобы двигаться отъ цѣлаго къ частямъ, привлекать спеціальную исторію только къ объясненію политической», Маурeръ (и въ этомъ его заслуга) «сосредоточилъ все вокругъ разбора владѣльческихъ и хозяйственныхъ отношеній простѣйшаго союза — марки». Это совершенно вѣрно, и, разумѣется, точка зрѣнія Маурера только *дополняетъ*, но отнюдь не *исключаетъ* прежней точки зрѣнія. Еще подробнѣе указалъ на то же самое проф. Виноградовъ въ другомъ своемъ сочиненіи, гдѣ онъ также противополагаетъ ученымъ, изслѣдовавшимъ процессъ феодализаціи съ политической точки зрѣнія, школу, которая разбираетъ этотъ процессъ, какъ выражается самъ авторъ, «съ *внутренней»*, такъ сказать, «*стороны»*, останавливаясь главнымъ образомъ «на выражающемся въ немъ (процессѣ) измѣненіи экономическаго строя, *отъ коего непосредственно зависятъ* измѣненія въ правѣ землевладѣнія и затѣмъ въ правѣ государственномъ». Само собою разумѣется, что въ данномъ отношеніи проф. Виноградовъ совершенно правъ, но едва ли, казалось намъ уже при первомъ чтеніи приведенныхъ мѣстъ, позволительно обобщать явленія подобнаго рода и видѣть въ соціальномъ процессѣ *внутреннюю* сторону и даже основу процесса историческаго, въ коемъ перемѣнамъ политическимъ и культурнымъ въ такомъ случаѣ будетъ принадлежать значеніе чего-то уже болѣе внѣшняго и поверхностнаго. Въ такомъ смыслѣ нашъ историкъ проговаривается, однако, не разъ, указывая, напр., на важность, какую имѣетъ для науки соціальный процессъ не только самъ по себѣ, но и по заключающемуся въ немъ объясненію многаго такого, «что̀ происходитъ *надъ нимъ* въ исторіи государства и духовной культуры». Въ одномъ еще мѣстѣ своей второй книги проф. Виноградовъ также говоритъ о томъ «историческомъ материкѣ, который служитъ прочною *основою* для всѣхъ измѣненій поверхности, а самъ поддается только медленнымъ и постепеннымъ измѣненіямъ». Онъ не указываетъ здѣсь, что̀ же именно можно обозначать такимъ образомъ, но изъ дальнѣйшихъ словъ его о значеніи «исторіи римскаго права въ средніе вѣка» видно, что такимъ материкомъ онъ считаетъ «установившееся теченіе юридической и общественной жизни». Или, напр., отмѣчая тотъ фактъ, что въ Англіи «хозяйственная практика сохраняла и вырабатывала группировку силъ, интересовъ и обычныхъ отношеній, гораздо болѣе многообразную и жизненную, нежели искусственная группировка по правамъ, принятая въ судахъ», проф. Виноградовъ прибавляетъ, что «реакція этихъ послѣднихъ отношеній на поверхность

заслуживаетъ такого же вниманія, какъ и давленіе поверхности на собирающіеся подъ нею факты». Новымъ изслѣдованіямъ часто приходится констатировать, что въ обществѣ, нерѣдко наперекоръ образовавшемуся праву, дѣйствуетъ теченіе фактическихъ отношеній, парализирующее дѣйствіе юридическихъ опредѣленій и прокладывающее дорогу къ развитію ихъ на новыхъ началахъ; но, съ нашей точки зрѣнія, нужно было бы еще доказать предположеніе о томъ, что одно есть основа, а другое поверхность, что одно создается естественно, а другое—искусственно. Между тѣмъ, не только въ приведенномъ мѣстѣ, гдѣ на то было прямое основаніе, но и вообще проф. Виноградовъ противополагаетъ въ своихъ книгахъ юридическую классификацію хозяйственной, какъ искусственную—естественной, хотя, по его же собственному опредѣленію, цѣли общественной группировки людей всѣхъ сословій суть и хозяйственныя, и юридическія, и хотя, прибавимъ мы, естественное и искусственное, т.-е. безсознательно складывающееся и сознательно установляемое бываетъ и въ области хозяйства, и въ области права, такъ что экономическій процессъ не имѣетъ преимущества особой естественности въ сравненіи съ процессомъ юридическимъ, яко бы совершенно искусственнымъ.

Понятно, что по отрывочнымъ замѣчаніямъ, которыя разбросаны тамъ и сямъ и тутъ только нами сопоставлены, мы не имѣемъ права создать какое-либо представленіе объ общемъ историческомъ міросозерцаніи автора книги, сдѣлавшейся для г. Петрушевскаго предметомъ спеціальнаго разбора; но мѣста эти и другія имъ подобныя способны, тѣмъ не менѣе, произвести такое впечатлѣніе, что, по мнѣнію проф. Виноградова, экономическая исторія составляетъ основу и самое, такъ сказать, «нутро» историческаго процесса, въ коемъ политика и культура поэтому являются чѣмъ-то поверхностнымъ и внѣшнимъ. Во избѣжаніе недоразумѣнія, считаемъ нужнымъ подчеркнуть, что лично мы далеки отъ того, чтобы приписывать почтенному автору такое общее пониманіе историческаго процесса: когда изъ-подъ пера проф. Виноградова выходили подобныя фразы, онъ, очевидно, думалъ не объ историческомъ процессѣ вообще, а о томъ частномъ процессѣ феодализаціи, который онъ подвергъ своему изслѣдованію, выдвинувъ притомъ, по необходимости, на первый планъ факторъ экономическій.

Обратимся теперь къ г. Петрушевскому. Разбору англійской книги проф. Виноградова онъ предпослалъ, какъ совершенно самостоятельное введеніе, теоретическую попытку формулировки основныхъ положеній «матеріальнаго», какъ самъ онъ выражается, направленія исторіи, которое онъ отличаетъ, однако, отъ «экономическаго матеріализма». Собственно говоря, задача г. Петрушевскаго—защитить экономическое направленіе

отъ нападокъ со стороны культурныхъ историковъ, хотя неизвѣстно, гдѣ и когда культурные историки нападали на «матеріальныхъ»,—и доказать исключительное право «матеріальной» исторіи на научность. По словамъ автора разсматриваемой статьи, представители культурнаго направленія обвиняютъ историковъ-экономистовъ въ «униженіи исторіи», въ томъ, что они ее «превращаютъ изъ назидательной и возвышающей душу науки въ какую-то испещренную сухими цифрами счетную книгу» и т. п. Хотя на самомъ дѣлѣ никто не оспаривалъ важнаго значенія историко-экономическихъ изслѣдованій, г. Петрушевскій представляетъ, однако, дѣло такимъ образомъ, будто на это направленіе поднялся даже цѣлый походъ со стороны культурныхъ историковъ,—походъ, оставшійся намъ совершенно неизвѣстнымъ. «Конечно,—соглашается онъ,—возможны историки, готовые весь историческій процессъ свести на экономическое, напр., развитіе. Но, — совершенно резонно тутъ же замѣчаетъ г. Петрушевскій, — вѣдь это крайность, односторонность», и онъ думаетъ поэтому, что «видѣть въ крайностяхъ точную формулировку новаго направленія—значитъ въ пылу полемики не понимать смысла совершающейся въ области исторической науки перемѣны». Но, кажется намъ, увлеченіе тутъ на сторонѣ самого г. Петрушевскаго, обвиняющаго цѣлое направленіе исторической науки въ непониманіи совершающейся въ наукѣ перемѣны, даже въ какомъ-то враждебномъ къ ней отношеніи. Нѣсколько выше онъ говоритъ еще такъ: «замѣтивъ нѣсколько примѣровъ крайностей въ увлеченіи матеріальной исторіей, вполнѣ естественныхъ во всякомъ живомъ и новомъ дѣлѣ, культурные историки ударили въ набатъ, призывая всѣхъ, кому еще дороги интересы человѣческаго прогресса, идеальные порывы и стремленія, на защиту науки отъ вторженія матеріалистовъ».

Но о какой полемикѣ идетъ здѣсь рѣчь, гдѣ и когда культурные историки били въ набатъ,—этотъ вопросъ, къ сожалѣнію, почти совсѣмъ не дебатировался въ исторической литературѣ. Г. Петрушевскій даже утверждаетъ, будто «экономическій матеріализмъ» сталъ «бранным словомъ въ устахъ культурныхъ историковъ», забывая, что это названіе придумано самими послѣдователями исторіологической концепціи Маркса и Энгельса, и притомъ объ этомъ (крайнемъ, какъ говоритъ самъ г. Петрушевскій) направленіи писали до сихъ поръ главнымъ образомъ его сторонники, тогда какъ критиковъ его почти не появлялось. Такимъ образомъ, все, что говорится г. Петрушевскимъ въ защиту «матеріальныхъ» историковъ отъ нападокъ со стороны культурныхъ, является плодомъ какого-то недоразумѣнія. Но г. Петрушевскій на этомъ не останавливается и доказываетъ, что только экономи-

ческая исторія и можетъ быть научна. Онъ весьма рѣзко выдѣляетъ «представителей научной и *пока матеріальной* исторіи» изъ среды дѣятелей исторической науки вообще, находя, что лишь первые предъявляютъ строгія требованія къ дѣлу научнаго изслѣдованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ полагая, что остальные историки мало чѣмъ въ этомъ отношеніи отличаются отъ читающей публики, т.-е. отъ профановъ: «конечно,—говоритъ онъ,—многія изъ тѣхъ рѣшеній культурныхъ вопросовъ, которыя казались и кажутся, какъ культурнымъ историкамъ, такъ и массѣ читающей публики, безспорными, и являются твердо установленными принципами для сужденій и практической дѣятельности,—на взглядъ матеріальной исторіи оказываются даже и вовсе не рѣшеніями, а лишь апріорными утвержденіями, часто болѣе свидѣтельствующими о нравственной и художественной, чѣмъ о научной высотѣ ихъ авторовъ»... «Разногласіе между «матеріальными» историками и историками культурными сводится у автора, между прочимъ, къ тому, что первые «не могутъ признать плодотворными широкихъ обобщеній культурныхъ историковъ, сознательно или безсознательно превышающихъ свою научную компетенцію». За культурными историками, наконецъ, снисходительно признается значеніе главнымъ образомъ лишь «предшественниковъ» настоящей науки.

Соглашаясь съ тѣмъ, что «экономическій матеріализмъ» есть односторонность, г. Петрушевскій самъ впадаетъ, однако, въ исключительность, хотя и нѣсколько иного характера, нежели сторонники «экономическаго матеріализма». Послѣдніе полагаютъ, что историческій процессъ по существу дѣла есть процессъ экономическій. Нашъ защитникъ «матеріальной» исторіи этого не говоритъ, но зато утверждаетъ, будто лишь одна матеріальная исторія можетъ теперь разрабатываться вполнѣ научнымъ образомъ. Онъ даже изображаетъ всю ненаучность культурной исторіи, слѣдящей за ростомъ идей и смѣной общественныхъ настроеній. «Безъ преувеличенія можно сказать, — замѣчаетъ онъ,—что культурный историкъ смотритъ на общественный процессъ съ точки зрѣнія индивидуальной психологіи», ибо «для него общество все тотъ же индивидуумъ» (гдѣ же это и у кого?); а «при такомъ взглядѣ на вещи дѣло изслѣдователя чрезвычайно облегчается, все становится совершенно просто и ясно», такъ какъ, изучая ростъ идей, культурные историки «изолируютъ послѣднія отъ ихъ среды (какимъ это образомъ?) и ограничиваются установленіемъ отношеній между ними чисто логическимъ путемъ: матеріальная среда для нихъ въ сущности косная масса, важная постольку, поскольку она преобразовывается подъ творческимъ воздѣйствіемъ идеи, родившейся, развившейся и воплотившейся въ образѣ выдающейся личности, героя». Мы не станемъ

здѣсь разбирать этой, на нашъ взглядъ, совершенно невѣрной характеристики культурной исторіи, и пойдемъ далѣе.

Культурнымъ историкамъ ставятся г. Петрушевскимъ въ вину еще произвольныя обобщенія, будто бы невозможныя у историковъ «матеріальныхъ». Научному историку,—говоритъ еще г. Петрушевскій,—«приходится устранять изъ научнаго оборота цѣлую массу метафоръ и другихъ чисто стилистическихъ украшеній», точно они не встрѣчаются у самихъ послѣдователей экономическаго направленія. Самъ г. Петрушевскій говоритъ о «матеріальной средѣ» культурныхъ идей, прежде всего, по его мнѣнію, подлежащей изученію; самъ онъ рекомендуетъ начинать послѣднее не съ «высшихъ отправленій общественнаго организма», а съ «структуры, генезиса и развитія самого общественнаго организма и его элементарныхъ отправленій»; самъ совѣтуетъ предварительно «запастись вполнѣ отчетливымъ представленіемъ о матеріальной почвѣ, выращивающей культурные плоды», хотя и высказывается противъ выраженій: «національный характеръ», «народный духъ» и т. п., называя ихъ «запаснымъ фондомъ, откуда ученый черпаетъ каждый разъ, когда у него не хватаетъ собственныхъ средствъ распутать сложный вопросъ, остановившій его вниманіе».

Главная мысль г. Петрушевскаго, впрочемъ, та, что въ дѣлѣ изученія общественныхъ явленій нужно начинать съ простѣйшаго, а таковымъ простѣйшимъ въ обществѣ представляется ему экономическая жизнь. Этимъ соображеніемъ онъ объясняетъ и самое происхожденіе экономическаго направленія: по его словамъ, представители исторической науки пришли къ мысли, въ силу которой «нужно начинать дѣло изученія общественныхъ явленій съ простѣйшихъ элементовъ и элементарнѣйшихъ процессовъ»: «матеріальная исторія и ея крайняя школа, экономическій матеріализмъ,—говоритъ онъ еще,—вызваны къ жизни новымъ научнымъ направленіемъ, сущность котораго заключается въ томъ, что его представители, прежде чѣмъ изучать развитіе высшихъ отправленій общественнаго организма, поставили своею ближайшею цѣлью изслѣдованіе структуры, генезиса и развитія самого общественнаго организма и изученіе его элементарныхъ отправленій, вовсе не предрѣшая вопроса о роли идей въ общественномъ развитіи, и притомъ непремѣнно въ смыслѣ, неблагопріятномъ для лучшей стороны человѣческой природы». Но, во-первыхъ, вѣдь нужно еще доказать, что экономическая сторона исторіи проще и элементарнѣе стороны психологической. На самомъ дѣлѣ и въ матеріальной, и въ духовной жизни есть явленія и процессы, одинаково и очень простые, и очень сложные, такъ что утверждать, будто всѣ соціальныя явленія, выростающія на почвѣ матеріальной жизни, проще культурныхъ явленій, имѣющихъ корень въ

жизни духовной, не представляется ни малѣйшей возможности. Притомъ сама матеріальная (экономическая, соціальная) жизнь народа состоитъ изъ процессовъ, въ которые всегда привходитъ психическій элементъ, и иногда очень и очень сложныя экономическія комбинаціи объясняются весьма простыми духовными факторами. Во-вторыхъ, г. Петрушевскій совершенно невѣрно представляетъ генезисъ «матеріальнаго» направленія и отличнаго отъ него «экономическаго матеріализма». Историки-экономисты были приведены къ новому направленію науки сближеніемъ, которое произошло между исторіей и политической экономіей, а отнюдь не какимъ-то теоретическимъ разсужденіемъ, что нужно начинать изученіе съ простѣйшаго: такое соображеніе явилось только послѣ, и именно могло явиться лишь въ смыслѣ придуманнаго позднѣе аргумента, каковую роль оно и играетъ въ разсужденіи г. Петрушевскаго. «Экономическій матеріализмъ» вовсе не есть «крайняя школа матеріальной исторіи»,—онъ былъ вызванъ къ жизни, какъ мы увидимъ, не новымъ научнымъ направленіемъ, а потребностями соціальной борьбы; наконецъ, вопреки мнѣнію г. Петрушевскаго, «экономическій матеріализмъ» тѣмъ и отличается, какъ цѣльная историко-философская концепція, что «предрѣшаетъ вопросъ о роли идей въ общественномъ развитіи», именно въ томъ смыслѣ, который, судя по самымъ послѣднимъ изъ приведенныхъ словъ г. Петрушевскаго, имъ самимъ, быть можетъ, не былъ бы вполнѣ одобренъ [1]).

Мы разсматривали до сихъ поръ одни примѣры увлеченія экономическою стороною, встрѣчаемаго у современныхъ источниковъ и объясняющагося, на нашъ взглядъ, тѣмъ, что ко всякому новому научному направленію всегда относятся съ преувеличенными ожиданіями и, разумѣется, съ преувеличенными требованіями: то, что̀ объяснило многое,

[1]) Недавно въ одной исторической брошюрѣ (*I. Сенигов*. «Народное воззрѣніе на дѣятельность Іоанна Грознаго») сдѣлана была даже попытка опредѣлить, какая точка зрѣнія («политическая, нравственно-религіозная, экономическая или какая-либо другая») должна быть признана народною по отношенію къ событіямъ того или другого царствованія, т.-е. какъ смотритъ на нихъ самъ народъ. Указывая на то, что на одно и то же событіе можно смотрѣть съ разныхъ точекъ зрѣнія, авторъ думаетъ, однако, что какая-либо изъ нихъ должна же преобладать, и вотъ, по его мнѣнію, «не только преобладающею, но и самою древнею, первоначальною точкою зрѣнія, съ которой народъ обыкновенно смотрѣлъ и сморитъ на событія своей прошлой и настоящей жизни, является точка зрѣнія экономическая», и она «сохраняется до нашихъ дней неизмѣнною». Смотря, по мнѣнію автора, на Ивана Грознаго исключительно съ «экономической» точки зрѣнія, народъ воспѣвалъ этого царя въ своихъ пѣсняхъ, какъ «истиннаго представителя великорусскаго племени, носителемъ и проводникомъ его основныхъ началъ самодержавія, православія и народности». Отмѣчаемъ это мнѣніе въ виду разнообразія направленій, въ какихъ способенъ развиваться экономизмъ въ исторіи.

въ такихъ случаяхъ должно обыкновенно объяснить все. Притомъ спеціальныя занятія въ какой-либо научной области всегда создаютъ преувеличенное о ней мнѣніе: что человѣкъ лучше остального знаетъ, то и кажется ему наиболѣе важнымъ. Мы видѣли, что увлеченію экономизмомъ предшествовали увлеченія юридическое и историко-литературное, но мы могли бы прибавить къ этому еще примѣры увлеченій философскаго или естественно-историческаго, когда многіе думали объяснять всю исторію не изъ нея самой, а изъ абстрактныхъ законовъ духа или изъ физическихъ условій внѣшней природы. Какъ бы ни были сильны, однако, такія увлеченія, они сказывались главнымъ образомъ на направленіи научныхъ работъ, не создавая при этомъ общей историко-философской концепціи культурнаго и соціальнаго развитія, каковую мы и находимъ въ «экономическомъ матеріализмѣ».

VI.

Экономическій матеріализмъ возникъ, приблизительно, тогда же, когда положено было начало и исторической школѣ въ экономической наукѣ, т.-е. въ половинѣ нынѣшняго столѣтія, но заставилъ онъ о себѣ говорить только за послѣднее, сравнительно весьма короткое время. Не такъ давно, отмѣчая теоретическую неразработанность исключительнаго экономизма въ исторіи, намъ пришлось упомянуть о томъ, что въ одной ученой нѣмецкой книгѣ, въ коей разсматривалось отношеніе исторіи къ другимъ наукамъ, вопросъ о политической экономіи не былъ совсѣмъ затронутъ. Теперь эта книга,—я говорю о «Lehrbuch der historischen Methode» Эрнста Бернгейма,—вышла вторымъ изданіемъ черезъ пять лѣтъ послѣ перваго, и теперь въ ней впервые только, да и то очень коротко (всего на трехъ-четырехъ страницахъ) разсматривается экономическій матеріализмъ [1]). Еще менѣе заставляла говорить о себѣ эта общая концепція историческаго процесса лѣтъ за десять и болѣе того: собирая и изучая сочиненія по теоріи исторіи для своихъ «основныхъ вопросовъ философіи исторіи», мы въ массѣ книгъ и статей, съ которыми приходилось знакомиться, не встрѣчали трактатовъ, посвященныхъ исключительно обоснованію той точки зрѣнія, что въ основѣ историческаго процесса лежитъ одинъ процессъ экономическій, да и потомъ, переиздавая названную книгу, не имѣли никакого повода для того, чтобы отмѣтить среди разныхъ историко-философскихъ направленій, сколько-нибудь представленныхъ въ литературѣ по теоріи исторіи,

[1]) Въ книгѣ: James Bonar. Philosophy and political economy in some of their historical relations (London, 1893) объ экономическомъ матеріализмѣ едва упоминается, стр. 345 и слѣд.

направленіе, сводящее всю культурную и соціальную жизнь къ одной экономической основѣ. Правда, и раньше были историческіе труды, въ коихъ къ той или другой части прошлаго *примѣнялась* такая точка зрѣнія, но не было трактатовъ, въ коихъ *доказывалась бы* ея исключительная истинность, да и всѣ труды, въ коихъ мы находимъ ея примѣненіе, мало чѣмъ отличались отъ общей историко-экономической литературы, не предполагающей непремѣннаго признанія за экономическимъ процессомъ значенія единственной основы всего историческаго процесса. Нужно замѣтить, что и въ настоящее время литература экономическаго матеріализма, какъ ученія, *обосновывающаго себя теоретическимъ образомъ,* весьма незначительна, и въ томъ сравнительно небольшомъ спискѣ книгъ, брошюръ и статей, которыя примыкаютъ къ этому направленію, большая часть посвящена или *популяризаціи* основныхъ положеній экономическаго матеріализма, или *примѣненію* ихъ къ разсмотрѣнію дѣйствительной исторіи, какъ будто истинность исходнаго пункта доктрины доказана, обоснована и стоитъ внѣ всякаго спора. Популяризаторы идей экономическаго матеріализма не скрываютъ незначительнаго количества написанныхъ въ его духѣ сочиненій, но, перечисляя ихъ, иногда пристегиваютъ къ нимъ труды, принадлежащіе лишь вообще къ экономическому направленію въ исторіи и лишь косвенно могущіе быть включенными въ такіе списки: экономическій матеріализмъ есть нѣчто весьма опредѣленное, и не всякій историкъ-экономистъ или экономистъ-историкъ долженъ быть непремѣнно представителемъ экономическаго матеріализма (примѣръ — хотя бы тотъ же Роджерсъ). Какая въ этомъ отношеніи разница съ дарвинистической литературой, въ которой обосновываются, разрабатываются теоретически, популяризуются и примѣняются къ объясненію фактовъ принципы, завоевавшіе въ короткое время весь ученый міръ! Популяризаторы экономическаго матеріализма сравниваютъ это ученіе съ ученіемъ Дарвина: одно, по ихъ словамъ, совершило переворотъ въ біологіи, другое произвело точно такой же переворотъ въ соціологіи, но они забываютъ только одну вещь, что у новаго біологическаго ученія *есть основная книга* («О происхожденіи видовъ» Дарвина), тогда какъ у экономическаго матеріализма *такой книги нѣтъ*, и это, между прочимъ, заявилъ, какъ мы увидимъ, одинъ изъ защитниковъ основной точки зрѣнія этого исторіологическаго ученія. Если даже признавать дарвинизмъ не вполнѣ научной теоріей, а только гипотезой, то и тогда преимущество на его сторонѣ: ученіе Дарвина представляетъ собою стройную систему, въ коей главныя положенія постоянно обосновываются и разсматриваются всѣ возраженія, какія можно только предвидѣть, тогда какъ въ экономическомъ матеріализмѣ мы находимъ только общія по-

ложенія, принимаемыя за аксіомы, и онѣ не только теоретически не обосновываются, но даже не защищаются противъ всѣхъ тѣхъ возраженій, которыя долженъ предусматривать всякій, кто только желаетъ ввести въ науку сколько-нибудь новую, непривычную мысль. Во всякомъ случаѣ мы констатируемъ только фактъ: теоретическая часть литературы экономическаго матеріализма крайне незначительна, и если бы даже было неизмѣримо больше популяризацій и примѣненій этой исторіологической концепціи, это не могло бы восполнить недостатка основного труда, какимъ, напр., является для позитивизма «Курсъ» Конта или для дарвинизма «Происхожденіе видовъ».

Сущность экономическаго матеріализма сводится къ двумъ положеніямъ: по первому, основа всей культурно-соціальной жизни есть не что иное, какъ экономическая структура общества, а по второму—весь историческій процессъ долженъ получить свое объясненіе въ борьбѣ, происходящей между разными классами общества на почвѣ экономическихъ интересовъ. Эти два положенія были впервые формулированы Карломъ Марксомъ и приняты потомъ его послѣдователями; но ихъ, собственно говоря, не слѣдуетъ отождествлять со всѣмъ ученіемъ Маркса. Мы, во-первыхъ, еще увидимъ, что историко-философская теорія Маркса была не чѣмъ инымъ, какъ внесеніемъ въ діалектическій эволюціонизмъ идеалиста Гегеля—чисто матеріалистическаго содержанія, но ни гегельянское отождествленіе исторіи съ діалектическимъ процессомъ не требуетъ непремѣнно экономическаго ея пониманія, такъ какъ у Гегеля этотъ процессъ понимался въ чисто-психологическомъ смыслѣ; ни признаніе экономики за основу исторической жизни, въ свою очередь, не требуетъ непремѣннаго разсмотрѣнія исторіи съ точки зрѣнія діалектическаго процесса, какъ это доказывается примѣромъ Роджерса, не имѣющаго ничего общаго съ гегельянствомъ, и какъ это было пояснено однимъ изъ сторонниковъ ученія, который указалъ на то, что гегельянскій принципъ оказалъ вліяніе лишь на форму, а не на содержаніе ученія Маркса [1]). Во-вторыхъ, нужно строго различать *историческую* концепцію и *экономическое* ученіе Маркса. Сводя послѣднее къ теоріи прибавочной стоимости и образованія капитала, мы можемъ признавать эту теорію безусловно вѣрною, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы былъ вѣренъ общій его взглядъ на всю исторію, какъ на продуктъ однихъ экономическихъ отношеній, и наоборотъ, согласіе съ тѣмъ, что весь историческій процессъ вполнѣ объяснимъ при помощи однихъ экономическихъ отношеній, еще не обязы-

[1]) Weisengrün, Verschiedene Geschichtsauffassungen. Leipzig, 1890. Стр. 21 и слѣд.

ваетъ принимать экономической теоріи Маркса, какъ это и случилось съ Лоріа, о коемъ у насъ рѣчь будетъ еще впереди: скажемъ только, что Лоріа—экономическій матеріалистъ, но не только не марксистъ, а даже антагонистъ Маркса. Ученіе Маркса о прибавочной стоимости и о способѣ образованія капитала, лежащее въ основѣ его практическихъ требованій соціализма, есть именно ученіе экономическое, созданное для того, чтобы объяснить чисто экономическія явленія въ ихъ сосуществованіи и послѣдовательности, и принятіе или, наоборотъ, отверженіе ихъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ зависѣть отъ рѣшенія вопроса о томъ, какъ слѣдуетъ представлять себѣ происхожденіе и развитіе религіи, философіи, морали, права, государства и какъ понимать движущія силы исторической жизни. Можно вполнѣ слѣдовать Марксу въ его экономическихъ взглядахъ, не принимая его историческаго міросозерцанія, т.-е. не думая, что экономіей объясняется вся культурная и соціальная жизнь человѣчества, и можно, повторяемъ, стоять на такой точкѣ зрѣнія, но совершенно инымъ образомъ, чѣмъ Марксъ, понимать сущность экономическихъ отношеній капиталистическаго періода. Однимъ словомъ, марксизмъ и экономическій матеріализмъ не должны отождествляться, и тотъ, кто думаетъ, что экономическое ученіе Маркса держится и падаетъ вмѣстѣ съ его общей исторической концепціей,—глубоко заблуждается: авторъ «Капитала» *обосновалъ* свою экономическую теорію своей книгой, которая, дѣйствительно, совершила переворотъ въ политической экономіи, — и обосновалъ независимо отъ своей общей концепціи исторіи, наоборотъ, оставшейся у него *необоснованною*. Поэтому и критиковать экономическій матеріализмъ, какъ историко-философскую концепцію, можно, совсѣмъ не касаясь того, что̀ составляетъ существо политико-экономической доктрины Маркса.

Эту свою доктрину Марксъ противополагалъ — и вмѣстѣ съ нимъ противополагаютъ его сторонники—буржуазной политической экономіи; но экономическій матеріализмъ противополагается его сторонниками идеалистическому пониманію исторіи. На эту именно точку зрѣнія и мы должны стать въ своей критикѣ (причемъ напомнимъ, что, по нашему мнѣнію, оба міросозерцанія или одинаково истинны, когда объясняютъ лишь разныя стороны исторіи, или одинаково ложны, когда стремятся объяснить всю исторію). Дѣйствительно, на экономическій матеріализмъ въ исторіи мы имѣемъ право смотрѣть, какъ на одностороннюю реакцію противъ другой односторонности — объясненія историческаго процесса изъ одного духовнаго начала. Раньше, чѣмъ произошло сближеніе исторіи съ политической экономіей и юриспруденціей, произошло ея сближеніе съ философіей, и подъ вліяніемъ философіи образовался тотъ

взглядъ на исторію, что главное въ ней, основное и движущее есть движеніе идей, умственное развитіе, жизнь человѣческаго духа. Такой взглядъ въ XIX вѣкѣ былъ естественнымъ наслѣдіемъ, доставшимся ему отъ прошедшаго столѣтія, недаромъ называемаго «философскимъ вѣкомъ», отъ эпохи «просвѣщенія», прославлявшаго «успѣхи человѣческаго ума», видѣвшаго источникъ общественныхъ золъ въ невѣжествѣ, суевѣріяхъ и фанатизмѣ, полагавшаго, что, сдѣлавъ людей просвѣщеннѣе, мы сдѣлаемъ ихъ счастливѣе: въ XVIII столѣтіи совершалась великая умственная работа, накоплялись знанія, шла перестройка міросозерцанія, происходилъ пересмотръ нравственныхъ и общественныхъ понятій, и возможность общественныхъ перемѣнъ объяснялась изъ простого несоотвѣтствія старыхъ отношеній съ новыми идеями. Въ основѣ историческаго процесса мыслились такимъ образомъ умственныя перемѣны: исторія была понята какъ движеніе мысли, какъ исторія идей, и эта концепція сдѣлалась господствующею въ философіи исторіи первой половины XIX в. Съ такой именно точки зрѣнія, съ «предвзятою мыслью», что «разумъ господствуетъ въ исторіи», сдѣлана была грандіозная попытка обозрѣнія всемірно-историческаго процесса въ «Философіи исторіи» Гегеля. Извѣстно, что этотъ разумъ, мысль, идею онъ олицетворялъ въ видѣ «всемірнаго духа» и сущность исторіи понялъ какъ постепенное познаваніе послѣднимъ своей сущности. Отъ этого процесса, идейнаго по самому своему существу, Гегель ставилъ въ зависимость и существенныя перемѣны политическія. На Востокѣ духъ не сознаетъ своей сущности, каковою является свобода, и здѣсь свободенъ одинъ, права всѣхъ неизвѣстны; въ древнемъ мірѣ духъ сознаетъ свою сущность, но подъ извѣстными условіями, и свободны только нѣкоторые; лишь въ новомъ мірѣ духъ пришелъ къ ясному сознанію своей сущности, и свободными сдѣлались всѣ. Историческое построеніе Гегеля было произвольно, фантастично; это не исторія, какова она есть, а какая-то символика исторіи, но въ этомъ построеніи важенъ для насъ принципъ, дѣлающій изъ идейнаго процесса самую основу исторіи. Другая, равносильная попытка философіи исторіи сдѣлана была Контомъ. Онъ стоялъ въ рѣзкой противоположности къ Гегелю, презиралъ метафизику, т.-е. именно то, чѣмъ занимался Гегель, и отводилъ ей промежуточное мѣсто между теологическимъ и позитивнымъ фазисами умственнаго развитія. Извѣстна формула Конта, которой онъ придавалъ значеніе основного закона историческаго развитія: умъ человѣческій проходитъ черезъ три стадіи въ объясненіи внѣшней природы сначала дѣйствіемъ сверхъестественныхъ агентовъ, потомъ проявленіемъ въ нихъ нѣкоторыхъ сущностей (entités), и, наконецъ, посредствомъ научныхъ законовъ. Эту-то формулу онъ положилъ въ основу собственнаго своего построенія

философіи исторіи. И тутъ, значитъ, за основу принятъ процессъ интеллектуальный, но, сверхъ того, въ зависимость отъ идейныхъ перемѣнъ Контъ поставилъ и процессъ перемѣнъ общественныхъ, хотя бы, напримѣръ, въ той своей формулѣ, по которой жрецамъ, философамъ и ученымъ, какъ духовнымъ вождямъ общества на трехъ ступеняхъ его развитія, ставятся въ соотвѣтствіе, какъ вожди свѣтскіе,— воины, юристы и индустріалы. На что ужъ Бокль былъ «натуралистъ въ исторіи», замѣняя философію естественными науками, психологію — статистической ариѳметикой и т. п., но и онъ проповѣдовалъ, однако, что «прогрессъ человѣчества зависитъ отъ успѣха, съ которымъ разрабатываются законы явленій, и отъ мѣры распространенія этихъ знаній», т.-е. опять умственный процессъ, явленіе духовнаго порядка полагалось у него въ основу самыхъ важныхъ историческихъ перемѣнъ. И въ частности, такой крупный историческій переворотъ, какимъ была французская революція, объяснялся у Бокля чуть не исключительно вліяніемъ тѣхъ новыхъ идей, которыя вырабатывались изученіемъ природы въ предшествующую эпоху. Если такимъ образомъ теоретически выдвигалась на первый планъ «роль идей» въ исторіи, то съ другой—и историки отдѣльныхъ народовъ, эпохъ и явленій считали своею обязанностью все болѣе и болѣе обращать вниманіе на идейную, духовную сторону жизни, на миѳологію и религію, на философію и науку, на литературу и искусство, на моральныя и политическія ученія, на идейные принципы, лежавшіе въ основѣ той или другой политической формы, составлявшіе подкладку тѣхъ или другихъ юридическихъ нормъ. Идейная жизнь народа, исторія его настроеній проявляется въ литературѣ, и литература сдѣлалась фокусомъ, въ который историки стали собирать всѣ отдѣльные лучи умственной жизни. Каждый знаетъ, кто только читалъ извѣстную «Исторію» Шлоссера, какое мѣсто отводилъ онъ литературѣ въ своихъ общихъ историческихъ трудахъ, хотя бы литература и не была у него органически слита со всѣмъ остальнымъ. Краснорѣчивѣе же другихъ о значеніи литературы для пониманія исторіи, какъ мы уже видѣли выше, говорилъ Тэнъ, рекомендуя въ литературѣ искать великую душу исторіи, ея внутреннее содержаніе, и провозглашая, что задача исторіи, какъ науки, есть задача психологическая. И въ своемъ крупномъ трудѣ по исторіи французской революціи, онъ остается вѣренъ себѣ: все существенное въ этой эпохѣ объясняется изъ того вліянія, какое отвлеченныя идеи философіи XVIII в. оказывали на разгоряченныя головы французскаго народа. Мы съ намѣреніемъ взяли здѣсь столь не сходныхъ мыслителей, нарочно сопоставили Гегеля и Конта, нарочно послѣ Бокля назвали Тэна. Гегель былъ убѣжденный метафизикъ, тогда какъ для Конта названіе метафизика было

бы чуть не браннымъ словомъ; между натуралистомъ Боклемъ, ставившимъ человѣка въ зависимость отъ внѣшней природы, и психологомъ Тэномъ, искавшимъ въ духовныхъ свойствахъ расы объясненія исторіи цѣлыхъ народовъ, разница тоже большая, но всѣ они,—и Гегель, и Контъ, и Бокль, и Тэнъ,—были какъ бы согласны между собой въ той основной идеѣ, что процессъ историческій сводится главнымъ образомъ къ перемѣнамъ, происходящимъ въ духовной сферѣ жизни.

Эта общая концепція вѣрна, однако, только на половину, и ея несогласіе съ дѣйствительностью заключалось въ томъ, что выдавалась она за полную формулу историческаго процесса. Экономическій матеріализмъ явился на смѣну къ этой концепціи, но и въ немъ мы имѣемъ дѣло лишь съ частью истины, а не со всею истиною. Реакція противъ психологическаго идеализма вытекла, однако, не изъ одного только діалектическаго процесса мысли, стремящейся къ истинѣ, путемъ отрицанія прежнихъ моментовъ процесса, но изъ того пониманія жизни, которое дано было самимъ движеніемъ жизни. Къ серединѣ XIX вѣка историческій опытъ показалъ, что источникъ соціальныхъ золъ заключался не въ одномъ недостаткѣ просвѣщенія, не въ одномъ недостаткѣ политической свободы, но и въ ненормальностяхъ экономическаго устройства. Экономическій вопросъ сталъ доминировать въ практической жизни, и это должно было отразиться на философскомъ пониманіи исторіи.

Мы и разсмотримъ теперь происхожденіе экономическаго матеріализма.

VII.

Въ тѣхъ немногихъ сочиненіяхъ, въ коихъ мы нашли кое-какія данныя и соображенія по вопросу о происхожденіи экономическаго матеріализма, родоначальниками коего являются Карлъ Марксъ и его другъ Энгельсъ, указывается вообще на то, что ученіе это имѣетъ свой корень, съ одной стороны, въ Гегелевой философіи, съ другой—во французскомъ соціализмѣ первой половины нынѣшняго столѣтія. Самъ Энгельсъ,—вообще, замѣтимъ, гораздо больше, нежели Марксъ, занимавшійся мыслью объ экономической подкладкѣ всего историческаго процесса,—указывалъ и, даже можно сказать, особенно напиралъ на то, что экономическій матеріализмъ есть не что иное, какъ замѣна *идеалистическаго* содержанія историко-философской формулы Гегеля—содержаніемъ *матеріалистическимъ*, подобно тому, какъ и все ученіе Маркса представляется имъ въ видѣ замѣны прежняго *утопическаго* соціализма французовъ—соціализмомъ *научнымъ*, основаннымъ на Гегелевой идеѣ развитія. Намъ еще придется говорить объ этомъ взглядѣ

на происхожденіе экономическаго матеріализма, высказанномъ однимъ изъ его родоначальниковъ, а теперь, отмѣчая его, обратимъ вниманіе на то, что авторы, писавшіе объ экономическомъ матеріализмѣ за послѣднее время, стали нѣсколько отступать отъ такого пониманія дѣла. Что гегельянство и ранній соціализмъ играли большую роль въ генезисѣ экономическаго міросозерцанія, въ этомъ, конечно, не можетъ быть никакого сомнѣнія, но вопросъ о томъ, какова была относительная роль каждаго изъ этихъ источниковъ, можетъ еще подлежать спору. Новѣйшіе авторы, коимъ приходилось высказываться по вопросу, все болѣе и болѣе, какъ мы еще увидимъ, склоняются къ той мысли, что связь между гегельянствомъ и экономическимъ матеріализмомъ не *реальная*, а *формальная*, и они въ этомъ отношеніи совершенно правы, ибо у Гегеля Марксъ и Энгельсъ заимствовали пониманіе того, *какъ* совершается исторія, а не того, *въ чемъ* она заключается: можно думать, что существенное содержаніе исторіи заключается въ экономическомъ процессѣ, вовсе не раздѣляя гегельянскаго воззрѣнія на этотъ процессъ, какъ на діалектическій, и наоборотъ, можно понимать этотъ процессъ діалектически, вкладывая въ него и не-экономическое содержаніе, какъ это доказывается философіей исторіи самого Гегеля и его многочисленныхъ послѣдователей, кромѣ Маркса и Энгельса. Притомъ новѣйшіе послѣдователи экономическаго матеріализма и не придаютъ значенія гегельянской его окраскѣ у его родоначальниковъ. Совершенно также и въ спеціальной области Маркса, т.-е. въ политической экономіи, самыя важныя его идеи могутъ получать признаніе безъ всякаго обязательства со стороны признающаго непремѣнно принять все то, что въ теоріи Маркса носитъ слѣды гегельянскаго происхожденія. Одинъ изъ современныхъ теоретиковъ исторіи, весьма основательный ученый, именно Бернгеймъ, о которомъ намъ пришлось уже упомянуть, замѣчаетъ, что хотя при громадной начитанности Маркса и трудно опредѣлить источники его историко-философской концепціи, тѣмъ не менѣе у него оказывается наиболѣе точекъ соприкосновенія съ французскими соціалистами и философами исторіи,—и при этомъ Бернгеймъ едва упоминаетъ въ подстрочномъ примѣчаніи о связи воззрѣнія Маркса съ гегельянствомъ, отсылая за подробностями къ книгѣ Барта, о которой у насъ рѣчь будетъ впереди. И другіе новѣйшіе писатели сильнѣе подчеркиваютъ именно зависимость Маркса отъ французскихъ соціалистовъ и историковъ: отъ нихъ идетъ, дѣйствительно, самое главное—пониманіе общества и исторіи на чисто экономической подкладкѣ. Съ другой стороны, экономическій матеріализмъ въ исторіи сдѣлался своего рода историческимъ догматомъ современной нѣмецкой соціаль-демократіи, одинъ изъ органовъ коей («Unsere Zeit») въ значительной степени со-

дѣйствовалъ распространенію идеи экономическаго матеріализма въ Германіи. Но и тутъ мы тоже встрѣчаемся не съ такою связью между экономическимъ матеріализмомъ и соціализмомъ, которая вездѣ и всегда оставалась бы неразрывною. Упоминая объ одномъ защитникѣ экономическаго матеріализма (о Вейзенгрюнѣ, на которомъ мы остановимся подробнѣе ниже), все тотъ же Бернгеймъ, отведшій разсмотрѣнію этого направленія три страницы, отмѣчаетъ, однако, что указываемый имъ защитникъ отрѣшаетъ экономическую концепцію исторіи отъ ея спеціально соціалистической тенденціи (löst diese Theorie von ihrer speciell socialistischen Tendenz los). Равнымъ образомъ и г. Николаевъ, въ книгѣ своей «Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ» (Москва, 1892), относясь весьма сочувственно къ «гипотезѣ», замѣчаетъ, что партійное ея происхожденіе—случайность, и что гипотеза «могла появиться съ такимъ же удобствомъ въ другой партіи и еще лучше внѣ партій». Дѣйствительно, для того, чтобы признавать экономическую подкладку исторіи, не нужно быть непремѣнно соціалистомъ, а съ другой стороны, и соціализмъ, какъ таковой, т.-е. какъ ученіе *о перестройкѣ соціальной жизни* на новыхъ экономическихъ началахъ, не требуетъ необходимо, чтобы внѣ экономическихъ началъ ничего другого не принималось *для объясненія сущности историческаго процесса.*

Еще болѣе мы убѣдимся, что экономическій матеріализмъ мыслимъ безъ соціалистической окраски (какъ мыслимъ и соціализмъ безъ экономическаго матеріализма), если бросимъ даже самый бѣглый взглядъ на происхожденіе обѣихъ основныхъ историческихъ идей Маркса-Энгельса.

Экономическая концепція общества возникла вмѣстѣ съ политической экономіей, т.-е. впервые была формулирована физіократами и Адамомъ Смитомъ, идеи коихъ соціалистами отвергаются. Если ранѣе всѣхъ положилъ эту концепцію въ основу всей соціологіи Сенъ-Симонъ, то не нужно забывать, что его «утопическій соціализмъ» былъ отвергнутъ представителями экономическаго матеріализма. Съ другой стороны, соціализмъ отвергался Роджерсомъ, который, однако, очень близокъ къ экономическому матеріализму, тогда какъ Сенъ-Симонъ, мечтавшій о перерожденіи человѣчества посредствомъ «новаго христіанства» и вмѣстѣ съ Контомъ признававшій великую движущую силу за идеями, былъ очень далекъ отъ экономическаго объясненія исторіи, хотя и выдвинулъ весьма значительно впередъ экономическую сторону исторіи. Другая основная идея Маркса-Энгельса — та, что исторія въ послѣднемъ анализѣ сводится къ борьбѣ классовъ. Эту идею Марксъ нашелъ во французской исторіографіи временъ реставраціи и іюльской монархіи. Въ эпоху реставраціи во Франціи шла борьба между реакціонной зем-

ледѣльческой аристократіей и либеральной капиталистической буржуазіей, впервые показавшей свою силу въ 1789 г., и съ этой точки зрѣнія многіе писатели понимали не только свое время или сравнительно недавнюю революцію, но и готовы были сводить къ ней чуть не все прошлое Франціи. Іюльская революція дала побѣду буржуазіи, но вслѣдъ затѣмъ возникъ антагонизмъ между буржуазіей и пролетаріатомъ, съ точки зрѣнія котораго равнымъ образомъ стала пониматься и изображаться какъ самая эпоха, такъ и революція конца XVIII в. Припомнимъ, что «Организація труда» (1840) и «Исторія десяти лѣтъ» (1841—1844) Луи Блана вышли почти одновременно, и что во введеніи къ этому своему труду онъ далъ знаменитое опредѣленіе буржуазіи и народа, борьбу между коими и изобразилъ впослѣдствіи въ своей «Исторіи французской революціи» (1847 и слѣд.). Концепція исторіи, какъ борьбы классовъ, внушалась французскимъ писателямъ двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ самою дѣйствительностью, но эта борьба понималась въ соціалистическомъ освѣщеніи лишь одною частью тогдашнихъ историковъ и публицистовъ; другая ихъ часть была далека отъ того, чтобы классовой борьбѣ придавать именно такой характеръ. Съ другой стороны, можно указать на одного новѣйшаго соціолога, смотрящаго на исторію именно съ точки зрѣнія борьбы между отдѣльными соціальными группами, внутри коихъ существуетъ связь интересовъ и изъ которыхъ однѣ господствуютъ надъ другими,—соціолога этого зовутъ Гумпловичъ, а его книга имѣетъ заглавіе «Grundriss der Sociologie» [1]), а между тѣмъ Гумпловичъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ сойти за соціалиста. Мало того: понимая общество не иначе, какъ въ смыслѣ господства одной соціальной группы надъ другими, и полагая, что вся внутренняя исторія общества сводится къ борьбѣ между такими группами, обособленными посредствомъ своихъ интересовъ, Гумпловичъ видитъ въ этомъ своего рода законъ природы, въ силу чего и общество, и исторія должны сохранить такой характеръ на вѣчныя времена, тогда какъ соціализмъ соединяется съ вѣрою въ то, что междуклассовой борьбѣ долженъ наступить конецъ, и съ этой стороны идея классовой борьбы въ исторіи человѣчества у соціалистическихъ представителей экономическаго матеріализма даже не играетъ такой основной роли, какъ у Гумпловича, который, какъ мы сказали, отнюдь не соціалистъ.

Такимъ образомъ, если экономическій матеріализмъ, какъ таковой, возникъ на почвѣ гегельянства и соціализма, то изъ этого еще не

---

[1]) См. о ней въ соч. нашемъ «Сущность историческаго прогресса и роль личности въ исторіи».

слѣдуетъ, чтобы *въ смыслѣ историко-философской доктрины* онъ долженъ былъ разсматриваться въ связи съ гегельянствомъ и соціализмомъ, такъ какъ сведеніе всей соціальной жизни къ экономическимъ факторамъ можетъ быть мыслимо, а потому можетъ доказываться (хотя, думаемъ мы, и не можетъ быть доказано) и оспариваться безъ всякаго отношенія къ философіи Гегеля или къ стремленіямъ соціальной демократіи, хотя послѣдняя и включила бы экономическій матеріализмъ въ число своихъ теоретическихъ основаній. Настоящую основу такой исторической концепціи мы можемъ найти лишь въ односторонне-матеріалистическомъ взглядѣ на жизнь, за которымъ должны признать право на существованіе въ научной теоріи исторіи лишь постольку, поскольку внесеніемъ этой точки зрѣнія устраняется прежній односторонне-идеалистическій взглядъ. На этомъ переворотѣ сказалось вліяніе самой жизни, конечно, но теоретическая мысль должна стоять выше жизни, безъ чего послѣдняя не можетъ получить вполнѣ разумнаго направленія.

VIII.

Обратимся теперь къ общей характеристикѣ теоретическихъ воззрѣній Маркса и Энгельса въ области исторіи.

Нами только-что было отмѣчено двойное вліяніе гегельянства и французскаго соціализма на Маркса и было указано, что первое подѣйствовало на него главнымъ образомъ формальною своею стороною. Въ частности, по вопросу о томъ, что̀ составляетъ первооснову исторіи, онъ примкнулъ къ Фейербаху, одному изъ наиболѣе видныхъ представителей крайней лѣвой гегельянства, учившему, что человѣкъ создаетъ идею, а не идея человѣка: уже въ 1844 г. Марксъ объявилъ въ «Deutsch-französische Jahrbücher», издававшихся имъ вмѣстѣ съ Руге, что «человѣкъ создаетъ религію, а религія не создаетъ человѣка»,— взглядъ, который могъ легко быть примѣненъ и къ другимъ элементамъ культуры. Съ другой стороны, у французскаго соціализма Марксъ заимствовалъ свой взглядъ на человѣка преимущественно въ его отношеніи къ природѣ и къ средствамъ воздѣйствія на природу, т.-е. по отношенію къ его роли въ производствѣ. Въ 1847 г., далѣе, вышла въ свѣтъ его «La misère de la philosophie», направленная, какъ извѣстно, противъ Прудона, и въ этомъ сочиненіи, между прочимъ, проводится та мысль, что экономія не только не зависитъ отъ политики, но сама даже опредѣляетъ мораль и религію. Сущность воззрѣній Маркса въ послѣднемъ отношеніи сводится къ тому, что во всѣхъ религіяхъ выражается зависимость человѣка отъ природы, но что экономическое развитіе должно привести къ исчезновенію религіи, и что вообще съ

такой точки зрѣнія слѣдуетъ понимать научнымъ образомъ исторію религіи. Въ приложеніи къ всемірной исторіи эта концепція приводила Маркса къ такой, приблизительно, формулѣ: на Востокѣ и въ классической древности, гдѣ человѣкъ производилъ конкретныя цѣнности, не принимавшія абстрактной формы товаровъ, человѣкъ и самъ былъ конкретнѣе, и боговъ своихъ точно также мыслилъ конкретнѣе, чѣмъ въ новое время, когда продукты принимаютъ абстрактную, безличную форму товаровъ. По мнѣнію Маркса, наиболѣе подходящею религіозною формою для общества, состоящаго изъ производителей товаровъ, и является потому христіанство съ своимъ культомъ отвлеченнаго человѣка, особенно въ своемъ новомъ видѣ протестантизма, деизма и т. п. Такимъ образомъ въ образованіи религіи Марксъ видѣлъ процессъ, не имѣющій никакого самостоятельнаго значенія рядомъ съ процессомъ экономическимъ, и полагалъ, что процессъ религіозный является чисто производнымъ по отношенію къ этому послѣднему. Черезъ годъ послѣ того, какъ высказаны были такія мысли о зависимости такого элемента культуры, какъ религія, отъ экономіи, именно въ 1848 г., Марксъ и Энгельсъ, уже тогда раздѣлявшій его взгляды, издали знаменитый «Коммунистическій манифестъ», въ которомъ эти мысли обобщаются, хотя, конечно, и не получаютъ большого развитія въ виду того, что авторы «Манифеста» вовсе не думали, издавая его въ свѣтъ, излагать новую историческую теорію, такъ какъ цѣль ихъ была иная, чисто боевая въ общественномъ смыслѣ, какъ это и должно быть понятно, разъ мы вспомнимъ, когда изданъ былъ этотъ документъ и каково было его содержаніе. Тѣмъ не менѣе стоитъ отмѣтить наиболѣе для насъ интересныя мѣста этого воззванія. «Исторія,—говорится въ самомъ началѣ «Манифеста»,—всѣхъ донынѣ существовавшихъ обществъ есть исторія борьбы классовъ»... «Трудно ли понять,—сказано далѣе въ другомъ мѣстѣ,—что съ образомъ жизни людей, съ ихъ общественными отношеніями, съ ихъ общественнымъ положеніемъ мѣняются также ихъ представленія, воззрѣнія, понятія, словомъ, все ихъ міросозерцаніе? Чтó же доказываетъ исторія идей, если не то, что умственная дѣятельность преобразуется вмѣстѣ съ матеріальной? Господствующими идеями даннаго времени всегда были идеи господствующаго класса. Говорятъ объ идеяхъ, которыя создаютъ революціонное настроеніе во всемъ обществѣ; этимъ выражаютъ тотъ фактъ, что внутри стараго общества образовались элементы новаго строя, что рядомъ съ разрушеніемъ стараго образа жизни идетъ разложеніе старыхъ идей». Вотъ все существенное по интересующему насъ предмету, чтó только и можно найти въ «Манифестѣ». Заявляя, что «исторія всѣхъ донынѣ существовавшихъ обществъ основывалась на противопо-

ложности классовъ, принимавшей въ различныя эпохи различные виды, «Манифестъ» пророчитъ исчезновеніе тѣхъ формъ общественнаго сознанія, въ коихъ оно до сихъ поръ всегда вращалось, разъ произойдетъ полное уничтоженіе противоположности классовъ (другими словами, основа исторіи не принимается здѣсь за нѣчто вѣчное). Далѣе въ предисловіи къ сочиненію «Zur Kritik der politischen Oekonomie» (1859) Марксъ указываетъ на то, что «въ своей общественной жизни люди наталкиваются на извѣстныя, необходимыя, не зависящія отъ ихъ воли отношенія, именно на отношенія производства, соотвѣтствующія той или другой ступени развитія производительныхъ силъ. Вся совокупность этихъ отношеній производства,—продолжаетъ онъ,—составляетъ экономическую структуру обществъ, реальный базисъ (die reale Basis), на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройка (Ueberbau) и которому соотвѣтствуютъ извѣстныя формы общественнаго сознанія». Отсюда онъ выводитъ, что «соотвѣтствующій матеріальной жизни способъ производства обусловливаетъ собою процессы соціальной, политической и духовной жизни вообще. Не понятія,—поясняетъ онъ,—опредѣляютъ общественную жизнь людей, но, наоборотъ, ихъ общественная жизнь обусловливаетъ собою ихъ понятія... Правовыя отношенія,—прибавляетъ онъ еще,—равно какъ и формы государственной жизни, не могутъ быть объяснены ни сами собой, ни такъ называемымъ общимъ развитіемъ человѣческаго духа, но коренятся въ матеріальныхъ условіяхъ жизни, совокупность которыхъ Гегель, по примѣру англичанъ и французовъ XVIII-го столѣтія, обозначилъ именемъ гражданскаго общества; анатомію же гражданскаго общества нужно искать въ его экономіи... На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества приходятъ въ столкновеніе съ существующими отношеніями производства, или (говоря юридическимъ языкомъ) съ имущественными отношеніями, внутри которыхъ онѣ до тѣхъ поръ вращались. Изъ формъ, способствующихъ развитію производительныхъ силъ, эти имущественныя отношенія дѣлаются его тормазами... Съ измѣненіемъ экономическаго основанія измѣняется болѣе или менѣе быстро вся возвышающаяся на немъ огромная надстройка. Ни одна общественная формація не исчезаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ производительныя силы, которымъ она предоставляетъ достаточно простора; и новыя, высшія отношенія производства никогда не занимаютъ мѣста старыхъ раньше, чѣмъ выработаются въ нѣдрахъ стараго общества матеріальныя условія ихъ существованія». Вотъ все самое важное и существенное въ теоріи, выраженное словами самого Маркса; съ одной стороны, это—представленіе всей исторіи, какъ борьбы классовъ на почвѣ экономическихъ интересовъ, съ другой—представленіе экономи-

ческой структуры общества какъ базиса, а всего остального—какъ надстройки; наконецъ, представленіе историческихъ перемѣнъ какъ перемѣнъ, обусловливающихся измѣненіями исключительно экономическаго свойства. Тутъ мы находимъ, выражаясь терминами Конта, и соціальную статику, и соціальную динамику, т.-е. и теорію общества, и теорію историческаго процесса. Эта послѣдняя основывается у Маркса на понятіи развитія противорѣчій каждой формы производства, причемъ развитіе это объявляется единственнымъ путемъ, по которому идетъ разложеніе и пересложеніе этихъ формъ, и все это въ духѣ діалектики Гегеля. Эмпирическимъ субъектомъ этого діалектическаго процесса родоначальникъ экономическаго матеріализма считаетъ формы собственности, которыя суть лишь простыя юридическія выраженія формъ производства. Что касается до эмпирической причины процесса, то для Маркса она заключается въ противоположныхъ интересахъ общественныхъ классовъ [1]). Весьма понятно, что если формальные элементы исторической теоріи Маркса ведутъ свое начало отъ Гегеля, то матеріальными онъ обязанъ главнымъ образомъ Луи Блану [2]), и вся оригинальность теоріи заключается именно въ своеобразномъ сочетаніи и тѣхъ и другихъ элементовъ. Первоначально господствовалъ коммунизмъ, смѣнившійся своею противоположностью — частною собственностью, но и послѣдняя переходитъ, посредствомъ собственной своей внутренней и неизбѣжной діалектики, въ свою же противоположность.

Таково было происхожденіе и развитіе историко-теоретическихъ идей Маркса. Мы видѣли, какъ онъ примкнулъ сначала въ философіи къ крайней лѣвой гегельянства, удержавъ, однако, склонность, характеризующую всѣхъ гегельянцевъ, совершенно произвольно построять исторію. Вопросъ о религіи игралъ весьма видную роль въ философіи Гегеля, и рѣшая его вообще въ томъ направленіи, которое особенно прославило Фейербаха, Марксъ чисто діалектическимъ путемъ, а не на основаніи культурно-историческаго и сравнительнаго изученія формъ религіознаго сознанія, въ частности поставилъ послѣднія въ зависимость отъ экономіи, никогда, однако научнымъ образомъ не доказавъ этой мысли. Тѣмъ не менѣе найдена была формула, которую очень легко было превратить въ боевой лозунгъ въ начинавшейся соціальной борьбѣ. Всякое общественное движеніе стремится себя санкціонировать, ссылаясь для этого на ту или на другую идею, которая и дѣлается своего рода догматомъ: въ эпоху реформаціи ссылались на «слово Божіе», на «еван-

---

[1]) Эту идею борьбы классовъ Марксъ примѣнилъ къ разсмотрѣнію исторіи Франціи въ 1848—51, въ своемъ сочиненіи «18-ое брюмера Людовика Вонапарта».

[2]) Adler, Die Grundlagen der Marx'schen Kritik der bestehenden Volkswirthschaft.

гельскую свободу» и т. п.; во время революціи—на «естественное право», на «священныя и неотчуждаемыя права человѣка и гражданина» и т. п.; и вотъ составители «Коммунистическаго Манифеста» также ссылаются на новое историческое ученіе, которое, однако, не доказывается, а излагается, какъ истина, не подлежащая спору. И въ дальнѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ, въ коихъ Марксу приходилось высказываться по вопросу о сущности историческаго процесса, онъ предъявляетъ свое ученіе какъ своего рода аксіому, не требующую дальнѣйшихъ доказательствъ.

Оставляя въ сторонѣ экономическое ученіе Маркса, составляющее главную его силу, и не касаясь перенесенія имъ на объективную исторію трехчленной формулы гегелевой діалектики, которой въ настоящее время никто защищать не станетъ, мы должны подчеркнуть то, что автора «Капитала», какъ основателя особой историко-философской концепціи, совсѣмъ не приходится ставить на одну доску съ Дарвиномъ, дѣйствительно произведшимъ переворотъ въ области біологическихъ наукъ. Марксъ, оставившій великую книгу въ политической экономіи, не создалъ такой книги для своей теоріи историческаго процесса. Между тѣмъ наиболѣе рьяные сторонники экономическаго матеріализма сравниваютъ значеніе Маркса въ философіи исторіи съ значеніемъ Дарвина въ философіи природы [1]). Энгельсъ, собственно говоря, для самого экономическаго матеріализма сдѣлалъ больше, чѣмъ Марксъ, но и его сочиненія, относящіяся къ этой историко-философской концепціи, не могутъ разсматриваться, какъ труды, въ коихъ идея эта не пропагандировалась бы только и не примѣнялась бы только, какъ вполнѣ доказанная и абсолютная истина, а именно прежде всего доказывалась бы и обосновывалась.

У Энгельса сравнительно съ Марксомъ мы находимъ мало оригинальнаго. Будучи гегельянцемъ по взгляду на исторію, какъ на процессъ чисто діалектическій, считая отрицаніе всеобщимъ, всегда и вездѣ дѣйствующимъ и наиболѣе важнымъ закономъ мышленія и бытія (природнаго и историческаго), Энгельсъ видитъ содержаніе исторіи въ процессѣ экономическомъ, какъ и Марксъ. Оцѣнивая общее значеніе своего друга въ исторіи, Энгельсъ ставитъ ему въ заслугу главнымъ образомъ два крупныя открытія: матеріалистическое пониманіе исторіи и разоблаченіе тайны капиталистическаго производства. Хотя по первому пункту самъ Энгельсъ высказывался гораздо болѣе, нежели Марксъ, тѣмъ не менѣе, по его собственному заявленію въ предисловіи къ со-

---

[1]) См., напр., Gerhard Krause, Die Entwickelung der Geschichtsauffassung bis auf Karl Marx. Berlin, 1891.

чиненію о нѣмецкой крестьянской войнѣ [1]), матеріалистическое пониманіе исторіи именно имѣетъ своимъ родоначальникомъ не его, а Маркса. Въ статьѣ своей о заслугахъ, оказанныхъ Марксомъ наукѣ [2]), онъ на первое мѣсто ставитъ переворотъ, произведенный его другомъ во взглядѣ на исторію, какъ на борьбу классовъ.

Но болѣе глубокой, чѣмъ у Маркса, обосновки этого взгляда Энгельсъ не даетъ, если только не считать того, что въ своей извѣстной полемикѣ съ Дюрингомъ онъ стремится доказать научность своего историческаго взгляда, ставя его въ связь съ философіей Гегеля, причемъ онъ защищаетъ однако не столько экономическій матеріализмъ, сколько соціализмъ въ своемъ пониманіи. Въ своемъ сочиненіи: «Herrn E. Düring's Umwälzung der Wissenschaft», Энгельсъ коснулся именно анти-историчности соціальныхъ утопій, коимъ онъ и противополагаетъ соціализмъ научный. «Соціализмъ въ представленіи утопистовъ,—говоритъ онъ,—есть выраженіе абсолютной истины, разума и справедливости, и нужно только открыть его, чтобы онъ собственною силою покорилъ весь міръ; а такъ какъ абсолютная истина не зависитъ отъ времени, пространства и историческаго развитія человѣчества, то это уже дѣло чистой случайности, когда и гдѣ она будетъ открыта». Научное значеніе соціализмъ, по его словамъ, могъ получить, лишь ставъ на реальную почву, которую создала философія Гегеля, величайшая же заслуга этой философіи, по опредѣленію Энгельса, «состоитъ въ томъ, что она въ первый разъ представила весь естественный, историческій и духовный міръ въ видѣ процесса, т.-е. изслѣдовала его въ безпрерывномъ движеніи, измѣненіи и развитіи и пыталась обнаружить взаимную внутреннюю связь этого движенія и развитія». Только, прибавляетъ онъ, «уразумѣніе полной ошибочности господствовавшаго въ Германіи идеализма должно было неизбѣжно привести къ матеріализму», который однако остался все-таки діалектическимъ. Къ этому присоединились обстоятельства времени, и «новые факты заставили подвергнуть всю прежнюю исторію новому изслѣдованію, и тогда выяснилось, что вся она, за исключеніемъ первобытнаго состоянія, была исторіею борьбы классовъ, что эти борющіеся общественные классы являются въ каждый данный моментъ результатомъ условій производства и обмѣна, короче—экономическихъ отношеній своего времени». Однимъ словомъ, по представленію Энгельса, «Гегель освободилъ отъ метафизики пониманіе исторіи,—онъ сдѣлалъ его діалектическимъ,—но его собственный взглядъ на нее былъ идеалистиченъ по существу. Теперь идеализмъ былъ

[1]) Der deutsche Bauernkrieg.

[2]) Arbeiter-Kalender за 1878 годъ.

изгнанъ изъ его послѣдняго убѣжища въ области исторіи; теперь пониманіе исторіи стало матеріалистическимъ; теперь найденъ былъ путь для объясненія человѣческаго самосознанія условіями человѣческаго существованія, вмѣсто прежняго объясненія этихъ условій человѣческимъ самосознаніемъ».

Въ приведенныхъ словахъ возникновеніе экономическаго матеріализма оправдывается съ точки зрѣнія ложности прежнихъ воззрѣній. Научная *идея* развитія, дѣйствительно, многимъ обязана философіи Гегеля, хотя изъ этого еще не слѣдуетъ, что вѣрна именно Гегелева формула развитія. Съ другой стороны обнаруженіе ошибочности прежняго идеализма не можетъ служить доводомъ въ пользу того, чтобы искать истину въ его противоположности, ибо ошибочность заключалась только въ односторонности. Новое историческое ученіе, дѣйствительно, оказало большую услугу, открывъ, такъ сказать, борьбу классовъ въ исторіи; но это еще не даетъ наукѣ права утверждать, что вся исторія заключается въ одной этой борьбѣ и что вся эта борьба сводится къ однимъ условіямъ производства и обмѣна.

«Матеріалистическое пониманіе исторіи,—говоритъ еще Энгельсъ,—основывается на томъ положеніи, что производство и обмѣнъ продуктовъ служатъ основаніемъ всякаго общественнаго строя, что въ каждомъ историческомъ обществѣ распредѣленіе продуктовъ, а съ нимъ и образованіе классовъ или сословій зависитъ отъ того, какъ и что производится этимъ обществомъ и какимъ способомъ обмѣниваются произведенные продукты». Отсюда слѣдуетъ, что «коренныхъ причинъ соціальныхъ перемѣнъ и политическихъ переворотовъ нужно искать не въ головахъ людей, не въ болѣе или менѣе ясномъ пониманіи ими вѣчной истины и справедливости, а въ измѣненіи способовъ производства и обмѣна, другими словами, не въ философіи, а въ экономіи данной эпохи. Пробудившееся сознаніе неразумности и несправедливости существующихъ общественныхъ отношеній служитъ лишь указаніемъ того, что въ способахъ производства и формахъ обмѣна постепенно совершились измѣненія, настолько значительныя, что имъ не соотвѣтствуетъ болѣе порядокъ, выкроенный по мѣркѣ старыхъ экономическихъ условій». Или вотъ какъ еще Энгельсъ формулируетъ ту же мысль: «экономическій строй общества каждой данной эпохи представляетъ ту реальную почву, свойствами которой объясняется въ послѣднемъ анализѣ вся надстройка, образуемая совокупностью правовыхъ и политическихъ учрежденій, равно какъ и религіозныхъ, философскихъ и прочихъ воззрѣній каждаго даннаго историческаго періода». Въ этихъ словахъ мы въ сущности находимъ лишь пересказъ мысли Маркса и также въ чисто догматической формѣ. Энгельсъ говоритъ намъ, на чемъ основывается мате-

ріалистическое пониманіе исторіи: это—извѣстныя положенія, которыя сами еще нуждаются въ доказательствахъ, а между тѣмъ Энгельсъ не доказалъ ни одного изъ нихъ, довольствуясь простыми заявленіями въ родѣ того, что будто бы состояніе умовъ такъ-таки не играетъ никакой роли въ общественныхъ измѣненіяхъ. Нельзя еще не упомянуть, что и Энгельсъ смотритъ на «раздѣленіе общества на классы эксплуатирующіе и эксплуатируемые, господствующіе и угнетаемые» лишь какъ на «необходимое слѣдствіе прежняго недостаточнаго развитія производства». Но если, по его мнѣнію, такое раздѣленіе и имѣетъ извѣстное историческое оправданіе, то лишь для даннаго періода и при данныхъ условіяхъ: оно, говоритъ онъ, «коренилось въ слабости производства и будетъ сметено полнымъ развитіемъ современныхъ производительныхъ силъ».

Съ теченіемъ времени Энгельсъ дополнилъ свой взглядъ новыми соображеніями, которыя внесли въ него существенное измѣненіе. Если ранѣе онъ признавалъ за основу матеріальнаго пониманія исторіи только изслѣдованіе экономической структуры общества, то позднѣе онъ призналъ равносильное значеніе и за изслѣдованіемъ семейнаго устройства, что случилось подъ вліяніемъ новаго представленія о первобытныхъ формахъ брачныхъ и семейныхъ отношеній, заставившаго его принять въ расчетъ не одинъ только процессъ производства продуктовъ, но и процессъ воспроизведенія человѣческихъ поколѣній. Въ данномъ отношеніи вліяніе шло въ частности со стороны «Древняго общества» Моргана [1]). Уже самъ Марксъ хотѣлъ представить выводы изъ изслѣдованій Моргана въ освѣщеніи своего собственнаго пониманія исторіи: Энгельсъ занялся этимъ дѣломъ во исполненіе воли своего покойнаго друга, результатомъ чего было особое сочиненіе о происхожденіи семьи, собственности и государства [2]), имѣвшее въ Германіи нѣсколько изданій и переведенное на разные языки. Это весьма любопытная книжка, въ которой мы имѣемъ, однако, дѣло не съ обоснованіемъ матеріалистической теоріи,—открытой, по словамъ Энгельса, вторично Морганомъ въ Америкѣ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ открытія Маркса,—а съ примѣненіемъ этой идеи и къ до-исторической эпохѣ.

---

[1]) Lewis H. Morgan, Ancient Society, or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization. 1877.

[2]) Engels, Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staates in Anschluss an H. Lewis Morgan's Anschauungen. 1884. Въ 1891 г. вышло 4-е изданіе. До 1891 г. вышли переводъ итальянскій (1885), румынскій (1885—86), датскій (1888), а въ 1893 г. появился и французскій переводъ (Frédéric Engels, L'origine de la famille, de la propriété privée et de l'état pour faire suite aux travaux de Lewis H. Morgan).

IX.

Мы уже упоминали раньше, что лишь за послѣднее, сравнительно очень короткое, время экономическій матеріализмъ заставилъ о себѣ говорить. Въ литературѣ, посвященной выясненію основной его точки зрѣнія, преобладаетъ догматическое къ нему отношеніе, какъ къ вполнѣ установленной теоріи. Но экономическій матеріализмъ начинаетъ обращать на себя вниманіе и критики, не всегда впрочемъ, отмѣчающей чисто догматическій характеръ всего ученія [1]). Прежде нежели мы перейдемъ къ разсмотрѣнію нѣсколькихъ сочиненій, написанныхъ въ защиту основной мысли ученія, мы остановимся на нѣсколькихъ страницахъ (текста и примѣчаній) интересной книги Павла Барта объ историко-философскихъ воззрѣніяхъ Гегеля и гегельянцевъ до Маркса и Гартмана включительно [2]). Понятно, мы не станемъ разбирать здѣсь всей этой книги, а укажемъ лишь на то, что имѣетъ прямое отношеніе къ нашему предмету.

Марксъ, по словамъ Барта, такъ много носитъ на себѣ слѣдовъ гегельянства *въ формальномъ отношеніи* (in formaler Hinsicht), что его историко-философскія воззрѣнія непремѣнно должны были быть разсмотрѣны въ сочиненіи, посвященномъ вообще разбору гегельянской исторической философіи. Онъ даже смотритъ на Маркса, какъ на послѣдняго самостоятельнаго представителя этой школы въ данной области, съ которымъ и прекратилось дальнѣйшее развитіе основного взгляда Гегеля на сущность историческаго процесса. Совершенно вѣрно Бартъ отмѣчаетъ при этомъ еще и то, что на Маркса и Энгельса гегельянство повліяло лишь со стороны ученія о діалектической необходимости всемірно-историческаго процесса, но что подъ вліяніемъ Фейербаха оба они усвоили чисто матеріалистическую точку зрѣнія и вложили въ логическую формулу вполнѣ эмпирическое содержаніе. Съ этой стороны онъ нападаетъ на одного изъ авторовъ [3]), писавшихъ о марксизмѣ и утверждавшихъ, что матеріалистическая теорія исторіи Маркса вполнѣ оригинальна, за исключеніемъ развѣ только усвоенія имъ историческихъ взглядовъ Луи Блана. Вполнѣ согласно съ истиной понимаетъ Бартъ и то отношеніе, въ какомъ Марксъ находился къ историкамъ французской революціи и къ французскимъ соціалистамъ. Но для того, чтобы критиковать экономическій матеріализмъ, Барту пришлось выискать въ

---

[1]) Ср. Bernheim, Lehrbuch der historishen Methode.

[2]) Die Geschichtsphilosophie Hegel's und der Hegelianer bis auf Marx und Hartmann. Ein kritischer Versuch von Dr. Paul Barth. 1890.

[3]) Adler, Die Grundlagen der Marx'schen Kritik der bestehenden Volkswirthschaft.

главныхъ научныхъ трудахъ Маркса отдѣльныя, иногда совершенно отрывочныя замѣчанія, имѣющія то или иное отношеніе къ вопросу, чтобы такимъ путемъ возсоздать въ сколько-нибудь цѣльномъ видѣ историческое міросозерцаніе автора «Капитала»: до такой степени онъ самъ не позаботился вполнѣ развить и разъяснить свои взгляды. Напр., для доказательства того, что и философія находится въ зависимости отъ экономическихъ измѣненій, Бартъ нашелъ у Маркса лишь одно примѣчаніе съ такого рода утвержденіемъ: Декартъ, опредѣляя животныхъ, какъ простыя машины, уже отражалъ на себѣ вліяніе начинавшагося въ его время мануфактурнаго періода въ отличіе отъ среднихъ вѣковъ, когда на животныхъ смотрѣли какъ на помощниковъ человѣка. Всякій, кто только знакомъ съ тѣмъ, какъ возникаютъ и развиваются философскія воззрѣнія, признаетъ полную несостоятельность такого объясненія. Вообще,—отмѣчаетъ и этотъ критикъ указываемую всѣми характерную особенность экономическаго матеріализма, — Марксъ и его школа довольствуются весьма немногими, какъ выражается самъ Энгельсъ, «илюстраціями» общаго положенія.

Весьма естественно, что нашему автору не стоило большого труда указать на несостоятельность сведенія всѣхъ элементовъ культуры къ одной экономіи. Опираясь, напр., на факты и на выводы авторитетныхъ ученыхъ, онъ доказываетъ, что во многихъ случаяхъ политика опредѣляетъ или обусловливаетъ экономію вопреки утвержденію школы о противномъ. Между прочимъ, онъ приводитъ нѣкоторыя соображенія, основанныя на изслѣдованіяхъ одного изъ лучшихъ теперешнихъ историковъ экономическаго быта, Инамы-Штернегга [1]), который даже формулируетъ такое общее положеніе, что взаимодѣйствіе между политикой и хозяйствомъ является основной чертой развитія всѣхъ государствъ и всѣхъ народовъ. «Главенство (das Principat) экономіи надъ политикой,—говоритъ Бартъ,—не можетъ быть доказано ни для начала, ни для продолженія исторіи, а скорѣе существуетъ теснѣйшее взаимодѣйствіе между обѣими сферами жизни, никоимъ образомъ не оправдывающее уподобленія одной основанію, а другой — надстройкѣ». «Право,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—не есть простая надстройка, но имѣетъ существованіе, частью отъ хозяйства независимое, все болѣе и болѣе упрочивающееся съ теченіемъ исторіи и не только подвергающееся вліянію другихъ сторонъ жизни, но и само на нихъ вліяющее [2]).

---

[1]) K. T. v. Inama-Sternegg, Deutsche Wirthschaftsgeschichte bis zum Schluss der Karolingenperiode. 1879.

[2]) И въ другомъ мѣстѣ: Das Recht führt also eine selbstständige, eigene, wenn auch nicht unabhängige Existenz, es ist nicht eine blosse Function der Oekonomie.

Мы уже видѣли, въ чемъ заключается общій взглядъ Маркса на религію, являющуюся у него точно также лишь функціей экономіи, и, конечно, Барту особенно нетрудно было установить ту истину, что «религія въ происхожденіи своемъ далека отъ экономіи: если,—замѣчаетъ онъ,—позднѣе экономія и могла воздѣйствовать на религію,—что Марксомъ только утверждается, но нигдѣ не доказывается,—то подобнаго рода вліяніе должно быть весьма незначительно». Наоборотъ, критикъ указываетъ на случаи глубокаго вліянія религіи на экономію, причемъ имѣетъ за себя между прочимъ книгу Феликса: «Entwickelungsgeschichte des Eigenthums», третій томъ коей (Der Einfluss der Religion auf die Entwickelung des Eigenthums) какъ разъ заключаетъ въ себѣ факты, свидѣтельствующіе о томъ, что религіозныя воззрѣнія въ значительной мѣрѣ опредѣляютъ формы собственности. Наконецъ, Бартъ касается вопроса и о взаимныхъ отношеніяхъ между философіей и экономіей. По Марксу выходитъ, что новое мышленіе было результатомъ измѣненій въ производствѣ, тогда какъ, наоборотъ, уже Декартъ и Бэконъ вѣрно указывали на то, что новые пріемы мысли произвели измѣненія въ производствѣ, давъ человѣку сильную власть надъ природой. Кромѣ того, онъ весьма основательно ссылается еще на то, что очень часто «философія опредѣляетъ политику, а чрезъ нее посредственно и экономію».

Въ критикѣ Барта особенно интересны двѣ страницы, посвященныя разбору взгляда Маркса на діалектическій процессъ исторіи. По его представленію, все это воззрѣніе есть сплошная ошибка. «Съ тою же,—говоритъ онъ,—быстротою, съ какою одно сужденіе уничтожается его отрицаніемъ, по этой иллюзіи должно измѣняться и историческое состояніе и вмѣстѣ съ тѣмъ должно производить свою противоположность. Заблужденіе сдѣлается яснымъ, если мы разложимъ на основные элементы сложное понятіе того, что подлежитъ превращенію. Статическое состояніе общества заключается въ томъ, что большое число людей, образующихъ общество, привыкло хотѣть и дѣйствовать на основаніи извѣстныхъ понятій. Эти понятія одни и тѣ же въ разныхъ классахъ, но только однѣ дѣятельности, вслѣдствіе раздѣленія труда, въ различныхъ классахъ различны. Разъ въ какомъ-либо классѣ измѣнились эти общія понятія—измѣнятся въ немъ и стремленія (ihr Wollen) и начнется борьба классовъ, изъ которой Марксъ дѣлаетъ единственный рычагъ соціальной динамики. Однако понятія класса, стремящагося къ перемѣнѣ, не могутъ тотчасъ же осуществить новаго состоянія, ихъ воля сталкивается съ волею класса, коснѣющаго въ старыхъ понятіяхъ, и эта-то послѣдняя въ стремленіи своемъ идти по пути наименьшаго сопротивленія (т.-е. по пути привычки) дѣлается

реальною силою, противодѣйствующею новой волѣ другого класса. Такимъ образомъ, разъ только эти силы взаимно не уничтожаются, дальнѣйшее движеніе пойдетъ не по направленію новаго класса, не въ направленіи діаметрально противоположномъ прежнему, а по нѣкоторой равнодѣйствующей, образованной обоими. Вмѣсто логическаго чистаго отрицанія существующихъ порядковъ, въ исторіи, такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ реальнымъ, лишь въ извѣстной только части отрицательнымъ измѣненіемъ». Это общее разсужденіе Бартъ иллюстрируетъ примѣрами, взятыми изъ исторіи разныхъ переворотовъ. Тѣмъ не менѣе критикъ признаетъ, что Марксъ и его послѣдователи «оказали большую услугу, если не впервые, то съ особою рѣзкостью указавъ на участіе, какое экономія принимаетъ въ генезисѣ всѣхъ, даже наиболѣе возвышенныхъ проявленій общественной жизни: они, — прибавляетъ Бартъ,—только слишкомъ преувеличили значеніе этого участія и даже приписали ему значеніе исключительно всеобъясняющей причины».

Критику экономическаго матеріализма у Барта можно признать безпристрастной и въ общемъ весьма основательной. Очень хорошо показана несостоятельность гегельянской стороны ученія, — безъ которой, какъ мы уже видѣли, оно, впрочемъ, можетъ и обойтись,—и генезисъ общественныхъ перемѣнъ выясненъ съ бо́льшею вѣроподобностью, чѣмъ это сдѣлано Марксомъ и Энгельсомъ. Отмѣчена критикомъ дѣйствительная заслуга направленія, но не упущено изъ виду и того, что собственно теорію Маркса приходится нерѣдко возсоздавать на основаніи отдѣльныхъ, часто отрывочныхъ замѣчаній. Ни цѣли, ни размѣры нашей статьи не позволили намъ подробнѣе остановиться на аргументаціи Барта въ пользу независимаго отъ экономіи происхожденія религіи, философіи, отчасти права и государства, и въ доказательство того, что и онѣ могутъ оказывать вліяніе на экономическую сферу: для насъ важно лишь то, что критикъ аргументируетъ, тогда какъ противъ себя онъ имѣетъ очень часто не аргументы, а прямо голословныя утвержденія. Быть можетъ, не всѣ отдѣльныя возраженія Барта удачны, но, во всякомъ случаѣ, онъ стремится пользоваться данными, какія находятся въ сочиненіяхъ спеціалистовъ, изучавшихъ экономическую исторію въ ея отношеніяхъ къ другимъ проявленіямъ общественной жизни, — доказательство между прочимъ и того, что не всегда исключительное занятіе экономическою исторіей приводитъ къ одностороннему взгляду на исторію. Страницы, посвященныя въ книгѣ Барта критикѣ экономическаго матеріализма, могутъ быть указаны въ качествѣ образчика того, какъ слѣдуетъ рѣшать вопросъ о роли экономическаго фактора въ исторіи.

X.

Въ 1888 и 1890 гг. появились въ Лейпцигѣ двѣ книжки Павла Вейзенгрюна подъ заглавіями: «Законы развитія человѣчества» и «Разные способы пониманія исторіи» [1]). Первая изъ этихъ книжекъ, являющаяся первымъ систематическимъ (хотя крайне несистематичнымъ) изложеніемъ экономическаго матеріализма [2]), послужила поводомъ П. Θ. Николаеву для написанія статьи подъ названіемъ: «Одна изъ гипотезъ о сущности историческаго процесса», статьи, появившейся сначала въ «Русской Мысли», а потомъ вошедшей въ составъ книги «Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ» (1892) и также представляющей изъ себя попытку систематизаціи экономическаго матеріализма. Съ этой точки зрѣнія работы обоихъ авторовъ заслуживаютъ быть включенными въ нашъ обзоръ, тѣмъ болѣе, что и Вейзенгрюнъ, и г. Николаевъ (весьма основательно порицающій Вейзенгрюна за самоувѣренность и бездоказательность), собственно говоря, вносятъ въ защищаемый ими экономическій матеріализмъ такія поправки, измѣненія и дополненія, что подрываютъ его основы, причемъ любопытно еще, что вторая книжка Вейзенгрюна, бывшая неизвѣстной г. Николаеву, когда онъ писалъ свою статью, сравнительно съ первою, представляетъ еще бо́льшее уклоненіе отъ чистаго «матеріализма». Въ обѣихъ книжкахъ Вейзенгрюна собственно теоретическаго обоснованія экономическаго матеріализма нѣтъ; въ обѣихъ мы находимъ лишь простое сопоставленіе этого направленія съ другими концепціями, очеркъ его генезиса, изложеніе его теоремъ и, наконецъ, примѣненіе основной точки зрѣнія къ всемірной исторіи. Разсматривая разныя исторіологическія воззрѣнія нашего времени, Вейзенгрюнъ ставитъ имъ въ вину то, что въ нихъ вообще «принципъ поддержки жизни не играетъ самостоятельной роли», т.-е. что ими экономическія отношенія «или оставляются въ пренебреженіи, или объясняются изъ какихъ-либо другихъ факторовъ» (?). Всѣмъ этимъ воззрѣніямъ онъ противополагаетъ теорію, которая прежде всего обращается къ анализу экономическихъ отношеній, всегда выдвигаетъ ихъ на первый планъ и объясняетъ изъ нихъ умственныя движенія, измѣненія въ нравахъ, фазисы религіи. Весьма рѣзко ставя вопросъ, «происходитъ ли развитіе человѣчества болѣе на чисто интеллектуаль-

[1]) Palu Weisengrün, Die Entwickelungsgesetze der Menschheit; Verschiedene Geschichtsauffassungen. О нихъ см. мою статью въ «Юрид. Вѣстн.» за 1891 г.

[2]) Такъ ее характеризуетъ и Бернгеймъ, коему, повидимому, вторая книжка оставалась неизвѣстной. Къ сожалѣнію, мы не имѣли въ рукахъ соч. Lafargue, Le matérialisme économique de Charles Marx, которое было (1886) переведено и по-нѣмецки (Der wirthschaftliche Materialismus nach den Anschauungen von Karl Marx).

ной или же, наоборотъ, на чисто экономической основѣ», и объявляя себя приверженцемъ экономическаго матеріализма, онъ опредѣляетъ его, какъ теорію, которая кладетъ въ основу исторіи народное хозяйство и сводитъ къ нему все остальное содержаніе общественной жизни лишь въ качествѣ совокупности разныхъ сосуществующихъ элементовъ. Однимъ словомъ, Вейзенгрюнъ вполнѣ присоединяется къ воззрѣнію Маркса и Энгельса. «Это,—говоритъ онъ,—экономическій основной процессъ. Юридическіе, политическіе, религіозные, философскіе, литературные моменты развиваются рядомъ съ нимъ и по отношенію къ главному экономическому движенію образуютъ движенія побочныя». Доказательства правильности такого пониманія сущности историческаго процесса авторъ замѣняетъ изслѣдованіемъ его генезиса: по его представленію, экономическій матеріализмъ былъ бы немыслимъ безъ діалектическаго метода Гегеля, но настоящій зародышъ новаго направленія (во второй особенно книжкѣ) онъ усматриваетъ въ сочиненіяхъ французскихъ утопическихъ соціалистовъ и у Родбертуса. Есть еще одно ученіе, съ коимъ Вейзенгрюнъ пытается связать экономическій матеріализмъ. Именно онъ постоянно указываетъ на Марксово пониманіе среды, какъ на базисъ всего экономическаго матеріализма: по Марксу, человѣкъ окруженъ средою двоякаго рода, естественной и искусственной, причемъ вторая для исторіи важнѣе первой. Искусственная среда выступаетъ главнымъ образомъ въ своемъ матеріальномъ дѣйствіи. Исторія не должна особенно заниматься психическими дѣйствіями въ ихъ соціальной формѣ; она должна заниматься объясненіемъ политическихъ и юридическихъ движеній, равно какъ движеній философскихъ и религіозныхъ, и объяснять ихъ изъ экономической, матеріальной основы. Тѣснѣе еще связанъ экономическій матеріализмъ съ идеей классовой борьбы, сущность коей заключается въ томъ, что съ извѣстнаго момента человѣчество дѣлится на двѣ большія группы: одна экономически господствуетъ, другая матеріально подчинена первой, какими бы она правами сама ни обладала. Каждая эпоха, далѣе, развиваетъ новыя матеріальныя силы, и всегда возникаетъ борьба между ними, этими силами, и болѣе ранними формами производства. Все это совершается постепенно, возникая органически изъ данныхъ отношеній. Духовная производительность идетъ за матеріальной, и господствующія идеи времени суть только идеи господствующаго класса, новые же способы производства создаютъ и новыя идеи. Даже снявъ съ экономическаго матеріализма его соціалистическую оболочку, Вейзенгрюнъ высказываетъ ту мысль, что исторія подтверждаетъ основной его тезисъ (о главенствѣ экономическихъ условій) достаточными примѣрами, и съ этой стороны тезисъ кажется ему «почти непоколебимымъ». Хотя Вейзенгрюнъ и считаетъ возможнымъ

обосновать экономическій матеріализмъ и внѣ теоріи о классовой борьбѣ, но онъ держится того мнѣнія, что эта борьба представляетъ изъ себя красную нить исторіи. При всемъ томъ, однако, онъ чувствуетъ недостаточность теоретической разработки защищаемаго имъ воззрѣнія на исторію. Уже въ первомъ сочиненіи онъ пополняетъ поэтому кое-какіе пробѣлы экономическаго матеріализма, а во второмъ уже прямо указываетъ на недостатки теоріи въ томъ видѣ, какъ она существуетъ. Онъ не скрываетъ, напр., всей трудности опредѣлить «отношеніе различныхъ формъ соціальнаго движенія къ экономическому содержанію», хотя и не затрудняется на основаніи однихъ частныхъ примѣровъ формулировать «соціологическіе законы», въ родѣ того, что «всѣ политическіе, религіозные, юридическіе, философскіе и литературные элементы относятся къ экономическимъ, какъ форма къ содержанію», или что «соціальная форма развивается позже соціальнаго содержанія», или, наконецъ, что «соціальная форма переживаетъ соціальное содержаніе». По его словамъ, экономическій, матеріализмъ вовсе не отрицаетъ вліянія другихъ элементовъ, придавая имъ, впрочемъ, значеніе элементовъ вторичныхъ и второстепенныхъ, и лишь упускаетъ изъ виду, что эти элементы, отдѣляясь отъ экономическаго основного движенія, соединяются между собою, расширяются и усиливаются, приходятъ въ болѣе быстрое движеніе, получаютъ при этомъ свои собственныя формы движенія и изъ элементовъ надстройки превращаются въ основы иныхъ стадій развитія. Во всемъ этомъ, собственно говоря, интересно лишь то, что такой горячій послѣдователь доктрины, какимъ является Вейзенгрюнъ, выступаетъ съ указаніемъ въ ней существеннаго пробѣла. Экономическій матеріализмъ,—говоритъ онъ,—и не могъ придти къ сознанію необходимости развить далѣе эти основоположенія. Обративъ все свое вниманіе на экономическій фундаментъ, впервые имъ понятый, направленіе это не могло принять въ расчетъ всѣхъ явленій. «Мы,—продолжаетъ онъ, — весьма естественно, какъ и представители этого направленія, приписываемъ самое важное значеніе экономическому фундаменту, но на этомъ не останавливаемся, а объясняемъ діалектическимъ способомъ процессъ развитія въ его совокупности и начертываемъ новый рядъ развитія». Пониманіе развитія, какое онъ находитъ, напр., у Энгельса, кажется ему даже просто механическимъ, и потому онъ прямо указываетъ на необходимость «нѣкоторыхъ добавленій и измѣненій, которыя, впрочемъ,—оговаривается онъ,—не должны противорѣчить основному принципу этого способа объясненія». По вопросу о томъ, дѣйствительно ли такъ развиваются изъ матеріальныхъ основъ юридическіе, политическіе и другіе элементы, какъ объ этомъ учитъ экономическій матеріализмъ, онъ во второмъ сочиненіи высказываетъ уже прямо нѣкоторое сомнѣ-

ніе. «Я того мнѣнія,—говоритъ онъ,—что Марксъ упустилъ изъ виду важный моментъ. Существуетъ нѣкоторый болѣе постоянный элементъ, нежели вѣчно измѣняющіяся матеріальныя условія. И общія психическія свойства человѣка измѣняются и вмѣстѣ съ тѣмъ исправляются въ силу идущаго впередъ экономическаго движенія. Иначе чувствуютъ грекъ и римлянинъ, иначе—современный французъ и итальянецъ, но перемѣны въ области чувствованій, обусловленныя не только экономическими, но и психическими измѣненіями, въ свою очередь оказываютъ хотя и ограниченное дѣйствіе на матеріальное движеніе. Это — маленькая реакція психическихъ факторовъ на соціальный элементъ въ исторіи, повидимому, не принимавшаяся Марксомъ въ расчетъ. Въ свою очередь этотъ пробѣлъ можно не принимать въ расчетъ при изслѣдованіи формъ, какія можетъ получать механизмъ производства. Но разъ я долженъ объяснить изъ матеріальныхъ элементовъ элементы политическіе или эстетическіе, я, конечно, долженъ обращать вниманіе на эти общечеловѣческіе, хоть и измѣняющіеся, но все-таки болѣе постоянные элементы». Вейзенгрюнъ рѣшается даже заявить, что гдѣ у Маркса увлеченіе, тамъ у его послѣдователей является уже просто каррикатура.

Еще опредѣленнѣе въ томъ же смыслѣ высказывается г. Николаевъ. Задачею своей статьи г. Николаевъ прямо ставитъ—«изложеніе развитія, которому можетъ подлежать гипотеза экономическаго матеріализма», сторонникомъ коего самъ себя и признаетъ, хотя, какъ мы увидимъ, во многомъ отъ него и отступаетъ. Всѣ историческія явленія, по его словамъ, раздѣляются на двѣ категоріи: одни,—говоритъ онъ,—«относятся къ области психологіи, личной и массовой, другія—къ области экономики» (нужды и средства), но,—замѣчаетъ онъ еще,—соціологическія изслѣдованія не привели къ открытію одной общей причины историческаго процесса потому, что въ нихъ не было предложено какой-либо гипотезы, которая могла бы считаться «нормальнымъ понятіемъ» историческаго процесса, причемъ подъ «нормальнымъ понятіемъ» какой-либо области явленій онъ разумѣетъ «такое явленіе, которое, будучи постояннымъ въ данномъ процессѣ, въ то время, когда всѣ другія явленія не только измѣняются, но и появляются, и исчезаютъ, потому самому составляетъ, вѣроятно, причину всѣхъ этихъ измѣняющихся въ процессѣ эволюцій явленій и причину самого процесса». Такимъ нормальнымъ,—прибавляетъ онъ еще,—понятіемъ не долженъ быть непремѣнно одинъ какой-нибудь историческій или соціологическій факторъ. «Самый процессъ, — говоритъ онъ, — настолько сложенъ, что естественно предполагать, что сложно и измѣнчиво его нормальное понятіе, т.-е., что какой-нибудь историческій факторъ играетъ роль причины въ извѣстный, болѣе или менѣе продолжитель-

ный, періодъ процесса, въ слѣдующій же періодъ можетъ уступить свою руководящую роль какому-нибудь другому фактору». Такимъ «нормальнымъ понятіемъ» для пережитыхъ и переживаемыхъ фазисовъ историческаго процесса г. Николаевъ считаетъ классовую борьбу на экономической почвѣ, и съ этой-то стороны экономическій матеріализмъ является для него наиболѣе вѣроятною историко-философской теоріей. Онъ, однако, не прибавляетъ никакихъ новыхъ соображеній, которыя подкрѣпляли бы основную мысль теоріи, и признается, что сама теорія крайне не выработана. По его мнѣнію, причина того, что гипотеза «экономическаго матеріализма» не дождалась ни «великой книги», ни даже ряда основательныхъ изслѣдованій, лежитъ въ партійномъ способѣ происхожденія гипотезы, хотя послѣднее обстоятельство онъ считаетъ, какъ было упомянуто раньше, простою случайностью: «гипотеза,—говоритъ онъ,—могла появиться съ такимъ же удобствомъ въ рядахъ другой партіи и еще лучше внѣ партій. И въ самомъ дѣлѣ,—продолжаетъ онъ,—совсѣмъ не нужно быть марксистомъ или даже просто соціалистомъ, чтобы принять эту гипотезу экономическаго матеріализма совершенно независимо отъ убѣжденій соціальныхъ и политическихъ партій». Г. Николаевъ даже подчеркиваетъ неразработанность основоположеній «экономическаго матеріализма», возвращаясь къ этому въ разныхъ мѣстахъ своей статьи. Этому соотвѣтствуетъ и незначительность литературы экономическаго матеріализма, какъ таковаго. «Весь литературный багажъ гипотезы» г. Николаевъ сводитъ къ очень ограниченному числу сочиненій, занося въ ихъ списокъ и такія, которыя на нашъ взглядъ попали туда безъ особаго на то права. Правымъ оказывается г. Николаевъ и тогда, когда не соглашается съ Энгельсомъ, по мнѣнію котораго гипотеза экономическаго матеріализма проникла въ широкіе круги со все растущею скоростью; «гипотеза,—вполнѣ основательно говоритъ онъ,—не только не имѣетъ такой массы приверженцевъ, какъ полагаетъ Энгельсъ, но она мало извѣстна даже въ наукѣ. Если,—прибавляетъ онъ,—мы сопоставимъ съ ея извѣстностью ту быстроту, съ которою распространяются другія научныя гипотезы, то разница выйдетъ поразительная»: при этомъ онъ указываетъ на дарвинизмъ, изъ примѣненій коего къ одной соціологіи можно было бы составить цѣлую библіотеку. Подобно Вейзенгрюну, г. Николаевъ приписываетъ важное значеніе понятію среды (которая, будто бы, есть непремѣнно среда экономическая); но когда самъ пытается точнѣе опредѣлить содержаніе этого понятія, то сходитъ съ почвы чисто экономическаго пониманія и приближается къ психологическому пониманію критикуемаго имъ Тэна. Въ одномъ мѣстѣ онъ мимоходомъ опредѣляетъ искусственную среду, какъ ее понимаетъ экономическій мате-

ріализмъ, именно въ смыслѣ «разныхъ классовъ и ихъ подраздѣленій, и, конечно, не просто грубыхъ интересовъ классовъ, ихъ матеріальной борьбы, а болѣе высокихъ чертъ, убѣжденій, нравовъ, обычаевъ, склада натуры,—однимъ словомъ, духа этихъ классовъ». Мало того, защищая гипотезу экономическаго матеріализма отъ того odium'a, который можетъ быть возбужденъ терминомъ, — г. Николаевъ говоритъ, что «изъ самой сущности гипотезы можно сдѣлать тотъ выводъ, что интеллектуальныя слѣдствія экономической основы выдѣляются изъ нея и ведутъ до значительной степени самостоятельное существованіе, дѣлаясь сами важными историческими факторами. Творцы гипотезы,—продолжаетъ онъ,—не успѣли или не съумѣли сдѣлать такого вывода, но это не потому, конечно, чтобы его нельзя было сдѣлать, а потому, что у гипотезы не было «великой» книги или просто многихъ изслѣдованій. А если можно сдѣлать подобный выводъ, то по идеальности гипотеза не уступаетъ какой угодно другой научной гипотезѣ». Итакъ, самъ защитникъ экономическаго матеріализма нашелъ необходимымъ внести идеальность въ доктрину, которая прямо и основывала себя на замѣнѣ идеализма матеріализмомъ. «Какъ въ первой части историческаго процесса,—разсуждаетъ еще г. Николаевъ,—изъ господствующихъ семейныхъ отношеній выдѣляются отношенія экономическія, и притомъ чѣмъ дальше идетъ процессъ, тѣмъ сильнѣе, пока они не сдѣлаются столь сильными, что сами становятся во второй части процесса господствующими, такъ и во второй части историческаго процесса при господствѣ экономическихъ отношеній сначала только сосуществуютъ интеллектуальныя и политическія отношенія, но потомъ они начинаютъ выдѣляться изъ господствующихъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ они должны дѣлаться сильнѣе и самостоятельнѣе, такъ что возможно предвидѣть эпоху ихъ конечнаго торжества и ихъ господства, по крайней мѣрѣ, господства интеллектуальныхъ отношеній при сосуществованіи политическихъ». Г. Николаевъ высказываетъ даже нѣсколько историческихъ соображеній въ доказательство того, что его «предположеніе о выдѣленіи изъ экономическаго фундамента политической и интеллектуальной надстроекъ для самостоятельной жизни не такъ ужъ гадательно, какъ можетъ представиться это сначала», и что «сущность третьей части историческаго процесса, имѣющей цѣлью производство интеллектуальныхъ условій дальнѣйшаго существованія человѣческаго общества, не такъ ужъ утопична». Въ доказательство вѣрности своей мысли онъ приводитъ еще то соображеніе, что «новѣйшая и позднѣйшая исторія развитія послѣдняго фазиса экономическихъ отношеній отличается особенно быстрымъ ускореніемъ процесса знаній и политическихъ идей», коророе само пророчитъ «будущее выдѣленіе интеллек-

туальныхъ элементовъ надстройки въ самостоятельное существованіе». «Можетъ показаться, — чувствуетъ самъ г. Николаевъ, — что именно предъидущія разсужденія вполнѣ уничтожаютъ гипотезу. Что же это за основа, если выдѣлявшіеся изъ нея элементы могутъ вытѣснить ее и стать сами основами? На это отвѣтимъ, что существуетъ аналогія съ вытѣсненіемъ семейныхъ отношеній первой части историческаго процесса, какъ его «нормальнаго понятія», и экономическими отношеніями («нормальнымъ понятіемъ»), основой второй части историческаго процесса, съ происходящимъ теперь, по нашему мнѣнію, процессомъ. Значитъ ли это, однако, что эти семейныя отношенія не были тогда основою? Конечно, не значитъ. А значитъ только то, что въ такомъ діалектическомъ, вѣчно текущемъ процессѣ, какъ историческій, основа можетъ измѣняться». Но въ такомъ случаѣ,—могли бы спросить уже мы, — можетъ ли теорія историческаго процесса быть построена на исключительно экономическомъ принципѣ, разъ въ разныя времена у этого процесса разныя основы и въ одинъ и тотъ же моментъ «сосуществуютъ» съ нею разные факторы? По мнѣнію самого г. Николаева, «нѣтъ причины считать невозможнымъ измѣненіе процесса эволюціи экономическихъ фазисовъ», т.-е. въ томъ смыслѣ, чтобы «ранѣе развившіяся интеллектуальныя отношенія оказали вліяніе на измѣненіе процесса эволюціи экономическихъ отношеній». Далѣе, г. Николаевъ считаетъ классовую борьбу только частью «нормальнаго понятія» историческаго процесса, ибо «было время, когда ея не существовало, и, вѣроятно, будетъ время, когда она существовать не будетъ: и Марксъ, и Энгельсъ—оба признаютъ это». Наконецъ, затрогивая слегка вопросъ о роли личности въ исторіи, авторъ разсматриваемой статьи находитъ, что экономическій матеріализмъ «не только не устраняетъ изъ исторіи роли личности, но включаетъ признаніе этой роли». «И въ самомъ дѣлѣ, это такъ,—разсуждаетъ онъ:—интеллектуальный элементъ всецѣло принадлежитъ и воплощается въ человѣческихъ личностяхъ, и потому гипотеза должна признать, или вѣрнѣе сказать, при самой ея сущности непосредственно вытекаетъ, что роль личности есть растущая общественная функція», — и онъ думаетъ, что «въ вопросѣ о роли личности въ исторіи все дѣло въ томъ, въ какую эпоху историческаго процесса и при какомъ развитіи экономическихъ основъ опредѣляется роль личности». Экономическій матеріализмъ,—дополняетъ онъ свою мысль,—съ большею или меньшею опредѣленностью уясняетъ этотъ вопросъ, ибо «онъ долженъ признать роль личности въ процессѣ растущею функціей». Это, по словамъ самого г. Николаева, собственно все, чтó можетъ сказать гипотеза экономическаго матеріализма, какъ гипотеза историческая. Дальнѣйшее же уясненіе вопроса о роли личности относится

къ области психологіи, а не исторіи, и въ исторію можетъ войти только какъ матеріалъ для ея построеній». Послѣднее замѣчаніе г. Николаева прямо указываетъ на то, что съ одной экономіей, безъ психологіи, теорія исторіи обойтись не можетъ.

И Вейзенгрюнъ, и г. Николаевъ задумали до нѣкоторой степени теоретически обосновать экономическій матеріализмъ, который обоимъ имъ показался сначала наиболѣе вѣрной исторической теоріей, но самая эта задача привела ихъ обоихъ къ признанію недостаточности одного экономизма. Вмѣсто того, однако, чтобы признать этотъ выводъ во всемъ его значеніи, они вздумали пополнять и исправлять доктрину, внося въ нее такія понятія, устраненіе коихъ только и могло привести къ возникновенію самой доктрины. Желая остаться экономическими матеріалистами, они въ то же время разрушаютъ экономическій матеріализмъ, хотя и робко заявляя права психическаго, т.-е. духовнаго и идейнаго начала въ исторіи. Сами защитники экономическаго матеріализма тѣмъ самымъ признали его односторонность, да иначе и быть не можетъ: если только не принимать доктрину на вѣру, не пытаясь искать для нея доказательствъ, остается либо обосновывать ее, не закрывая глазъ на ея пробѣлы, что̀ неминуемо повлечетъ за собою поправки и дополненія, въ сущности разрушающія всю теорію, либо обосновывать ее, не взирая ни на какія фактическія противорѣчія и логическія несообразности, что̀ тоже должно вести къ разрушенію всей теоріи, такъ какъ въ подобномъ случаѣ конечнымъ результатомъ такого доказыванія будетъ именно убійственная reductio ad absurdum. Сочиненіе Лоріа: «Les bases économiques de la constitution sociale», и представляетъ изъ себя именно своего рода reductionem ad absurdum той историко-философской концепціи, по которой вся исторія объясняется лишь экономически.

XI.

Первое изданіе книги Лоріа (въ болѣе краткомъ изложеніи, по-итальянски и подъ заглавіемъ: «La teoria economica della costituzione politica») появилось еще въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ и не замедлило обратить на себя вниманіе какъ на родинѣ автора, такъ и за границей (русскую публику познакомилъ съ нею г. Герценштейнъ въ «Русской Мысли» за 1887 г.). У Лоріа явились критики, которые между прочимъ стали доказывать, что авторъ «Экономической теоріи политическаго строя», сводя все въ исторіи къ чисто экономической основѣ, погрѣшилъ противъ истины, забывъ другіе факторы исторической эволюціи. Подобныя возраженія не убѣдили Лоріа въ ошибочности его основного взгляда, и успѣхъ книги, который онъ самъ объясняетъ не

научными качествами, а чисто публицистическою стороною своего труда, побудилъ автора переработать свою теорію, изложить ее въ болѣе подробномъ видѣ и издать на французскомъ языкѣ, какъ болѣе распространенномъ, чѣмъ итальянскій. Въ результатѣ и получилась книга въ 430 страницъ, подъ заглавіемъ: «Экономическія основы общественнаго строя», вышедшая въ свѣтъ въ 1893 г. и равнымъ образомъ сразу обратившая на себя вниманіе [1]). Съ нашей точки зрѣнія она заслуживаетъ этого вниманія вотъ почему. Во-первыхъ, по объему она превосходитъ въ сущности небольшія статьи Вейзенгрюна и г. Николаева: это—первый обширный трудъ, посвященный теоріи экономическаго матеріализма, и уже тѣмъ самымъ способенъ возбудить интересъ. Во-вторыхъ, и Вейзенгрюнъ, и г. Николаевъ не столько доказываютъ, сколько излагаютъ доктрину экономическаго матеріализма, тогда какъ книга Лоріа посвящена цѣликомъ именно теоретическому обоснованію основныхъ положеній всего направленія. Въ-третьихъ, и Вейзенгрюнъ, и г. Николаевъ, попробовавъ дать дальнѣйшее развитіе этимъ основнымъ положеніямъ, оказались вынужденными сойти съ исключительной точки зрѣнія экономическаго матеріализма, защитниками коего сами себя признали, и сдѣлать весьма существенныя уступки въ пользу психологическаго идеализма, безусловно отвергнутаго родоначальниками разсматриваемаго ученія, тогда какъ Лоріа выступаетъ весьма послѣдовательнымъ сторонникомъ доктрины, стремясь обосновать экономически, напр., существованіе въ обществѣ такихъ элементовъ культуры, какъ религія и мораль, доводя свои соображенія до абсурда, чѣмъ, конечно, оказалъ плохую услугу защищаемому ученію. Замѣтимъ кстати, что Лоріа пытается доказать многія изъ своихъ частныхъ положеній историческими примѣрами, но это—самая слабая сторона книги: итальянскій соціологъ своими историческими объясненіями обнаружилъ только крайнюю недостаточность своего историческаго образованія—и въ смыслѣ знанія и пониманія фактовъ, и въ смыслѣ желанія пользоваться историческимъ матеріализмомъ для полученія общихъ выводовъ; но на этой сторонѣ книги мы не останавливаемся, такъ какъ сдѣлали это въ другомъ мѣстѣ.

Лоріа раздѣляетъ основныя воззрѣнія Маркса на сущность историческаго процесса: и для него всѣ культурныя и соціальныя явленія въ исторической жизни человѣчества имѣютъ исключительно экономическую основу, и для него также главное содержаніе исторіи заключается въ классовой борьбѣ на экономической почвѣ, — задача всей его

[1]) Ср. мою статью «Новая попытка экономическаго обоснованія исторіи» (Рус. Бог., 1894).

книги и состоитъ въ обоснованіи такого пониманія исторіи. Въ области политической экономіи Лоріа, однако, не только не послѣдователь Маркса, но даже его антагонистъ по многимъ существеннымъ пунктамъ,—еще одно доказательство того, что экономическій матеріализмъ мыслимъ и безъ принятія экономическаго ученія Маркса, которое, повторяемъ, съ другой стороны принимается писателями, не раздѣляющими стремленія выводить всю исторію человѣчества изъ экономическихъ отношеній. По теоріи Лоріа, и мораль, и право, и государство суть соціальные продукты капиталистической собственности, при чемъ подъ капиталистическимъ строемъ онъ понимаетъ не то, что Марксъ, ибо подъ это понятіе онъ подводитъ и такія явленія, какъ античное рабство и средневѣковое крѣпостничество. Марксъ и Энгельсъ говорили вообще объ экономической основѣ элементовъ культуры и соціальной организаціи, но Лоріа еще болѣе съузилъ такое пониманіе исторіи. Общество вообще рисуется у него какъ рѣзко раздѣленное на буржуазію и пролетаріатъ, при чемъ мораль, право и государство вообще являются не чѣмъ инымъ, какъ продуктами стремленія капиталистической собственности обезпечить себя отъ посягательствъ на нее со стороны неимущихъ,—взглядъ слишкомъ парадоксальный для того, чтобы ставить его въ вину всему экономическому матеріализму съ Марксомъ во главѣ, хотя зато этотъ взглядъ является болѣе опредѣленнымъ, чѣмъ слишкомъ общая идея Маркса, неминуемо требующая поправокъ, въ психологическомъ (идеалистическомъ) смыслѣ, лишь только возникаетъ потребность общую абстрактную формулу, такъ сказать, *реализировать* въ частныхъ и болѣе конкретныхъ тезисахъ. Лоріа договаривается даже до того, что признаетъ чуть не единственнымъ двигателемъ исторіи грубый эгоизмъ капиталистическаго класса. Этотъ классъ въ представленіи Лоріа не только злоупотребляетъ моралью, правомъ и государствомъ, имѣющими для своего существованія особыя основанія; но именно создаетъ эти «установленія» съ единственною цѣлью охранить свое имущество отъ расхищенія. Для итальянскаго экономиста, утверждающаго, что только его точка зрѣнія способна обновить этику, юриспруденцію и политику, какъ науки, и дать единственно прочное основаніе для соціологіи, вся мораль сводится къ двумъ моисеевымъ заповѣдямъ: «не укради» и «не пожелай жены искренняго твоего» и т. д.; все право состоитъ въ одной репрессіи посягательствъ на собственность; вся задача государства заключается въ томъ, чтобы обезпечить спокойное существованіе капиталистическаго класса. Такая точка зрѣнія прилична памфлету, цѣль котораго дѣйствовать на страсти, а не ученому трактату, написанному ради выясненія объективной истины передъ пытливою мыслью, стремящеюся постигнуть сущность исторіи.

Не разбирая здѣсь вообще идей и пріемовъ Лоріа, мы остановимся только на двухъ пунктахъ, особенно для насъ важныхъ. Авторъ «Экономическихъ основъ соціальнаго строя» дѣлаетъ въ своей книгѣ попытку сведенія къ экономической основѣ между прочимъ всей духовной культуры, т.-е. религіи, морали, литературы и т. п. Если такіе предубѣжденные въ пользу экономическаго матеріализма люди, какъ Вейзенгрюнъ и г. Николаевъ, должны были придти къ мысли о необходимости внесенія въ свою теорію начала, отвергнутаго ея родоначальниками, то всякій непредубѣжденный читатель пойметъ, что, только искажая сущность проявленій духовной жизни человѣка и съ явными натяжками, можно доказывать тезисъ Лоріа. Оно такъ и вышло, и это—первое, на что мы хотимъ обратить вниманіе, а другое вотъ что. Стоя на указанной точкѣ зрѣнія, авторъ «Экономическихъ основъ соціальнаго строя» долженъ былъ бы, конечно, проводить ее во всѣхъ подробностяхъ при объясненіи собственно политическихъ явленій, но въ самомъ дѣлѣ онъ категорически заявляетъ, что установить прямое соотношеніе между политическими и экономическими формами нѣтъ никакой возможности; и хотя, собственно говоря, Лоріа съ помощью обычныхъ у него натяжекъ и могъ бы это сдѣлать и даже съ нѣсколько бóльшимъ успѣхомъ, чѣмъ по отношенію къ установленію зависимости морали отъ экономіи, тѣмъ не менѣе своимъ признаніемъ онъ самъ подрываетъ свою теорію, ибо, разъ политическія формы не находятся въ прямой зависимости отъ формъ экономическихъ, для объясненія первыхъ недостаточно прибѣгать лишь къ однѣмъ этимъ экономическимъ формамъ. На этихъ-то двухъ пунктахъ теоріи Лоріа мы и остановимся.

Двѣ трети книги Лоріа посвящены разсмотрѣнію экономическихъ основъ политическаго строя, тогда какъ экономическимъ основамъ морали отведена едва одна седьмая часть всего труда. Зависимость соціальной стороны исторіи отъ экономики понятнѣе, чѣмъ зависимость отъ нея стороны культурной, и тотъ, кто желалъ бы доказать, что *вся* исторія объясняется *одной* экономической основой, долженъ былъ бы болѣе всего посвятить времени и труда тому, чтобы доказать происхожденіе духовной культуры изъ экономическихъ отношеній. Лоріа поступаетъ какъ разъ наоборотъ, менѣе всего занявшись именно обоснованіемъ морали (съ религіей, литературой и искусствомъ) на экономическомъ началѣ. Онъ чувствуетъ, однако, что есть что-то неладное въ общихъ его соображеніяхъ, но онъ отдѣлывается отъ всѣхъ сомнѣній и возраженій, дѣлая диверсію въ сторону ненормальностей современнаго экономическаго строя. «По правдѣ сказать,—замѣчаетъ онъ самъ,—тотъ фактъ, что самыя разнообразныя проявленія (manifestations) общественной жизни сводятся къ одному инстинкту, къ одному мотиву, лишь къ одной изъ

всѣхъ человѣческихъ страстей, съ перваго взгляда можетъ показаться несовмѣстимымъ съ многочисленностью страстей и чувствъ, господствующихъ надъ человѣкомъ; съ перваго взгляда можетъ показаться даже ни съ чѣмъ несообразнымъ, чтобы безчисленныя человѣческія чувствованія, за исключеніемъ только одного, т.-е. за исключеніемъ стремленія къ богатству, выступали только въ роли нѣмыхъ персонажей и почти какъ бы лишь статистовъ въ перипетіяхъ соціальной драмы; но это кажущееся (?) противорѣчіе тотчасъ же будетъ устранено, лишь только мы представимъ себѣ искусственный и насильственный характеръ капиталистической собственности». Это, дѣйствительно, диверсія въ сторону ненормальностей капиталистическаго строя, но отнюдь не научная аргументація, не возраженіе на вопросъ о томъ, какъ же выводить изъ экономическихъ отношеній всѣ проявленія исторической жизни, которыя мы привыкли (и, разумѣется, не безъ основанія) выводить изъ духовныхъ стремленій человѣка. Лоріа убѣжденъ или, по крайней мѣрѣ, представляетъ себя убѣжденнымъ въ томъ, что вѣрованія и идеи извѣстной эпохи возникаютъ непосредственно на данной экономической почвѣ; но совершенно такъ же, какъ Вейзенгрюнъ и г. Николаевъ, указывая на зависимость вѣрованій и идей эпохи отъ соціальной среды, онъ думаетъ, что тѣмъ самымъ онъ доказываетъ зависимость ихъ именно отъ экономики, — словно соціальная среда, на самомъ дѣлѣ состоящая не изъ однихъ фактическихъ отношеній между людьми, но и изъ того, что эти люди думаютъ, что и какъ чувствуютъ, чего желаютъ и къ чему стремятся, и совокупность данныхъ экономическихъ отношеній суть понятія, взаимно одно другимъ прикрывающіяся, словно соціальная среда есть только среда экономическая, словно въ составъ этой среды не входитъ еще все то, что выростаетъ на почвѣ психическаго взаимодѣйствія между членами общества, не входятъ продукты духовныхъ стремленій человѣка, не входятъ господствующіе въ обществѣ отвѣты на интеллектуальные, моральные, эстетическіе запросы и требованія человѣка. Лоріа совершенно игнорируетъ эти запросы и требованія и объясняетъ сложное явленіе религіи и морали тѣмъ, что изолированный трудъ или принудительное объединеніе труда (le travail non associé ou associé coactivement) порождаютъ чувство зависимости человѣка отъ природы, изъ которой онъ извлекаетъ средства къ существованію, и что религіозный страхъ есть хорошая для извѣстной ступени сдержка противъ посягательствъ на чужую собственность. Другими словами, въ возникновеніи религіи Лоріа не допускаетъ ни малѣйшаго участія ни того поэтическаго творчества, которое выразилось въ миѳологіи, ни тѣхъ интеллектуальныхъ запросовъ, какіе возбуждались желаніемъ человѣка (не ради, конечно, экономичс-

скихъ какихъ-либо цѣлей) узнать, что такое міръ, гдѣ его начало и конецъ, существуетъ ли что-либо выше его и внѣ его, что такое человѣкъ и каково его назначеніе, что мыслитъ, чувствуетъ и стремится въ человѣкѣ и что дѣлается съ этимъ мыслящимъ, чувствующимъ и стремящимся началомъ по смерти человѣка. Для Лоріа вся религія— въ одномъ магическомъ воздѣйствіи на природу, замѣняющемъ техническія средства заставлять ее давать человѣку все, что идетъ на потребу его тѣла; но кто понимаетъ, что религіозное творчество возникло на почвѣ и извѣстныхъ стремленій ума, и кто не забываетъ той роли, какую имѣетъ религія, какъ совокупность извѣстныхъ убѣжденій, не имѣющихъ никакого прямого отношенія къ удовлетворенію тѣлесныхъ потребностей, тотъ, конечно, признаетъ, что взглядъ Лоріа на значеніе религіознаго элемента въ культурно-соціальной исторіи не имѣетъ подъ собою научныхъ основаній. Понятно, что съ такой точки зрѣнія Лоріа не въ состояніи былъ надлежащимъ образомъ представить себѣ происхожденіе и историческую роль христіанства, которое у него почему-то пріурочено къ экономической формѣ крѣпостничества (какъ античное язычество поставлено въ прямую связь съ рабствомъ) и вводится въ исторію, какъ религія съ опредѣленной капиталистической функціей застращивать загробными муками людей, покушающихся на капиталистическую собственность. Вообще, замѣтимъ еще, Лоріа свои историческія соображенія основываетъ не на данныхъ исторической науки, анализирующей каждое сложное явленіе, чтобы выяснить его возникновеніе, а на желаніи во что бы то ни стало, даже въ явномъ противорѣчіи съ фактами исторіи и выводами науки, подогнать каждое такое явленіе къ своей предвзятой мысли,—черта, свойственная всѣмъ, которые трудный путь *историческаго изслѣдованія* обходятъ, чтобы идти по болѣе легкой дорогѣ чисто *апріорнаго построенія*.—И мораль Лоріа понимаетъ столь же своеобразно: для него въ морали нѣтъ ничего, что находитъ объясненіе въ безкорыстныхъ стремленіяхъ человѣка, въ стремленіи къ самосовершенствованію, въ чувствѣ долга, въ симпатіи или альтруизмѣ, въ уваженіи къ чужому праву, въ признаніи и за другими равнаго человѣческаго достоинства, т.-е. для Лоріа въ морали нѣтъ ничего, что выростаетъ на почвѣ индивидуальной и коллективной духовной жизни, и вотъ вся мораль сводится у него къ трусливой заботѣ собственниковъ оградить себя отъ возможныхъ со стороны неимущихъ—воровства, грабежа, расхищенія, экспропріаціи! При *такомъ* взглядѣ на религію и мораль и при совершенно произвольномъ отношеніи къ историческимъ фактамъ [1]), конечно, изъ экономія

[1]) По Лоріа, Христосъ пострадалъ за свой протестъ противъ собственности, какъ пострадали за то же, по его словамъ, и Сократъ, и Савонарола!

можно вывести все, что угодно, хотя бы даже объясненіе того, почему великіе революціонеры девятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка занимались эротической поэзіей (стр. 60).

Тотъ же пріемъ искаженій существа дѣла и натяжекъ мы встрѣчаемъ и въ тѣхъ отдѣлахъ книги Лоріа, которые посвящены разсмотрѣнію экономическихъ основъ права и политики, хотя по существу дѣла здѣсь гораздо больше вѣрныхъ мыслей,—но, напр., авторъ упускаетъ изъ вида, что право ограждаетъ не только собственность, но и личность, и что государство возникло на почвѣ междуплеменной и международной борьбы, и въ своемъ историческомъ развитіи оно также мѣняло, то съуживало, то расширяло (въ разныхъ отношеніяхъ) свои задачи въ зависимости не только отъ тѣхъ или другихъ матеріальныхъ интересовъ, но и отъ моральныхъ идей. Въ отдѣлѣ о государствѣ Лоріа исходитъ изъ старой мысли о зависимости властвованія отъ обладанія собственностью; но если и раньше никому не удавалось установить прямой связи между опредѣленными политическими формами и опредѣленными системами собственности, то Лоріа даже считаетъ и совсѣмъ невозможнымъ это сдѣлать, тѣмъ самымъ открывая возможность искать для политическихъ формъ основанія не въ одномъ экономическомъ началѣ, что̀ подрываетъ, собственно говоря, теорію самого Лоріа. «Хотя,—говоритъ онъ,—и замѣчается нормальное соотношеніе между формою дохода и формою власти, это соотношеніе, однако, не до такой степени неизбѣжно, чтобы исключить возможность экономической формы, которая существовала бы отдѣльно отъ соотвѣтствующей формы политической»: такъ какъ «государственное устройство есть только надстройка (superstructure), послѣднее и самое поверхностное произведеніе экономическихъ отношеній», то эти послѣднія и могутъ измѣниться, не вызывая измѣненій въ политической структурѣ, ибо,—поясняетъ Лоріа,—«подобно тому, какъ одна и та же шляпа можетъ придтись по головѣ генія и кретина, одни и тѣ же политическія отношенія могутъ придтись къ самымъ различнымъ экономическимъ формамъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ еще такъ: «переходъ одной формы правленія въ другую, болѣе либеральную или болѣе деспотическую, не есть результатъ измѣненія въ устройствѣ собственности. Въ самыхъ разнообразныхъ формахъ собственности,—продолжаетъ Лоріа,—встрѣчаются поочередно и политическая свобода, и самый полный абсолютизмъ», и т. д. Правда, Лоріа думаетъ спасти свое общее положеніе, поставивъ форму правленія въ зависимость не отъ устройства собственности, а отъ формы дохода, но тутъ начинаются снова произвольныя построенія яко-бы соціологическихъ законовъ и самыя очевидныя натяжки, причемъ Лоріа не останавливается передъ настоящимъ сочиненіемъ исторіи, напр., вы-

думавъ для объясненія перехода второй французской республики въ имперію Наполеона III небывалый въ исторіи Франціи періодъ, когда, будто бы, въ этой странѣ экономическое и политическое господство принадлежало мелкимъ собственникамъ. Но Лоріа ничего не стоило сочинить и развитіе вольнонаемнаго труда въ Австріи, Пруссіи и Россіи XVIII в., чтобы объяснить въ духѣ своей теоріи паденіе крѣпостнической Польши!

Сказаннаго, полагаемъ, достаточно, чтобы судить о томъ, насколько важнаго союзника нашелъ экономическій матеріализмъ въ лицѣ Лоріа: если, дѣйствительно, гдѣ-либо и совершилась reductio ad absurdum основной мысли этого исторіологическаго направленія, то именно въ разсмотрѣнныхъ «Экономическихъ основахъ соціальнаго строя».

XII.

Мы уже неоднократно повторяли, что спеціальная литература экономическаго матеріализма крайне скудна. Нужно замѣтить, что авторы, писавшіе въ духѣ этого направленія, нерѣдко причисляютъ къ нему труды, которые были задуманы и написаны совсѣмъ не въ смыслѣ экономическаго матеріализма. Напр., г. Николаевъ относитъ къ числу сочиненій, написанныхъ съ этой точки зрѣнія, такіе труды, какъ разсмотрѣнную нами книгу Роджерса (The economic interpretation of history), сочиненіе Джиббинса по промышленной исторіи Англіи (Industrial history of England), хотя послѣднее къ дѣлу не относится, «Культурную исторію человѣчества» Липперта, самъ же замѣчая, что этотъ писатель (и Летурно), «какъ можно судить по отдѣльнымъ ихъ выраженіямъ и по общему характеру ихъ изслѣдованій, или совсѣмъ незнакомы съ гипотезой, или не проникли въ ея сущность» [1]), и т. п. Вейзенгрюнъ въ первой своей книжкѣ (1888) утверждалъ, что «единственными представителями этой теоріи въ тѣсномъ смыслѣ слова» являются лишь Марксъ, Энгельсъ и Морганъ, и только во второй книжкѣ замѣтно желаніе нѣсколько расширить эти узкія рамки. Лишь съ натяжками можно вслѣдъ за Лоріа указать въ числѣ представителей теоріи— Гумпловича и де-Греефа, и т. п. Въ Германіи экономическій матеріализмъ пропагандировался главнымъ образомъ въ журнальныхъ статьяхъ и брошюрахъ. Особенно въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить «Unsere Zeit», гдѣ работаетъ Каутски, авторъ нѣсколькихъ историческихъ ра-

[1]) Въ указанной книгѣ г. Николаева: «Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ», помѣщена и статья его о книгѣ Липперта («Новая попытка органическаго построенія исторіи человѣческой культуры»). Въ сущности, однако, Липпертъ очень близокъ къ экономическому матеріализму.

ботъ въ духѣ экономическаго матеріализма, хотя эти работы представляютъ не теоретическое обоснованіе доктрины, а ея примѣненіе къ разсмотрѣнію дѣйствительной исторіи [1]). Каутски—писатель, несомнѣнно, талантливый, и ему никоимъ образомъ нельзя отказать въ знаніи исторіи и умѣніи научно пользоваться ея матеріаломъ; а такъ какъ онъ интересуется исключительно тѣми историческими явленіями, которыя дѣйствительно объясняются классовою борьбою на экономической почвѣ, то въ общемъ его историческія работы не могутъ вызывать противъ себя такой критики, съ какою необходимо отнестись къ книгѣ Лоріа, хотя въ частности и у Каутски мы находимъ натяжки, объясняющіяся желаніемъ его свести къ экономическому началу факты, имѣющіе въ сущности другую основу. Укажемъ, напр., на его очень хорошую брошюру «Die Klassengegensätze von 1789» [2]), которую можно рекомендовать, какъ ясное и толковое изображеніе соціальнаго строя Франціи передъ революціей и во время самой революціи. Кто хочетъ, однако, познакомиться съ тѣмъ, къ какимъ натяжкамъ приходилось Каутски прибѣгать при объясненіи *всей* исторіи изъ одной экономіи, тому лучше всего заглянуть въ историческое введеніе къ его книгѣ о «Томасѣ Морусѣ и его Утопіи», посвященное философскому обзору «вѣка гуманизма и реформаціи» [3]). Не разсматривая подробно всего построенія авторомъ этого важнаго періода новой европейской исторіи, мы приведемъ лишь примѣры такого рода историческаго объясненія, которое не выдерживаетъ строгой критики, и именно потому, что авторъ подъискиваетъ иногда для разсматриваемыхъ имъ явленій неподходящія экономическія основанія, когда эти явленія, наоборотъ, подлежатъ чисто культурному объясненію.

Гуманизмъ и реформація создали цѣлый переворотъ въ общемъ міросозерцаніи западно-европейскихъ народовъ, и съ этой стороны ихъ главнымъ образомъ сначала и изучали историки, выдвигавшіе на первый планъ культурную точку зрѣнія, что̀ было вполнѣ законно, насколько гуманизмъ, протестантизмъ и сектантство были движеніями, совершавшимися прежде всего въ духовной сферѣ. Въ самомъ дѣлѣ, возрожденіе и реформація были результатомъ, съ одной стороны, раз-

---

[1]) Одной изъ первыхъ его работъ (1885) была статья: «Die Enstehung des Christenthums», гдѣ проводится та мысль, что христіанство было создано матеріальными факторами, и прежде всего обѣднѣніемъ народа.

[2]) Была переведена по русски въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» за 1889 г.

[3]) *Karl Kautsky*. Thomas More und seine Utopie (Mit einer historischen Enleitung). Stuttgart. 1890. Введеніе (стр. 1—101), о коемъ идетъ рѣчь, было также переведено по-русски, какъ самостоятельная статья, и помѣщено также въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ».

ложенія средневѣкового католическаго міросозерцанія съ его схоластической философіей, бывшею въ услуженіи у теологіи, съ его аскетической моралью, съ его теократической политикой, а съ другой стороны, оба названныя историческія явленія были результатомъ бóльшаго духовнаго развитія личности, обнаружившей стремленіе къ выработкѣ самостоятельнаго міросозерцанія въ бóльшемъ соотвѣтствіи съ требованіями ея духовной и физической природы и болѣе свѣтскаго характера. Исторія духовной культуры новаго времени, исторія религіи, философіи, морали, литературы, искусства, науки и политической мысли послѣднихъ пяти столѣтій имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ эпоху гуманизма и реформаціи, когда болѣе развитое личное сознаніе, не удовлетворяясь средневѣковыми схоластическими, аскетическими и теократическими воззрѣніями, стало искать новыхъ путей въ области интеллектуальной и моральной жизни, обратившись прежде всего къ классической литературѣ и къ Библіи, изученіе коихъ и произвело сильное вліяніе на духовную культуру этой эпохи. Между прочимъ, подъ вліяніемъ новыхъ потребностей личности и тѣхъ политическихъ идей (или политическихъ примѣровъ), которые гуманистами и реформаторами были найдены у классиковъ и въ св. писаніи, стали складываться новыя политическія воззрѣнія, и они, нужно замѣтить, изъ чисто культурнаго своего состоянія, какъ извѣстныхъ элементовъ новаго міросозерцанія, перешли, такъ сказать, и въ само соціальное бытіе, поскольку стали оказывать вліяніе на фактическія отношенія государства и общества. Такъ представляется дѣло, разъ мы становимся на точку зрѣнія культурной исторіи; но одной этой точки зрѣнія, разумѣется, недостаточно. Культурное развитіе совершается въ извѣстной соціальной средѣ, которая есть не только среда чисто духовная, но и экономическая, благодаря чему культурные факты не могутъ получать одно чисто духовное объясненіе безъ всякаго отношенія къ экономическимъ условіямъ, равно какъ и экономическіе факты не могутъ быть поняты внѣ связи съ тою духовною средою (знаніями, вѣрованіями, настроеніями, содержаніемъ моральныхъ воззрѣній и стремленій), въ которой эти факты совершаются. Одновременно съ измѣненіями въ сферѣ духовной культуры происходятъ измѣненія и въ области соціально-экономическихъ отношеній, и хотя по общему правилу культурныя измѣненія непосредственно обусловливаются культурными же причинами, а соціально-экономическія—соціально-экономическими же, тѣмъ не менѣе между обоими рядами измѣненій происходитъ постоянное взаимодѣйствіе. Въ эпоху гуманизма и реформаціи происходили весьма важныя перемѣны и въ экономическомъ быту, которыя не могли не отразиться на культурномъ движеніи, какъ и послѣднее не могло не отразиться на соціальной

сторонѣ исторіи, но, конечно, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы экономическія измѣненія были непосредственнымъ источникомъ измѣненій культурныхъ, чтобы новыя формы религіи, новыя стремленія въ области морали, новыя философскія идеи, новыя явленія въ области литературы и искусства или новые научные интересы были прямымъ порожденіемъ новыхъ экономическихъ отношеній: утверждать это было бы столь же неосновательно, какъ утверждать и обратное, т.-е. чтобы новыя явленія въ экономическомъ быту были результатомъ новыхъ религіозныхъ, философскихъ, моральныхъ, эстетическихъ, научныхъ и политическихъ идей безъ всякаго основанія въ предъидущихъ фактахъ чисто экономическаго свойства. Въ каждомъ отдѣльномъ явленіи только спеціальный историческій анализъ въ состояніи выяснить, гдѣ его основная причина и каковы побочныя условія, содѣйствовавшія его возникновенію. Напр., въ исторіографіи реформаціи (кромѣ политической точки зрѣнія, самой ранней вообще въ исторической литературѣ) преобладала прежде культурная точка зрѣнія, т.-е. на первый планъ выдвигались чисто интеллектуальныя и моральныя причины и слѣдствія движенія, но мало-по-малу сдѣлались предметомъ изученія и экономическія отношенія, содѣйствовавшія реформаціи или бывшія ея результатами (напр., стремленіе свѣтскихъ сословій поживиться церковной собственностью передъ началомъ реформаціи и ея секуляризація, совершившаяся благодаря реформаціи). Культурное изученіе гуманизма и реформаціи касалось только одной стороны жизни того времени, и оно должно было быть дополнено изученіемъ экономическихъ отношеній эпохи, составляющихъ другую сторону, что было важно не только вслѣдствіе интересности предмета самого по себѣ, но и въ смыслѣ лучшаго освѣщенія и чисто культурнаго процесса посредствомъ указанія на вліянія, коимъ онъ подвергался со стороны соціально-экономическихъ отношеній.

Работа Каутки интересна именно, какъ попытка освѣщенія «вѣка гуманизма и реформаціи» съ соціально-экономической точки зрѣнія. Насколько цѣлью автора было изобразить хозяйственныя и классовыя отношенія того времени сами по себѣ и ихъ вліяніе на явленія, давшія названіе «вѣку», настолько за работой нужно признать большія достоинства; но въ томъ-то и дѣло, что Каутки стремится объяснить *все* въ избранной имъ эпохѣ съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма, а потому, говоря о многихъ явленіяхъ чисто культурнаго свойства, даетъ имъ совершенно натянутыя объясненія, вмѣсто того, чтобы руководствоваться данными научнаго анализа, заключающимися въ сочиненіяхъ историковъ, которые стремились именно объяснить то или другое явленіе, а не доказать той или другой историко-философской точки зрѣнія. Напр., Каутки приходится, конечно, говорить о средневѣко-

вомъ католицизмѣ, дѣлающемъ церковь господствующею силою въ тогдашнемъ обществѣ, но онъ причину этой силы видитъ не въ культурномъ состояніи общества, не въ теологическомъ, аскетическомъ и теократическомъ міросозерцаніи, въ немъ господствовавшемъ, не въ монополіи образованія и моральнаго вліянія, принадлежавшей духовенству, и т. п., а исключительно въ экономической мощи церкви, въ ея крупномъ землевладѣніи, которое, конечно, играло важную роль въ исторіи католицизма, но не было исключительной основою этой роли. Равнымъ образомъ «необходимость церкви не только для отдѣльнаго лица и семьи, но и для государства» создавала не одно «экономическое развитіе», какъ думаетъ Каущки, но и многія другія причины, заслуживающія быть включенными въ число историческихъ факторовъ. Равнымъ образомъ, если Италія, Испанія и Франція остались католическими странами, то это объясняется весьма сложными причинами, особенными для каждой отдѣльной страны, причинами, которыя и стремится открыть научный анализъ посредствомъ изслѣдованія внутренняго состоянія этихъ странъ въ отношеніяхъ національномъ, религіозномъ, интеллектуальномъ (въ смыслѣ степени образованности и характера умственныхъ стремленій), моральномъ, политическомъ и соціально-экономическомъ,—но разсматриваемому автору, повидимому, до всего этого нѣтъ дѣла и онъ приписываетъ то, что названныя страны остались католическими, ихъ высшему экономическому развитію, забывая, что католическими странами остались, напр., Польша и Венгрія, бывшія въ экономическомъ отношеніи наиболѣе отсталыми во всемъ католическомъ мірѣ. Главное однако, то, что такое объясненіе остается бездоказаннымъ и мало вразумительнымъ.

То же можно сказать и о другомъ объясненіи Каутски. Еще къ разсмотрѣнію католицизма, съ его церковнымъ землевладѣніемъ, и реформаціи, съ ея секуляризаціей собственности духовенства и монастырей, можно (и, конечно, должно) привлекать экономическія соображенія (разумѣется, отнюдь не ограничиваясь ими одними), но вотъ передъ нами чисто культурное движеніе гуманизма—и какъ же относится къ нему Каутски? «Новый способъ производства,—такъ начинаетъ онъ главу о гуманизмѣ,—требовалъ также новыхъ формъ мысли и произвелъ новое идейное содержаніе. Содержаніе духовной жизни измѣнилось быстрѣе его формъ: послѣднія долго еще оставались церковными, соотвѣтствующими феодальному способу производства, между тѣмъ какъ мышленіе все болѣе и болѣе подвергалось вліянію товарнаго производства (immer mehr von der Waarenproduktion beeinflusst wurde) и принимало свѣтскій характеръ». Тутъ, что ни слово, то поводъ для постановки вопросительнаго знака! И вотъ гуманизмъ, бывшій не чѣмъ инымъ, какъ

стремленіемъ личности построить себѣ новое міросозерцаніе, которое болѣе соотвѣтствовало бы ея духовнымъ и тѣлеснымъ потребностямъ, задавленнымъ философіею и моралью средневѣкового католицизма, является у Каунки какимъ-то продуктомъ новаго способа производства товаровъ! Сказать это было, конечно, легко, но повѣрить сказанному могутъ только тѣ, которые ищутъ готовыхъ (хотя бы и невразумительныхъ) формулъ, не требуя научныхъ доказательствъ. Проф. М. С. Корелинъ въ своемъ трудѣ о «Раннемъ итальянскомъ гуманизмѣ и его исторіографіи» (см. стр. 1057—1058) уже отмѣтилъ взглядъ Каунки, какъ «единственную попытку объясненія гуманизма съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма», и указалъ какъ на ненаучность пріемовъ автора разбираемой статьи (которую проф. Корелинъ зналъ лишь по переводу въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ»), такъ и на отсутствіе у него «сколько-нибудь обстоятельныхъ свѣдѣній объ эпохѣ Возрожденія». Послѣднее замѣчаніе едва-ли вообще вѣрно, а книжка о Томасѣ Морусѣ, введеніемъ въ которую служитъ статья о вѣкѣ гуманизма и реформаціи, доказываетъ далѣе, что съ однимъ отдѣломъ этой эпохи Каунки даже очень хорошо знакомъ; но дѣйствительно, на человѣка, научно *понимающаго*, что такое гуманизмъ, объясненія Каунки должны производить такое впечатлѣніе, что является подозрѣніе: да *зналъ* ли авторъ предметъ, о коемъ взялся говорить? Встрѣчаясь съ натянутыми историческими объясненіями, основанными не на данныхъ научнаго изслѣдованія, а на желаніи *все* объяснить съ *одной* предвзятой (и обыкновенно теоретически не обоснованной) точки зрѣнія, всегда вспоминаешь слѣдующія слова одного изъ самыхъ крупныхъ историковъ XIX-го вѣка (Гизо): «Ничто такъ не искажаетъ исторіи, какъ логика: когда умъ человѣческій останавливается на какой-либо идеѣ, онъ извлекаетъ изъ нея всѣ возможныя послѣдствія, заставляетъ ее произвести все то, что въ дѣйствительности она могла бы произвести, и потомъ представляетъ ее себѣ въ исторіи въ сопровожденіи всего этого».

Мы взяли статью Каунки, какъ образчикъ приложенія экономическаго матеріализма къ разсмотрѣнію крупной исторической эпохи. Насколько авторъ изобразилъ намъ *соціально-экономическую жизнь* эпохи гуманизма и реформаціи, мы можемъ отнестись къ его работѣ съ величайшимъ сочувствіемъ, распространяемымъ нами и вообще на все *экономическое направленіе исторической науки*, коему не одинъ Каунки обязанъ *болѣе полнымъ понятіемъ* объ этой важной эпохѣ; но насколько онъ примѣнилъ точку зрѣнія *экономическаго матеріализма, какъ историко-философской теоріи*, къ объясненію не одной соціально-экономической, но и *духовно-культурной жизни* эпохи, его *пониманіе* этой жизни мы должны признать *невѣрнымъ*. На примѣрѣ историческихъ со-

браженій Каутски мы такимъ образомъ можемъ познакомиться и съ сильными, и съ слабыми сторонами экономическаго матеріализма, тѣмъ болѣе, что Каутски—человѣкъ знающій (не чета Лоріа въ этомъ отношеніи), хотя и доказывающій своимъ непониманіемъ нѣкоторыхъ вещей, что предвзятая точка зрѣнія парализуетъ самыя знанія человѣка, заставляя его говорить вещи, на основаніи коихъ его легко счесть за совершенно незнающаго.

XIII.

Каутски, какъ историкъ, сколько мнѣ извѣстно, самый видный представитель экономическаго матеріализма, примыкающій къ Марксу. Остальные послѣдователи доктрины суть большею частью публицисты, работающіе, между прочимъ, для изданія Макса Шиппеля, выходящаго въ свѣтъ отдѣльными брошюрами съ 1890 г. подъ заглавіемъ «Berliner Arbeiter-Bibliotek». Изданіе это — марксистское, и одна изъ брошюръ первой серіи («Die Marx'sche Werththeorie», von Paul Fischer) прямо написана въ качествѣ общаго введенія въ изученіе Маркса (Zur Einführung in das Studium von Marx). Среди этихъ брошюръ есть и историческія, и всѣ онѣ написаны съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма, какъ это и значится на заголовкѣ одной изъ нихъ, посвященной рабочему движенію (Die Arbeiterbewegung im Lichte der materialistischen Geschichtsauffassung). Авторъ этой брошюры, Гергардъ Краузе, написалъ и отдѣльную брошюру (двѣнадцатый нумеръ второй серіи) о развитіи пониманія исторіи до Карла Маркса (Die Entwickelung der Geschichtsauffasung bis auf Karl Marx). Это небольшая статья, въ 46 страницъ, изъ коихъ первыя тридцать посвящены изложенію историко-философскихъ воззрѣній, господствовавшихъ до возникновенія экономическаго матеріализма, и лишь послѣднія 16 страницъ заняты передачею «матеріалистическаго пониманія исторіи у Карла Маркса».

Въ началѣ этой брошюры мы находимъ страстное нападеніе на «призванныхъ» представителей исторической науки, причемъ послѣдніе для автора отождествляются съ Трейтшке и Зибелемъ, за нѣмецко-патріотическія и иныя идеи коихъ, конечно, не можетъ отвѣтствовать *вся* историческая наука. Въ своемъ полемическомъ увлеченіи Краузе обвиняетъ всѣхъ «университетскихъ историковъ» (die Geschichtsschreiber der Universitäten) въ томъ, что, будучи неспособными понимать массовыя движенія и измѣненія соціальнаго и культурнаго свойства, они полагаютъ всю свою задачу въ томъ, чтобы основывать пониманіе исторіи на дипломатическихъ документахъ (Aktenstücke der Diplomaten) и выводить событія психологическимъ путемъ изъ духовныхъ подви-

говъ высокоодаренныхъ государей и министровъ, — на службѣ коихъ находятся сами, — вмѣсто того, чтобы разсматривать исторію, какъ слѣдствіе органическихъ измѣненій, совершающихся въ обществѣ. Что такіе историки есть, — конечно, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, но совершенно напрасно думаетъ Краузе, будто впервые Марксъ формулировалъ, въ чемъ должна заключаться задача исторіи, какъ науки. «Съ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи, провозглашеннымъ Марксомъ, — говоритъ Краузе, — кончается историческая литература (ist der Abschluss der Geschichts*beschreibung*) и начинается историческая наука (Geschichtswissenschaft)». Въ этомъ отношеніи Краузе сравниваетъ Маркса съ Дарвиномъ, приписывая первому, между прочимъ, и ниспроверженіе идеализма Гегеля, который, какъ извѣстно, былъ ниспровергнутъ съ «трона мысли» не Марксомъ.

«Марксъ, — говоритъ Краузе, — съ помощью историческаго опыта, статистики, доказалъ, что законы историческаго движенія (die Bewegungsgesetze der Geschichte) должны объясняться не изъ надземныхъ сферъ, равно какъ не изъ мозга отдѣльныхъ лицъ, но изъ матеріальныхъ основъ человѣческаго общества». Оставивъ въ сторонѣ теологическую философію исторіи, разрушеніе которой началось не съ Маркса, мы должны замѣтить, что если нельзя объяснить исторіи «изъ мозга *отдѣльныхъ* лицъ», то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы ея объясненіе заключалось лишь въ одной матеріальной жизни *всего* общества, ибо есть еще духовная жизнь (= мозгъ) цѣлаго общества, возникающая на почвѣ психическаго взаимодѣйствія между отдѣльными лицами, какъ матеріальная (экономическая) жизнь общества возникаетъ на почвѣ хозяйственнаго между ними взаимодѣйствія, причемъ, конечно, трудъ *отдѣльнаго* человѣка столь же мало способенъ объяснить исторію, какъ и мысль отдѣльнаго человѣка. Подъ этими отдѣльными лицами Краузе разумѣетъ великихъ людей, но опять-таки идея органическаго развитія исторіи, лишающая великихъ людей той рѣшающей роли, какую имъ приписывало болѣе раннее историческое міросозерцаніе, установлена была впервые не Марксомъ, какъ думаетъ Краузе, а многими другими писателями еще первой половины XIX-го вѣка. Полемическая цѣль Краузе видна изъ того, что по этому поводу онъ распространяется довольно много о Бисмаркѣ, будто бы совершившемъ объединеніе Германіи, которое, конечно, произведено было не однимъ желѣзнымъ канцлеромъ: въ серіи брошюръ, къ коей принадлежитъ сочиненіе Краузе, есть даже спеціальный историческій очеркъ подъ заглавіемъ «Миѳъ объ основаніи германской имперіи». Заслуга Карла Маркса, по Краузе, сводится къ новому методу изслѣдованія, дающаго ключъ къ пониманію исторіи: матеріалистическое направленіе

«проникаетъ въ самое нутро господствующихъ классовъ всѣхъ временъ, изслѣдуетъ условія ихъ матеріальнаго существованія, ихъ способъ производства, степень ихъ развитія, словомъ—весь ихъ матеріальный міръ и выростающій изъ него міръ идеальный (und aus jener herausgewachsene ideale Welt) и тѣмъ самымъ объясняетъ отношеніе господствующихъ классовъ къ государственной власти.» Собственно говоря, такая задача историческаго изслѣдованія опять-таки не есть спеціально марксистская, и только одно выведеніе идеальнаго міра изъ матеріальнаго можетъ быть признано исключительнымъ достояніемъ экономическаго матеріализма. Почему при извѣстныхъ условіяхъ въ государствѣ устанавливается чисто личное правленіе, позволяющее одному великому человѣку играть по видимости рѣшающую роль, на этотъ вопросъ давался вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ и раньше экономическаго матеріализма, который, по представленію Краузе, будто бы впервые формулировалъ этотъ отвѣтъ.

Краузе *излагаетъ* далѣе сущность общихъ историко-теоретическихъ воззрѣній Маркса и Энгельса, *не доказывая* ихъ безусловной вѣрности ни однимъ новымъ аргументомъ, замѣчая только, что они позволяютъ намъ видѣть «всю исторію прошлаго въ совершенно новомъ свѣтѣ», хотя это обстоятельство не доказываетъ еще, что новый свѣтъ вполнѣ объясняетъ намъ природу исторіи. Вѣрная сторона исторической философіи Маркса, заключающаяся въ примѣненіи идеи развитія къ обществу, есть не спеціальная особенность экономическаго матеріализма, а общая черта всего мышленія XIX в., отличающая и идеалистическую философію (Гегель), и философію реалистическую, и мысль консервативную и даже реакціонную (Жозефъ де-Местръ, Савиньи), и мысль либеральную и прогрессивную. Наконецъ, Краузе видитъ въ матеріалистическомъ пониманіи исторіи *оправданіе* современнаго рабочаго движенія, конечно, но это движеніе *вызвано* не тѣмъ или другимъ теоретическимъ пониманіемъ исторіи, а самою историческою жизнью, болѣе широкою, чѣмъ ея пониманіе, и высшую свою *санкцію* получаетъ въ тѣхъ моральныхъ идеяхъ, которыя являются однимъ изъ результатовъ культурнаго развитія общества. Сведеніе всей исторіи къ экономической основѣ само по себѣ не обусловливаетъ еще собою тѣхъ требованій, которыя написаны на знамени рабочаго движенія, ибо оно легко можетъ соединяться съ представленіемъ объ экономическомъ господствѣ однихъ классовъ общества надъ другими, какъ вѣчномъ и непреложномъ законѣ всякаго общежитія (идея «Очерка соціологіи» Гумпловича). Поэтому логически изъ матеріалистическаго пониманія исторіи самого по себѣ вовсе еще не можетъ вытекать и увѣренность въ неминуемой побѣдѣ рабочаго класса, какъ думаетъ Краузе, ибо экономиче-

скій матеріализмъ, какъ таковой, ничего не предсказываетъ, поскольку сведеніе исторіи къ экономической основѣ еще не рѣшаетъ вопроса о томъ, въ какія формы отольется общество грядущихъ временъ; и побѣду, о которой говоритъ Краузе, пророчитъ у Маркса не это сведеніе, а примѣненіе имъ къ экономическому процессу формулы Гегеля, въ силу коей, говоря коротко, сначала происходитъ экспропріація массы, а потомъ должна произойти экспропріація экспропріировавшихъ, причемъ эта формула дѣйствительно разработана Марксомъ въ подробностяхъ, но лишь по отношенію къ одной экономической сторонѣ исторіи и главнымъ образомъ лишь для капиталистической эпохи въ жизни западноевропейскихъ странъ. Мы утверждаемъ поэтому, что соціальная демократія, для требованій и надеждъ которой нѣкоторые ея представители думаютъ найти научное основаніе въ исторической теоріи экономическаго матеріализма, могла бы съ одинаковымъ успѣхомъ существовать и добиваться своихъ цѣлей и безъ этой историко-философской основы, подобно тому, какъ и ученіе о томъ, что въ исторіи все должно объясняться экономически, отнюдь не влечетъ за собою признанія тѣхъ или иныхъ соціальныхъ требованій.

Между тѣмъ нѣкоторые нѣмецкіе писатели дѣлаютъ изъ экономическаго матеріализма своего рода историческую философію соціальной демократіи въ своемъ отечествѣ, и Краузе (равно какъ Кауцки) принадлежитъ именно къ числу такихъ писателей. Отъ соединенія своего съ стремленіями этой политической партіи экономическій матеріализмъ въ качествѣ научной теоріи ничего не выигрываетъ, какъ не выигрываетъ ничего и соціальная демократія въ своихъ практическихъ задачахъ отъ союза съ матеріалистическимъ объясненіемъ исторіи. Если, однако, есть люди, которые держатся этой теоріи не потому, что считаютъ ее достаточно *обоснованной*, а потому, что признаютъ ее *необходимой для оправданія* своихъ требованій, то этимъ, быть можетъ, они оказываютъ услугу теоріи, какъ своего рода боевому лозунгу, содѣйствуя ея распространенію, но не оказываютъ услуги той же теоріи, какъ ученію, имѣющему цѣлью выяснить объективную сущность историческаго процесса, каковы бы ни были наши идеальныя представленія о грядущихъ формахъ общественной жизни. Популяризація экономическаго матеріализма въ Германіи за послѣднее время и получила такой именно характеръ, что цѣлью ея ставится не столько сообщеніе неизвѣстнаго пониманія исторіи, сколько внушеніе извѣстныхъ требованій отъ общественнаго устройства. Брошюра Краузе относится именно къ подобнаго рода литературѣ, и именно поэтому-то мы на ней и остановились, какъ на образчикѣ такого рода произведеній, написанныхъ въ духѣ экономическаго матеріализма, какого мы еще до сихъ поръ не

касались [1]). Марксисты, къ числу коихъ принадлежитъ Краузе, повидимому, полагаютъ, что эта *общая историко-философская* точка зрѣнія такъ тѣсно связана съ *спеціальнымъ историко-экономическимъ* ученіемъ Маркса, лежащимъ въ основѣ ихъ общественныхъ стремленій, какъ связаны между собою посылка и выводъ изъ него, и потому не столько желаютъ теоретически обосновать ея научную истинность, сколько оправдать необходимость такой точки зрѣнія для достиженія извѣстныхъ практическихъ цѣлей въ жизни. На самомъ дѣлѣ, однако, такой связи между историко-философскимъ и историко-экономическимъ ученіемъ Маркса не существуетъ, и послѣднее, повторяемъ, можетъ быть принято для *экономической исторіи*, хотя бы при этомъ и не было признано, что *вся культурная и соціальная исторія* объяснима изъ однихъ экономическихъ началъ

Какіе же общіе выводы могутъ быть сдѣланы на основаніи всего сказаннаго въ настоящей статьѣ?

Возникновеніе экономическаго направленія въ исторической наукѣ объясняется, во-первыхъ, естественнымъ сближеніемъ между двумя науками, т.-е. исторіей и политической экономіей, причемъ сближеніе это выразилось и въ образованіи исторической школы, и въ политической экономіи, а во-вторыхъ, объясняется и тѣмъ преобладаніемъ, какое получили экономическія отношенія въ самой исторической жизни XIX в., выдвинувшей на первый планъ соціальный вопросъ. Это научное движеніе имѣетъ въ высшей степени важное значеніе для исторической науки, благодаря тому, что историко-экономическія изслѣдованія не только стали пополнять существенные пробѣлы, въ ней имѣвшіеся, но пролили новый свѣтъ на явленія, которыя и раньше были изслѣдованы съ политической и культурной точки зрѣнія. Вслѣдствіе того, что историческая наука обратила вниманіе на экономическую жизнь, и общія историко-философскія воззрѣнія должны были подвергнуться переработкѣ. Преобладающей основою историческихъ теорій было то, что мы краткости ради можемъ назвать психологическимъ идеализмомъ, который заключалъ въ себѣ только одну половину истины. Въ силу естественнаго увлеченія экономизмомъ, какъ новымъ направленіемъ, уже приведшимъ къ важнымъ результатамъ и обѣщающимъ еще болѣе дать въ будущемъ, и въ силу весьма естественной реакціи

---

[1]) Къ той же категоріи по всей видимости принадлежитъ «Le matérialisme économique de Charles Marx» Лафарга, такъ какъ нѣмецкій переводъ этой статьи помѣщенъ въ «Socialdemokratische Bibliothek».

противъ чисто-психологической и идеалистической концепціи, оказавшейся несостоятельною въ стремленіи своемъ объяснить *всю* исторію, въ области историко-философскихъ воззрѣній возникло направленіе, сводящее всю исторію къ экономической и матеріальной основѣ. Разсуждая a priori, нельзя не признать, что экономическій матеріализмъ и родственныя ему направленія исторіологической мысли страдаютъ такою же односторонностью: истина заключается лишь въ сочетаніи обѣихъ точекъ зрѣнія, поскольку человѣкъ живетъ удовлетвореніемъ не однѣхъ матеріальныхъ, но и духовныхъ потребностей. Другую слабую сторону экономическаго матеріализма составляетъ его необоснованность въ теоретическомъ отношеніи. Его родоначальники выразили его основныя положенія въ формѣ аксіомъ, а сторонники направленія стали лишь популяризировать эти положенія, либо прилагать ихъ къ разсмотрѣнію дѣйствительной исторіи. Главное затрудненіе, съ коимъ встрѣчается мысль при попыткѣ обоснованія экономическаго матеріализма, заключается въ томъ, чтобы объяснить изъ экономіи духовную культуру (мораль, религію, философію, науку, миѳологію, поэзію, искусство и т. п.): сказать, что вся духовная культура имѣетъ непосредственнымъ своимъ основаніемъ чисто хозяйственныя отношенія общества, конечно, легко, но нужно еще доказать это и объяснить, какимъ образомъ экономія порождаетъ указанные элементы культуры. И вотъ, когда мы встрѣчаемся съ попытками такого объясненія, то имѣемъ дѣло лишь съ натяжками (книга Лоріа, соображенія Каупки); но чуть сторонники экономическаго матеріализма являются болѣе озабоченными тѣмъ, чтобы *найти научную истину*, нежели тѣмъ, чтобы *утвердить принятый на вѣру догматъ*, они оказываются вынужденными дѣлать поправки въ этомъ ученіи, по существу дѣла отрицающія его исходную точку зрѣнія (Вейзенгрюнъ, г. Николаевъ). Экономическій матеріализмъ, конечно, сдѣлаетъ свой идейный вкладъ въ научную теорію историческаго процесса: относительная истинность его тенденціи не подлежитъ спору, и нужно только желать, чтобы его представители побольше думали о теоретической обосновкѣ своего ученія и чтобы вмѣстѣ съ этимъ историки-экономисты дѣлали побольше теоретическихъ выводовъ изъ своихъ изслѣдованій; ибо чѣмъ доказательнѣе будетъ то или другое положеніе, тѣмъ охотнѣе оно будетъ принято теоретиками историческаго процесса для дальнѣйшихъ историко-философскихъ выводовъ. До сихъ поръ экономическій матеріализмъ отличался крайнимъ догматизмомъ, но путь, коимъ добывается научная истина, есть путь критическаго изслѣдованія. Не имѣя ни малѣйшихъ основаній предпочитать экономическому матеріализму психологическій идеализмъ, мы сочувствуемъ одинаково обоимъ направленіямъ, поскольку каждое освѣщаетъ намъ одну изъ

сторонъ истины, которая вообще многостороння, и желаемъ, чтобы каждое направленіе, не стремясь деспотически вытѣснить другого, работало надъ выясненіемъ этой истины, внося въ свою работу побольше критики и остерегаясь догматизма, какъ вещи въ научномъ дѣлѣ наиболѣе опасной.

Свобода воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса [1]).

Недавно московское психологическое общество издало сборникъ статей и рефератовъ своихъ членовъ по вопросу о свободѣ воли [2]). Читая эту книгу, я не могъ не обратить вниманія на два обстоятельства, которыя для меня имѣютъ весьма важное значеніе. Съ одной стороны, именно въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ обсужденіи вопроса о свободѣ воли, не упоминается ни одного спеціалиста по исторической наукѣ, съ другой же — въ самихъ рефератахъ совсѣмъ не указывается на то, что вопросъ этотъ, интересующій философа и психолога, моралиста и криминалиста, не лишенъ интереса равнымъ образомъ и для историка. Въ одной только статьѣ П. Е. Астафьева упомянуто, что вопросъ имѣетъ отношеніе къ законамъ исторіи и къ дѣятельности въ ней отдѣльныхъ личностей, но именно лишь вскользь упомянуто и притомъ скорѣе не въ пользу того, чтобы онъ рѣшался на основаніи соображеній, заимствованныхъ изъ «философіи исторіи» [3]). Эти два обстоятельства остались бы для меня незамѣченными, если бы не представляли изъ себя новаго подтвержденія двухъ мыслей, уже нѣсколько разъ мною высказывавшихся. Не такъ давно въ рефератѣ о «разработкѣ теоретическихъ вопросовъ исторической науки», который былъ читанъ мною въ Историческомъ обществѣ при петербургскомъ университетѣ, было указано на то, что въ этой разработкѣ спеціалисты-историки принимали участіе въ неизмѣримо меньшей степени, нежели могли бы и должны были бы это дѣлать и нежели дѣлали это представители другихъ научныхъ областей [4]). Въ частности въ своей новой книгѣ *Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи* я отмѣтилъ тотъ фактъ, что вопросъ о причинности, о которомъ съ разныхъ точекъ зрѣнія высказывались авторы сочиненій по философіи,

---

[1]) Рефератъ, читанный въ Московскомъ Психологичсекомъ Обществѣ въ 1890 году.

[2]) О свободѣ воли.

[3]) О свободѣ воли, стр. 287.

[4]) Рефератъ этотъ вошелъ въ настоящее изданіе.

по логикѣ наукъ, по психологіи и по уголовному праву, остается совершенно неразработаннымъ съ точки зрѣнія исторической науки, хотя одною изъ задачъ своихъ послѣдняя и ставитъ соединеніе изучаемыхъ ею фактовъ причинною связью и хотя рѣшенія вопроса съ точекъ зрѣнія обще-философской или логической, психологической и криминалистической либо недостаточны, либо непримѣнимы къ потребностямъ исторической науки [1]). Понятіе свободы воли, столь сильно занимавшее членовъ психологическаго общества, имѣетъ тѣсное соотношеніе съ понятіемъ причинности, на разработку теоріи которой историки никогда не обращали никакого вниманія, несмотря на то, что причинная связь играетъ такую видную роль во всѣхъ ихъ научныхъ конструкціяхъ, и несмотря на то, что имъ подавали благой примѣръ и философы, и логики, и психологи, и криминалисты, съ разныхъ точекъ зрѣнія писавшіе о причинности цѣлыя изслѣдованія. Вотъ и теперь, когда психологическое общество въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ своихъ было занято обсужденіемъ вопроса о причинности, и притомъ о причинности въ дѣлахъ человѣческихъ, ни одинъ историкъ не явился сказать свое слово по столь важному и для него предмету. Съ другой стороны, и представители разныхъ научныхъ спеціальностей, разсуждавшіе здѣсь о свободѣ воли и о причинности, ни разу не вспомнили о томъ значеніи, какое онъ имѣетъ при разсматриваніи человѣческихъ поступковъ, складывающихся въ прагматическій процессъ исторіи, и все это для меня не есть простая случайность. Уже во второмъ томѣ своихъ *Основныхъ вопросовъ философіи исторіи*, вышедшихъ въ свѣтъ около семи лѣтъ тому назадъ, я указывалъ на то, что при общей важности психологіи для исторіи и для соціологіи особое для нихъ значеніе должна была бы имѣть психологія не индивидуальная, изучающая психическіе процессы, которые происходятъ внутри отдѣльной личности, а психологія, такъ сказать, коллективная, предметъ коей заключался бы въ духовныхъ явленіяхъ, возникающихъ на почвѣ людского общежитія [2]). (Мысль о такой наукѣ принадлежитъ не мнѣ: уже давнымъ-давно сдѣланы были даже попытки основать коллективную психологію,—попытки, о достоинствѣ которыхъ я не буду теперь распространяться, такъ какъ сдѣлалъ это уже раньше). Въ настоящее время я еще болѣе утвердился въ мысли о необходимости научнаго изслѣдованія коллективно-психическихъ явленій и процессовъ, вслѣдствіе чего еще разъ указалъ на важность коллективной психологіи, когда въ новой своей книгѣ завелъ рѣчь о томъ, что можетъ

---

[1]) Сущность историческаго процесса и пр., кн. I, гл. VI.
[2]) Основные вопросы философіи исторіи, кн. III, гл. I.

и что должна дать психологія для теоріи историческаго процесса [1]). Между прочимъ, здѣсь я коснулся того, что могла бы заимствовать теорія исторической причинности изъ психологическихъ ученій объ этомъ предметѣ. Вотъ какъ я понимаю дѣло: съ точки зрѣнія прагматической исторіи дѣйствія однихъ людей такъ или иначе вызываются дѣйствіями другихъ людей, точка же зрѣнія психологіи опредѣляется понятіемъ мотива, какъ причины поступка, причемъ едва-едва затрогивается вопросъ о поступкахъ, какъ о причинахъ другихъ поступковъ, ибо вопросъ этотъ можетъ быть поставленъ лишь за предѣлами индивидуальной психологіи [2]). Разъ въ представленіи историка поступки однихъ людей суть причины (или входятъ въ составъ причинъ) поступковъ другихъ людей, для теоріи историческаго процесса весьма важно было бы опираться на такое психологическое ученіе, которое разсматривало бы человѣка, взятаго не особнякомъ, а рядомъ съ другими людьми, т.-е. въ психическомъ съ ними взаимодѣйствіи. Къ сожалѣнію, психологія весьма мало обращаетъ вниманія на явленія этого рода, когда подъ вліяніемъ одного человѣка (т.-е. подъ вліяніемъ какого-либо его дѣйствія или нѣсколькихъ дѣйствій) другой человѣкъ совершаетъ тотъ или иной поступокъ или рядъ поступковъ [3]). Это-то слишкомъ индивидуалистическое направленіе «науки о душѣ» сказалось какъ въ рефератахъ, такъ и въ преніяхъ по вопросу о свободѣ воли, имѣвшихъ мѣсто въ психологическомъ обществѣ: и сторонники, и противники свободной воли въ разныхъ ея пониманіяхъ разсматривали человѣка, его душу, его волю, взятыхъ особнякомъ, внѣ прагматической и культурной зависимости единичной личности отъ другихъ личностей и внѣ прагматическихъ и культурныхъ вліяній, которыя она сама на нихъ оказываетъ. Вотъ почему, кажется мнѣ, никому изъ читавшихъ въ психологическомъ обществѣ рефераты о свободѣ воли, и не приходило въ голову обратиться къ тому, что могло бы дать для уясненія этого предмета разсмотрѣніе историческаго процесса, который—въ прагматической своей сторонѣ—состоитъ въ вызовѣ поступковъ однихъ людей поступками другихъ. Итакъ, думаю я, одинаково неслучайно и то, что никто изъ историковъ не принялъ участія въ обсужденіи вопроса о свободѣ воли, происходившемъ въ засѣданіяхъ нашего общества, и то, что при этомъ обсужденіи совершенно была забыта та сторона вопроса, которою онъ соприкасается съ вопросами исторіологіи: тутъ, другими словами, на одномъ примѣрѣ мы видимъ и безучастное отношеніе истори-

[1]) Сущность историческаго процесса и пр., стр. 209 и слѣд.
[2]) Тамъ же, 188.
[3]) Тамъ-же, 213 и слѣд.

ковъ къ разработкѣ нѣкоторыхъ теоретическихъ вопросовъ, имѣющихъ громадное значеніе и въ изучаемой ими наукѣ, и отсутствіе особаго интереса у психологовъ къ тѣмъ явленіямъ, которыя возникаютъ на почвѣ психическаго взаимодѣйствія индивидуумовъ.

Объ одномъ изъ этихъ явленій я здѣсь много говорить не стану. Въ моемъ указаніи, конечно, заключается нѣкоторое обвиненіе противъ представителей научной спеціальности, къ числу коихъ по роду своихъ занятій принадлежу и самъ я: это обвиненіе было уже предъявлено мною въ упомянутомъ рефератѣ, читанномъ въ ученомъ обществѣ спеціально историческомъ. Здѣсь я, наоборотъ, позволю себѣ указать на сторону дѣла, имѣющую, пожалуй, значеніе даже смягчающаго для историковъ обстоятельства, хотя отсюда, наоборотъ, и вытекаетъ обвиненіе, съ какимъ мы, историки, можемъ, какъ мнѣ кажется, выступить противъ современнаго состоянія психологіи. Конечно, представители послѣдней найдутъ сказать въ свою защиту весьма многое, и я напередъ готовъ согласиться съ большею частью аргументовъ, коими они станутъ защищаться, но въ одномъ отношеніи я думаю остаться безусловно правымъ. Безучастное вообще отношеніе историковъ къ разработкѣ теоретическихъ вопросовъ исторической науки, имѣющихъ соприкосновеніе, между прочимъ, и съ проблемами психологіи, объясняется, на мой взглядъ, отчасти тѣмъ, что психологія въ современномъ своемъ состояніи, какъ наука о душѣ индивидуальной, мало что можетъ дать для исторической науки въ теперешнемъ фазисѣ ея развитія. Времена господства біографическаго элемента въ исторіи прошли безвозвратно: исторія изъ біографической превратилась въ соціологическую, но, къ сожалѣнію, этой эволюціи не соотвѣтствовало расширеніе индивидуальной психологіи въ такую психологію, которая изучала бы и человѣка, взятаго особнякомъ, и людей въ ихъ психическомъ взаимодѣйствіи. Тэнъ, одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ историковъ нашихъ дней, какъ извѣстно, не разъ заявлялъ, что настоящая теорія исторіи заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ психологіи. Не соглашаясь вполнѣ съ этою мыслью, такъ какъ у исторіи, кромѣ психологической стороны, есть еще сторона соціологическая, почти совершенно игнорируемая Тэномъ, я не могу не указать здѣсь на то, что вѣрное въ его утвержденіи было бы еще вѣрнѣе, если бы онъ подъ психологіей разумѣлъ не простую психологію индивидуума. Прочитавъ изрядное количество большихъ и малыхъ разсужденій о значеніи психологіи для исторіи, я въ большей ихъ части находилъ именно этотъ пробѣлъ: какъ только выходишь изъ предѣловъ біографической стороны историческаго бытія личности, какъ только начинаешь думать о духовныхъ процессахъ, совершающихся въ отдѣльныхъ человѣческихъ группахъ и въ цѣлыхъ обществахъ, тотчасъ же

иногда перестаешь понимать, что̀ изъ психологическихъ ученій, составляющихъ главную суть теперешней «науки о душѣ», могъ бы съ особымъ успѣхомъ утилизировать историкъ, не задающійся цѣлью психологическаго анализа отдѣльныхъ личностей, подобнаго тому, которымъ, наприм., занимается романистъ. То же самое чувствуется (мною, по крайней мѣрѣ), когда сопоставляешь теоретическія разсужденія, положимъ, того же Тэна съ его же собственными историческими изображеніями: пусть имъ и примѣняется психологическій анализъ и къ цѣлымъ группамъ личностей, но эти группы являются у него все-таки лишь суммами однородныхъ индивидуумовъ, и, давая ихъ характеристики, Тэнъ не возвышается до понятія того психическаго взаимодѣйствія, того вліянія однѣхъ индивидуальныхъ душъ на другія, которое само по себѣ могло бы составить важный отдѣлъ «науки о душѣ». Однимъ словомъ, общій характеръ современной психологіи, остающейся индивидуалистичною, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ общему характеру исторіи,—по самому существу своему науки о чемъ-то коллективномъ. Поэтому (впрочемъ, и по другимъ причинамъ) въ настоящее время у историковъ существуетъ гораздо болѣе точекъ соприкосновенія съ представителями соціологическихъ знаній, т.-е. съ политиками, юристами и экономистами, чѣмъ психологами, изучающими человѣка, взятаго особнякомъ. Конечно, это объясняется отчасти еще и тѣмъ убѣжденіемъ, все болѣе и болѣе утверждающимся среди историковъ, что главнѣйшія историческія явленія имѣютъ свою основную подкладку въ экономическихъ отношеніяхъ общественнаго тѣла, опредѣляющихъ собою отношенія и политическія, и частно-правовыя, — воззрѣніе, діаметрально-противоположное точкѣ зрѣнія Тэна, — но противовѣсомъ такому, во всякомъ случаѣ одностороннему убѣжденію могло бы быть лишь болѣе полное психологическое ученіе, которое не отрывало бы вполнѣ человѣческой личности отъ исторической почвы, ее возрастившей, отъ культурно-соціальной среды, ее окружающей. Я имѣю положительное основаніе утверждать, что господствующая историческая философія относится крайне неблагопріятно къ личному элементу въ исторіи, и до нѣкоторой степени я объясняю себѣ это тѣмъ, что историческая наука нигдѣ въ изучаемой ею дѣйствительности не встрѣчается съ такою, изолированною отъ другихъ людей личностью, какою только и занимается психологія. Если это обстоятельство не снимаетъ вины съ историковъ въ томъ, что дилетанты и даже профаны гораздо болѣе, нежели они сами, участвовали въ разработкѣ теоретическихъ вопросовъ исторической науки, то оно же и объясняетъ нѣкоторое ихъ равнодушіе къ теоретическимъ вопросамъ психологіи, способнымъ имѣть исторіологическій интересъ.

Въ тѣхъ предѣлахъ, какіе имѣетъ настоящая статья, конечно, нѣтъ

никакой возможности обстоятельно разсмотрѣть и то, чего въ правѣ требовать теорія историческаго процесса отъ психологіи, расширившей область своего вѣдѣнія, и то, почему сознательно сдѣланныя попытки основанія коллективной психологіи (Völkerpsychologie Лацаруса и Штейнталя, Psychologie der Gesellschaft Линднера и т. п.) не дали пока никакихъ важныхъ—по крайней мѣрѣ, для теоріи исторіи—результатовъ, и то, наконецъ, какія стороны психическаго взаимодѣйствія и какимъ именно образомъ должны изучаться. Я позволю себѣ только показать на примѣрѣ частнаго вопроса о свободѣ воли, интересующаго психологическое общество, какое упущеніе дѣлается, на мой взглядъ, при рѣшеніи этого вопроса, вслѣдствіе того, что предметомъ изслѣдованія считаютъ здѣсь индивидуальную волю внѣ ея взаимоотношеній съ другими волями какъ въ теченіи обыденной жизни, такъ и въ ходѣ исторіи.

Въ самомъ дѣлѣ, когда ставится и рѣшается вопросъ о свободѣ или несвободѣ воли, отдѣльная личность берется особнякомъ отъ другихъ личностей, съ коими она всегда тѣсно связана тысячами часто неуловимыхъ узъ. Есть, правда, одна область, гдѣ вопросъ этотъ обсуждается на почвѣ изученія человѣка, взятаго не особнякомъ, а какъ разъ въ группахъ и массахъ, но въ этой области рѣшаются главнымъ образомъ проблемы не психологическаго характера. Говоря это, я имѣю въ виду кругъ общественныхъ явленій, подвергающихся математическому вычисленію вслѣдствіе своей способности быть выражаемыми посредствомъ цифровыхъ данныхъ, иначе—дѣлающихся предметомъ статистики. Еще очень недавно нѣкоторая правильность, наблюдаемая изъ мѣсяца въ мѣсяцъ или изъ года въ годъ въ извѣстныхъ статистическихъ числахъ, напр., довольно замѣтное постоянство количества писемъ, не доставленныхъ въ извѣстные промежутки времени вслѣдствіе отсутствія адреса или вслѣдствіе какихъ-либо въ немъ упущеній,—считалось чуть не рѣшительнымъ аргументомъ противъ защитниковъ свободы воли; но было бы ошибочнымъ думать, что, рекомендуя поставить вопросъ о свободѣ воли на почву разсмотрѣнія человѣка, взятаго не особнякомъ, я совѣтую въ сущности лишь то, что давнымъ-давно дѣлаютъ статистики. Не упоминая уже о томъ, что среди явленій, счетомъ коихъ занимается статистика, явленіямъ моральнымъ, служащимъ внѣшними выраженіями воли, принадлежитъ далеко не первое мѣсто,—не касаясь и того, что статистика даетъ только діагнозу общественныхъ состояній, а изслѣдованіе смѣны послѣднихъ однихъ другими она предоставляетъ исторіи, которая и занимается изученіемъ совершающихся въ обществѣ процессовъ (между прочимъ, и духовнаго характера),—я обращаю особенное ваше вниманіе на то, что, изучая людей въ массѣ, статистика смотритъ на отдѣльныя человѣческія еди-

ницы, какъ на слагаемыя, входящія въ тѣ или другія суммы, а не какъ на живыхъ людей, находящихся между собою въ постоянномъ взаимодѣйствіи. Говоря то же самое другими словами,—статистика въ своихъ цифрахъ показываетъ, какія общія причины въ такихъ-то и такихъ-то случаяхъ, такимъ-то и такимъ-то образомъ дѣйствуютъ на такія-то и такія-то совокупности личностей, но у нея нѣтъ средствъ изслѣдовать, въ чемъ заключаются и каковы бываютъ причины, условія, средства, пріемы, формы, цѣли, результаты и т. д. дѣйствія однихъ людей на другихъ и зависимости ихъ поведенія другъ отъ друга. Коснувшись психологическаго метода Тэна, я успѣлъ уже высказаться противъ сведенія понятія о человѣческой личности, взятой не особнякомъ, къ простой суммѣ однородныхъ индивидуумовъ, т.-е. въ данномъ случаѣ къ совокупности людей, раздѣляющихъ однѣ и тѣ же идеи и проникнутыхъ одними и тѣми же чувствами: дѣло не въ томъ, чтобы—или статистически, т.-е. отвлеченно, или художественно, т.-е. конкретно,—представить себѣ нѣкоторую сумму людей, имѣющихъ между собою нѣчто общее, а въ томъ, чтобы уловить процессы, происходящіе въ общественныхъ группахъ съ далеко не однороднымъ составомъ, представить себѣ отдѣльныя личности, ихъ образующія, не какъ слагаемыя извѣстной суммы, въ которой проявляется дѣйствіе какой-либо общей причины, или не какъ однородные экземпляры нѣкоего общаго типа, а какъ живыя личности—каждую съ ея индивидуальной физіономіей и особою ролью, каждую въ ея особенной зависимости отъ другихъ и съ особеннымъ на другихъ вліяніемъ. Вотъ почему я думаю, что не у статистиковъ должна учиться психологія тому, какъ брать для своего изслѣдованія—«человѣка не особнякомъ»: на этомъ пути она не пойдетъ далѣе суммарныхъ характеристикъ отдѣльныхъ народовъ (т.-е. народнаго духа, какъ его представляетъ себѣ Völkerpsychologie) или психологическаго анализа, такъ сказать, коллективной личности, какою является въ исторіи та или другая общественная группа, отличающаяся своеобразными чертами (въ родѣ якобинцевъ, психологіей коихъ такъ много занимался Тэнъ): то, подо что можно подвести понятія духа народа, характера общественной группы, и еще многое другое въ такомъ же родѣ, само есть не что иное, какъ результатъ сложнаго психическаго взаимодѣйствія между индивидуумами, и оно-то, взаимодѣйствіе это, должно было бы быть основнымъ предметомъ той части психологіи, которой слѣдуетъ изучать человѣка, взятаго не особнякомъ.

Настаивая въ сущности на необходимости не забывать при рѣшеніи весьма многихъ психологическихъ вопросовъ того обстоятельства, что человѣкъ есть «животное общественное», я далекъ, однако, отъ той мысли, чтобы нужно было въ силу этого считать единичную личность

простымъ продуктомъ общества. Уже изъ того, что было сейчасъ мною сказано и по поводу статистическаго отношенія къ индивидуумамъ, какъ къ однороднымъ слагаемымъ, образующимъ извѣстныя суммы, и по поводу психологіи группъ или массъ, видящей въ отдѣльныхъ личностяхъ только различные экземпляры извѣстнаго общаго типа,— уже изъ одного этого въ достаточной мѣрѣ явствуетъ, что въ своемъ міросозерцаніи я хочу сохранить понятіе самостоятельной личности. Скажу даже болѣе: я хотѣлъ бы вообще отстоять это понятіе отъ научныхъ воззрѣній, сводящихъ его къ нулю. Послѣднее дѣлается въ настоящее время, главнымъ образомъ, въ двухъ направленіяхъ, имѣющихъ разные исходные пункты, но приводящихъ къ одному и тому же результату: одно направленіе разлагаетъ индивидуальное *я* на «вереницу совершающихся въ немъ событій», дѣлаетъ изъ личности собирательное обозначеніе мелкихъ психологическихъ процессовъ, другое же, наоборотъ, превращаетъ каждое такое *я* въ одно изъ отраженій духа времени или народа, видитъ въ личности простое созданіе окружающаго общества, всецѣло изъ него объясняющееся, и такимъ образомъ съ обѣихъ точекъ зрѣнія личность не есть нѣчто единое и цѣльное,— будучи или суммою раздѣльныхъ психическихъ явленій, или частицею нѣкоего высшаго духовнаго цѣлаго, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, какъ мы наблюдаемъ это въ общеисторической концепціи Тэна. Въ настоящей статьѣ своей, въ которой я обращаю такое вниманіе на недостаточность одной индивидуальной психологіи, мнѣ особенно важно, конечно, заявить, что я вовсе не думаю разсматривать отдѣльную личность, какъ продуктъ общества, но ради экономіи времени я сошлюсь на то, что въ своей книгѣ о *Сущности историческаго процесса и роли личности въ исторіи* я, между прочимъ, подвергъ критикѣ воззрѣніе соціолога Гумпловича (Grundriss der Sociologie), превращающее человѣческую личность—безъ всякаго остатка—въ продуктъ той соціальной группы, къ которой она принадлежитъ [1]). За недостаткомъ времени я не могу также останавливаться на вопросѣ о томъ, что есть вѣрнаго въ обоихъ воззрѣніяхъ, разрушающихъ понятіе единой и цѣльной личности, и въ чемъ заключается ошибочность сдѣланныхъ выводовъ о природѣ индивидуальной души. Но отстаивая такимъ образомъ личное начало отъ воззрѣній, жертвующихъ понятіемъ личности во имя новѣйшихъ результатовъ индивидуальной психологіи или во имя данныхъ, составляющихъ исходный пунктъ современныхъ соціологическихъ ученій, я не могу согласиться съ прежнимъ взглядомъ на личность, какъ на индивидуальный духъ, который можно изучать и независимо

---

[1]) Сущность историческаго процесса, стр. 169 и слѣд.

отъ физіологическихъ и психо-физіологическихъ процессовъ, происходящихъ въ организмѣ, и независимо отъ коллективно-психическихъ и соціальныхъ процессовъ, совершающихся въ обществѣ. Однако, въ то самое время, какъ первая изъ этихъ истинъ, такъ сказать, вошла уже въ обиходъ науки, вторая только-что начинаетъ пробивать себѣ дорогу къ общему признанію. Это также сказалось на постановкѣ и способахъ рѣшенія вопроса о свободѣ воли въ рефератахъ, читавшихся въ психологическомъ обществѣ: обсуждая его, вообще весьма часто ссылаются на зависимость, говоря коротко, духа отъ тѣла, совершенно почти упуская изъ виду зависимость одного духа отъ другого духа,—обращаютъ вниманіе на то, какъ воля обусловливается чѣмъ-то такимъ, что само по себѣ не есть другая воля, совсѣмъ почти игнорируя случаи опредѣленій одной воли другою волею или ея проявленіями, словомъ—говорятъ объ отношеніи *я* къ *не-я* и не говорятъ о взаимныхъ отношеніяхъ между собою разныхъ *я*. Нельзя, конечно, смотрѣть на человѣка, какъ на существо, въ своей жизни и дѣятельности соприкасающееся только съ предметами и явленіями одного матеріальнаго міра: разъ человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ въ обществѣ себѣ подобныхъ, онъ связанъ съ ними многочисленными и разнообразными отношеніями, подвергаясь въ своемъ поведеніи многостороннимъ вліяніямъ, идущимъ отъ другихъ людей, и собственнымъ поведеніемъ оказывая на ихъ поведеніе вліянія также весьма различнаго свойства. Въ сущности, вѣдь и вопросъ о свободѣ воли въ той своей сторонѣ, которою онъ соприкасается съ практическими вопросами человѣческаго бытія, стоитъ въ тѣсной связи съ общественною жизнью людей: и этика, и криминалистика, принимающія столь дѣятельное участіе въ разработкѣ вопроса, берутъ человѣка не особнякомъ, а въ извѣстномъ отношеніи къ другимъ людямъ. Этому должно было бы соотвѣтствовать и чисто теоретическое обсужденіе того же предмета: ему именно не слѣдовало бы упускать изъ виду, что причинность въ дѣлахъ человѣческихъ состоитъ, между прочимъ, въ большей или меньшей зависимости поступковъ однихъ лицъ отъ поступковъ другихъ лицъ и что на этомъ основаніи при теоретическомъ рѣшеніи вопроса о свободѣ воли весьма важно брать человѣка въ его взаимоотношеніяхъ съ другими людьми. Послѣдняго, однако, и быть не можетъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ создана теорія причинности въ дѣлахъ человѣческихъ на почвѣ коллективной психологіи, и я думаю, что дѣло значительно подвинулось бы впередъ, если бы на помощь психологамъ явилась теорія историческаго процесса, заниматься которою ближе всего, конечно, историкамъ.

Идея причинности играетъ весьма важную роль и въ философіи, и въ отдѣльныхъ наукахъ, но общая ея теорія мнѣ кажется недоста-

точно разработанною и особенно въ примѣненіи къ человѣческому поведенію. Идея причинности, природа коей изслѣдуется философами, занимаетъ—съ весьма различныхъ точекъ зрѣнія—и авторовъ сочиненій по логикѣ наукъ, и психологовъ, и криминалистовъ, и играетъ весьма важную роль въ построеніяхъ историковъ, и тѣмъ не менѣе есть весьма важные пробѣлы въ научномъ ея разсмотрѣніи. Я уже раньше упомянулъ о томъ, что историки не въ примѣръ представителямъ другихъ научныхъ спеціальностей, интересующихся вопросомъ о причинности, совсѣмъ не подвергали его теоретической разработкѣ, довольствуясь провозглашеніемъ общаго принципа, что историческіе факты должны быть связываемы между собою, какъ причины и слѣдствія; равнымъ образомъ указалъ я и на то, что индивидуальная психологія не въ состояніи охватить вопроса во всемъ его объемѣ вслѣдствіе того, что не дѣлаетъ самостоятельнымъ предметомъ своего изученія психическія взаимодѣйствія, происходящія на почвѣ общенія людей между собою. Постановки, какія вопросу даются въ логикѣ наукъ и въ криминалистикѣ, не устраняютъ пробѣловъ, происходящихъ отъ невнимательнаго отношенія къ нему со стороны историковъ и отъ односторонняго освѣщенія его у психологовъ. Въ логикѣ наукъ идея причинности ставится въ связь главнымъ образомъ съ теоріей индукціи, основывающейся на этой идеѣ, и съ понятіемъ объ единообразіи порядка природы, лежащимъ въ основѣ понятія о научныхъ законахъ, которые открываются посредствомъ индукціи, и всѣ разсужденія имѣютъ въ виду почти исключительно причинныя связи въ мірѣ матеріальныхъ явленій: вопросъ о внутренней сторонѣ причиненія, возникающій на почвѣ разсмотрѣнія духовныхъ явленій, и о причиняемости человѣческихъ дѣйствій, не играетъ роли въ Логикахъ наукъ, такъ что ихъ авторы не восполняютъ пробѣла, существующаго въ теоріи причинности, благодаря тому, что ею совсѣмъ не интересовались до сихъ поръ представители исторической науки. Криминалисты равнымъ образомъ не могутъ вполнѣ устранить того недостатка, который мы обнаруживаемъ въ психологической постановкѣ вопроса о причинности въ дѣйствіяхъ человѣка. Основной вопросъ, разрѣшаемый наукою уголовнаго права касательно нашей идеи, заключается въ томъ, чтобы опредѣлить, когда дѣйствіе лица можетъ быть признано причиною извѣстнаго явленія, причемъ это явленіе должно быть непремѣнно явленіемъ, которое запрещается положительнымъ законодательствомъ, чѣмъ опредѣляется и отношеніе науки уголовнаго права къ такимъ слѣдствіямъ преступныхъ дѣяній, кои сами суть дѣянія, запрещенныя закономъ (наприм., въ случаѣ подстрекательства къ совершенію преступленія). Такимъ образомъ криминалисты изъ людского поведенія берутъ только извѣстные поступки,

игнорируя всѣ остальные, и изъ всѣхъ дѣйствій человѣка на человѣка останавливаются лишь на одномъ специфическомъ видѣ. Конечно, и философія, и логика, и психологія, и криминалистика даютъ весьма многое для правильной постановки, и даже для рѣшенія вопроса о причинности въ дѣлахъ человѣческихъ, но мнѣ кажется, что самыхъ важныхъ для него выводовъ нужно ожидать отъ теоріи прагматическаго процесса исторіи, настоящая разработка которой, впрочемъ, еще почти не начиналась.

Факты, составляющіе матеріалъ исторической науки, суть или событія, или формы матеріальнаго, духовнаго и общественнаго быта, причемъ первые могутъ быть названы фактами прагматическими, вторые—культурными, и соотвѣтственно съ этимъ могутъ быть различаемы два направленія въ самой исторіографіи. Оставляя въ сторонѣ направленіе культурное, мы должны прежде всего указать на то, что прагматическіе историки всегда ставили своею задачей связывать изображавшіяся ими событія, какъ причины и слѣдствія однѣ другихъ, такъ что слова «прагматизмъ» и «каузализмъ» могутъ считаться синонимами. Съ этой точки зрѣнія научнымъ идеаломъ прагматическаго историка позволительно считать такое знаніе прошлаго, въ которомъ всѣ послѣдующія событія выводились бы изъ событій предшествующихъ, какъ слѣдствія изъ своихъ причинъ. Но что такое представляютъ изъ себя прагматическіе факты исторіи? Въ послѣднемъ анализѣ они сводятся къ отдѣльнымъ человѣческимъ дѣйствіямъ, складывающимся въ событія: это и выражается въ обозначеніи исторіи, какъ historia rerum gestarum, въ названіи ея «дѣяніями», какъ то дѣлалось у насъ въ старину и до сихъ поръ еще держится у поляковъ и чеховъ (dzieje, dějiny). Изъ того, однако, что прагматическая исторіографія ставитъ своею задачей выводить одни событія изъ другихъ, какъ слѣдствія изъ ихъ причинъ, и изъ того, что сами событія состоятъ изъ человѣческихъ поступковъ, какъ первичныхъ элементовъ каждаго прагматическаго факта, самъ собою получается такой выводъ относительно той общей концепціи, которая лежитъ въ основѣ изображенія прагматическими историками хода исторіи: именно съ точки зрѣнія задачи, поставленной нашей наукѣ еще греческими историками, поступки человѣка разсматриваются, какъ вызванные поступками другихъ людей. Такова, мнѣ кажется, основная концепція всей прагматической исторіографіи, и я думаю, что трудно было бы сказать противъ такого утвержденія что-либо по существу. Если бы, далѣе, эта главная мысль историковъ была невѣрна или не заключала въ себѣ, по крайней мѣрѣ, значительной доли истины, все то, что только когда-либо было написано о ходѣ событій въ разныхъ странахъ и въ разныя времена, нужно было бы

считать вздоромъ, и въ будущемъ исторической наукѣ грозила бы судьба астрологіи или алхиміи, основывавшихся на ложныхъ предположеніяхъ. Сколько, однако, ни критиковали и съ какихъ точекъ зрѣнія ни критиковали основыя концепціи и главные пріемы нашей науки, никому до сихъ поръ не приходило въ голову подвергать сомнѣнію право и обязанность историковъ связывать прагматическіе факты такъ, какъ они дѣлали это за все время существованія исторической литературы. И я не знаю, что́ можно было бы принципіально возразить противъ этого, не говоря уже о томъ, что въ пользу такой концепціи историческихъ дѣйствій человѣка можно было бы привести и положительные аргументы. Другое дѣло—примѣненіе основной идеи къ разсмотрѣнію дѣйствительныхъ фактовъ: тутъ могли быть и на самомъ дѣлѣ бывали ошибки весьма различныхъ свойствъ, и онѣ болѣе или менѣе отмѣчались авторами сочиненій по исторической методологіи. Но, спрашивается, одни ли историческія дѣянія, т.-е. одни ли тѣ дѣйствія, которыя историки удостоиваютъ анализировать и описывать въ своихъ сочиненіяхъ, подчиняются тому общему правилу, что поступки однихъ людей вызываются поступками другихъ людей? Конечно, нѣтъ: отличіе дѣйствій, имѣющихъ историческое значеніе, отъ такихъ, коимъ такого значенія не принадлежитъ, нужно искать въ чемъ-либо иномъ, а никакъ не въ способѣ ихъ возникновенія. При общественности,—проникающей собою жизнь человѣка, — какъ все его поведеніе, такъ и отдѣльные его поступки не могутъ быть вполнѣ изолированы отъ всего поведенія или отдѣльныхъ поступковъ другихъ людей: на этой почвѣ и возникаетъ сложная сѣть разнаго рода взаимоотношеній между отдѣльными человѣческими дѣйствіями, которая имѣетъ въ основѣ своей цѣлыя системы и обособленные случаи психическаго взаимодѣйствія индивидуумовъ, какъ членовъ одного и того же общественнаго аггрегата. Разъ это психическое взаимодѣйствіе должно было бы составлять предметъ коллективной психологіи, и разъ къ нему въ послѣднемъ анализѣ сводится, такъ сказать, механизмъ прагматическаго процесса исторіи, теорія послѣдняго и коллективная психологія должны были бы работать въ одномъ направленіи, хотя бы и на основаніи различнаго матеріала и при помощи неодинаковыхъ методовъ. Безъ психологическаго изученія указаннаго механизма теоретическому представленію историческаго процесса даже весьма легко впасть въ очень опасную ошибку, которая влечетъ за собою искаженное пониманіе роли личности въ исторіи и невѣрное представленіе о причинности въ дѣлахъ человѣческихъ. Если историческія событія суть слѣдствія другихъ историческихъ событій, если людскіе поступки, ихъ образующіе, причиняются другими поступками, то процессъ, по отношенію къ коему такое пони-

маніе можно считать вѣрнымъ въ своей основѣ, весьма легко сводится къ механизму въ буквальномъ смыслѣ этого слова: событія и ихъ элементы, т.-е. отдѣльные поступки, могутъ быть съ этой точки зрѣнія сравниваемы съ колесами сложной машины, передающими движеніе изъ одной ея части въ другую, но отъ себя въ это движеніе ничего не вносящими. Въ другомъ мѣстѣ [1]) я разсмотрѣлъ разные оттѣнки пониманія роли личности въ исторіи, возникающіе на почвѣ механическаго взгляда на прагматическій процессъ, взглядъ же такой я объясняю себѣ тѣмъ, что при созерцаніи внѣшней стороны этого процесса, т.-е. при разсматриваніи вызова одними событіями другихъ событій забывается то важное обстоятельство, что событія состоятъ изъ отдѣльныхъ поступковъ и что между поступкомъ-причиной и поступкомъ-слѣдствіемъ нѣтъ непосредственнаго соприкосновенія, такъ какъ связываетъ ихъ въ одно звено прагматическаго процесса еще нѣкоторый внутренній моментъ,—психическій актъ, состоящій въ переработкѣ внѣшняго вліянія въ мотивъ новаго дѣйствія. Индивидуальная психологія, изучающая изолированнаго человѣка, пренебрегаетъ систематическимъ изученіемъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, — а имъ и конца нѣтъ, — когда въ составъ причины, вызывающей извѣстное дѣйствіе человѣка, входитъ то или другое дѣйствіе, или тѣ или другія дѣйствія окружающихъ его людей: безъ научнаго анализа главнѣйшихъ категорій, на какія можно было бы раздѣлить всѣ явленія подобнаго рода, внутренняя психическая сторона прагматическаго процесса всегда будетъ совершенно заслоняться стороною внѣшнею, имѣющею механическій видъ, и историческія дѣйствія человѣка безъ всякаго остатка будутъ сводиться на историческія дѣйствія его предшественниковъ, такъ что для собственнаго дѣйствованія историческаго лица не останется ни малѣйшаго мѣста. Послѣднее и случилось съ многочисленными общими взглядами на исторію, не отводящими никакой роли личному началу въ историческомъ процессѣ, и я готовъ назвать эти взгляды глубоко поучительными какъ для теоріи исторической причинности, такъ и для вопроса о свободѣ воли, но поучительными, разумѣется, только съ отрицательной точки зрѣнія. Съ той же точки зрѣнія кажутся мнѣ поучительными и многочисленные протесты историковъ, возстававшихъ противъ механизаціи прагматическаго процесса во имя свободы воли. Къ сожалѣнію, поучительность и тѣхъ и другихъ исторіологическихъ взглядовъ пока имѣетъ именно лишь отрицательное значеніе.

О свободѣ воли писали теологи и философы, психологи и моралисты, писали о ней и криминалисты, анализируя и обсуждая вопросъ съ раз-

---

[1]) Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи.

ныхъ сторонъ, выставляя аргументы *pro* и *contra*. И тутъ, какъ и въ вопросѣ о причинности, историки, высказывавшіе теоретическіе взгляды по основнымъ понятіямъ своей науки, ограничивались простыми заявленіями въ пользу «человѣческой свободы» или въ защиту «историческихъ законовъ», не давая себѣ труда углубиться въ предметъ. Даже тотъ единственный историческій писатель, который подвергъ весьма подробной критикѣ всѣ выдающіяся исторіологическія концепціи съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія или несоотвѣтствія съ идеей о свободѣ воли,—я говорю о Лоранѣ, посвятившемъ этому предмету значительную часть своей «философіи исторіи» (XVIII томъ его Etudes sur l'histoire de l'humanité),—даже этотъ писатель отнесся къ своему предмету весьма поверхностно. Вообще историческимъ авторамъ, касавшимся вопроса всегда только слегка, большею частью казалось, что отрицаніе свободы воли въ исторіи приводитъ къ фаталистическому устраненію личности изъ исторіи, и чтобы избѣжать такого вывода, они бывали нерѣдко готовы исповѣдовать на словахъ непоколебимую вѣру въ абсолютную свободу воли, не замѣчая, что на дѣлѣ примѣненіе такого взгляда къ прагматическимъ фактамъ исторіи разрушило бы въ самой ея основѣ науку, которая ищетъ для изучаемыхъ ею фактовъ причинъ какъ разъ въ другихъ фактахъ и уже по одному тому не можетъ допустить безпричинныхъ фактовъ. Я думаю, что при лучшей разработкѣ коллективно-психическихъ явленій и тутъ устранена была бы часто повторявшаяся ошибка: защитники того, что сами они называли (и называли неправильно) свободой воли въ исторіи, защищали ту совершенно вѣрную мысль, что поступки-слѣдствія не могутъ быть сводимы цѣликомъ на поступки-причины, т.-е. что дѣйствія человѣка, вызванныя дѣйствіями другихъ людей, имѣютъ свою причину не только въ этихъ послѣднихъ дѣйствіяхъ, но и въ самомъ человѣкѣ, совершившемъ дѣйствіе. Въ механическій процессъ вызова поступками поступковъ, порожденія событіями событій постоянно вторгаются результаты индивидуально-психическихъ процессовъ, имѣющихъ каждый свой особый генезисъ, свою собственную причинность, не объясняющіеся изъ одного историческаго прагматизма, и это-то постоянное привхожденіе въ прагматическій процессъ новыхъ силъ, дотолѣ въ немъ не обрѣтавшихся, противники механическаго взгляда назвали человѣческой свободой, не принимая въ расчетъ, что доля свободы, съ какою мы участвуемъ въ прагматическомъ процессѣ исторіи, не играя роли передаточныхъ аппаратовъ, принимающими и сообщающими не ими вызванное движеніе,—что эта доля свободы есть результатъ подчиненія нашего инымъ причиннымъ цѣлямъ, только независимымъ отъ причинности прагматическихъ фактовъ.

Во всякомъ случаѣ при каждой попыткѣ опредѣлить роль личности

въ исторіи, въ какомъ бы направленіи ни дѣлалась эта попытка и въ какомъ бы смыслѣ ни рѣшался вопросъ о значеніи личнаго начала въ историческомъ процессѣ, тѣсно связанные между собою вопросы о причинности въ дѣлахъ человѣческихъ и о свободѣ воли ставятся на такую почву, на какой никогда ихъ не разрѣшаютъ мыслители, которые разсматриваютъ—по мнѣнію однихъ, свободно, по мнѣнію другихъ, не свободно дѣйствующую личность, забывая, что несвобода человѣка по отношенію къ другому человѣку заключается не въ одномъ принужденіи, но въ цѣлой массѣ прагматическихъ зависимостей, т.-е. въ разнообразныхъ вызовахъ поступками однихъ людей—поступковъ другихъ людей, или упуская изъ виду то, что, кромѣ разныхъ видовъ свободы, о какихъ можно говорить по поводу вопроса о причинности въ дѣлахъ человѣческихъ, есть еще свобода дѣйствія личности въ прагматическомъ процессѣ исторіи, которая проявляется тогда, когда это дѣйствіе не только вызывается ходомъ событія, но и опредѣляется собственнымъ изволеніемъ личности, отъ этого хода независимымъ, хотя бы изволеніе это и было какъ все совершающееся въ мірѣ, небезпричинно и даже именно вслѣдствіе подчиненія своего иной причинности являлось свободнымъ по отношенію къ требованіямъ хода событій. Не желая быть исключительнымъ, я не стану утверждать, чтобы прежняя индивидуалистическая постановка вопроса о свободѣ воли была никуда негодной: я только думаю, что она неполна, и что необходимое дополненіе явится лишь въ томъ случаѣ, если мы обратимъ вниманіе на то, какой видъ получаетъ вопросъ о свободѣ воли и о причинности, когда мы удовлетворяемъ потребности своей опредѣлить роль личности въ исторіи, и когда въ зависимости отъ этого (или самостоятельно) у насъ возникаетъ мысль объ изученіи тѣхъ психическихъ вліяній человѣка на человѣка, благодаря коимъ поступки одного вызываютъ поступки другого. На этой именно почвѣ только и можетъ изучаться обусловленность нашихъ дѣйствій съ такой стороны, на которую вообще очень мало обращается вниманія при разсмотрѣніи причинности человѣческихъ дѣйствій, и понятіе свободы получаетъ новый смыслъ—смыслъ свободы отъ рокового хода исторіи, принимаемаго нерѣдко за фатальный историческій законъ, всецѣло управляющій всѣмъ поведеніемъ человѣка.

Потребовалось бы слишкомъ много времени, если бы я предпринялъ даже краткую передачу своихъ теоретическихъ взглядовъ на роль личности въ исторіи и на мѣру возможной для насъ свободы отъ того, что̀ неправильно, на мой взглядъ, называется историческими законами. Скажу только одно: теорія исторической причинности, какъ я ее понимаю, можетъ быть, думается мнѣ, одинаково далека и отъ фаталистическихъ выводовъ, дѣлаемыхъ нѣкоторыми писателями изъ того, что

прагматическій процессъ сводится къ причинному сцѣпленію человѣческихъ дѣйствій, вызываемыхъ одни другими, и отъ того непомѣрно преувеличеннаго представленія о человѣческой свободѣ, къ которому тоже приходятъ нѣкоторые историческіе писатели, не примиряющіеся съ отрицательнымъ отношеніемъ къ личному началу въ исторіи и готовые скорѣе допустить въ ея ходѣ сплошное чудо, т.-е. постоянное вторженіе въ этотъ ходъ—безпричинныхъ актовъ, становящихся причинами новыхъ событій, чѣмъ согласиться съ фаталистической концепціей. Вопросъ о роли личности въ исторіи, теоретически обыкновенно не ставимый при обсужденіи вопроса о свободѣ воли, затрогивается, однако, лишь только рѣчь заходитъ о важности его «для практической оцѣнки нашихъ жизненныхъ задачъ». На первыхъ же двухъ страницахъ своего реферата Л. М. Лопатинъ [1]) разсуждаетъ такимъ образомъ, доказывая важность разсматриваемой проблемы. «Каждый изъ насъ,—говоритъ онъ,—какъ бы ни были просты его цѣли въ жизни, надѣется въ ней что-либо произвести, въ какую-нибудь сторону видоизмѣнить ея роковой ходъ, совершить въ ней что-нибудь *новое* и отъ насъ только зависящее,—хотя бы для этого мы избрали очень тѣсную сферу дѣятельности. Такъ или иначе мы считаемъ себя призванными къ борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ, къ самобытному воздѣйствію нашимъ разумомъ и волею на стихійное и безпощадное теченіе его явленій,—мы безотчетно смотримъ на себя, какъ на источникъ творческихъ силъ, которыя мы можемъ обнаружить, если серьезно захотимъ этого. Всякое *предопредѣленіе* идетъ въ разрѣзъ съ этимъ естественнымъ самосознаніемъ личности; ему болѣе всего противорѣчитъ взглядъ, по которому наше *я*—изъ самодѣятельной противоположности внѣшней природѣ—превращается въ ея страдательное продолженіе, изъ свободнаго источника энергіи становится пучкомъ процессовъ, во всѣхъ своихъ мельчайшихъ подробностяхъ предопредѣленныхъ общею жизнью вселенной. А къ этому взгляду, прибавляетъ авторъ, детерминизмъ влечетъ съ совершенною неизбѣжностью». Если я не ошибаюсь, во всѣхъ напечатанныхъ психологическимъ обществомъ рефератахъ о свободѣ воли это—единственное мѣсто, гдѣ вопросъ этотъ ставится въ связь съ вопросомъ о роли личности въ исторіи, но и только: и самъ Л. М. Лопатинъ въ дальнѣйшемъ изложеніи своихъ мыслей, собственно говоря, не возвращается къ имъ же самимъ поставленному вопросу, ибо для теоретическаго рѣшенія послѣдняго нужно было бы сойти съ почвы индивидуальной психологіи, на которой онъ разсматривался и этимъ авторомъ, хотя косвенно рефератъ Л. М. Лопатина въ одномъ отношеніи и имѣетъ для теоріи

---

[1]) О свободѣ воли, 97—98.

историческаго процесса особый интересъ. Но разъ вопросъ поставленъ, попробуемъ дать на него отвѣтъ.

Л. М. Лопатинъ указываетъ на то, что каждый изъ насъ надѣется произвести въ жизни что-либо новое, т.-е. такое, чего въ ней дотолѣ не было, и притомъ такое, которое только отъ насъ самихъ и зависитъ, и что такимъ образомъ каждый изъ насъ надѣется видоизмѣнить роковой ходъ жизни. Съ этой точки зрѣнія онъ противополагаетъ наше собственное сознаніе о заключающихся въ насъ творческихъ силахъ стихійному и безпощадному теченію явленій внѣшняго міра. Но подъ послѣднимъ онъ разумѣетъ, повидимому, только одну внѣшнюю природу, о которой и говоритъ въ приведенномъ мѣстѣ, какъ о противоположности самодѣятельному *я*. Итакъ, съ одной стороны, творческія силы самодѣятельнаго *я*, съ другой стороны, стихійное и роковое теченіе явленій внѣшней природы, т.-е. единичное *я* мыслится здѣсь рядомъ съ внѣшнею природою, чтò представляетъ изъ себя чисто индивидуалистическую постановку вопроса, при которой игнорируется, что рядомъ съ однимъ *я* существуютъ другія *я*, отличныя, какъ отъ этого единичнаго *я*, такъ и отъ внѣшней природы, коей послѣднее противополагается. То, что создается въ жизни помимо *моего* участія, или дѣйствительно есть результатъ чисто стихійнаго и рокового теченія событій, если другимъ *я* мое собственное право отказываетъ въ той привилегіи видоизмѣнять роковой ходъ исторіи, какую (т.-е. привилегію) я призналъ за собою, или же есть только результатъ стихійнаго и рокового теченія событій, если и на другія *я* мое *я* распространяетъ упомянутую привилегію. Однимъ словомъ, въ разсужденіи Л. М. Лопатина забыто то обстоятельство, что рядомъ съ однимъ *я*, какъ самодѣятельною противоположностью внѣшней природѣ, существуютъ другія *я*, имѣющія каждое для себя то же значеніе, но для насъ являющіяся также своего рода внѣшними силами, съ коими каждому изъ насъ тоже приходится подчасъ бороться наравнѣ съ явленіями внѣшняго міра, но которыя оказываются дѣйствующими совершенно такъ же, какъ и мы сами, т.-е. вполнѣ самодѣятельно, разъ только въ самодѣятельности мы полагаемъ свое отличіе отъ природныхъ явленій. Такимъ образомъ, процессы, совершающіеся внѣ *моего я*, суть или дѣйствительно чисто стихійные процессы, если только лично я одинъ и существую, какъ самодѣятельное начало, или не суть чисто стихійные процессы, разъ *я* допускаю въ нихъ участіе другихъ *я*, обладающихъ такою же самодѣятельностью. Перваго предположенія, конечно, никто поддерживать не будетъ, а разъ мы обязываемся стать на вторую точку зрѣнія, нашему изслѣдованію подлежитъ вопросъ не только объ отношеніи единичнаго *я* къ внѣшней природѣ, какъ его противополож-

ности, но и къ другимъ *я*, обладающимъ тою же самодѣятельностью, которою каждый изъ насъ надѣляетъ свое собственное *я*. На той точкѣ зрѣнія, на какой стоитъ Л. М. Лопатинъ, мы имѣемъ право оставаться, пока разсматриваемъ человѣка, какъ существо, поставленное среди разныхъ механическихъ, физическихъ, химическихъ и физіологическихъ процессовъ, совершающихся внѣ его духовнаго *я* и обусловливающихъ его жизнь, опредѣляющихъ его поведеніе, но лишь только мы беремъ индивидуумъ въ его отношеніяхъ къ нѣкоторымъ, внѣ его духовнаго *я* происходящимъ явленіямъ психическаго и соціальнаго характера, эта точка зрѣнія оказывается неудовлетворительной по своей недостаточности. Но оставимъ это въ сторонѣ. Положимъ, что все, что́ создается въ жизни не мною, представляется мнѣ одинаково роковымъ и стихійнымъ, кто бы это все ни создавалъ—природныя ли силы, или другія личности,—и что, наоборотъ, на себя лично я смотрю и имѣю право смотрѣть, какъ на силу, отъ которой одной кое-что зависитъ, какъ на силу самобытную и самодѣятельную,—спрашивается еще, влечетъ ли «съ совершенною неизбѣжностью» детерминизмъ къ тому взгляду, будто мое самостоятельное вмѣшательство въ ходъ дѣлъ міра сего есть чистѣйшая иллюзія.

Л. М. Лопатинъ держится того взгляда, что «не все на свѣтѣ есть слѣдствіе», но что «бываютъ причины, для которыхъ уже нельзя указать причинъ дальнѣйшихъ» [1]). Мой умъ положительно отказывается понимать, какъ это бываетъ, и если подъ детерминизмомъ слѣдуетъ разумѣть ученіе, по которому все въ мірѣ есть слѣдствіе чего-либо другого, я безъ всякихъ колебаній объявляю себя самымъ строгимъ детерминистомъ, и это, однако, нисколько не мѣшаетъ мнѣ признавать значеніе личнаго вмѣшательства въ роковой ходъ событій и нисколько не заставляетъ меня приходить къ фаталистическому выводу, какой, по словамъ Л. М. Лопатина, будто бы съ совершенною неизбѣжностью вытекаетъ изъ детерминизма.

Доказать это во всѣхъ подробностяхъ я не берусь, но только по одной причинѣ: по недостатку времени. Попробую, однако, намѣтить путь своихъ доказательствъ, беря за исходный пунктъ опять-таки слова Л. М. Лопатина, съ коимъ я весьма часто соглашаюсь, когда онъ констатируетъ общія явленія,—не принимая только его объясненій. Я, напримѣръ, вполнѣ принимаю слѣдующее описаніе того, что, по мнѣнію Л. М., совершаетъ цѣлесообразно дѣйствующая сила, противополагаемая имъ причинности внѣшнихъ (у него опять только «природныхъ») явленій. «Она,—говоритъ онъ,—ихъ *направляетъ*; она дополняетъ то,

---

[1]) Такъ самъ онъ формулируетъ одну изъ мыслей своего реферата на стр. 191.

чего въ нихъ нѣтъ. Но вѣдь это значитъ, что она *прерываетъ* ихъ слѣпой ходъ,—въ видахъ будущаго результата она вноситъ въ нихъ моментъ дѣятельности, независимый отъ ихъ рокового сцѣпленія» [1]). Мнѣ тѣмъ легче согласиться съ такимъ положеніемъ, что я самъ въ такомъ же смыслѣ понимаю роль личнаго дѣйствія въ исторіи, именно въ исторіи, которая съ чисто-механической точки зрѣнія недалеко уйдетъ отъ «безсмысленной стихійности природныхъ движеній», только и принимаемой въ расчетъ Л. М. Лопатинымъ [2]). Событія не сами собою «текутъ» въ извѣстномъ направленіи, а мы ихъ направляемъ: въ ихъ стихійное и роковое теченіе постоянно вторгается прерывающая ихъ слѣпой ходъ личная дѣятельность, сама отъ нихъ независимая. Но значитъ ли это, что направленіе, которое я хочу дать и даже даю теченію событій, есть результатъ дѣйствія причины, не нуждающейся для своего существованія въ дальнѣйшихъ причинахъ, а не есть слѣдствіе какихъ-либо иныхъ причинъ, безъ дѣйствія коихъ дѣла пошли бы не тѣмъ порядкомъ, какой я хотѣлъ имъ дать и далъ на самомъ дѣлѣ? Вторженіе въ слѣпой ходъ событій осмысливающей ихъ моей дѣятельности совершается, конечно, не безпричинно; но если моя дѣятельность, вмѣсто того, чтобы имъ подчиниться, сама ихъ себѣ подчиняетъ, то значитъ ли это, что моя дѣятельность, независимая отъ направленія, въ какомъ безъ меня идутъ дѣла, была независима вообще отъ чего бы то ни было? Процессъ исторіи складывается изъ каузальнаго сцѣпленія человѣческихъ дѣйствій, но дѣятелей въ эту непрерывную драму поставляетъ процессъ біологическій, независимый отъ прагматическаго процесса исторіи, и если поступокъ одного вызываетъ поступокъ другого лица, то первый не есть вся причина послѣдняго, такъ какъ въ порожденіе поступковъ поступками, составляющее механизмъ прагматической исторіи, постоянно вторгаются отдѣльные акты психической жизни индивидуумовъ, т.-е. отдѣльные моменты такихъ процессовъ, которые совершенно независимы отъ этого механизма. Съ одной стороны, и мое появленіе на свѣтъ, какъ существа съ извѣстными природными задатками, не зависитъ отъ того оборота, какой приняли событія въ этотъ моментъ, т.-е. я какъ бы извнѣ вкладываюсь въ нихъ, подобно посторонней силѣ, въ нихъ не имѣющей своей причины, но вообще не безпричинной, а съ другой,—и въ отдѣльныхъ актахъ моего поведенія, оказывающихъ вліяніе на теченіе дѣлъ міра сего, не все объясняется предыдущими моментами этого теченія, ибо многое въ этихъ актахъ зависитъ не отъ того, какой оборотъ приняли дѣла внѣ

---

[1]) Тамъ же, стр. 138.

[2]) См. «Сущность историческаго процесса» и пр., кн. I, гл. V и VI.

меня, а отъ того, что происходитъ во мнѣ и какъ я къ нимъ отношусь, а этому, въ свою очередь, должно искать объясненія въ моей психикѣ, независимой отъ внѣшнихъ событій, происходящихъ одновременно съ процессами моей личной, духовной жизни. Вотъ почему, признавая себя детерминистомъ, я глубоко вѣрю въ дѣйствительность личнаго вмѣшательства въ исторію: роль личности въ процессѣ послѣдней опредѣляется не одною ею, но многимъ другимъ, что ея не составляетъ и отъ нея не зависитъ; и чѣмъ болѣе личность опредѣляется въ своемъ поведеніи такими силами, тѣмъ свободнѣе ея воля отъ рокового хода событій, тѣмъ болѣе эта воля самоопредѣляется, а не обусловливается тѣмъ, что дѣлаютъ другія личности.

И это еще не все. Разъ въ поведеніи личности не все опредѣляется исторіей, и личность такимъ образомъ не можетъ разсматриваться, какъ ея рабъ, нѣтъ мѣста и для фаталистическаго взгляда на исторію. Формула фатализма такова: чему быть, того не миновать, что бы ты ни дѣлалъ для того, чтобы это предотвратить,—но такая формула имѣла бы смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если бы въ исторіи все исторіей одной только и опредѣлялось, если бы біологическій процессъ смѣны поколѣній не вносилъ въ нее новыхъ дѣятелей, и если бы каждый дѣятель не вносилъ въ процессъ тоже кое-чего по отношенію къ нему новаго, идущаго не изъ прежнихъ его моментовъ, а имѣющаго свой генезисъ въ процессахъ индивидуальнаго бытія. Природа творитъ новыя особи, выступающія на поприще исторіи, мы творимъ новые факты, которые только одной стороной примыкаютъ къ старымъ фактамъ исторіи,—другою будучи результатами нашей личной жизни.

Л. М. Лопатинъ весьма основательно ставитъ въ связь идею свободы воли съ идеей творчества, и эта послѣдняя идея играетъ весьма видную роль въ его рефератѣ. На стр. 113 онъ высказываетъ, наприм., сомнѣніе въ томъ, что «мы должны ограничиться физическимъ толкованіемъ причинной связи и отбросить ея общечеловѣческое пониманіе, какъ отношенія *творческаго*». На стр. 119 и слѣд. онъ доказываетъ, что психическая сила находится къ своимъ продуктамъ—ощущеніямъ—въ отношеніи творческомъ, ибо и «здѣсь мы имѣемъ дѣло съ продуктами, непрерывно вновь возникающими, а не съ простою перестановкою качественно и количественно неизмѣнныхъ элементовъ». На стр. 135 онъ прямо сводитъ вопросъ о свободѣ воли къ вопросу, «присутствуетъ ли въ нашей личности творческая сила и въ какомъ смыслѣ присутствуетъ», причемъ творческими (или самодѣятельными) онъ называетъ «такія причины, которыя не передаютъ только дѣйствій, уже совершенныхъ прежде и лишь пребывавшихъ въ другихъ формахъ существованія, а отъ себя доподлинно новыя дѣйствія начинаютъ». Видя по

отношенію къ нашимъ сознательнымъ актамъ рѣшающій признакъ дѣйствительнаго присутствія въ нихъ творчества между прочимъ въ ихъ цѣлесообразности [1]), Л. М. Лопатинъ разсматриваетъ каждый цѣлесообразный поступокъ, какъ «нѣкоторый переводъ всеобщаго и неопредѣленнаго въ конкретное, индивидуально-законченное», и это-то называетъ онъ творчествомъ [2]). Со многимъ изъ этого и другого, этому подобнаго, я соглашаюсь, хотя и не безъ оговорокъ, изъ коихъ главная можетъ быть выражена афоризмомъ: ex nihilo nihil fit. Но опять-таки, скажу я, и личное творчество не можетъ быть изслѣдовано на почвѣ индивидуальнаго бытія. Какъ въ поведеніи своемъ, такъ и въ творчествѣ, какъ въ прагматической исторіи, такъ и въ культурной—свобода человѣка находитъ свои границы въ поведеніи и творчествѣ другихъ людей. И я думаю, что не только вопросъ о свободѣ воли, но и связанный съ нимъ вопросъ о сущности человѣческаго творчества нужно ставить на почву коллективной психологіи и теоріи историческаго процесса, ибо какую самобытность ни приносилъ бы человѣкъ съ собою въ міръ, и какъ бы самостоятельно ни перерабатывалъ онъ внѣшнія впечатлѣнія и вліянія, онъ все творитъ, начиная съ языка и кончая высшими продуктами философской мысли, начиная съ установленія простѣйшихъ отношеній къ окружающимъ людямъ и кончая крупнѣйшими общественными реформами,—не одинъ, а пользуясь результатами труда и помощью другихъ людей, испытывая на себѣ отъ нихъ тѣ или другія впечатлѣнія и вліянія, и не по произволу, а подчиняясь условіямъ историческаго момента и выполняя, — хотя и самобытно, и своеобразно—требованія культурной эволюціи. Къ сожалѣнію, и этотъ вопросъ не былъ до сихъ поръ поставленъ на почву коллективной психологіи, а отъ этого страдаютъ и интересы теоріи историческаго процесса.

---

[1]) О свободѣ воли, стр. 136.

[2]) Тамъ же, 150.

Идея прогресса въ ея историческомъ развитіи [1]).

I.

Въ 1750 г. на двухъ торжественныхъ собраніяхъ парижскаго богословскаго факультета въ роли оффиціальнаго оратора выступилъ съ двумя латинскими рѣчами молодой человѣкъ, носившій одежду клирика. Получивъ въ Сорбоннѣ богословское образованіе, онъ увлекся философскимъ движеніемъ вѣка и въ слѣдующемъ году оставилъ духовное званіе, чтобы прославиться впослѣдствіи въ качествѣ философа, экономиста, администратора и министра-реформатора. Этого молодого человѣка звали Тюрго. Тѣ двѣ рѣчи, которыя онъ произносилъ въ Сорбоннѣ, своимъ содержаніемъ были обращены, одна—къ его богословскому прошлому, другая—къ философскому будущему: въ первой онъ отвѣчалъ на вопросъ, какія выгоды доставило введеніе христіанства человѣческому роду, во второй разсматривалъ послѣдовательные успѣхи человѣческаго ума. Но обѣ онѣ были тѣсно связаны между собою одной основной идеей. Идеѣ этой суждено было сдѣлаться весьма популярной во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, и проводя ее, Тюрго сдѣлался родоначальникомъ цѣлаго ряда писателей, которые стали разрабатывать эту идею, именно—идею прогресса, которою и овладѣло зарождавшееся

---

[1]) Публичная лекція, читанная въ Петербургѣ въ 1891 г. *Buchez*. Introduction à la science de l'histoire (l. I, ch. V: du progrès, histoire de l'idée). *Caro*. Les metamorphoses de l'idée du progrès dans la science contemporaine (Rev. des deux mondes, 1873). *Ferron*. Théorie du progrès (t. I, p. I: histoire de l'idée du progrès). *Flint*. Philosophie de l'histoire en Allemagne (I, p. LI sq). *Janet*. Histoire de la science politique (t. II, ch. IX, § 11). *Jansen*. Die Idee des Fortschrittes (S. 19 sq.). *Javary*. De l'idée du progrès (1 p.: Origines de l'idée du progrès). *Н. Карѣевъ*. Основные вопросы философіи исторіи (т. I, кн. I, гл. 5). *Laurent*. Études sur l'histoire de l'humanité (томы VI и XII). *Leroux*. De la loi de continuité qui unit le dix-huitième siècle au XVIII (Rev. encyclop. 1833). *Лесевичъ*. Очеркъ развитія идеи прогресса («Совр Обозр.» 1868). *L. Maury*. Essai sur les origines de l'idée du progrès. *Marselli*. La scienza della storia (I, 212 sq). *Rigault*. Histoire de la querelle des anciens et de modernes. *Стасюлевичъ*. Опытъ историческаго обзора главныхъ системъ философіи исторіи (ч. I, гл. 1: древнѣйшій періодъ теоріи историческаго прогресса). *Żychliński*. Pogląd na historyczny rozwój idei postępu (Bibl. Warszawska, 1882) и др.

тогда философское отношеніе къ исторіи. Конечно, не Тюрго первый ее открылъ, но замѣчательно, что во Франціи, стоявшей во главѣ европейскаго просвѣщенія, на точку зрѣнія прогресса не становился ранѣе Тюрго ни одинъ изъ крупныхъ писателей того времени. Нельзя также думать, что Тюрго внушилъ ее другимъ мыслителямъ XVIII вѣка, говорившимъ о прогрессѣ въ исторіи. Къ ней независимо отъ него приходили и другіе умы во Франціи, въ Германіи, въ Англіи и въ Италіи, но онъ упредилъ ихъ и въ этомъ смыслѣ сдѣлался родоначальникомъ литературы о прогрессѣ. Еще менѣе можно было бы утверждать, чтобы идея эта впервые появилась въ XVIII вѣкѣ. Правда, нельзя сказать, чтобы она была стара, какъ міръ, но во всякомъ случаѣ она высказывалась и въ античномъ мірѣ, и въ средніе вѣка; зато лишь во второй половинѣ XVIII вѣка она дѣлается руководящей идеей философскихъ и историческихъ сочиненій.

Если бы позволительно было дѣлать огульную сравнительную характеристику двухъ продолжительныхъ эпохъ въ двухъ словахъ, мы могли бы обозначить вторую половину XVIII в., какъ вѣкъ оптимизма, а наше время, вторую половину XIX в., противупоставить ему, какъ время пессимизма. Идея прогресса, какъ понята она была въ XVIII столѣтіи, развилась на почвѣ оптимистическаго настроенія философскаго вѣка: какъ ни неприглядна была тогдашняя дѣйствительность, въ современной ей литературѣ не звучитъ нота разочарованія; ея настроеніе было бодрое и бодрящее; она учила о лучшемъ будущемъ, объ осуществимости идеала, и идея прогресса одушевляла своихъ сторонниковъ съ такою же силою, съ какою способна одушевлять людей только религіозная идея. Есть отвлеченныя идеи, на исторіи коихъ непосредственно не отражаются историческія событія, культурныя и соціальныя перемѣны. Это тѣ идеи, которыя являются простыми логическими понятіями, ничего не говорящими сердцу, но разъ идея для того, чтобы быть принятой, предполагаетъ извѣстное настроеніе, она не можетъ не отражать на себѣ современности. Событія конца XVIII и начала XIX вѣка произвели пониженіе тона въ оптимистическихъ упованіяхъ философіи прошлаго столѣтія, и противъ нея произошла реакція, крайніе представители коей проповѣдовали не движеніе впередъ, а обращеніе вспять. Деспотизмъ Наполеона, злодѣянія террора, а съ ними за-одно либеральныя и демократическія реформы революціи ставились въ вину «просвѣщенію» XVIII вѣка, отыскивались корни его вліянія во всей новой исторіи Европы. Крушеніе философіи XVIII вѣка казалось полнымъ и даже направленія мысли, стремившіяся вести людей по новымъ путямъ, часто не связывали своихъ исходныхъ точекъ зрѣнія съ дискредитированной философіей. Несмотря на это, идея прогресса не была отринута: ее прини-

маютъ философы и историки, поэты и соціальные реформаторы и впервые, въ началѣ XIX вѣка, литература о прогрессѣ, включая сюда и философію исторіи, достигаетъ значительныхъ размѣровъ. Глубокая разница въ пониманіи этой идеи образовалась позднѣе и во второй половинѣ XIX вѣка идеѣ прогресса пришлось выдерживать серьезную аттаку и притомъ съ двухъ сторонъ: со стороны отвлеченной мысли и со стороны душевнаго настроенія. Прежде два слова о второмъ. Наше поколѣніе видѣло весьма быстрое развитіе пессимизма въ философіи и поэзіи, явились писатели съ мрачнымъ взглядомъ на жизнь и ихъ сочиненія имѣли успѣхъ. Если и раньше звучали въ литературѣ пессимистическія ноты, то онѣ затрогивались непригдядною дѣйствительностью, не отнимавшею надежды на лучшее будущее: это былъ пессимизмъ негодованія, онъ не исключалъ оптимизма надежды. Новѣйшій пессимизмъ другого рода, ибо онъ отчаялся въ самомъ смыслѣ жизни. Прежній внушался печальною дѣйствительностью, столь далекою отъ идеала, и поэтому онъ самъ существовалъ во имя идеала: это былъ бодрящій пессимизмъ, требовавшій отъ человѣка напряженія силъ во имя будущаго. Совсѣмъ другое дѣло пессимизмъ, объявившій всякій идеалъ за иллюзію, и понятное дѣло, что, оставаясь логически послѣдовательнымъ, онъ долженъ былъ отвергнуть идею прогресса. Дѣйствительно, философская литература современнаго пессимизма проповѣдуетъ настроеніе, враждебное самой идеѣ прогресса, но съ особенною силою нападаетъ на эту «иллюзію» новѣйшая пессимистическая поэзія. Въ Les blasphèmes Ришпена подъ заглавіемъ «послѣднихъ идоловъ» проводится такая мысль, что «нашъ вѣкъ, потерявшій вѣру и опустошившій небо, вѣкъ, разрушающій храмы, сжигающій священныя книги и низвергающій алтари, создалъ себѣ, однако, новое божество, передъ которымъ и преклоняетъ колѣна. Да, говоритъ поэтъ, вѣра въ боговъ продолжаетъ еще упорно существовать. Напрасно думаютъ, что отъ нея излечились, она все-таки угрожаетъ возникнуть вновь, подобно старымъ таинственнымъ словамъ. Вотъ новое божество, которое нами овладѣло: «прогрессъ». Поэтъ дальше называетъ эту идею безплодной и опасной, наслѣдіемъ идеи, владѣвшей ребяческою душой, и поскольку въ пессимизмѣ выражается настроеніе— Ришпенъ весьма послѣдовательно отрицаетъ «прогрессъ» [1]). Такъ какъ

[1]) Oui, la croyance aux Dieux subsiste encore tenace.
On a beau s'en guérir, toujours elle ménace
De reparaître ainsi que les vieux mots secrets.
Voici qu'un Dieu nouveau nous ronge, le Progrès.
. . . .
Le progrès? Oui, grand fou, sous ce titre nouveau,
C'est toujours Dieu qui vient te hanter le cerveau,

въ основѣ этого понятія лежитъ идея блага, идея, развивающаяся на почвѣ того Optimismus ohne Grund, наиболѣе сильныя проявленія коего свойственны юности и который порождаетъ идеализмъ всякаго рода.

Аттаку на идею прогресса со стороны отвлеченной мысли скорѣе можно было бы обозначить какъ тайный подкопъ, ибо по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ открытаго нападенія здѣсь незамѣтно. И въ прошломъ вѣкѣ, и въ первой половинѣ нынѣшняго, говоря о прогрессѣ въ исторіи, предполагали, что движеніе измѣненій составляетъ самое существо исторіи и любили противополагать этому ея свойству неизмѣнность, неподвижность природы. Въ настоящее время никто уже не станетъ дѣлать такого противоположенія, ибо идея движенія измѣненій перенесена въ настоящее время и на физическій міръ. Нѣтъ надобности говорить обо всѣхъ направленіяхъ мысли, которыя около середины текущаго столѣтія совершили коренной переворотъ во взглядахъ на природу: достаточно назвать одно имя Дарвина, да указать на эволюціонную философію Спенсера, чтобы понять, въ чемъ заключался переворотъ. Повидимому, въ новыхъ идеяхъ органическаго міра объ эволюціи, какъ о законѣ всего сущаго, теорія историческаго прогресса получала подтвержденіе, ибо этотъ прогрессъ дѣлался продолженіемъ прогресса біологическаго, частью прогресса мірового, но тутъ была и другая сторона дѣла, отразившаяся на нашей идеѣ совершенно инымъ образомъ. Идея прогресса, какъ ее поняла философія XVIII вѣка, весьма тѣсно связана съ понятіями идеала, совершенства, блага, цѣли, а новая точка зрѣнія отринула эти понятія, какъ неприложимыя къ явленіямъ природы, и перенесенная на почву исторической философіи, она лишила прежнюю идею ея жизненности: прогрессъ есть, но это только рядъ измѣненій, не подлежащихъ субъективной оцѣнкѣ; прогрессъ состоитъ не въ улучшеніи и совершенствованіи, а въ простомъ усложненіи. Конечно, только имѣя въ виду извѣстное отношеніе современной науки къ идеѣ прогресса, авторъ сказокъ Кота Мурлыки такъ заставляетъ говорить одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ сказкѣ «Колесо счастья»: «я прогрессъ, но ты не думай, мой молодой другъ, чтобы я все вела къ лучшему; я дѣлаю только все сложнѣе, и дурное, и хорошее, и умъ, и глупость, и мнѣ дѣла нѣтъ до людей: я—дитя природы». Это уже не тотъ прогрессъ, который былъ заявленъ философіей XVIII вѣка, и мыслители, ставшіе на новую точку зрѣнія, почувствовали перемѣну: они нашли неудобнымъ употреблять слово прогрессъ именно потому, что оно соединено съ понятіями идеала, совершенства, блага, и поэтому

C'est toujours la stérile et dangereuse idée,
Dont ton âme d'enfant fut jadis obsédée.

предложили говорить о развитіи, объ эволюціи. Съ этой точки зрѣнія идея прогресса не отрицается; она только превращается въ понятіе индифферентной эволюціи, и лучше всего значеніе этой перемѣны можно усмотрѣть изъ слѣдующаго: идея прогресса ставитъ исторіи идеальную цѣль и въ такомъ пониманіи прогрессъ осуществляется усиліями личностей, направленными къ достиженію совершенства и блага, т.-е. идея эта призываетъ человѣка къ дѣятельности, а именно къ дѣятельности прогрессивной, тогда какъ въ понятіи эволюціи то, что можно назвать прогрессомъ, считается осуществляющимся само собою. Съ этой точки зрѣнія прогрессъ есть не что иное, какъ индифферентное развитіе: человѣку нечего ставить себѣ цѣли и задаваться какими-либо задачами, ибо что должно совершиться по закону эволюціи, то естественно и необходимо произойдетъ само собою. Послѣдовательно разсуждая, при такомъ взглядѣ остается только рекомендовать складываніе рукъ и въ этой оболочкѣ идея прогресса неспособна уже дѣйствовать одушевляющимъ образомъ: настроеніе, родственное такому воззрѣнію, имъ вызываемое или его обусловливающее, есть фатализмъ. Если пессимистическое отрицаніе прогресса зависитъ отъ извѣстнаго настроенія, то въ основѣ сведенія идеи прогресса къ понятію эволюціи лежитъ извѣстное міросозерцаніе, въ коемъ сказывается и безсознательное самопониманіе человѣка. Тотъ, въ комъ много активнаго отношенія къ дѣйствительности (хотя бы и въ скрытомъ состояніи), непремѣнно и роль личности въ исторіи пойметъ, какъ роль активную, а съ идеей саморазвитія въ смыслѣ evolution spontanée, въ концѣ-концовъ примириться можетъ только человѣкъ, въ коемъ это активное отношеніе отсутствуетъ, будетъ ли послѣднее зависѣть отъ врожденнаго характера или отъ отсутствія вѣры въ лучшее будущее и осуществимость идеала. Но противъ такого превращенія идеи говоритъ и психологическое происхожденіе ея и вся ея исторія.

Психологическое происхожденіе идеи прогресса можно считать вполнѣ яснымъ. Во-первыхъ, ее всегда порождало наблюденіе надъ фактами, надъ дѣйствительно совершавшимся движеніемъ впередъ, особенно въ знаніяхъ и техническихъ изобрѣтеніяхъ: это, такъ сказать, эмпирическое опытное происхожденіе идеи. Во-вторыхъ, она не всегда являлась результатомъ сопоставленія менѣе совершеннаго прошлаго съ болѣе совершеннымъ настоящимъ, а возникала, кромѣ того, и изъ чаянія лучшаго будущаго, въ коемъ надлежало осуществиться извѣстному идеалу, и въ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ право эмпирическому источнику идеи противополагать источникъ идеалистическій, ставить возникновеніе идеи прогресса въ тѣснѣйшую связь съ творчествомъ идеаловъ. Другими словами, наша идея можетъ имѣть двоякое происхожденіе: мы имѣемъ

здѣсь дѣло съ подведеніемъ итоговъ подъ фактами, или съ стремленіемъ къ извѣстному идеалу и, смотря по тому, на какой почвѣ возникаетъ идея, она получаетъ тотъ или другой характеръ. Въ первомъ именно случаѣ оно есть научное понятіе, какъ обобщеніе дѣйствительныхъ явленій, и съ этой стороны весьма часто отрицать прогрессъ значитъ отрицать очевидность; во второмъ случаѣ она является какъ философская идея, будучи результатомъ нашего творчества, будучи идеаломъ, и не признавать прогресса въ этомъ смыслѣ, значитъ не признавать того, что человѣкъ въ своей дѣятельности имѣетъ право ставить себѣ цѣлью и имѣетъ возможность ея достигать. Само собою разумѣется, что съ высшей точки зрѣнія идея прогресса во второмъ смыслѣ и есть *настоящая* идея, такъ какъ безъ извѣстной субъективной мѣрки немыслимо было бы и обобщать наблюденія надъ измѣненіями къ лучшему, происходящими въ дѣйствительности. Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что исторія идеи прогресса съ древнѣйшихъ временъ подтверждаетъ только-что высказанную мысль о двоякомъ ея психологическомъ происхожденіи и вмѣстѣ съ этимъ заключаетъ въ себѣ осужденіе тому взгляду, который во имя научнаго понятія эволюціи отрицаетъ философскую идею прогресса.

II.

Наша европейская цивилизація ведетъ свое начало отъ цивилизаціи греко-римской и многія идеи и ученія, которыя встрѣчаются въ нашей философіи и наукѣ, имѣютъ происхожденіе въ античномъ мірѣ. Весьма естественно поэтому, что историки идеи прогресса обратились прежде всего къ классическимъ писателямъ, ища у нихъ указаній на существованіе этой идеи въ древности. Однако, по этому вопросу голоса ученыхъ раздѣлились: въ то время, какъ одни утверждаютъ, что понятіе прогресса было совершенно чуждо античному міру, другіе, наоборотъ, указываютъ на то, что классическіе писатели уже были знакомы съ фактомъ историческаго прогресса и отмѣчали его въ своихъ сочиненіяхъ. Оба эти мнѣнія оказываются одинаково вѣрными, смотря по тому, въ какомъ смыслѣ мы будемъ употреблять слово прогрессъ. Дѣйствительно, древности была чужда идея прогресса происхожденія идеалистическаго, но имъ было извѣстно понятіе совершенствованія знаній, искусствъ и т. п., хотя и тутъ они не обобщали частныхъ наблюденій въ цѣлую историческую теорію и наблюденія эти не клали печати на все ихъ историческое міросозерцаніе. Если ужъ ставить вопросъ о томъ, какъ понимали древніе исторію, видѣли ли они въ ней движеніе впередъ или упадокъ, то отвѣчать приходится на этотъ вопросъ какъ разъ во второмъ смыслѣ, хотя безъ ограниченій и этого утверждать нельзя,

такъ какъ въ разное время разные писатели высказывали довольно различныя мнѣнія. Едва ли, однако, мы будемъ неправы, если господствующее воззрѣніе античнаго міра увидимъ въ извѣстныхъ стихахъ Горація о постепенномъ ухудшеніи людей.

Въ подтвержденіе того, что таково было общее воззрѣніе античнаго міра, приводятъ обыкновенно миѳъ о смѣнѣ ухудшающихся вѣковъ: золотого, серебрянаго, бронзоваго и желѣзнаго. Собственно говоря, однако, такое воззрѣніе можно назвать исключительнымъ достояніемъ одной поэзіи—стоитъ только перечислить тѣхъ писателей, которые занимались разработкой этого миѳа—и притомъ Цицеронъ утверждаетъ, что такой взглядъ свойственъ поэтамъ. Съ другой стороны нельзя не упомянуть о томъ, что поэты могли заниматься разработкой этого мотива безъ всякой вѣры въ дѣйствительность этой смѣны вѣковъ. Извѣстно, напримѣръ, общее отношеніе къ миѳологіи у Овидія, который, однако, далъ въ своихъ «Метаморфозахъ» мѣсто миѳу о вѣкахъ. Что поэты прямо могли его отрицать, доказательствомъ этого служитъ Лукрецій, отвергавшій золотой вѣкъ. Хотя можно было бы указать и не поэтовъ, у коихъ встрѣчается тотъ же миѳъ, но это были исключенія (Платонъ, Дикеархъ, Павзаній), вообще же у писателей, выражающихъ собственное мнѣніе, а не обрабатывавшихъ традиціонныя сказанія, мы встрѣчаемся скорѣе съ идеей круговорота въ дѣлахъ человѣческихъ. Въ этомъ отношеніи можно указать на Платона, въ особенности же на Аристотеля, который заставляетъ политическія учрежденія вращаться какъ бы въ заколдованномъ кругѣ; о круговоротѣ государственныхъ формъ говорится также и у Цицерона. Было бы, однако, ошибочно считать и такую идею исключительно господствовавшимъ мнѣніемъ. Если нѣкоторые писатели древности на основаніи своихъ наблюденій и держались точки зрѣнія круговорота, то прилагали ее къ политическимъ формамъ, въ знаніяхъ же и изобрѣтеніяхъ большинство классическихъ авторовъ, касавшихся вопроса, видѣло движеніе впередъ. Уже въ описаніи Гезіодомъ бронзоваго вѣка, мы находимъ вставку, относящуюся совсѣмъ къ иному воззрѣнію: въ ней говорится о дикомъ состояніи людей и о вѣкѣ героевъ, о чудесахъ человѣческаго творчества.

Разбираясь во всѣхъ этихъ мнѣніяхъ древнихъ и въ существующихъ на ихъ счетъ воззрѣніяхъ, мы не можемъ не обратить вниманія на ту послѣдовательность, съ какою вообще выступаютъ частныя идеи, касающіяся историческаго прогресса. Мы еще увидимъ, что позже всего явилось представленіе о прогрессѣ соціальномъ, зато ранѣе всего обнаруженъ былъ прогрессъ умственный, и о немъ уже весьма рѣшительно заявляютъ классическіе писатели. У того же Гезіода, у котораго разработанъ миѳъ о смѣнѣ ухудшающихся вѣковъ, мы встрѣчаемся съ

извѣстнымъ миѳомъ о Прометеѣ, съ которымъ тѣсно связано представленіе о жалкомъ умственномъ состояніи первобытнаго человѣчества и о томъ умственномъ благодѣяніи, которое ему оказалъ Прометей. Одно мѣсто въ «Скованномъ Прометеѣ» Эсхила хорошо изображаетъ, какъ представлялось первоначальное состояніе людей и этому писателю, обрабатывавшему миѳъ о Прометеѣ.

Изъ древнихъ поэтовъ можно указать еще на Лукреція Кара, Горація и Виргилія, какъ на писателей, высказывавшихъ аналогичныя воззрѣнія; но болѣе всего прогрессъ въ человѣческихъ знаніяхъ и изобрѣтеніяхъ долженъ былъ отмѣчаться у философовъ, такъ какъ они не могли не знать, что понятія людей о разныхъ предметахъ постепенно совершенствуются и у нихъ впервые съ особенною рѣшительностью заявляется идея прогресса умственнаго, и притомъ въ выраженіяхъ, не допускающихъ, подобно заявленіямъ поэтовъ, различныхъ толкованій. Довольно рельефное изображеніе первоначальнаго быта людей, какъ состоянія дикости, даетъ намъ Лукрецій Каръ въ своей поэмѣ «О природѣ вещей». Горацій также рисуетъ намъ картину животнаго состоянія людей, ведущихъ между собою борьбу кулаками и ногтями изъ-за какихъ-нибудь желудей и только постепенно изобрѣтающихъ языкъ, нравственныя правила, законы. Виргилій въ своихъ «Георгикахъ» воспѣваетъ золотой вѣкъ, но и въ самомъ ухудшеніи міра, послѣ золотого вѣка, онъ находитъ хорошую сторону: этимъ средствомъ, по его мнѣнію, Юпитеръ заставилъ человѣка развить всѣ силы своего ума, равно какъ и силы внѣшней природы и дать начало разнымъ искусствамъ въ извѣстномъ порядкѣ изобрѣтеній и постепенныхъ усовершенствованій. Въ «Academica» Цицерона высказывается та мысль, по которой—что въ философіи новѣе, то и лучше: recentissima quaeque sunt correcta et emendata maxime. Кромѣ того, историки идеи прогресса приводятъ одно мѣсто изъ начала цицероновой «Республики», комментируя которое, Вильменъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что рѣдко у древнихъ встрѣчается такая надежда на совершенствованіе и такое къ нему стремленіе. Точно также Сенека по поводу успѣховъ астрономіи высказываетъ мысль, что они и впредь будутъ продолжаться, ибо у природы всегда найдутся новыя тайны, которыя она будетъ выдавать вопрошающимъ ее: природа раскрываетъ ихъ только мало-по-малу черезъ длинный рядъ поколѣній, а относительно истины вообще мы находимся только въ преддверіи ея храма.

Уча о круговоротѣ политическихъ формъ и о совершенствованіи знаній и искусствъ, древніе зато рѣшительнымъ образомъ жаловались на упадокъ нравственности и свои наблюденія на этотъ счетъ обобщали въ ученіи о моральномъ регрессѣ. Если гдѣ миѳъ о смѣнѣ вѣ-

ковъ былъ выраженіемъ дѣйствительнаго мнѣнія, а не поэтической разработкой древняго сказанія, то именно въ той области, и приведенные стихи Горація, въ коихъ звучитъ пессимитическая нота, наиболѣе подходятъ къ общему мнѣнію, сложившемуся въ античномъ мірѣ на этотъ счетъ. Мало того: до извѣстной степени ухудшеніе нравовъ ставилось въ зависимость отъ совершенствованія знаній и искусствъ, ибо послѣднія умножаютъ нужды, разнообразятъ и утончаютъ удовольствія, а это нельзя считать благомъ. Лукрецій, отвергшій миѳъ о золотомъ вѣкѣ, тѣмъ не менѣе обнаруживалъ нѣкоторую слабость къ первобытнымъ людямъ, находя у нихъ и бо́льшую чистоту нравовъ, и больше счастья. Сенека, краснорѣчиво говорившій о прогрессѣ умственномъ, печалится по поводу возрастанія порочности и моральнаго зла. Съ этой стороны античная литература вообще проникнута какимъ-то пессимизмомъ.

Собирая всѣ эти разрозненныя черты историческаго міросозерцанія греческихъ и римскихъ писателей, мы имѣемъ право скорѣе всего свести ихъ къ двумъ выводамъ. Одна изъ общихъ идей этого міросозерцанія объединяетъ въ себѣ и миѳъ о смѣнѣ ухудшающихся вѣковъ, и воззрѣніе, что рядомъ съ умственнымъ развитіемъ совершается нравственная порча, и столь обычную у античныхъ писателей идеализацію добраго стараго времени, равно какъ некультурныхъ народовъ. Съ точки зрѣнія другой идеи исторія есть не что иное, какъ повтореніе одного и того же, круговоротъ временныхъ улучшеній и ухудшеній безъ всякаго движенія впередъ. Любопытно, что въ новое время и даже въ XVIII вѣкѣ эти двѣ концепціи встрѣчаются у двухъ крупныхъ представителей тогдашней «философіи». Первая есть, какъ мы увидимъ, точка зрѣнія Руссо, на второй до извѣстной степени стоитъ Вольтеръ. Во всякомъ случаѣ античный міръ выработалъ идею прогресса умственнаго, который менѣе всего когда-либо подвергался сомнѣнію,—видѣли ли въ немъ благо или, наоборотъ, склонны были усматривать какъ бы источникъ зла. Ставя вопросъ о психологическомъ происхожденіи такой идеи, должно безъ всякихъ колебаній принять эмпирическое ея происхожденіе. Идеи прогресса, которая вытекала бы изъ оптимистическихъ чаяній, въ древнемъ мірѣ не было; исторія въ своемъ цѣломъ не казалась классическимъ мыслителямъ движеніемъ впередъ, достиженіемъ какого-либо идеала; это былъ или круговоротъ, или ухудшеніе. Довольно вѣрно резюмируетъ античные взгляды Леонъ Мори, новѣйшій историкъ идеи прогресса. «Но чѣмъ было, говоритъ онъ, по мысли древняго міра, это развитіе? Это было большее разнообразіе, умноженіе результатовъ: обычаи и законы дѣлались болѣе разнообразными, знаніе природы возрастало до безконечности, возникали и совершенствовались искусства. Но все это не установляло причиннаго и глубокаго улучшенія, и съ точки

зрѣнія нравственной человѣчество въ этомъ ничего не выигрывало: тутъ въ самомъ дѣлѣ было развитіе, но это не былъ прогрессъ».

III.

Въ то время, какъ лучшіе умы классическаго міра не могли возвыситься до идеи прогресса во второмъ, идеалистическомъ смыслѣ, въ одномъ уголкѣ Римской имперіи жилъ народъ, ожидавшій лучшаго будущаго: это были евреи, чаявшіе пришествія Мессіи, и среди этого народа явилась новая религія, которая послѣ долгой борьбы восторжествовала надъ античнымъ язычествомъ. На этой новой духовной почвѣ мы впервые и встрѣчаемся съ идеей прогресса, какъ идеалистическаго чаянія, а въ такъ называемыхъ хиліастическихъ мечтаніяхъ раннихъ сектъ христіанскихъ мы видимъ продолженіе мессіаническихъ ожиданій евреевъ. Такимъ образомъ, идея прогресса, охватывающая всю исторію и тѣсно соединенная съ идеаломъ, впервые является въ религіозной формѣ: ученіе о послѣдовательности ступеней откровенія, признаніе превосходствъ новаго завѣта надъ ветхимъ, вѣра во всеобщее обращеніе къ свѣту истины, все это вселяло убѣжденіе, что жизнь человѣчества на землѣ имѣетъ цѣль, которая постепенно и достигается исторіей. Уже въ своей рѣчи, сказанной въ аѳинскомъ ареопагѣ, ап. Павелъ немногими словами опредѣлилъ сущность исторіи человѣчества, какъ постояннаго исканія Бога, всѣмъ открывающаго себя наконецъ. «Отъ одной крови,—говоритъ апостолъ,—произвелъ Богъ весь родъ человѣческій для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленныя времена и предѣлы ихъ обитанію, дабы они искали Бога, не ощутятъ ли Его и не найдутъ ли... Нынѣ, оставляя времена невѣдѣнія, Онъ повелѣваетъ людямъ всѣмъ повсюду покаяться». Въ этой рѣчи, какъ выражается одинъ новый писатель, ап. Павелъ начерталъ главныя линіи христіанской философіи исторіи. Въ христіанствѣ для его послѣдователей исполнялись мессіаническія ожиданія и ветхій завѣтъ разсматривался, какъ приготовленіе къ новому,—точка зрѣнія, которая особенно развита въ посланіяхъ апостола Павла. Ученіе объ искупленіи, объ освободительной истинѣ, избавляющей отъ рабства грѣху, о перерожденіи человѣка ветхаго въ человѣка новаго заключало въ себѣ мысль о полномъ преобразованіи жизни; для нея ставился идеалъ, и церковные писатели первыхъ вѣковъ нашей эры весьма охотно становились на ту точку зрѣнія, что исторія человѣчества постепенно осуществляетъ новый религіозный идеалъ. Но для историка идеи прогресса особенно любопытны воззрѣнія раннихъ сектантовъ, а среди нихъ преимущественно воззрѣнія монтанистовъ. Пророки этой секты объявляли, что церковь

Христова перешла отъ юношескаго возраста къ возрасту зрѣлости, въ которомъ Христосъ не будетъ терпѣть того, къ чему раньше относился снисходительно ради человѣческаго жестокосердія. Монтанисты утверждали даже, что христіанство только ступень къ царству Параклета, обѣщаннаго Іисусомъ Христомъ: развѣ возможно, спрашивали они, чтобы царство Божіе не совершенствовалось? Извѣстно, что монтанизмъ сдѣлалъ для себя важное пріобрѣтеніе въ лицѣ знаменитаго апологета христіанства, Тертулліана. «Въ дѣлахъ благодати, какъ и въ дѣлахъ природы, говоритъ этотъ писатель, такъ какъ и тѣ, и другія происходятъ отъ одного Творца, каждая вещь развивается послѣдовательными ступенями. Зерно пшеницы даетъ сначала маленькій ростокъ, который мало-по-малу растетъ и становится злакомъ; послѣдній приноситъ цвѣтъ, за коимъ слѣдуетъ плодъ, лишь мало-по-малу вызрѣвающій. Такъ и царство правды развивается постепенно. Сначала это былъ страхъ предъ Богомъ, вызываемый простымъ голосомъ природы при отсутствіи всякаго откровенія, потомъ дѣтство подъ господствомъ закона и съ ученіемъ пророковъ; далѣе, юность подъ господствомъ евангелія, наконецъ, зрѣлыя лѣта мужества съ новымъ проявленіемъ Св. Духа и новыми наставленіями Параклета, которыя должны слѣдовать за появленіемъ Монтана. Какъ могло бы быть, чтобы царство Божіе остановилось и не дѣлало никакого движенія впередъ, когда царство зла постоянно увеличивается и съ каждымъ днемъ получаетъ новую силу?» Съ этими взглядами были соединены хиліастическія чаянія, т.-е. ожиданіе тысячелѣтняго царства Божія на землѣ,—чаянія, переносившія, по вѣрному замѣчанію писателя IV в. Лактанція, золотой вѣкъ язычниковъ изъ прошедшаго въ будущее.

Самое подробное развитіе идеи прогресса въ первые вѣка христіанства дано было однако блаженнымъ Августиномъ въ «De civitate Dei», представляющемъ изъ себя цѣлую философію исторіи. Блаженный Августинъ смотритъ на исторію, какъ на осуществленіе плана искупленія человѣческаго рода отъ первороднаго грѣха, а исторія дѣлится у него на три послѣдовательныя царства—природы, закона и благодати (хотя эта схема установлена имъ въ другомъ сочиненіи: «О ереси противъ манихеевъ»). Нѣкоторыя отдѣльныя мѣста изъ сочиненій блаженнаго Августина заслуживаютъ особенно быть отмѣченными. Родъ человѣческій, напр., говоритъ онъ, представляемый народомъ Божіимъ, можетъ быть уподобленъ одному человѣку, воспитаніе котораго происходитъ по степенямъ. Послѣдовательность временъ была для этого народа тѣмъ же, чѣмъ бываетъ послѣдовательность возрастовъ для единицы, и онъ постепенно мало-по-малу возвысился отъ временныхъ предметовъ къ вѣчнымъ и отъ видимаго къ невидимому». Различіе

только въ томъ, что для всего человѣчества старость не упадокъ, а достиженіе полнаго совершенства. Много думая надъ прошлыми судьбами человѣческаго рода, бл. Августинъ не могъ не отмѣтить совершающагося въ человѣчествѣ прогресса и внѣ религіозной сферы, которую исключительно имѣли въ виду христіанскіе писатели, говорившіе о постепенномъ совершенствованіи. Въ этой мысли отцомъ церкви предвосхищены извѣстныя концепціи Паскаля и Гегеля, о коихъ рѣчь будетъ идти впереди. Съ другой стороны, заимствовавъ у римскихъ писателей идею умственнаго прогресса, бл. Августинъ ее расширяетъ. «Развѣ умъ человѣческій,—спрашиваетъ онъ,—не изобрѣлъ безчисленнаго множества искусствъ, которыя показываютъ, что столь дѣятельныя, столь сильныя, столь широкія способности даже по отношенію къ вещамъ излишнимъ или вреднымъ, должны имѣть хорошую основу въ своей природѣ, дабы имѣть возможность изобрѣсти все это? До чего не доходитъ умѣніе людей въ искусствѣ приготовлять ткани, воздвигать зданія, обрабатывать землю, плавать по морю? Сколько изобрѣтательности и совершенства въ домашней утвари разныхъ формъ, въ этомъ множествѣ картинъ и статуй! Какія чудеса бываютъ на сценѣ, невѣроятныя для того, кто ихъ не видалъ! Сколько пріемовъ и средствъ, чтобы ловить, убивать или укрощать дикихъ звѣрей! Сколько изобрѣли люди противъ людей же ядовъ, видовъ оружія, машинъ! Сколько средствъ и лекарствъ для сохраненія здоровья! Сколько приправъ и кушаній для удовольствій вкуса и возбужденія аппетита! Какое разнообразіе знаковъ, чтобы выражать и сообщать свои мысли, и на первомъ мѣстѣ рѣчь и письмо! Какое богатство украшеній въ красноречіи и поэзіи, дабы увеселять духъ и плѣнять ухо, не говоря уже о столькихъ видахъ музыкальныхъ инструментовъ, о напѣвахъ и пѣсняхъ! Какое удивительное знаніе измѣреній и чиселъ! Какая проницательность въ открытіи гармоніи и обращеній небесныхъ тѣлъ! Наконецъ, кто могъ бы пересказать всѣ знанія, которыми обогатился человѣческій умъ касательно естественныхъ вещей, особенно если бы пожелалъ остановиться на каждой въ отдѣльности, вмѣсто того, чтобы брать ихъ всѣ вообще?» У античныхъ писателей идея умственнаго совершенствованія соединялась съ представленіемъ о нравственномъ паденіи, но у бл. Августина умственный прогрессъ разсматривается, какъ одно изъ благъ, дарованныхъ человѣку Богомъ, ведущимъ его и къ нравственному совершенству. И прежде дѣлалось сравненіе между историческимъ и индивидуальнымъ развитіемъ, но прежде въ приближеніи человѣчества къ старости видѣли паденіе, тогда какъ христіанскій писатель сталъ на точку зрѣнія совершенствованіи. Для бл. Августина исторія человѣчества есть какъ бы исторія его моральнаго воспитанія;

основанія для такого взгляда онъ нашелъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ посланій ап. Павла и это была та самая точка зрѣнія, на которую въ XVIII вѣкѣ сталъ Лессингъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи на ту же тему о воспитаніи человѣческаго рода.

Бл. Августинъ жилъ уже въ эпоху начинавшагося варварства. Наступила пора умственнаго застоя, но едва только стала возрождаться наука и философія, хотя бы и въ формѣ столько осмѣивавшейся схоластики, какъ снова идея прогресса стала высказываться въ литературѣ. Правда, мы не найдемъ тутъ ничего оригинальнаго, такъ какъ у схоластиковъ повторяются только идеи ихъ предшественниковъ: у римскихъ писателей они заимствовали эмпирическую идею умственнаго прогресса, у христіанъ первыхъ вѣковъ и у отцовъ церкви то идеалистическое пониманіе прогресса, которое было ими примѣнено преимущественно къ сферѣ моральной. Въ виду меньшей извѣстности средневѣковыхъ взглядовъ на историческій прогрессъ, слѣдуетъ подробнѣе отмѣтить здѣсь нѣкоторые отдѣльные случаи, относящіеся къ нашему предмету.

Hugo de Sancto Victore въ XII вѣкѣ и Ѳома Аквинскій въ XIII в. признаютъ, что совершенствованіе есть общій законъ всѣхъ вещей. По ихъ представленію, и откровеніе развивалось постепенно, примѣняясь къ неодинаковымъ требованіямъ отдѣльныхъ эпохъ; если же оно остановилось съ евангеліемъ, которое есть его завершеніе, во многомъ превосходящее ветхій завѣтъ, то это не препятствуетъ возможности постояннаго и безграничнаго совершенствованія въ его пониманіи. Нѣкоторыя частности общаго воззрѣнія Hugo Sancto Victore настолько интересны, что на нихъ стоитъ остановиться. Онъ говоритъ, напр., что и ангелы совершенствуются постоянно въ своемъ знаніи. Законъ этотъ управляетъ и людьми; онъ управлялъ бы ими даже въ томъ случаѣ, если бы Адамъ не заразилъ своего потомства первобытнымъ грѣхомъ: «не нужно,— говоритъ Hugo,—считать за недостатокъ человѣческой природы, если она, бывшая въ началѣ совершенною, потомъ должна была снова улучшаться». Совершенствованію подвержено все въ мірѣ: «a modico universa incipiunt ac deinde paulatim per incrementa ordine ad perfectionem evadunt». Что касается до области религіи, то къ ней онъ прилагаетъ свою идею такимъ образомъ: «нужно,—говоритъ онъ,—различать между вѣрою и пониманіемъ вѣры; вѣра всегда тождественна, но подобно тому, какъ она различна у двухъ людей съ неодинаковыми умственными способностями, она возрастаетъ и въ разные возрасты человѣческаго рода». Кромѣ того, само развитіе умственной дѣятельности давало себя чувствовать въ признаніи того, что наука человѣческая идетъ впередъ. Мысль Цицерона и Сенеки нашла приверженцевъ, напр., въ XIII вѣкѣ

въ лицѣ двухъ столь несходныхъ между собою людей, каковы Ѳома Аквинскій и Рожеръ Бэконъ. Первый былъ совершеннѣйшій схоластикъ, второй — математикъ и натуралистъ. «Человѣческому разуму,— говоритъ Ѳома Аквинскій,—свойственно переходить по степенямъ отъ несовершеннаго къ совершенному. И первые философы учили несовершеннымъ вещамъ, которыя позднѣе были излагаемы болѣе совершеннымъ способомъ послѣдующими философами. То же самое и въ практическихъ искусствахъ: первыя изобрѣтенія были недостаточны во многихъ отношеніяхъ; позднѣе ихъ исправляли и совершенствовали». По мнѣнію, высказанному Рожеромъ Бэкономъ, чѣмъ моложе поколѣніе, тѣмъ менѣе можетъ заблуждаться и тѣмъ болѣе должно превосходить древнихъ по просвѣщенію, ибо младшія поколѣнія имѣютъ возможность поправлять ошибки старшихъ. «Мы не должны, говоритъ онъ еще, соглашаться со всѣмъ, что мы слышимъ, и со всѣмъ, что мы читаемъ. Напротивъ, наша прямая обязанность разсматривать съ самымъ строгимъ вниманіемъ мнѣнія нашихъ предшественниковъ, дабы прибавить къ нимъ то, что въ нихъ ложно и ошибочно. Ибо истина, по милости Божіей, всегда увеличивается. Правда, человѣкъ никогда не достигаетъ совершенства и безусловной достовѣрности, но онъ постоянно совершенствуется. Вотъ почему не нужно слѣпо слѣдовать древнимъ, ибо если бы они ожили, они сами исправили бы то, что говорили, и перемѣнили бы свое мнѣніе относительно многихъ вещей. Равнымъ образомъ теперь ученые не знаютъ того, что нѣкогда будетъ извѣстно послѣднему школьнику».

Разъ зашла у насъ рѣчь о выраженіяхъ идеи прогресса, которыя мы находимъ у писателей XIII вѣка и которыя въ сущности были повтореніемъ того, что говорилось въ античную и раннюю христіанскую эпоху Цицерономъ, Сенекою и бл. Августиномъ, нельзя не упомянуть, что въ томъ же вѣкѣ въ новой формѣ повторялись и идеи древнихъ хиліастовъ. Среди разныхъ сектантскихъ движеній въ западно-европейскомъ мірѣ въ средніе вѣка, особое вниманіе обращаетъ на себя бывшая въ ходу въ XIII вѣкѣ проповѣдь такъ называемаго Вѣчнаго Евангелія, которая видѣла въ исторіи послѣдовательную смѣну царствъ Бога Отца, Сына и Св. Духа, какъ принциповъ закона, благодати и свободы: по ученію сектантовъ, должно было наступить царство св. Духа, въ которомъ религіозная истина откроется во всей полнотѣ и во всемъ совершенствѣ. Какъ ветхій завѣтъ былъ приготовленіемъ къ новому, такъ послѣдній былъ для этихъ мистиковъ лишь ступенью къ новому откровенію и новой жизни человѣчества. Въ данномъ случаѣ источникъ идеи прогресса былъ не эмпирическій, какъ у Рожера Бэкона, а идеалистическій: проповѣдники «Вѣчнаго Евангелія» создали себѣ извѣстный мо-

ральный и соціальный идеалъ и вѣрили, что исторія ведетъ къ его осуществленію.

IV.

Если исключить средніе вѣка, жившіе чужими идеями, то въ исторіи идеи прогресса до новаго времени мы наблюдаемъ два главныя явленія. Мы видѣли, во-первыхъ, что въ историческомъ порядкѣ идея прогресса эмпирическаго происхожденія предшествуетъ идеѣ прогресса происхожденія идеалистическаго. А что касается, во-вторыхъ, до частныхъ сферъ, въ коихъ прогрессъ можетъ проявляться, то эмпирическое пониманіе его ограничивается главнымъ образомъ успѣхами въ знаніяхъ и во власти надъ природою, тогда какъ идеалистическое пониманіе переносится преимущественно въ область моральнаго настроенія. Оба эти явленія наблюдаются въ исторіи идеи и въ новое время съ тѣмъ только различіемъ, что идеалистическая концепція возникаетъ здѣсь уже не на богословской, а на философской почвѣ (въ XVIII вѣкѣ) и что съ особою силою идея прогресса начинаетъ прилагаться и къ сферѣ соціальныхъ отношеній (особенно въ XIX вѣкѣ). Впрочемъ, до появленія философской идеи прогресса въ XVIII вѣкѣ бóльшая часть писателей, касавшихся предмета, пробавлялась старыми идеями. Съ одной стороны мы наблюдаемъ здѣсь преобладаніе античныхъ идей: то отмѣчается только одинъ умственный прогрессъ, то предъявляется точка зрѣнія круговорота. И это весьма понятно, разъ въ эпоху Ренессанса по многимъ вопросамъ мысли и жизни стали искать отвѣтовъ и рѣшеній у классиковъ. Такъ продолжалось до Вольтера, Монтескье и Руссо, и только съ Тюрго начинается новая эпоха. Съ другой стороны къ религіозной традиціи и притомъ въ ея сектантскихъ проявленіяхъ главнымъ образомъ примыкаютъ представители реформаціоннаго движенія XVI и XVII вв., анабаптисты и индепенденты, у которыхъ мы встрѣчаемся съ хиліастическими ожиданіями. Впрочемъ, послѣднія не оказываютъ значительнаго вліянія на развитіе идеи прогресса и до середины XVIII вѣка античную точку зрѣнія можно считать за преобладающую. Въ XVI в. Боденъ въ «Методѣ для легкаго познанія исторіи» опровергаетъ ученіе о золотомъ вѣкѣ, не столько, впрочемъ, вооружаясь противъ идеи регресса, сколько становясь на точку зрѣнія круговорота и высказывая ту мысль, что «въ природѣ сокрыты такія богатства для наукъ, которыя никогда не исчерпываются». Ту же точку зрѣнія мы находимъ у жившаго въ томъ же вѣкѣ историка Делапопилиньера. Идея круговорота какъ-то особенно пришлась по вкусу итальянцамъ, въ новое время (XVI—XVIII в.) ее въ итальянской литературѣ поддерживали Макіавелли, Гвичардини и Вико; послѣдній даже особенно прославился своими «Corsi

e ricorsi». Научное движеніе XVII в. и сравненіе древнихъ съ новыми, занимавшее въ томъ же столѣтіи литературную критику, особенно возбуждали интересъ къ вопросу о томъ, совершается ли прогрессъ въ умственной сферѣ. Въ первомъ отношеніи любопытны заявленія Бэкона, Декарта, Мальбранша и другихъ философовъ. Напримѣръ, Бэконъ въ «Novum Organum» распространяется, между прочимъ, на ту тему, что успѣху наукъ много препятствуетъ излишнее уваженіе къ древности и авторитету. «Что касается до древности,—говоритъ онъ,—то мнѣніе, какое о ней составляютъ люди, объ этомъ хорошенько не думавшіе, совершенно поверхностно и не соотвѣтствуетъ естественному смыслу слова, къ коему его относятъ. Къ старости міра и зрѣлому возрасту именно нужно его примѣнять, а старость міра, это какъ разъ время, въ которое мы живемъ, а вовсе не то, когда жили древніе и когда міръ былъ еще молодъ». Отсюда онъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что разъ по отношенію къ отдѣльному человѣку бо̀льшаго знанія вещей человѣческихъ и зрѣлости сужденій ищутъ скорѣе въ старикѣ, чѣмъ въ молодомъ человѣкѣ, такъ какъ первый больше испыталъ, видѣлъ, слышалъ и передумалъ, то нужно такъ поступать и по отношенію къ цѣлому человѣчеству. «Если бы нашъ вѣкъ,—говоритъ онъ,—сознавая лучше свои силы, имѣлъ болѣе храбрости, чтобы ихъ испытать, и охоту ихъ увеличить посредствомъ упражненія, отъ него можно было бы ожидать гораздо болѣе важныхъ вещей, чѣмъ отъ древности, въ которой ищутъ образцовъ, ибо міръ сдѣлался старше, и количество опытовъ и наблюденій увеличилось. Немало имѣетъ значенія и то, что, благодаря мореплаванію и отдаленнымъ путешествіямъ нашихъ дней, открыто было въ природѣ и наблюдено громадное количество вещей, могущихъ пролить новый свѣтъ на философію. Наконецъ, не было ли бы стыдомъ для рода человѣческаго, открывъ въ наши дни въ вещественномъ мірѣ столько странъ, земель, морей и столько свѣтилъ, терпѣть, чтобы границы міра умственнаго оставались тѣ самыя, какія были открыты въ древности?» Извѣстно также сдѣланное Паскалемъ сравненіе человѣчества съ непрерывно живущимъ и постоянно учащимся человѣкомъ. Паскаль выводитъ изъ этого сравненія несправедливость предпочтенія, оказываемаго древнему въ философіи. «Такъ какъ,—говоритъ онъ,—старость есть возрастъ, отстоящій далѣе всего отъ младенчества, кому не видно, что старость этого всемірнаго человѣка нужно искать не во времена близкія къ его рожденію, а въ наиболѣе отъ него удаленныя? Тѣ, которыхъ мы называемъ древними, въ дѣйствительности были новыми во всѣхъ вещахъ и, собственно говоря, составляли дѣтство людей, и такъ какъ къ ихъ знаніямъ мы прибавили опытъ послѣдующихъ вѣковъ, то именно въ насъ можно обрѣсть ту древность, которую мы почитаемъ въ другихъ». Эту мысль

повторяетъ Фонтенель, прибавляя, что «мы, новые, выше древнихъ, ибо, ставъ на ихъ плечи, мы видимъ дальше, нежели они».

И у Бэкона, и у Паскаля мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми новыми аргументами, и тоже довольно новое явленіе представляетъ изъ себя споръ древнихъ съ новыми, происходившій въ томъ же XVII в. Начавшись съ литературнаго вопроса о преимуществахъ древнихъ и новыхъ писателей, онъ все болѣе и болѣе обобщался и постепенно перешелъ на почву историко-философскую, когда Демаре-де-Сенъ-Сорленъ, авторъ «Трактата для сужденія о поэтахъ греческихъ, латинскихъ и французскихъ», вышедшаго въ 1670 г., горячій католикъ, враждебно расположенный къ античной миѳологіи и паганизму, указалъ на прогрессивное значеніе христіанства, хотя, съ другой стороны, въ лагерѣ «новыхъ» были люди и съ образомъ мыслей, доходившимъ подчасъ до скептицизма. Вмѣстѣ съ этимъ защитники новой литературы, Перро въ «Параллели между древними и новыми» и Фонтенель въ «Разсужденіи о древнихъ и новыхъ», становились и на извѣстную уже намъ точку зрѣнія о древности и прогрессѣ.

Въ первой половинѣ XVIII вѣка мы имѣемъ дѣло въ сущности только съ отголосками тѣхъ же идей. Энциклопедія Дидро и Д'Аламбера, сдѣлавшая смотръ всѣмъ идеямъ и всѣмъ знаніямъ своего времени, т.-е. середины XVIII вѣка, замѣчательнымъ образомъ совершенно опустила слово perfectibilité. Нужно слишкомъ много рыться въ сочиненіяхъ Вольтера для того, чтобы собрать отдѣльныя мѣста, въ коихъ рѣчь идетъ о прогрессѣ, да и то прогрессъ представляется ему только въ умственной сферѣ, тогда какъ другія стороны жизни ему кажутся обреченными на вѣчный круговоротъ,—точка зрѣнія, сильно смахивающая на воззрѣніе, бывшее въ ходу въ классическомъ мірѣ. Какъ по многимъ другимъ вопросамъ, такъ и по вопросу о прогрессѣ онъ колебался, и рядомъ съ заявленіями о происходящихъ въ мірѣ улучшеніяхъ, рядомъ съ надеждами, которыя вообще возбуждались «просвѣщеніемъ» XVIII вѣка, мы встрѣчаемъ у него скептическое отношеніе къ «моралистамъ», желавшимъ измѣнить міръ. «Эту сцену міра,—восклицаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—вездѣ и всегда одинаковую, вы хотѣли бы измѣнить! Вотъ что въ васъ, моралистахъ, совсѣмъ ужъ безумно. Міръ всегда будетъ такимъ, каковъ онъ теперь (le monde ira toujours comme il va»). Руссо, на моральныхъ и политическихъ воззрѣніяхъ котораго сильно сказались классическія вліянія, какъ бы повторяетъ, въ иной только формѣ, то, что особенно характеристично въ воззрѣніяхъ античнаго міра. Мы находимъ у него и «золотой вѣкъ», который онъ называетъ естественнымъ состояніемъ. И идеализація дикарей у Руссо напоминаетъ намъ аналогичную идеализацію ихъ у нѣко-

торыхъ греческихъ и римскихъ писателей. Наконецъ, подобно своимъ классическимъ предшественникамъ, онъ признаетъ умственный прогрессъ, идущій, по его мнѣнію, рука объ руку съ регрессомъ моральнымъ. Въ способности совершенствоваться онъ видитъ «специфическое качество, которое отличаетъ человѣка отъ животныхъ, и о которомъ, говоритъ онъ, не можетъ быть спора»: по его мнѣнію, эта способность есть «источникъ всѣхъ несчастій человѣка». Общая мысль его знаменитаго трактата о наукахъ и искусствахъ слишкомъ извѣстна, чтобы о ней распространяться.

Новая эпоха начинается съ Тюрго. Выше уже было упомянуто о двухъ его сорбоннскихъ рѣчахъ 1750 года. Въ первой изъ нихъ онъ разсматриваетъ выгоды, какія принесло человѣчеству установленіе христіанства, возвращаясь къ Де-Сорлену и раннимъ писателемъ христіанскаго времени, во второй говоритъ объ успѣхахъ человѣческаго ума, разрабатывая въ ней тему, которая не чужда была и античному міру. На самое христіанство онъ смотритъ съ особенной точки зрѣнія: напрасно думаютъ, что оно полезно только для загробной жизни, такъ какъ оно имѣетъ и историческое значеніе. Здѣсь Тюрго развиваетъ ту мысль, что оно, между прочимъ, «исправляло законы, совершенствовало устройства государствъ (les gouvernements) и дѣлало людей лучшими и болѣе счастливыми». Доказательство этой мысли онъ самъ раздѣляетъ на двѣ части, въ первой изъ коихъ идетъ рѣчь о вліяніи христіанской религіи на людей самихъ по себѣ, а во второй—о ея вліяніи на устройство и благосостояніе политическихъ обществъ, и содержаніемъ всей рѣчи является, какъ выражается самъ Тюрго, усовершенствованіе человѣчности и политики (l'humanité et la politique perfectionnées). Въ обѣихъ частяхъ Тюрго проводитъ параллель между языческимъ и христіанскимъ мірами, доказывая превосходство послѣдняго надъ первымъ, и среди разныхъ явленій, коихъ ему приходится касаться, онъ выдвигаетъ на первый планъ достоинство и права человѣка, какъ таковаго, провозглашенныя христіанствомъ, и на установленіе имъ равенства между людьми. Другая рѣчь имѣла содержаніемъ послѣдовательные успѣхи человѣческаго ума. Общая картина исторіи человѣчества представляется ему въ такомъ видѣ: «Мы видимъ, какъ устанавливаются общества, какъ образуются націи, которыя поочередно господствуютъ надъ другими націями или имъ подчиняются. Государства возвышаются и падаютъ; законы, формы правленія слѣдуютъ одни за другими; происходятъ открытія въ наукахъ и искусствахъ. То замедляя, то ускоривая свои успѣхи, они переходятъ изъ одной страны въ другую. Своекорыстіе, честолюбіе, тщеславіе постоянно измѣняютъ сцену міра и заливаютъ землю кровью, посреди опустошеній, ими произво-

димыхъ, нравы смягчаются, умъ человѣческій просвѣщается; разъединенные народы сближаются; торговля и политика соединяютъ подъ-конецъ всѣ части земного шара, и вся масса человѣческаго рода, переходя чрезъ смѣны бурь и затишій, благополучія и бѣдствій, шествуетъ постоянно, хотя и медленно, къ все большему и большему совершенству». И самая рѣчь эта оканчивается благими пожеланіями въ прогрессивномъ смыслѣ: «Пусть люди дѣлаютъ все новые и новые шаги на пути истины. Пусть они дѣлаются все лучше и лучше, счастливѣе и счастливѣе». Тюрго былъ очень занятъ этой мыслью и собирался посвятить ея развитію трудъ большихъ размѣровъ. Въ своемъ планѣ всемірной исторіи съ философской точки зрѣнія онъ опредѣляетъ всемірную исторію, какъ изображеніе «послѣдовательныхъ успѣховъ человѣческаго рода». Въ этомъ смыслѣ онъ и начертываетъ планъ своего труда, который написать ему однако, не пришлось. Отмѣчая на каждомъ шагу прогрессъ умственный, онъ видитъ въ немъ и причину прогресса моральнаго, ибо les hommes instruits par l'exsperience deviennent plus et mieux humains. «Повидимому,—говоритъ онъ,—за послѣднее время постоянное распространеніе,—по крайней мѣрѣ, въ Европѣ—великодушія, добродѣтелей, болѣе мягкаго отношенія къ людямъ ослабляютъ царство мстительности и международной вражды». Онъ отмѣчаетъ прогрессъ и въ политическихъ отношеніяхъ, и по его мнѣнію, въ этой области не могло совершиться ни одной перемѣны, которая не принесла бы какой-либо выгоды, ибо всякая перемѣна увеличиваетъ опытность, которая, напр., заставляетъ деспотизмъ умѣрить самого себя, а свободу—себя упорядочивать, и вообще позволяетъ государствамъ дѣлаться болѣе прочными. Интересенъ также набросокъ второго разсужденія Тюрго, содержаніемъ котораго должны были быть успѣхи человѣческаго ума: это—цѣлая исторія науки, литературы и искусства съ точки зрѣнія прогресса, совершающагося въ исторіи человѣчества. Къ сожалѣнію, Тюрго успѣлъ приготовить только обширный планъ этого труда, отмѣтивъ въ немъ прогрессъ умственный, указавъ на то, что въ послѣднемъ заключается источникъ прогресса нравственнаго, и затронувъ вопросъ о прогрессивности политическихъ перемѣнъ. Весьма естественно, что историки идеи прогресса приписываютъ Тюрго особое значеніе въ ея развитіи. И дѣйствительно, Тюрго первый изъ «философовъ» заговорилъ о прогрессѣ въ идеалистическомъ смыслѣ, давши притомъ этой идеѣ чисто-свѣтскую подкладку. Съ другой стороны, хотя у Тюрго настоящее тѣснѣйшимъ образомъ связывается съ прошлымъ, двигателями прогресса являются духовныя качества людей: въ такомъ представленіи прогрессъ не есть фактъ, необходимый и постоянный, онъ только возможенъ, и для его осуществленія нужно содѣйствіе нашей

воли. Теорія прогресса становится у него такимъ образомъ призывомъ къ человѣку со стороны философіи, указывавшей для исторіи идеальную цѣль и требовавшей отъ человѣка усилій для ея достиженія. Это та же самая основная концепція, какую мы находимъ у писателей первыхъ вѣковъ христіанской вѣры съ тѣмъ только различіемъ, что въ философскій вѣкъ она получила иную окраску.

Во второй половинѣ XVIII вѣка уже нѣсколько писателей высказываютъ аналогичныя идеи. Во Франціи энтузіастомъ идеи прогресса былъ Кондорсэ. Свои мысли на этотъ счетъ онъ высказалъ сначала въ рѣчи, произнесенной въ 1782 г. при пріемѣ во французскую академію, а потомъ развилъ въ «Очеркѣ исторической картины успѣховъ человѣческаго ума», написанномъ въ кровавую эпоху террора, когда дѣйствительность, казалось, должна была бы внушать совсѣмъ иныя мысли. «Наблюденія, — говоритъ Кондорсэ, — надъ тѣмъ, чѣмъ былъ человѣкъ, что онъ еще есть теперь, поведутъ къ средствамъ обезпечить и ускорить новые успѣхи, на которые природа даетъ надежды», ибо «не назначено никакого предѣла совершенствованію человѣческихъ способностей, ибо способность человѣка къ совершенствованію безконечна»: если въ будущемъ успѣхи станутъ происходить съ неодинаковою быстротою, никогда движеніе не сдѣлается ретрограднымъ. Въ прошедшемъ Кондорсэ признаетъ возвращенія къ невѣжеству, но съ возникновенія ученія «de la perfectibilité humaine» онъ какъ бы начинаетъ новую эпоху: «все ручается намъ,—говоритъ онъ,—что человѣчество не должно впасть въ свое старое варварство», а относительно совершенствованія «природа не положила никакихъ предѣловъ нашимъ надеждамъ». Въ Англіи на точку зрѣнія прогресса становится Гиббонъ, высказывающій ту мысль, что въ исторіи совершается прогрессъ разума, благосостоянія и, быть можетъ, даже добродѣтелей человѣческаго рода. Другимъ англійскимъ писателемъ, обращающимъ на себя вниманіе въ исторіи нашей идеи, былъ Пристлей, заговаривавшій уже и о прогрессѣ соціальномъ. Въ Германіи второй половины XVIII вѣка равнымъ образомъ можно назвать нѣсколько писателей, становившихся въ своихъ общихъ историческихъ взглядахъ на точку зрѣнія прогресса. Въ «Философскихъ помыслахъ объ исторіи человѣчества» Изелина, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1764 г., главная идея — постепенный ходъ человѣчества все къ высшему и высшему просвѣщенію и благосостоянію. «Я,—замѣчаетъ авторъ,—нашелъ эту мысль, вовсе ея не ища: она—плодъ, она—результатъ моихъ изслѣдованій. Я не направлялъ ихъ на эту мысль, они сами меня къ ней привели». По Изелину стремленіе къ совершенствованію лежитъ въ человѣческой природѣ. Равнымъ образомъ Лессингъ, въ своемъ «Воспитаніи человѣческаго рода», видитъ

въ исторіи именно воспитаніе, цѣль коего—достиженіе человѣкомъ совершенства. Нигдѣ, однако, въ XVIII в. идея прогресса не была такъ полно и всесторонне развита, какъ въ «Мысляхъ о философіи исторіи человѣчества» Гердера, появившихся въ печати въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка: это—исторія и отчасти теорія прогресса. И Шиллеръ, въ своей лекціи о томъ, «что такое всеобщая исторія и для чего ее изучаютъ», рекомендуетъ исторической наукѣ изображать постепенный переходъ человѣка отъ первобытной дикости до современной образованности. Но особенно важенъ Кантъ. У него впервые совершенно самостоятельное значеніе получила идея прогресса соціальнаго, такъ что если античный міръ былъ уже знакомъ съ понятіемъ о прогрессѣ умственномъ, а на почвѣ христіанства главнымъ образомъ и развилась идея прогресса моральнаго, то постановка вопроса о прогрессѣ соціальномъ, какъ самостоятельномъ видѣ прогресса, принадлежитъ философіи прошлаго столѣтія и въ частности Канту. Въ самомъ дѣлѣ, Кондорсэ, въ своемъ историко-философскомъ сочиненіи отводитъ первое мѣсто прогрессу умственному (les progrès de l'ésprit humain), полагая, что въ немъ наилучшимъ образомъ проявляется способность человѣка къ совершенствованію. Съ другой стороны Лессингъ и Гердеръ выдвигаютъ на первый планъ прогрессъ моральный: для одного изъ нихъ исторія представляется какъ воспитаніе человѣческаго рода, другой видитъ въ ней достиженіе прекраснаго идеала человѣчности. Кантъ становится на совершенно особую точку зрѣнія, совѣтуя въ своей «Идеѣ всеобщей исторіи» (1784 г.) смотрѣть на исторію человѣчества, какъ на выполненіе сокровеннаго плана природы—достигнуть совершеннаго общественнаго устройства, и тѣмъ самымъ придавая вполнѣ самостоятельное значеніе идеѣ прогресса соціальнаго. Но главнымъ образомъ развитіе этой идеи происходитъ въ литературѣ XIX в., послѣ великой французской революціи. Уже въ самомъ концѣ XVIII вѣка, во исполненіе «Идеи» Канта издано было сочиненіе Пёлитца «Основныя линіи прагматической всемірной исторіи, какъ попытки свести ее на одинъ принципъ». «Философское представленіе исторіи,—говоритъ ея авторъ,—приводитъ насъ къ свѣтлому, успокоительному результату, что человѣчество пережило мрачные и темные періоды невѣжества, грубости, суевѣрія, и что на будущее мы можемъ возлагать все болѣе и болѣе блестящія надежды».

V.

Переходя къ изложенію исторіи идеи прогресса въ первой половинѣ XIX вѣка до торжества позитивизма и эволюціонизма, прежде всего слѣ-

дуетъ обратить вниманіе на то, что идея эта не только входитъ въ общее сознаніе, но и получаетъ дальнѣйшее развитіе. Оно заключается главнымъ образомъ въ томъ, что литература о прогрессѣ, такъ сказать, развѣтвляется: мы встрѣчаемъ ее у историковъ, у философовъ, у политическихъ писателей въ широкомъ смыслѣ слова, въ частности у соціальныхъ реформаторовъ. У историковъ она дѣлается преобладающею идеей. Высшей задачей науки становится исторія цивилизаціи, какъ перехода общества съ низшихъ ступеней развитія на высшія, въ чемъ и заключается историческій прогрессъ. Исторія есть наука эмпирическая, и въ ней идея прогресса получала весьма естественно характеръ эмпирическій, причемъ теоретическая ея разработка была вообще слаба. Наиболѣе характернымъ представителемъ историковъ этой эпохи былъ Гизо. Теоретическая разработка идеи зато сильно занимала философовъ, у коихъ она и прилагается въ эту эпоху къ исторіи всемірнаго процесса, понятого крайне идеалистически. Лучшимъ выразителемъ идеи прогресса въ этомъ направленіи былъ Гегель. У соціальныхъ реформаторовъ, современныхъ этимъ историкамъ и философамъ, теорія прогресса принимаетъ характеръ религіозной вѣры, стремящейся обновить міръ; но это обновленіе мыслится не какъ индивидуальное перерожденіе, а какъ преобразованіе общества, и этими реформаторами создаются формулы соціальнаго прогресса. Весьма естественно, что идея, бывшая общей и историкамъ, изучавшимъ прошлое, и философамъ, строившимъ системы бытія, и мечтателямъ, заглядывавшимъ въ будущее, должна была отразиться и въ области изящной литературы: идея эта нашла мѣсто въ поэзіи Беранже, Виктора Гюго, Ламартина, Гейне, въ романахъ Жоржъ Зандъ. Конечно, чисто литературныя произведенія мало способствовали уясненію ея смысла и съ этой точки зрѣнія не заслуживаютъ особаго вниманія. Поэтому въ дальнѣйшемъ мы разсмотримъ постановку вопроса о прогрессѣ только у историковъ, философовъ и соціальныхъ реформаторовъ.

У историковъ первой половины XIX вѣка идея прогресса берется въ смыслѣ движенія впередъ, приносящаго съ собою улучшеніе человѣческой жизни. Движеніе впередъ было признано за отличительное свойство исторіи, и съ этой стороны ей противополагали яко бы неподвижную природу. Историки не предвосхищали будущаго, не дѣлали идеальныхъ построеній, но зато въ прошедшемъ они отмѣчали прогрессивные факты въ разныхъ сферахъ человѣческой жизни, не отвергая мысли о томъ, что у цивилизаціи есть извѣстная цѣль, и признавая, что въ исторіи эта цѣль достигается усиліями человѣка. Едва-ли мы ошибемся, если возьмемъ въ качествѣ наиболѣе яркаго выраженія такого отношенія къ прогрессу тѣ взгляды, которые на этотъ счетъ въ

двадцатыхъ годахъ высказалъ Гизо въ своей «Исторіи цивилизаціи въ Европѣ». Опредѣляя слово цивилизація и, отождествляя ее съ прогрессомъ, онъ спрашиваетъ, въ чемъ состоитъ этотъ прогрессъ, и вотъ какъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. «Этимологія слова даетъ, повидимому, отвѣтъ ясный и удовлетворительный: это улучшеніе жизни гражданской (civile), развитіе собственно общества, отношеній людей между собою. И дѣйствительно, при словѣ цивилизація является прежде всего эта идея; мы сейчасъ представляемъ себѣ болѣе широкія, болѣе дѣятельныя общественныя отношенія, лучшую ихъ организацію: съ одной стороны, возрастающую производительность во всемъ, что̀ составляетъ силу и благо общества; съ другой, болѣе равномѣрное распредѣленіе выработанныхъ силъ и благъ между всѣми членами общества. Но все ли это? Исчерпали ли мы этимъ естественный, обычный смыслъ слова «цивилизація»? Не заключаетъ ли фактъ чего-либо иного? Это почти то же, какъ бы мы поставили вопросъ: не составляетъ ли въ сущности родъ человѣческій не что иное, какъ муравейникъ, именно — общество, въ которомъ дѣло идетъ лишь о порядкѣ и благосостояніи, гдѣ цѣль достигнута тѣмъ полнѣе и прогрессъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе сумма совершеннаго труда и чѣмъ справедливѣе распредѣлены продукты труда? Инстинктъ человѣка не хочетъ примириться съ этимъ узкимъ понятіемъ о судьбѣ человѣчества. Ему кажется съ перваго же взгляда, что подъ словомъ «цивилизація» слѣдуетъ подразумѣвать нѣчто болѣе обширное, сложное, возвышенное, чѣмъ простое совершенство общественныхъ отношеній, силы и благосостоянія общества. Инстинктъ этотъ подтверждаютъ факты, общественное мнѣніе и смыслъ, придаваемый вообще этому термину!.. Можно назвать государства, въ которыхъ, сравнительно съ прочими, благосостояніе значительнѣе, растетъ быстрѣе и распредѣлено между личностями равномѣрнѣе, а между тѣмъ, непосредственный инстинктъ, общій здравый смыслъ людей, призналъ, что эти государства стоятъ на низшей ступени цивилизаціи, въ сравненіи съ тѣми, въ которыхъ собственно соціальный бытъ хуже. Отчего это? Что даетъ этимъ послѣднимъ странамъ право, съ избыткомъ пополняющее въ глазахъ человѣка всѣ остальные недостатки, въ нихъ встрѣчающіеся? Въ нихъ совершилось другое развитіе жизни индивидуальной, внутренней, развитіе самого человѣка, его способностей, чувствъ, идей... Если благоустройству общества тамъ недостаетъ многаго, зато человѣчество проявилось тамъ съ бо̀льшимъ величіемъ и могуществомъ. Общественный строй требуетъ многихъ улучшеній, зато въ области мысли и нравственности сдѣланы громадныя завоеванія; многимъ людямъ тамъ недостаетъ значительнаго числа благъ и правъ, зато тамъ много великихъ людей привлекаютъ глаза всего свѣта. Тамъ процвѣтаютъ ли-

тература, искусства, наука. Вездѣ, гдѣ человѣчество замѣчаетъ сіяніе этихъ великихъ, прославленныхъ проявленій природы человѣка, вездѣ, гдѣ передъ его глазами создаются эти сокровища высшихъ наслажденій, тамъ человѣкъ признаетъ существованіе цивилизаціи. Итакъ, въ великомъ фактѣ цивилизаціи заключаются два факта; онъ требуетъ двухъ условій и высказывается двумя симптомами: развитіемъ дѣятельности общественной и дѣятельности индивидуальной, прогрессомъ общества и прогрессомъ человѣчности (humanité). Когда люди замѣчаютъ два признака: расширеніе, возвышеніе, улучшеніе внѣшняго быта человѣка, или яркое, величественное проявленіе самыхъ глубокихъ его способностей, то люди встрѣчаютъ эти два признака съ восторгомъ и признаютъ присутствіе цивилизаціи, часто не смотря на значительное несовершенство соціальнаго строя». Давши такой отвѣтъ, Гизо ставитъ вопросъ, довольно-ли одного изъ двухъ найденныхъ элементовъ цивилизаціи для того, чтобы можно было признать ея существованіе? Отвѣтъ дается отрицательный: одинъ видъ прогресса, по теоріи Гизо, вызывается другимъ и, между прочимъ, онъ указываетъ на то, что личное развитіе всегда влечетъ за собою перемѣну и во внѣшнемъ мірѣ, объясняя ее изъ потребности личности перенести свое чувство во внѣшній міръ, осуществить свою мысль внѣ себя. «Лишь это побужденіе,—говоритъ онъ,—вызывало дѣятельность великихъ реформаторовъ. Великіе люди, совершившіе міровые перевороты послѣ того, какъ они совершили переворотъ въ самихъ себѣ, дѣйствовали лишь подъ вліяніемъ этого чувства». Съ другой стороны, онъ указываетъ и на обратное дѣйствіе прогресса соціальнаго—на прогрессъ индивидуальный. Гизо даетъ тутъ уже цѣлую теорію. Противъ частныхъ его положеній могутъ быть сдѣланы возраженія, но общая мысль выражена съ достаточною полнотою. Гизо признаетъ существованіе прогресса умственнаго, нравственнаго и соціальнаго. Подводя главнымъ образомъ итоги подъ прошедшимъ, онъ устанавливаетъ извѣстную мѣрку для оцѣнки этихъ итоговъ. Усилія личности, какъ необходимое условіе прогрессивнаго хода исторіи, имъ также не забыты. Другіе историки эпохи могутъ отличаться отъ Гизо по этимъ вопросамъ только въ деталяхъ: основная идея исторической науки, какъ идею эту понимали современники Гизо, остается та же. Идея эта была усвоена и философами. Одна изъ особенностей новѣйшей философіи заключается въ томъ, что она поняла міръ не какъ неподвижное и неизмѣнное бытіе, но какъ развитіе. Съ научной точки зрѣнія въ объясненіяхъ, дававшихся идеалистическими системами въ первой половинѣ текущаго столѣтія, можно видѣть лишь продукты фантазіи, но для насъ важно только направленіе, въ какомъ эта фантазія работала. Построяя міръ изъ отвлеченныхъ идей, философія думала діалектическимъ

путемъ открыть законъ, по которому совершается исторія, понималась же исторія, какъ осуществленіе нѣкотораго прогрессивнаго плана. Правда, планъ этотъ создавался путемъ чисто апріорныхъ предположеній, и дѣйствительная исторія подгонялась къ заранѣе составленному порядку, но важно именно то, что порядокъ этотъ былъ понятъ, какъ прогрессъ. Характернымъ представителемъ такого историческаго міросозерцанія, какъ извѣстно, былъ Гегель, создавшій въ двадцатыхъ годахъ свою знаменитую «Философію исторіи». Для Гегеля исторія человѣчества есть развитіе всемірнаго духа, познающаго свою сущность, каковая заключается въ свободѣ. Отдѣльнымъ моментамъ этого процесса соотвѣтствуютъ отдѣльные эпохи и народы: въ исторіи господствуетъ разумъ, и идея проходитъ черезъ тезисъ, антитезисъ и синтезисъ. На Востокѣ духъ не сознаетъ своей свободы, подчиняясь деспотизму религіозному и политическому, и свободенъ здѣсь одинъ, права всѣхъ неизвѣстны; въ классическомъ мірѣ духъ уже сознаетъ свою свободу, но подъ извѣстными формами, въ силу чего свободны только нѣкоторые; лишь на третьей ступени своего развитія духъ приходитъ къ сознанію, что свобода и есть его сущность, и свободными дѣлаются всѣ. Разсуждая такимъ образомъ, Гегель ставитъ исторіи идеальную цѣль, которая оказывается и основой движенія, но цѣль эта находится внѣ человѣческаго міра, не будучи собственнымъ идеаломъ людей: это цѣль всемірнаго духа, люди стремятся къ его идеалу безсознательно, играя роль орудій посторонней силы, т.-е. живя, мысля, чувствуя, желая, дѣйствуя не для себя. У человѣка Гегель отрицаетъ даже всякое право жаловаться на судьбу, ибо въ концѣ-концовъ прогрессъ существуетъ не для людей и долженъ разсматриваться не съ человѣческой точки зрѣнія. Это своего рода фатализмъ, связанный съ тѣмъ индифферентизмомъ, которому суждено было впослѣдствіи получить развитіе на новой почвѣ.

Совсѣмъ иначе поняли идею прогресса современные Гегелю соціальные реформаторы. Они предъявили идеалы, имѣющіе содержаніемъ своимъ благо человѣка, и для ихъ достиженія требовали со стороны человѣка усилій. Находясь съ этой стороны въ прямой связи съ писателями XVIII вѣка, они стоятъ въ нѣкоторомъ родствѣ и съ сектантами прежнихъ временъ по нѣкоторой фантастичности своихъ идеаловъ, но, отмѣчая послѣднюю (напр. у Фурье), не слѣдуетъ забывать тѣхъ принциповъ, которые ими защищались, такъ какъ между этими принципами и фантазіями насчетъ будущаго устройства человѣчества нѣтъ прямой логической связи. Подобно историкамъ той эпохи, писатели разсматриваемой категоріи отождествляютъ исторію съ прогрессомъ. Бюше, напримѣръ, написалъ «Введеніе въ науку исторіи или науку о прогрессѣ человѣчества», дѣлая изъ идей прогресса и человѣчества основу

исторической науки. Ту же мысль проводитъ и Леру въ своихъ сочиненіяхъ «О равенствѣ» и «О человѣчествѣ», видя въ прогрессѣ привилегію, дарованную Богомъ нашей природѣ, и заявляя, что «результатъ, цѣль и конечная причина» исторіи заключаются въ общественномъ равенствѣ. Всѣ эти писатели выдвигаютъ на первый планъ прогрессъ соціальный, но если уже Кантъ стоялъ на той же точкѣ зрѣнія, то, имѣя въ виду лишь совершенствованіе политическихъ формъ и юридическихъ нормъ, тогда какъ здѣсь ставился вопросъ главнымъ образомъ объ экономическихъ отношеніяхъ. Изъ представителей этого направленія непосредственное и наиболѣе прочное вліяніе на примѣненіе идеи прогресса къ историческому изображенію оказалъ Сенъ-Симонъ, въ числѣ послѣдователей коего былъ и основатель позитивизма Огюстъ Контъ. Въ своемъ ученіи о прогрессѣ Сенъ-Симонъ первоначально примыкаетъ къ Кондорсэ, т.-е. ставя во главѣ своего пониманія исторіи прогрессъ умственный и говоря, что въ области нашихъ знаній, по сдѣланнымъ успѣхамъ, можно предсказывать такіе же успѣхи и въ будущемъ. Такова основная мысль его «Введенія къ научнымъ трудамъ XIX вѣка» (1807). Съ теченіемъ времени, онъ расширилъ, однако, такое пониманіе, указавъ на прогрессъ нравственный и въ особенности на прогрессъ общественный. Въ «Новомъ христіанствѣ» (1825) онъ примѣняетъ идею прогресса къ религіи и, сводя сущность послѣдней къ морали, говоритъ о томъ, что христіанство учитъ насъ заботиться о бѣднѣйшей части общества. Съ другой стороны, Сенъ-Симону принадлежитъ извѣстная формула соціальнаго прогресса: въ исторіи мы видимъ постепенную смѣну рабства, крѣпостничества и наемничества, а впереди Сенъ-Симону рисовался идеалъ совершенно новой организаціи труда.

Такимъ образомъ, вопросъ о прогрессѣ въ первой половинѣ XIX в. усложняется, и, что возникаютъ разные способы пониманія одной и той же идеи, доказательствомъ этому могутъ служить хотя бы тѣ возраженія, какія въ свое время Фурье дѣлалъ Гизо, а Леру—Жоффруа. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что въ представленныхъ характеристикахъ заключается все существенное, что только писалось о прогрессѣ до середины XIX вѣка. Какъ сказано было выше, во второй половинѣ нашего столѣтія въ теорію прогресса внесены были существенныя измѣненія. Главное изъ нихъ заключалось въ томъ, что идея прогресса замѣнена была понятіемъ эволюціи, а крайнее выраженіе этой замѣны заключалось въ той мысли, что исторія вовсе не есть развитіе добра (или зла) въ человѣческой жизни, будучи только безразличнымъ измѣненіемъ формъ, и что исторія совершается сама собою, вслѣдствіе чего нечего человѣку думать о постановкѣ для нея какихъ-либо цѣлей. На

этой перемѣнѣ во взглядахъ на прогрессъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

VI.

Если не считать шаблонныхъ повтореній старыхъ взглядовъ и не принимать въ расчетъ мелкихъ разногласій, все главное и существенное, что было сказано по вопросу о прогрессѣ во второй половинѣ XIX вѣка, можетъ быть сведено къ тремъ главнымъ направленіямъ— позитивизму, трансформизму и эволюціонизму, съ названіями коихъ тѣсно связаны имена Конта, Дарвина и Спенсера. Правда, «Курсъ положительной философіи» Конта увидѣлъ свѣтъ еще въ первой половинѣ текущаго столѣтія, но эпохой наибольшаго его вліянія нужно считать только третью четверть вѣка, у насъ особенно конецъ шестидесятыхъ годовъ и семидесятые годы. Но это была пора и наибольшаго увлеченія дарвинизмомъ въ примѣненіи къ соціологіи. Равнымъ образомъ, хотя и Спенсеръ выступилъ раньше этого времени со своею синтетическою философіей, однако соціологическія его сочиненія относятся опять-таки къ указанному періоду. Между тремя названными ученіями существуетъ, далѣе, весьма тѣсная связь. На эволюціонизмъ Спенсера мы имѣемъ право смотрѣть, какъ на своего рода продолженіе позивитизма Конта. Оба, притомъ, стремятся дать цѣльное представленіе о мірѣ, исходя изъ нѣкоторыхъ общихъ философскихъ идей, и оба даютъ теорію общества и историческаго процесса, въ основаніе коей кладутъ мысль о необходимости чисто-научнаго изученія соціальныхъ явленій. Дарвинизмъ, будучи только теоріей органическаго міра, оказалъ вліяніе на научные взгляды и за предѣлами своей спеціальности, вліяніе, которое было уже подготовлено ранѣе всего Контомъ, утверждавшимъ, что общественная наука должна основываться непосредственно на біологіи. Наконецъ, во всѣхъ трехъ направленіяхъ идеѣ развитія принадлежитъ весьма видное, если не сказать — первенствующее положеніе. Уже у Конта мы встрѣчаемся съ выраженіемъ «évolution spontanée», а философія Спенсера такъ и прямо называется эволюціонизмомъ, не говоря уже о томъ, что для многихъ эволюціонизмъ и дарвинизмъ суть синонимы. Благодаря связи, установившейся между обществознаніемъ и естествознаніемъ, произошло даже нѣкоторое расширеніе идеи прогресса: измѣнчивость считалась прежде свойственною только дѣламъ человѣческимъ, природа же вообще и въ частности естественныя свойства человѣка признавались неизмѣнными, и это воззрѣніе было теперь поколеблено. Прежде умственный прогрессъ сводили только къ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, теперь явилась мысль о совершенствованіи и самихъ способностей человѣка. Равнымъ образомъ, причину

нравственнаго прогресса усматривали раньше въ томъ вліяніи, какое принадлежитъ въ улучшеніи нравовъ понимаемому въ широкомъ смыслѣ воспитанію, съ новой же точки зрѣнія, стали говорить о томъ, что самые инстинкты человѣка могутъ измѣняться къ лучшему отъ поколѣнія къ поколѣнію, и тоже самое стали принимать по отношенію къ соціальнымъ инстинктамъ, тогда какъ прежде прогрессъ общественный понимался исключительно въ смыслѣ улучшенія формъ политическаго, юридическаго и экономическаго быта. Мало того: признаніе прогресса въ мірѣ животныхъ и растеній,—а такъ и была понята теорія Дарвина,—служило какъ бы лишнимъ аргументомъ въ пользу прогресса историческаго. Прогрессъ, какъ законъ всего сущаго, уже формулировался нѣкоторыми историками, философами и соціальными реформаторами первой половины XIX вѣка, но впервые прочное обоснованіе получилъ онъ въ разсматриваемыхъ условіяхъ. У Конта прогрессъ есть основной законъ человѣческихъ обществъ; по Дарвину, это есть законъ и органическаго міра; для Спенсера во всемъ этомъ нужно видѣть лишь проявленія общаго мірового закона.

Но это была только одна сторона дѣла, было и другое измѣненіе. Начиная съ Тюрго, на дѣло смотрѣли такъ, что человѣкъ, сознавая свое высокое назначеніе, проникается извѣстными идеалами и совершаетъ усилія для ихъ достиженія, результатомъ чего и бываетъ историческій прогрессъ. Въ новыхъ ученіяхъ стала все болѣе и болѣе обрисовываться теорія непроизвольно, самого по себѣ происходящаго процесса. Эту точку зрѣнія мы уже видѣли въ «Философіи исторіи» Гегеля: у него люди только орудія всемірнаго духа, и въ исторіи лишь развивается «идея», какъ бы въ силу особаго, присущаго ей, стремленія. Какъ мы увидимъ, были и другія подобныя воззрѣнія на сущность исторіи, но главнымъ образомъ естествознаніе давало опору для идеи саморазвитія въ смыслѣ такого развитія, которое происходитъ само собою. Уже у Конта мы находимъ такое представленіе совершенно установленнымъ, и онъ даже избѣгаетъ говорить о прогрессѣ, предпочитая этому слову выраженіе—развитіе, причемъ развитіе понимается у него какъ происходящее само собою — évolution spontanée. Тутъ уже исчезаетъ идея усилія личности, такъ что возникаетъ какое-то фаталистическое представленіе о томъ, что въ исторіи человѣчества самъ собою выполняется извѣстный прогрессивный планъ. Вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ изъ исторіи и оцѣнка ея процесса съ точки зрѣнія какихъ-либо идеаловъ. Контъ прямо говоритъ, что въ наукѣ не слѣдуетъ говорить о *совершенствованіи* (perfectionnement), а только о развитіи (développement). Контъ, какъ извѣстно, исходилъ изъ знаменитаго изреченія Лейбница: «le présent est gros de l'avenir», — видя въ каждомъ обще-

ственномъ состояніи «необходимый результатъ предыдущаго и неизбѣжную основу послѣдующаго», и ставя наукѣ задачу «открывать постоянные законы, которые управляютъ этою послѣдовательностью, и совокупность коихъ опредѣляетъ основной ходъ человѣческаго развитія». Съ этой точки зрѣнія онъ устраняетъ, какъ нѣчто праздное, безплодное, вопросъ о человѣческомъ совершенствованіи. «Всю соціальную физику цѣликомъ,—говоритъ онъ,—можно было бы разсматривать, ни разу не употребляя слова *совершенствованіе*, а замѣняя его научнымъ выраженіемъ—*развитіе*, которое обозначаетъ безъ всякой нравственной оцѣнки общій неоспоримый фактъ». При этомъ онъ ссылается на біологовъ и еще разъ указываетъ на необходимость устранить «праздныя и неразумныя контроверсы объ относительномъ достоинствѣ разныхъ общественныхъ состояній, слѣдующихъ одно за другимъ, дабы ограничиться изученіемъ законовъ ихъ дѣйствительной послѣдовательности». Съ идеей совершенства соединена идея блага, и прежде прогрессъ понимался именно въ смыслѣ осуществленія блага, и самъ же Контъ держался, напримѣръ, сенъ-симоновской формулы прогресса соціальнаго, по коей постепенно улучшается судьба народныхъ массъ. Теоретически онъ отказался, однако, отъ права дѣлать оцѣнку разнымъ состояніямъ общества. «Чисто относительный смыслъ (l'esprit essentiellement relatif),—говоритъ Контъ,—въ какомъ отнынѣ должны употребляться всѣ какія бы то ни было понятія положительной политики, долженъ заставить насъ прежде всего устранить отсюда безповоротно, какъ тщетный и праздный вопросъ, пустую метафизическую контроверсу объ увеличеніи человѣческаго счастья въ разныя эпохи цивилизаціи, что само собой выключаетъ изъ вопроса единственную, существенную его часть, относительно которой по-истинѣ невозможно когда бы то ни было достигнуть дѣйствительнаго и прочнаго соглашенія. Такъ какъ счастье каждаго въ отдѣльности требуетъ достаточной гармоніи между совокупностью всего развитія его способностей и цѣлой системой разныхъ обстоятельствъ, проходящей черезъ всю его жизнь, и такъ какъ, съ другой стороны, такое равновѣсіе всегда стремится само собою до извѣстной степени установиться, то по вопросу о личномъ счастьѣ не можетъ быть и мѣста для положительнаго сравненія, ни при помощи непосредственнаго чувства, ни даже путемъ какихъ-либо разсужденій, между общественными положеніями, полное сближеніе коихъ, разумѣется, невозможно: это все равно, такъ сказать, что поставить неразрѣшимый и безсмысленный вопросъ объ относительномъ счастьѣ различныхъ животныхъ организмовъ или обоихъ половъ каждаго вида». Правда, Контъ былъ по этому пункту весьма непослѣдователенъ и, вышедши изъ сенъ-симонистской школы, въ своей «Политикѣ» онъ опять вернулся къ идеѣ

прогресса, занявшись съ особымъ вниманіемъ выработкой формулы прогресса соціальнаго съ оцѣнкою общественныхъ состояній съ точки зрѣнія этой формулы. Поэтому у него проскальзываютъ и старыя мысли. Рекомендуя терминъ «развитіе», какъ неиспорченный неподходящимъ употребленіемъ и какъ указывающій на то, въ чемъ заключается совершенствованіе, онъ тѣмъ не менѣе самъ становится именно на точку зрѣнія прогресса, а не одной эволюціи, такъ какъ самъ не разъ говорилъ о развитіи, какъ совершенствованіи въ смыслѣ улучшеній въ положеніи человѣка или въ самихъ его способностяхъ, причемъ улучшенія обоего рода сводилъ къ доставленію человѣку власти надъ природою, къ смягченію нравовъ и къ лучшему устройству общественной жизни. «Общій результатъ нашего основного развитія, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, заключается не только въ улучшеніи матеріальнаго положенія человѣка въ силу постояннаго расширенія его дѣйствія на внѣшній міръ, но также и особенно въ развитіи, путемъ все болѣе и болѣе усиливающагося упражненія нашихъ самыхъ выдающихся способностей, будетъ ли оно состоять въ безпрерывномъ уменьшеніи господства чисто животныхъ стремленій, или въ усиліи разныхъ общественныхъ инстинктовъ, или же, наконецъ, въ постоянномъ возбужденіи наиболѣе высокихъ отправленій нашего интеллекта и въ само собою происходящемъ увеличеніи привычнаго вліянія разума на поведеніе человѣка». Можно утвердительно сказать, что, только благодаря такимъ колебаніямъ мысли основателя позитивизма и родоначальника новѣйшей соціологической литературы, среди представителей послѣдней, особенно у насъ, и могъ произойти споръ между «субъективистами» и «объективистами».

Спенсеръ былъ гораздо послѣдовательнѣе Конта, хотя въ своей «Соціальной статикѣ» и употреблялъ выраженіе *прогрессъ*, но въ «Основныхъ началахъ» замѣнялъ его словомъ *эволюція*, цѣль которой онъ видитъ въ достиженіи конечнаго предѣла развитія, т.-е. равновѣсія силъ, самый же прогрессъ онъ понимаетъ просто, какъ усложненіе. Аналогичное контовскому разсужденіе мы находимъ у Спенсера и въ «Опытѣ о прогрессѣ», гдѣ прямо указывается на связь ходячаго понятія о прогрессѣ съ конечными причинами, такъ какъ, по мнѣнію Спенсера, для вѣрнаго пониманія прогресса нужно только изслѣдовать природу общественныхъ перемѣнъ, отвлекаясь отъ ихъ отношенія къ нашимъ интересамъ или нашему благополучію. Впрочемъ, взгляды Спенсера на этотъ предметъ такъ хорошо извѣстны въ нашей литературѣ, что нѣтъ никакой надобности настаивать на ихъ строго объективистическомъ характерѣ.

Такое отношеніе къ идеѣ прогресса послѣ Конта и Спенсера сдѣлалось довольно обычнымъ. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, Рибо въ

своемъ сочиненіи о «Наслѣдственности»: «болѣе точный и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе широкій взглядъ приводитъ насъ къ пониманію того, что человѣческій прогрессъ есть только часть общаго прогресса (du progrès total), и къ замѣнѣ этого двусмысленнаго слова (ce mot équivoque) болѣе подходящими терминами эволюціи и развитія. Это измѣненіе имѣетъ громадное значеніе, ибо на мѣсто мнѣнія человѣческаго субъективнаго, гипотетическаго, оно ставитъ космическую, объективную, научную доктрину». Въ другомъ сочиненіи своемъ онъ выражается еще опредѣленнѣе. «Идея,—говоритъ онъ,—которую соединяютъ съ словомъ прогрессъ, не только отличается туманностью, но и является ошибочною. Смѣшиваютъ прогрессъ самъ по себѣ (le progrès en lui même) съ выгодами и полезными слѣдствіями, приносимыми имъ человѣку. Такое отношеніе къ дѣлу принимаетъ тѣнь за самую вещь. Для того, чтобы хорошо понимать, что такое прогрессъ, нужно изслѣдовать, независимо отъ нашего интереса, въ чемъ заключается сущность производящихъ его перемѣнъ».

Это воззрѣніе было усвоено и въ русской литературѣ, въ которой тоже проповѣдовалась необходимость отказаться отъ субъективнаго элемента въ понятіи прогресса. «Въ научномъ смыслѣ,—говорилось и у насъ,—*совершенный* (терминъ, который такъ часто ведетъ къ недоразумѣніямъ, что его лучше было бы совсѣмъ оставить) имѣетъ два значенія: или *лучше приспособленный*, или болѣе сложный, дифференцированный».

Въ этой замѣнѣ идеи прогресса идеей эволюціи мы должны различать двѣ стороны: во-первыхъ, идея прогресса, какъ ее понялъ конецъ XVIII вѣка, имѣла слишкомъ субъективный характеръ, и для того, чтобы идея эта могла получить научное значеніе, т.-е. не быть идеей, не имѣющей ничего общаго съ данными знанія и, быть можетъ, даже имъ противорѣчащей, она должна была сдѣлаться достояніемъ науки, а это не могло произойти безъ перевода ея на почву объективности, но вмѣстѣ съ тѣмъ, во-вторыхъ, совсѣмъ не слѣдовало думать, что при новой постановкѣ вопроса о прогрессѣ, какъ о процессѣ, разсматриваемомъ безотносительно къ человѣческимъ интересамъ, стремленіямъ и идеаламъ, старая точка зрѣнія должна была быть устранена. Такимъ образомъ, замѣна субъективной идеи прогресса объективною идеей эволюціи, съ одной стороны, ставила вопросъ на научную почву, съ другой, его съуживала, и тамъ, гдѣ надлежало бы произойти расширенію и исправленію прежней точки зрѣнія, несомнѣнно, недостаточной и заключавшей въ себѣ источникъ ненаучныхъ увлеченій, получилось въ результатѣ съуженіе и даже искаженіе идеи, весь смыслъ которой заключается въ томъ, что она охватываетъ собою область не только знаній,

но и чаяній человѣка и потому утрачиваетъ свое настоящее значеніе, разъ мы отрываемъ ее отъ нашихъ моральныхъ и соціальныхъ принциповъ и отъ человѣческаго права нашего оцѣнивать съ принципіальной точки зрѣнія явленія современности и исторіи. Такимъ образомъ дѣлая шагъ впередъ въ одномъ направленіи, въ другомъ направленіи эволюціонизмъ дѣлаетъ шагъ назадъ. То, что мы называемъ историческимъ прогрессомъ, стало пониматься, какъ естественный процессъ, имѣющій свои причины, но не знающій цѣли, совершающійся самъ собою безъ всякихъ усилій со стороны человѣка произвести тѣ или другія желательныя измѣненія.

Для многихъ такой результатъ и есть «послѣднее» слово науки, но у науки никогда не бываетъ послѣдняго слова. Перемѣна, происшедшая въ пониманіи прогресса, заставляетъ насъ поставить два вопроса: во-первыхъ, имѣемъ ли мы право вычеркивать изъ исторіи человѣческія усилія, какъ ни къ чему не ведущія попытки измѣнить процессъ, совершавшійся по законамъ развитія, а во-вторыхъ, имѣемъ ли мы право устранять изъ разсмотрѣнія этого процесса субъективную оцѣнку? Отвѣтамъ на эти два вопроса мы посвятили весь третій томъ [1]) и вторую половину перваго тома нашихъ «Основныхъ вопросовъ философіи исторіи».

VII.

Главнымъ представителемъ идеи саморазвитія (évolution spontanée) въ области исторіи является Спенсеръ: культурная и соціальная эволюція совершается сама собою; человѣку нечего въ нее вмѣшиваться; нужно держаться относительно нея правила laisser passer; неразумно предъявлять ей какія-либо требованія, создавать идеалы и подчинять ее своимъ стремленіямъ. Критики Спенсера очень мало обращали вниманія на эту сторону его ученія. Первымъ ея антагонистомъ явился Лестеръ Уордъ, авторъ «Динамической соціологіи», который, признавая въ соціальной эволюціи генетическую и телеологическую стороны (по категоріямъ причины и цѣли), совершенно вѣрно говоритъ о философіи Спенсера, какъ о системѣ, игнорирующей то, что самъ онъ называетъ теологическимъ (или антропо-теологическимъ) прогрессомъ общества. «Онъ,—замѣчаетъ Уордъ,—считаетъ своимъ дѣломъ изслѣдовать явленія общества, законы, стремящіеся сохранить его отъ разрушенія и дѣйствующіе на его видоизмѣненія. Для этого онъ сравниваетъ соціальный организмъ съ животнымъ и упорно держится этой аналогіи. Его уклоненіе отъ идеи вмѣшательства человѣка въ естественный ходъ

---

[1]) Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Спб. 1890 г.

вещей не есть результатъ невозможности для него понять эту идею. Она постоянно появляется на пути его разсужденія, и онъ употребляетъ всю свою діалектическую ловкость, чтобы изгнать ее съ этого запрещеннаго имъ пути».

Былъ ли, однако, Спенсеръ родоначальникомъ этого ученія? Далеко нѣтъ. Вспомнимъ не только évolution spontanée Конта, но и другія, еще болѣе раннія воззрѣнія подобнаго же характера. Уже Кантъ видѣлъ въ прогрессѣ осуществленіе плана природы произвести между людьми совершенныя формы общественнаго устройства, и одной изъ любимыхъ темъ нѣмецкой метафизики первой половины XIX вѣка было связать внутреннее содержаніе исторіи человѣчества съ міровымъ процессомъ, мыслимымъ, какъ развитіе. Съ этой точки зрѣнія прогрессъ является историческимъ закономъ въ смыслѣ историческаго рока, имѣющаго свои сокровенныя цѣли и ихъ осуществляющаго помимо людскихъ усилій, даже вопреки этимъ усиліямъ или употребляющаго отдѣльныя личности, какъ свои орудія въ выполненіи означенныхъ своихъ задачъ. Быть можетъ, нигдѣ до такой степени эта мысль не была ясно выражена, какъ въ «Философіи исторіи» Гегеля; по его мнѣнію, уже въ первыхъ слѣдахъ духа заключается вся исторія, какъ все дерево заключается уже въ зернѣ; люди—только орудія саморазвивающагося въ исторіи духа и Гегель удивляется даже «хитрости разума» (Die List der Vernunft), съ какою люди заставляются осуществлять отдѣльныя части общаго плана исторіи. Съ начала нынѣшняго столѣтія стали приходить къ аналогичному взгляду на сущность историческаго процесса и въ отдѣльныхъ наукахъ. На вопросъ о томъ, какъ измѣняются и улучшаются культурные и соціальные факты, XVIII вѣкъ отвѣчалъ въ томъ смыслѣ, что человѣкъ создаетъ идеалы лучшаго и сознательно измѣняетъ сообразно съ ними свою обстановку, и въ этомъ воззрѣніи заключалось оправданіе той безпощадной ломки, которой подверглась общественная жизнь въ концѣ этого вѣка. Но подъ вопросомъ объ измѣненіи и улучшеніи скрывался вопросъ о происхожденіи. Въ XVIII вѣкѣ общимъ мнѣніемъ было то, что человѣкъ сознательно и искусственно создалъ, изобрѣлъ и языкъ, и религію, и право, и государство. Такое представленіе стало отвергаться на рубежѣ двухъ столѣтій, и на то, на что раньше смотрѣли какъ на продукты сознательнаго творчества, стали смотрѣть какъ на результаты чисто-естественныхъ процессовъ. Языка, напримѣръ, не могли изобрѣсти нѣмые потому, что какъ бы они могли условиться между собою относительно значенія словъ и грамматическихъ формъ? Языкъ возникъ чисто-естественнымъ путемъ и его развитіе сравнивалось съ развитіемъ организма. И историческая школа въ юриспруденціи учила, что право не было создано отдѣльными законо-

дателями, а явилось какъ продуктъ народнаго духа, развившійся изъ него чисто органически и въ этомъ отношеніи подобный языку; право развивается такъ же, какъ растетъ трава. Подобныя воззрѣнія прочно утвердились въ лингвистикѣ и юриспруденціи. На ихъ основаніи Максъ Мюллеръ объявлялъ, что наука о языкѣ относится къ области естествознанія, а Шлейхеръ утверждалъ, что теорію Дарвина объ измѣняемости естественныхъ организмовъ можно цѣликомъ перенести на организмъ языка. Въ области научнаго изученія права историческая школа съ ея теоріей объ «естественномъ ростѣ» (Naturwüchsigkeit) господствовала почти безраздѣльно до очень недавняго времени. Въ томъ же духѣ— и это особенно важно — измѣнилась и общая идея объ обществѣ. Теорія договора и сознательнаго творчества учрежденій, главнымъ представителемъ которой въ XVIII вѣкѣ былъ Руссо, была оставлена и ранѣе всего по причинамъ практическаго свойства: писатели реакціонной школы напали на это ученіе, полагая, что оно было источникомъ революціи, ибо оно, по ихъ мнѣнію, устанавливало самое неограниченное право людей передѣлывать свои учрежденія. И вотъ этой доктринѣ противополагается другая: не человѣкъ создалъ общество и не ему его измѣнять. Жозефъ де-Мэстръ одинъ изъ первыхъ сталъ на эту точку зрѣнія и высказывалъ ту мысль, что общество есть организмъ и что исторія совершается, какъ органическое развитіе. «Политическія тѣла,— говоритъ онъ, родятся, развиваются и умираютъ буквально, какъ живыя тѣла... Произведеніе природы, т.-е. Бога, оно (общество) почти всегда даетъ ростокъ и развивается такъ же незамѣтно, какъ растеніе, вслѣдствіе взаимодѣйствія безчисленнаго множества условій, которыя мы называемъ случайными... Всякая такъ называемая конституція есть твореніе въ полномъ смыслѣ этого слова, а твореніе превышаетъ силы человѣка» и т. д. Очень можетъ быть, что Контъ, тоже враждебно относившійся, хотя и съ другой точки зрѣнія, къ «метафизикѣ» XVIII вѣка, и по книгѣ «О папѣ» составившій свое представленіе о католицизмѣ, заимствовалъ свой взглядъ на общественный организмъ изъ этого источника. Другой реакціонный писатель той же эпохи, Людвигъ Галлеръ, самъ обозначилъ «настоящія основы своей теоріи» такимъ образомъ: «пресловутый выходъ изъ естественнаго состоянія и составленіе общественнаго договора, будемъ ли мы смотрѣть на него, какъ на фактъ, какъ на гипотезу или какъ на идеалъ,—во всякомъ случаѣ есть ложная, невозможная и противорѣчивая химера. Напротивъ, природа, путемъ неодинаковости естественныхъ потребностей и средствъ, вырабатываетъ тѣ разнообразныя общественныя отношенія между людьми, которыя мы наблюдаемъ въ нашей ежедневной практикѣ». Эти писатели, защищая традиціи прошлаго, стали ссылаться на историческую

преемственность, которой въ первой половинѣ XIX вѣка не рѣшались отвергать и упоминавшіеся выше соціальные реформаторы. Извѣстно, кромѣ того, что и въ нѣмецкой наукѣ государственнаго права возникла въ нашемъ вѣкѣ и значительно развилась такъ называемая органическая школа (die organische Staatslehre). Къ этимъ воззрѣніямъ уже совсѣмъ на нашихъ глазахъ привилось новое біологическое представленіе, по которому каждый естественный организмъ есть своего рода общество, состоящее изъ болѣе элементарныхъ организмовъ, такъ называемыхъ біоновъ. Новѣйшая соціологія, въ лицѣ Спенсера, Шэффле и Лиліенфельда, и положила въ основу своихъ взглядовъ на человѣческое общество и его исторію эту аналогію между обществомъ, какъ организмомъ, и организмомъ, какъ обществомъ.

Органическій взглядъ на общество былъ объявленъ даже за одно изъ главныхъ научныхъ пріобрѣтеній XIX вѣка въ его отличіе отъ XVIII столѣтія, въ которомъ господствовало воззрѣніе «механическое». Жозефъ де-Мэстръ въ политикѣ, Савиньи въ юриспруденціи, Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ въ лингвистикѣ, стоятъ уже на той точкѣ зрѣнія, на которую становятся въ философіи исторіи и Гегель, и Контъ и которую развиваетъ въ своей соціологіи Спенсеръ, — все люди, столь несходные между собою въ разныхъ другихъ отношеніяхъ. Органическое развитіе всегда подчинено извѣстнымъ законамъ, такъ что организмы одного и того же вида всегда развиваются одинаково: по аналогіи одинаково должны были бы развиваться языки, правовыя отношенія и политическія учрежденія разныхъ народовъ, точка зрѣнія и лежащая въ основѣ такъ называемаго сравнительнаго изученія культурныхъ и соціальныхъ фактовъ. Если однако существуютъ здѣсь общіе законы, роковымъ образомъ производящіе историческія перемѣны, то человѣку отъ себя тутъ дѣлать нечего, и усилія его безплодны. Въ сущности такъ учатъ Жозефъ де-Мэстръ и Савиньи, и совершенно такъ же учатъ Гегель и Спенсеръ. Логическій выводъ отсюда тотъ, что съ человѣческой точки зрѣнія нѣтъ смысла оцѣнивать исторію. Въ судѣ надъ нею реакціонная школа видѣла дерзкое мудрованіе человѣка надъ тѣмъ, что создано Богомъ; по Гегелю только поверхностные умы могутъ обращать вниманіе на видимость вещей, за которою скрывается процессъ, не подлежащій человѣческой оцѣнкѣ; а Спенсеръ не разъ даетъ понять, что смѣшны усилія остановить или измѣнить естественный ходъ вещей. Урокъ отсюда одинъ—смириться, не думать о томъ, чтобы по своему передѣлывать дѣйствительность, но на такомъ результатѣ можетъ успокоиться лишь тотъ, кто вполнѣ доволенъ дѣйствительностью, у кого есть своего рода оптимистическій фатализмъ. Когда все вокругъ располагаетъ къ пессимизму, послѣдній можетъ еще смягчаться надеждой на

лучшее будущее, но если говорятъ, что ты не смѣешь, ты не долженъ, ты не можешь улучшить дѣйствительности, идея прогресса превращается въ простую иллюзію. Такимъ образомъ современный эволюціонизмъ, давая вполнѣ научную основу для идеи прогресса, т.-е. такую основу, коей были лишены болѣе раннія теоріи, въ то же время сталъ отнимать у идеи то значеніе, какое она имѣла для нравственнаго міра человѣка. Въ сочиненіи Спенсера «The man versus the state» критики обратили главное вниманіе на заключающійся въ немъ протестъ противъ государственнаго вмѣшательства въ индивидуальную жизнь, на защиту доктрины, по которой такое вмѣшательство должно быть по возможности ограничено, но въ сущности Спенсеръ высказывается противъ какого бы то ни было человѣческаго вмѣшательства въ естественный ходъ вещей. И это весьма послѣдовательно, разъ къ дѣламъ человѣческимъ примѣняется принципъ безличной эволюціи: если люди не могутъ измѣнять ея естественнаго процесса и потому должны оставить всякую мысль о вмѣшательствѣ въ этотъ процессъ, то не иначе должна поступать въ этомъ отношеніи и государственная власть. Трудно сказать, куда завела бы насъ логика, разъ мы стали бы на такую точку зрѣнія. И между тѣмъ нельзя не дорожить общими воззрѣніями эволюціонизма, ибо въ другихъ отношеніяхъ, благодаря новому ученію, старый взглядъ на прогрессъ пріобрѣлъ много новыхъ существенно важныхъ чертъ. Во-первыхъ, эволюціонизмъ связалъ міръ исторіи съ міромъ природы: сначала въ исторіи видѣли нѣчто неподвижное, а когда обнаружили, что сущность исторіи есть движеніе, то въ этомъ увидѣли какое-то исключеніе, продолжая считать природу неизмѣнною, тогда какъ новый взглядъ установилъ, что измѣненіе есть общее правило и что измѣненіе совершается вообще отъ низшаго къ высшему, хотя бы послѣднее было только болѣе сложнымъ, чѣмъ первое. Во-вторыхъ, историческій прогрессъ полагался прежде въ однѣхъ внѣшнихъ перемѣнахъ и только новое біологическое ученіе поставило вопросъ объ измѣненіи и внутреннихъ качествъ человѣка. Въ-третьихъ, для выработки научной теоріи прогресса, эволюціонизмъ далъ весьма многое и прежде всего извѣстныя общія понятія, безъ коихъ трудно было бы понять нѣкоторыя стороны историческаго процесса. Принимая, однако, основныя научныя понятія эволюціонизма, ихъ слѣдуетъ дополнить идеями философскими. Наука, какъ наука, права въ своей постановкѣ вопроса объ эволюціи, но, кромѣ науки, есть еще философія, и до тѣхъ поръ, пока она будетъ существовать и пока пессимизмъ не уничтожитъ всѣхъ жизненныхъ инстинктовъ человѣка, рядомъ съ понятіемъ эволюціи будетъ существовать идея прогресса и никакими доводами нельзя будетъ заставить человѣка превратиться въ простого созерцателя эволюціи.

Вопросъ о роли личности въ исторіи есть вопросъ весьма сложный, и главная его трудность заключается въ томъ, какъ примирить съ болѣе или менѣе несомнѣнными научными положеніями эволюціонизма постановку человѣкомъ тѣхъ или другихъ цѣлей, стремленіе къ нимъ, дѣятельность во имя этихъ цѣлей и ихъ достиженіе человѣкомъ. Здѣсь не мѣсто, впрочемъ, распространяться на эту тему, но мы будемъ весьма близки къ вопросу и правильному его рѣшенію, если опредѣлимъ, въ какихъ отношеніяхъ должна находиться идея прогресса къ понятію эволюціи.

Въ опредѣленіи того, что такое эволюція, наука, конечно, въ общемъ права, но, сказали мы, рядомъ съ наукой существуетъ еще и философія. Обѣ онѣ стремятся къ знанію, но отъ знанія можно требовать разныхъ вещей. Прежде всего мы хотимъ, чтобы оно было точно, но мы хотимъ также, чтобы оно было еще полно, стройно и цѣльно. Точность есть соотвѣтствіе истинъ науки съ дѣйствительностью, и чѣмъ наука точнѣе, тѣмъ болѣе мы ей довѣряемъ. Но дѣйствительность дана намъ только въ опытѣ: она есть или прошедшая, или настоящая, для будущаго точныя предсказанія рѣдки и условны; существуетъ только одна бóльшая или меньшая вѣроятность. Какъ о дѣйствительныхъ предметахъ мы создаемъ научныя понятія, такъ о вѣроятномъ, возможномъ и должномъ мы создаемъ идеи, и для многихъ вещей научныя понятія, соотвѣтствующія наличной дѣйствительности, не будутъ полны, если не будетъ ставиться вопросъ, какими могутъ быть и должны были бы быть эти вещи. Съ другой стороны, соединяя понятія такъ, какъ соединены въ дѣйствительности обозначаемые ими предметы, мы бы хотѣли еще, чтобы соединеніе это было стройно, логически послѣдовательно, чтобы оно было системой идей, коей ничто дѣйствительное можетъ и не соотвѣтствовать, но которое удовлетворяетъ извѣстные запросы нашего духа. Мы хотимъ, наконецъ, чтобы въ системѣ этой было единство, немыслимое безъ одной основной идеи, охватывающей собою то, что есть, и должно быть, словомъ, немыслимое безъ идеала. Но, когда идеалъ поставленъ, весьма естественно стремленіе къ его осуществленію: если мы вообще можемъ достигать нами самимъ себѣ поставленныхъ цѣлей, у насъ является увѣренность, что и идеалы наши осуществимы. Если не мы увидимъ ихъ осуществленіе, то мы все-таки подготовимъ это для другихъ, видя своего рода ручательство въ томъ, что многое въ наличной дѣйствительности прежде было идеаломъ. Мы видѣли уже, что таково психологическое происхожденіе вѣры въ прогрессъ, но оно находитъ подкрѣпленіе и въ подведеніи общихъ итоговъ подъ массою историческихъ наблюденій.

Что же говоритъ намъ ученіе объ эволюціи? Уча насъ тому, что изъ ничего ничего и не выходитъ (ex nihilo nihil fit) и что естественный

ходъ вещей не допускаетъ скачковъ (natura non facit saltus), эволюціонизмъ заставляетъ насъ считаться съ наличнымъ матеріаломъ и не требовать практически невозможнаго. Признавая эволюцію, какъ она есть, мы не можемъ, однако, не подходить къ ней съ извѣстнаго рода требованіями относительно того, какова она должна быть: вѣдь и во внѣшней природѣ признается рядомъ съ дѣйствіемъ «естественнаго подбора» «подборъ искусственный».

Мы бы и сказали, что прогрессъ есть такая эволюція, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ нашему идеалу, и настоящая философія прогресса должна быть синтезомъ вѣры въ прогрессъ и знаніе законовъ эволюціи.

VIII.

Взглянемъ теперь на пройденный путь, чтобы яснѣе была видна основная нить этого разсужденія о психологическомъ и историческомъ происхожденіи идеи прогресса, и чтобы рельефнѣе представился намъ ходъ историческаго развитія этой идеи, который самъ былъ прогрессивенъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ заключительномъ обзорѣ могутъ быть сдѣланы дополненія въ видѣ новыхъ фактовъ и новыхъ соображеній. Говоря о психологическомъ происхожденіи идеи прогресса, мы нашли, что у нея было два источника—наблюденія надъ дѣйствительностью и чаянія лучшаго будущаго. Мы видѣли, что раньше всего идея эта вытекала изъ извѣстной суммы наблюденій, и что она явилась уже въ античномъ мірѣ, хотя и ограничивалась одною умственною сферою. Изъ всѣхъ видовъ прогресса умственный наименѣе подвергался сомнѣнію: о немъ говорятъ философы и ученые древности, отцы церкви и сектанты, схоластики и гуманисты и цѣлая масса писателей XVIII и XIX вѣковъ Мало того: успѣхи человѣческаго ума, будучи непререкаемымъ фактомъ дѣйствительности, стали разсматриваться, какъ источникъ прогресса, понимаемаго и въ идеальномъ смыслѣ. Умственному прогрессу приписывали первенство и Гегель, видѣвшій сущность исторіи въ развитіи самосознанія, и Контъ, учившій, что основной процессъ исторіи заключается въ смѣнѣ міросозерцаній, и особенно Бокль, утверждавшій, что прогрессъ зависитъ отъ совершенствованія и распространенія знаній. Къ чему же сводится утственный прогрессъ? Отъ древнихъ философовъ до новѣйшихъ ученыхъ всѣ согласны въ томъ, что онъ сводится къ расширенію и углубленію знаній, къ выработкѣ болѣе правильныхъ понятій, къ увеличенію власти надъ природой. Контъ думалъ, что прогрессъ міросозерцанія, какъ онъ его понималъ, есть une évolution spontanée, но такъ ли это? Не открывалъ ли міръ свои тайны лишь тому, кто ихъ допытывался, стремясь къ истинѣ и власти надъ природой? На достиженіе этой цѣли не было ли потрачено мно-

жество благородныхъ усилій? Не было ли здѣсь постоянной борьбы? Не происходило ли скорѣе это добываніе истины и завоеваніе природы вопреки безсознательной эволюціи мысли, создававшей миѳы и практику суевѣрія? Не требовалась ли здѣсь, въ этомъ дѣлѣ разрушенія продуктовъ безсознательнаго творчества, личная мысль, личная работа? Разныхъ отвѣтовъ на эти вопросы быть не можетъ, но единственно возможные здѣсь отвѣты необходимо заключаютъ въ себѣ опроверженіе той мысли, будто умственный прогрессъ совершался самъ собою и былъ безразличной эволюціей: личныхъ усилій въ этомъ дѣлѣ нельзя никакъ отрицать; цѣли, ради коей они совершались, отнюдь не могутъ считаться недостигнутыми; въ томъ, что приносилъ съ собою прогрессъ умственный, нельзя не видѣть улучшенія нашего духовнаго существа и нашего положенія въ мірѣ.

Съ прогрессомъ нравственнымъ дѣло, къ сожалѣнію, не такъ ясно. Мы видѣли, что въ античномъ мірѣ даже думали, будто умственный прогрессъ необходимо сопровождается регрессомъ моральнымъ. Правда, тутъ дѣйствовала идеализація добраго стараго времени, разложеніе котораго слишкомъ бросалось въ глаза, но главное то, что у этого міра впереди не было идеала. Чтобы повѣрить въ умственный прогрессъ, нужно самому его на себѣ испытать, проникшись идеаломъ истины. То же самое нужно было и для вѣры въ прогрессъ нравственный. Нѣтъ поэтому ничего мудренаго въ томъ, что при исключительномъ вниманіи къ умственной сферѣ моральный прогрессъ или игнорировался, или отрицался: такъ было въ новое время до средины XVIII вѣка, то же самое на нашей памяти случилось съ Боклемъ, который отнесся отрицательно къ идеѣ прогресса моральнаго. Какъ же возникла эта идея? Она возникла на почвѣ идеала, какъ движущей силы, какъ требованія со стороны человѣка извѣстныхъ усилій. Совершилось это впервые въ моральномъ идеализмѣ христіанства, а въ XVIII вѣкѣ повторилось на почвѣ философскаго просвѣщенія. Древнія религіи были неспособны породить идею прогресса моральнаго: въ основѣ ихъ лежалъ натурализмъ, и когда къ богамъ язычества подходили съ моральными требованіями, тѣмъ самымъ этихъ боговъ разрушали, ибо, какъ сказано было уже въ древней Греціи, «если боги дѣлаютъ что-либо постыдное—они не суть боги». Съ другой стороны, античная философія лишена была идеи развитія: міръ Платона есть копія съ идеальнаго міра, который остается неподвижнымъ, а нео-платоническая эманація была не прогрессомъ, а регрессомъ. Христіанство явилось, какъ моральное обновленіе міра съ вѣрою въ нравственный прогрессъ. Усвоивъ себѣ античныя воззрѣнія на успѣхи человѣческаго ума, писатели этой эпохи создали два разныя представленія о прогрессѣ: одно ограничивалось толь-

ю внутреннимъ міромъ человѣка, другое—соединено было съ мечтаніями о наступленіи царства Божія на землѣ съ новыми общественными порядками. Прогрессъ соціальный разсматривался, какъ естественное и необходимое требованіе моральнаго идеала.

Ясно и безъ хиліастическихъ мечтаній вопросъ о прогрессѣ соціальномъ былъ поставленъ въ философіи XVIII вѣка. Впервые заговорилъ о немъ Кантъ, а въ XIX вѣкѣ эта идея дѣлается очень популярной, получая весьма разнообразныя выраженія. Сенъ-Симонъ создаетъ формулу прогресса въ экономическомъ положеніи трудящихся классовъ общества. Контъ, а за нимъ и Спенсеръ говорятъ о замѣнѣ военнаго строя общества строемъ промышленнымъ. Въ историческомъ міросозерцаніи Гегеля «свободѣ всѣхъ», какъ конечному идеалу исторіи, отведено почетное мѣсто. Идеализмъ общественный, подобно идеализму нравственному, ставитъ человѣку извѣстныя цѣли, а элементарныя наблюденія указываютъ на то, что цѣли, какія себѣ ставитъ человѣкъ, могутъ быть достижимы. Развѣ могли бы произойти тѣ или другія общественныя перемѣны, если бы человѣкъ не задавался тѣми или другими цѣлями и не боролся для ихъ осуществленія? Идея безразличной и безличной эволюціи и тутъ неприложима. Большее знаніе и лучшее пониманіе даютъ человѣку власть надъ слѣпыми силами природы: силы, дѣйствующія въ исторіи, перестаютъ сами быть слѣпыми, когда мы достигаемъ большаго ихъ знанія и лучшаго пониманія, которыя не могутъ же заключаться въ отрицаніи того, что силы эти суть человѣческія стремленія и дѣятельности. И если мертвая природа подчиняется человѣку, то неужели отъ его воздѣйствія совершенно свободно общество, въ коемъ онъ самъ живетъ?

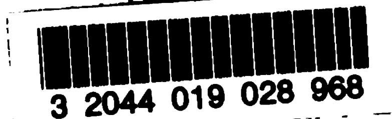
И такъ, въ началѣ исторіи идеи прогресса мы видимъ отрывочныя наблюденія и чаянія сердца. Но противъ отрывочныхъ наблюденій, говорящихъ одно, всегда можно выдвинуть другія такія же наблюденія, которыя говорятъ о противномъ. Рѣшить вопросъ о томъ, гдѣ правда, призвана исторія. И чаянія сердца окажутся неосновательными, если имъ въ дѣйствительности ничего не соотвѣтствуетъ, въ силу чего на долю исторіи выпадаетъ задача провѣрить на прошлой дѣйствительности ту теорію, по которой человѣчество постоянно прогрессируетъ, прошлое же есть гарантія будущаго. Впрочемъ, если бы все дѣло было въ однихъ итогахъ подъ наблюденіями, весь вопросъ о прогрессѣ рѣшался бы просто; имѣя и иной источникъ, идея прогресса можетъ быть только убѣжденіемъ, которое не доказывается, какъ математическая аксіома; ее можно отнести, поскольку у нея есть другой источникъ, къ числу аксіомъ, но не тѣхъ, которыя существуютъ въ одномъ только умѣ, не задѣвая и нравственной сферы человѣка, ибо это—аксіома моральная.

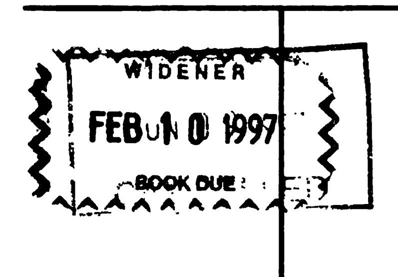
Списокъ историко-философскихъ и соціологическихъ статей автора *).

1. Наука о человѣчествѣ въ настоящемъ и будущемъ. *Знаніе.* 1875.
2. Миѳическое міросозерцаніе и положительная философія. *Знаніе.* 1876.
3. Философія исторіи и теорія прогресса. *Знаніе.* 1876.
4. Расы и національности съ психологической точки зрѣнія. *Филологическія Записки.* 1876.
5. Формула прогресса въ изученіи исторіи. *Варшавскія Университетскія Извѣстія.* 1879.
6. Нѣчто объ историческомъ методѣ г. Чичерина. *Критическое Обозрѣніе.* 1879.
*7. О субъективизмѣ въ соціологіи. *Юридическій Вѣстникъ.* 1880.
8. Замѣтка объ обществахъ животныхъ. *Юридическій Вѣстникъ.* 1882.
*9. Общество и организмъ. *Юридическій Вѣстникъ.* 1883.
10. Судъ надъ исторіей. *Русская Мысль.* 1884.
11. О современномъ значеніи философіи исторіи. *Варшавскія Университетскія Извѣстія.* 1884.
12. О случайности въ жизни и исторіи. *Дѣло.* 1884.
13. Къ вопросу о роли субъективнаго элемента въ соціологіи. *Юридическій Вѣстникъ.* 1884.
14. Соціологія и соціальная этика. *Юридическій Вѣстникъ.* 1884.
15. Идея всеобщей исторіи. *Русское Богатство.* 1885.
16. Чѣмъ должна быть теорія прогресса? *Русское Богатство.* 1886.
17. Историческая философія въ «Войнѣ и Мирѣ». *Вѣстникъ Европы.* 1887.
18. Ариѳметика въ исторіи. *Русское Богатство.* 1887.
19. Теорія культурно-историческихъ типовъ. *Русская Мысль.* 1889.
20. Два взгляда на процессъ правообразованія. *Юридическій Вѣстникъ.* 1889.
21. Личное начало и роковыя силы въ исторіи. *Русское Богатство.* 1889.
*22. Разработка теоретическихъ вопросовъ исторической науки. *Русская Мысль.* 1890.
23. Юриспруденція и теорія историческаго процесса. *Юридическій Вѣстникъ.* 1890.
*24. Къ вопросу о свободѣ воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса *Вопросы философіи и психологіи.* 1890.
25. Новая историческая теорія. *Сѣверный Вѣстникъ.* 1890.
*26. Философія, исторія и теорія прогресса. *Историческое Обозрѣніе.* 1891.
27. Политическая экономія и теорія историческаго процесса. *Историческое Обозрѣніе.* 1891.
28. Экономическое направленіе въ исторіи. *Юридическій Вѣстникъ.* 1891.
*29. Всеобщая исторія въ университетѣ. *Историческое Обозрѣніе.* 1891.
30. Источники историческихъ перемѣнъ. *Русское Богатство.* 1892.
31. Замѣтки объ экономическомъ направленіи въ исторіи. *Историческое Обозрѣніе.* 1892.
32. По поводу новой формулировки «матеріальной» исторіи. *Историческое Обозрѣніе.* 1892.
*33. Объ общемъ значеніи историческаго образованія. *Историческое Обозрѣніе.* 1893.
34. Новая попытка экономическаго обоснованія исторіи. *Русское Богатство.* 1894.
*35. Экономическій матеріализмъ въ исторіи. *Вѣстникъ Европы.* 1894.
36. Идея прогресса въ ея историческомъ развитіи. *Сѣверный Вѣстникъ.* 1891.

---

*) Звѣздочкой обозначены статьи. вошедшія въ настоящее изданіе. Въ этотъ списокъ не вошли нѣкоторыя статьи, вызванныя полемикой объ «Основныхъ вопросахъ философіи исторіи».

3 2044 019 028 968

WIDENER
FEB 10 1997
BOOK DUE

